

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2024

№ 82

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сигэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviev A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г., Ладов В.А. Скрытые индексикалы и их значение для теории аскриптивности языка	5
Аргамакова А.А. Номинализм и реализм в отношении естественных видов	13
Головко Н.В. Когерентизм Л. Бонжура, интернализм и эпистемическое отношение укоренения	30
Масланов Е.В. Научные классификаторы и научная политика	44
Мухаметшина И.И. Логика для кросс-мировой предикации на основе <i>D</i> , <i>T</i> , <i>S4</i> и <i>S5</i>	55
Петрова А.В. Логическая честность: интеграция логики и этики в эпистемологии	68
Родин К.А. Невыразимость формальных свойств и проблема следования правилу	76

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Загирняк М.Ю. Народ и нация в философии права Б.А. Кистяковского	89
Стрельцов А.М. Сократическая проблематика в творчестве И.Г. Гамана	98
Ryabchinskiy N.V. Exploring Fyodor Dostoevsky's existential thought through the problem of the other	107

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Аверков М.С., Попов А.А., Шалашова М.М. Дидактика обучения взрослых: логические основания построения системы	119
Московец С.А., Овсянникова Ю.Н. Культура отмены как форма социального наказания: к вопросу о новизне феномена	140
Углинская Н.А. Концепт «русская душа» как личностный модус русского менталитета: основные стратегии исследования	150

СОЦИОЛОГИЯ

Ермолаева Ю.В. Типология когнитивных искажений и их влияние на проэкологическое поведение	160
Калинич В.С. Динамика структуры социальной активности российской молодёжи в 2022–2024 гг.	173
Сукушина Е.В., Мариненко Е.С., Вялова В.П. Особенности представления инвалидности в научном дискурсе: опыт практического исследования	183

ПОЛИТОЛОГИЯ

Данков А.Г. Русский язык в образовательном пространстве Центральной Азии: возможности для экспорта российского образования	199
Зеленева И.В., Ледовская А.А. Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: геополитические риски и факторы дестабилизации	211
Kotsur G.V. Aestheticization of politics: The puzzling structure of the visual culture of contemporary environmental movement	222
Шишкина А.Р., Файн Е.Д. Национальная безопасность и Индустрия 4.0: интернет-балканизация и цифровые границы	233

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Город: между миграцией и оседлостью

Касавин И.Т. Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов	245
Костина А.О. Миграция: от прямого к косвенному космополитизму	257
Кузьмин В.Д., Козлова Ю.В. Городские сообщества в дискурсе миграции и оседлости (на примере соседства)	265
Савченко И.А. Миграционная эпистемология: дискурсы дальнего странствия и городской обыденности	274
Сахарова А.В. Миграция: границы метафоры и проблема эпистемической несправедливости	283
Касавин И.Т. Границы миграции. Ответ оппонентам	291

Семиотический оптимум: как его обнаружить и применить?

Горбулёва М.С. Семиотический оптимум и цвет: контекстуальные вызовы в образовательных технологиях	297
Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: новый концепт для мысленных экспериментов с информацией	302
Первушина Н.А. Педагогическая биоэтика: область применения «семиотического оптимума» в условиях цифровизации образования	316

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G., Ladov V.A. Hidden indexicals and their significance for the theory of language ascriptivity.....	5
Argamakova A.A. Nominalism and realism in relation to natural kinds.....	13
Golovko N.V. Laurence Bonjour's coherentism, internalism and epistemic basing relation.....	30
Maslanov E.V. Scientific classifiers and scientific policy.....	44
Mukhametshina I.I. Logics for cross-world predication based on <i>D</i> , <i>T</i> , <i>S4</i> and <i>S5</i>	55
Petrova A.V. Logical honesty: the integration of logic and ethics in epistemology.....	68
Rodin K.A. Inexpressibility of formal properties and the rule-following problem.....	76

HISTORY OF PHILOSOPHY

Zagirnyak M.Yu. People and nation in Bogdan Kistyakovski's philosophy of law.....	89
Streltsov A.M. Socratic problematics in Johann Georg Hamann's works.....	98
Ryabchinskiy N.V. Exploring Fyodor Dostoevsky's existential thought through the problem of the other.....	107

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Averkov M.S., Popov A.A., Shalashova M.M. Didactics of adult education: The logical foundations of building a system.....	119
Moskovets S.A., Ovsyannikova Yu.N. Cancel culture as a form of social punishment: On the novelty of the phenomenon.....	140
Uglinskaya N.A. The concept "Russian soul" as a personal modus of Russian mentality: Main research strategies.....	150

SOCIOLOGY

Ermolaeva Yu.V. Typology of cognitive biases and their impact on pro-ecological behaviour.....	160
Kalinich V.S. Dynamics of the structure of Russian youth's social activity in 2022–2024.....	173
Sukhushina E.V., Marinenko E.S., Vyalova V.P. Features of disability representation in scientific discourse: Practical research experience.....	183

POLITICAL SCIENCE

Dankov A.G. Russian language in the educational space of Central Asia: Opportunities for exporting Russian education.....	199
Zeleneva I.V., Ledovskaya A.A. The UK's Indo-Pacific strategy: Geopolitical risks and destabilizing factors.....	211
Kotsur G.V. Aestheticization of politics: The puzzling structure of the visual culture of contemporary environmental movement.....	222
Shishkina A.R., Fain E.D. National security and Industry 4.0: Internet balkanization and digital borders.....	233

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

The city: between migration and sedentism

Kasavin I.T. The city between migration and settled existence: Discipline, democracy and the discourse of prohibitions.....	245
Kostina A.O. Migration: From direct to indirect cosmopolitanism.....	257
Kuzmin V.D., Kozlova Yu.V. Urban communities in migration discourse (a case of the neighborhood).....	265
Savchenko I.A. Migration epistemology: Long-distance travel and urban routine discourses.....	274
Sakharova A.V. Migration: Conceptual uncertainty and epistemic injustice.....	283
Kasavin I.T. The boundaries of migration. A reply to the opponents.....	291

Semiotic optimum: how to discover and apply?

Gorbuleva M.S. Semiotic optimum and color: Contextual challenges in educational technologies.....	297
Melik-Gaykazyan I.V. Semiotic optimum: A new concept for thought experiments with information.....	302
Pervushina N.A. Pedagogical bioethics: A field of semiotic optimum application in the context of education digitalization.....	316

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 16
doi: 10.17223/1998863X/82/1

СКРЫТЫЕ ИНДЕКСИКАЛЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ АСКРИПТИВНОСТИ ЯЗЫКА

Александр Геннадьевич Андрушкевич¹,
Всеволод Адольфович Ладов²

^{1, 2} Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ скрытых индексикалов и демонстрируется их значимость для изучения феномена аскриптивности обыденного языка. Приводится точка зрения Стефана Шиффера, согласно которой для анализа предложений, содержащих приписывание веры, логически необходимым является введение неартикулируемых элементов. В свою очередь, вера представляет собой трехместное отношение, предметом которого выступает не объект как таковой, а способ представления объекта. Демонстрируется возможность применения скрытых индексикалов для логического анализа аскриптивных предложений.

Ключевые слова: Шиффер, индексикалы, скрытые индексикалы, аскрипция, семантика, обыденный язык

Для цитирования: Андрушкевич А.Г., Ладов В.А. Скрытые индексикалы и их значение для теории аскриптивности языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 5–12. doi: 10.17223/1998863X/82/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

HIDDEN INDEXICALS AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE THEORY OF LANGUAGE ASCRIPTIVITY

Alexandr G. Andrushkevich¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1, 2} Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Tomsk,
Russian Federation

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Abstract. According to Stefan Schiffer, belief is a three-place relation $B(x, p, m)$, where x is the subject of belief, p is a structured proposition in a certain way, and m is a mode of presenting the object or content of belief under which x believes p . However, in the course of communication, when pronouncing a sentence containing an ascription of belief, the element p is not articulated. Thus, in the analysis of belief ascriptions we discover hidden indexicals. Hidden indexicals are non-articulated and contextually dependent elements whose pronunciation is not necessary. Their meaning is determined by the entire breadth of the context in which the sentences are pronounced. The approach proposed by Schiffer can be expanded and extrapolated to a larger area of sentences with an ascriptive component.

Keywords: Schiffer, indexicals, hidden indexicals, ascription, semantics, everyday language

For citation: Andrushkevich, A.G. & Ladov, V.A. (2024) Hidden indexicals and their significance for the theory of language ascriptivity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/1

В своей статье «Приписывание веры» Стефан Шиффер излагает свою оригинальную теорию скрытых индексикалов (hidden indexicals) [1], которая интересна хотя бы в связи с тем, что существенно расширяет наши представления об индексикальных словах и выражениях. Особенности семантики и осуществления референциальной функции подобных выражений впервые были подробно рассмотрены Дэвидом Капланом [2]. Однако частный интерес Шиффера позволяет нам поставить вопрос в ином русле и попытаться рассмотреть то, каким образом теория индексикальных выражений и, в частности, скрытых индексикалов (а также их семантика) коррелирует с теорией аскриптивности языка. Для выполнения обозначенной цели мы намерены предпринять ряд шагов. Во-первых, мы рассмотрим теорию скрытых индексикалов. Во-вторых, постараемся определить семантическую специфику выражений, содержащих приписывание веры. И, в-третьих, проследим, как меняется семантика в других случаях предложений, содержащих аскриптивные выражения.

Теория скрытых индексикалов. Индексикальные слова и выражения, семантика которых чрезвычайно чувствительна к контексту их употребления, изучены уже достаточно подробно. Такие слова, как «я», «ты», «сегодня» и т.п., обретают свое значение именно в конкретной речевой ситуации, «референт зависит от контекста употребления, и значение слова обеспечивает правило, которое определяет референт с точки зрения определенных аспектов контекста» [2. Р. 490]. В этой связи особо интересным оказывается введенное Джоном Перри деление контекстов на широкий и узкий. Более детально мы касались этого вопроса в другой работе [3. С. 7], поэтому в настоящий момент ограничимся кратким указанием сути упомянутого разделения. Перри указывает, что узкий контекст представляет собой структуру, содержащую агента речи, время и место, а также позицию, в которой находится говорящий [4. Р. 5]. Широкий же контекст включает в себя и такие аспекты, как жестикация, остенсивные указания и то, что Дэвид Каплан назвал бы связанной демонстрацией [4. Р. 5].

Однако в реальной языковой практике нередко случается так, что логически и семантически необходимый индексикал не произносится. То есть необходимая логическая структура предложения отличается от того, что было высказано. Такова особенность обыденного использования естественного языка. Очень часто мы используем утвердительные и вопросительные пред-

ложения таким образом, что вне контекста они в лучшем случае выглядят весьма неоднозначными, а в худшем – вовсе бессмысленными. Так, например, обособленный и лишенный контекста произнесения вопрос «Сколько?» кажется в известной мере непонятным. Без учета контекста невозможно установить, о чем спрашивают и, соответственно, как на этот вопрос можно ответить. Из сказанного следует, что также невозможно установить истинностное значение возможного ответа, так как нет никаких указаний на предмет, сущность или отношение, о котором идет речь. Какой из возможных ответов на вопрос «Сколько?» адекватен? Можно ответить разными способами: «четверть часа», «не больше половины», «квадратный корень из девяти», «ровно столько, сколько я ожидал». Для определения того, о чем задается вопрос, необходим контекст. Так, если вопросу предшествует просьба занять денег, вопрос «Сколько?», очевидно, подразумевает «Сколько денег тебе занять?»; если вопросу предшествует упоминание о том, что сборная Бразилии по футболу неоднократно выигрывала Чемпионат Мира, то вопрос подразумевает «Сколько раз сборная Бразилии по футболу становилась чемпионами мира?» и т.д.

Марк Кримминс и Джон Перри в своей работе «Принц и телефонная будка» поднимают и подробно рассматривают вопрос о месте и роли, которую играют невысказанные или неартикулируемые составляющие предложений [5. Р. 699–700]. «Неартикулируемая составляющая – один из примеров инкрементальности языка. В обстоятельствах высказывания всегда есть много общих знаний и взаимных ожиданий, которые можно и нужно использовать, чтобы коммуникация состоялась. Функция произнесенного выражения – предоставить только последнюю часть информации, необходимую слушающему для выяснения предполагаемого утверждения, используя этот богатый фон. То, что очевидно в контексте, мы не обсуждаем в синтаксисе – мы не артикулируем это» [5. Р. 700]. Таким образом, мы фиксируем определенную корреляцию между индексикальными выражениями и неартикулируемой составляющей. Для обоих случаев семантика определяется контекстуально. Но здесь требуется определенное уточнение, что понятие контекста следует понимать в самом широком смысле. Его составляет не только определенная речевая ситуация, включающая в себя говорящего и слушающего, место и время, а также позиции, в которых находятся участники коммуникации. Контекст может включать в себя определенный горизонт того, что уже было сказано ранее. В этом ключе контекст следует воспринимать в том числе и лингвистически, как совокупность предложений, предшествующих настоящему предложению (каким может быть вопрос или утверждение).

Среди всевозможных вариантов неартикулируемых составляющих, очевидно, могут встречаться и индексикалы. На вопрос «В ящике стола что-нибудь лежит?» можно ответить «Тут пусто», так что индексикал «тут» артикулируется. Но можно ответить «Пусто», так что индексикал становится неартикулируемой составляющей. В обоих случаях значение и, что тоже немало важно, успешность коммуникации будут определяться контекстом. Но в первом случае, контекст будет ограничен позицией агента речи, тогда как во втором – не только позицией, но и предшествующим вопросом.

Резюмируя, мы можем сделать вывод, что скрытые индексикалы представляют собой неартикулируемые индексикальные слова и выражения, зна-

чение которых детерминировано всей широтой контекста употребления предложения.

Аскрипция веры. Любое простое предложение, содержащее аскрипцию веры кого-либо во что-либо, с точки зрения Шиффера, представляет собой трехместное отношение $B(x, p, t)$, где x – это субъект веры, p – структурированная определенным образом пропозиция, а t – способ представления объекта или содержания веры такой, при котором x верит в p [1. Р. 500]. Суть позиции Шиффера заключается в том, что при различных способах представления t отношение B может возникать, отрицаться или вовсе не иметь места. Так, если Ральф верит в p при t , то он может не верить в p при t' или вовсе не иметь никаких взглядов при t'' . Отсюда вытекает то, что для такого трехместного отношения, каким мы представляем себе веру, ключевую роль играет способ представления или способ обозначения предмета (референта). Непосредственно Г. Фреге, на которого ссылается Шиффер, вводит сам термин «способ представления» (или «способ обозначения») в связи с построением своей трехчленной семантики, обосновывая парадокс тождества [6. С. 230]. Именно во взаимосвязи фрегеанского понятия о модусе представления и идеи того, что всякое предложение представляет собой структурированную сущность (в том числе и те, которые содержат аскриптивные выражения), заключается суть теории скрытых индексикалов.

Рассмотрим приводимый Шиффером пример о Ральфе и собаке. Некая собака каждое утро приходит к Ральфу и просит у него еды. Ральф кормит эту собаку, которую он назвал Фидо. Также Ральф полагает, что Фидо – самец. По вечерам к дому Ральфа тоже приходит некая собака и просит у него еды. Ральф кормит и эту собаку, которую он считает самкой и называет Фи-Фи. Ральф верит, что Фидо и Фи-Фи были бы отличной парой, и не знает о том, что Фидо – это и есть Фи-Фи. С определенной точки зрения может показаться, что вера Ральфа абсурдна или иррациональна. Но так как Ральф не знает о том, что Фидо это та же самая собака, что и Фи-Фи, мы вынуждены допустить обоснованность веры Ральфа. Более того, поскольку речь не идет об утверждении, содержащем знание, то мы также не возьмемся приписывать вере Ральфа какое бы то ни было истинностное значение. Вера Ральфа в то, что Фидо и Фи-Фи были бы отличной парой, не является ни истиной, ни ложью.

Однако Ральф не просто верит, что Фидо и Фи-Фи представляют собой двух различных собак. Он верит, что они были бы отличной парой, что можно выразить следующим образом:

$$R(\text{Фидо}, \text{Фи-Фи}), \quad (1)$$

т.е. посредством двухместного предиката R . Но исходя из того факта, что Фидо буквально и есть Фи-Фи, складывается ситуация, что, с точки зрения Ральфа, Фидо был бы отличной парой самому себе, что выглядит несколько контринтуитивно. Данная сложность разрешается тогда, как мы предполагаем различие между референтом имен «Фидо» и «Фи-Фи» и тем, что мы выше назвали модусом представления. В ситуации Ральфа тождество значений двух имен (и двух собак, одна из которых приходит утром, а вторая – вечером) остается вне поля его внимания, тогда как центральную роль играют способы представления одного и того же объекта: собака, приходящая утром, и собака, приходящая вечером. Таким образом, содержание веры Ральфа касается не самой собаки (или двух собак), но двух ее различных репрезента-

ций, двух отличающихся способов, каким один и тот же объект предстает перед Ральфом.

Рассмотрим другой парадигматичный пример, приводимый Шиффером:

Ральф верит, что Фидо это собака, (2)

логическую форму которого можно выразить как

$(\exists m) (\Phi^*m \ \& \ В(\text{Ральф}, \langle \text{Фидо}, \text{собачность} \rangle, m))$, (3)

«где Φ^*m – определенный неявно указанный и контекстуально определяемый тип способа представления» [1. Р. 503], т.е. такой способ репрезентации референта, который ограничивает представление о Фидо как о собаке, которая приходит каждое утро. Приходя каждый вечер, Фидо реализует иной, принципиально отличный (а в контексте оппозиции утро / вечер даже противоположный) способ представления. Таким образом, в качестве значения имени «Фидо» в (1) предполагается не сам референт, а только то, каким образом данный референт предстает перед агентом речи. То есть значением будет выступать не некоторый объект, каким является собака, но собака, приходящая каждое утро и просящая еду. Так, при ином способе представления Φ^*m , каким может выступать собака, приходящая к Ральфу по вечерам, (3) оказывается как логически, так и семантически неверным.

Теперь еще раз обратим внимание на Φ^*m в (3). Очевидно, что выражение (2) не содержит явного указания на определенный способ представления, но если выкинуть его из (3), то мы получим несколько неоднозначную ситуацию. Шиффер предлагает рассмотреть пример о несуществующем виде животных, которые называются шмобаками (*shmog*) [1. Р. 502]. Ральф обнаружил вид существ, которые, с его точки зрения, ранее были неизвестны науке, и назвал их шмобаки. «Животное должно называться шмобакой, если оно обладает шмобачностью точно так же, как собака обладает собачностью», сказал Ральф. Под ‘собачностью’ Ральф понимает все то, что свойственно собакам. Тогда как под ‘шмобачностью’ Ральф подразумевает все то, что свойственно шмобакам и несвойственно другим видам животных, в том числе и собакам. Однако в действительности Ральф повстречал не новый биологический вид, а ранее не известную ему породу собак, внешность и поведение которой не смог идентифицировать как собачьи. Из чего следует, что шмобачность есть не что иное, как собачность, но при строго определенном и контекстуально заданном способе представления собаки.

Итак, предложение (2) и его логическая структура (3) сообщают нам то, что для Ральфа, верящего в то, что Фидо именно собака, но никак не шмобака, определяющую роль играет именно способ представления Фидо. Таким образом, по мысли Шиффера, ‘это’ в (2) референтно указывает на неартикулируемый способ представления, на основании которого и возникает $\langle \text{Фидо}, \text{собачность} \rangle$ в (3). При ином модусе представления содержание веры Ральфа будет иным. Из сказанного следует, что для адекватной интерпретации предложения (2) необходимым условием является наличие в его логической структуре (3) указания на способ представления предмета веры, без которого или вне которого субъект не имел бы указанной веры. Однако в самом предложении с аскрипцией веры не содержится никакого артикулированного указания на способ представления, он фигурирует в качестве неартикулируемой составляющей и, с точки зрения Шиффера, его семантика контекстуально зависима. То есть неартикулируемая составляющая таких предложений

представляет собой скрытые индексикалы: «Ссылка на тип способа представления „контекстуально определена“ в том, что разные типы могут ссылаться в разных случаях высказывания (отсюда „индексикал“ в „теории скрытых индексикалов“»)» [1. Р. 503]. На естественном языке логическая структура (2) может быть представлена следующим образом: i) существует определенный способ представления; ii) Фидо представлен именно таким способом ($\Phi * m$) и iii) у Ральфа есть вера, суть которой в том, что Ральф (x) наделяет Фидо ‘собачностью’ (p) при данном способе представления Фидо (m). Что в реальной практике языка выражается просто как «Ральф верит, что Фидо собака».

Семантика предложений, содержащих аскрипции. Итак, мы подошли к главному вопросу настоящей работы: какую роль играет теория скрытых индексикалов для семантики предложений, содержащих аскрипции?

Возьмем для примера предложение, содержащее аскрипцию мнения:

Джон считает Пола гениальным гитаристом. (4)

Мы полагаем, что факт приписывания подобного мнения оказывается возможным только в том случае, когда имеет место корректный соответствующий способ представления Пола. Очевидно, что, если Джон и Пол играют в одной группе, где Пол играет именно на гитаре, Джон будет вполне рационален в своем мнении. Тогда как безосновательным может показаться приписывание иного мнения при тех же обстоятельствах, «Пол гениальный вокалист». То есть для данного примера и других, подобных ему, справедливым оказывается заключение, к которому приходит Стефан Шиффер при анализе предложений, содержащих приписывание веры. При логическом анализе (4) необходимым является неартикулируемый компонент, скрытый индексикал, указывающий на способ представления, при котором Пол предстает перед Джоном. Значение этого скрытого индексикального элемента определяется контекстуально.

Мы могли бы ограничиться уже тем фактом, что предложенный Шиффером подход можно расширить, экстраполировать на большую область предложений с аскриптивной составляющей. Однако имеет место еще одно соображение, которое никак не следует обходить вниманием.

В повседневной практике обыденного языка люди нередко апеллируют к собственным переживаниям и ощущениям. Иногда это бывают интеллектуальные, эстетические или нравственные переживания, вкусовые или тактильные ощущения, выводы, резюмирующие определенный опыт. Но далеко не всегда в предложениях естественного языка осуществляется индексикальное (или любое иное) указание на некоторое субъективное переживание, на личный опыт агента речи или его видение определенного предмета, явления или события. Так, к примеру, немецкий футболист Марио Гётце забил гол в финале Чемпионата Мира десять лет назад и за время, прошедшее с того матча, нередко называл тот мяч «главным голом в своей карьере». Более того, некоторые футбольные болельщики также считают тот мяч главным в карьере Гётце. Рассмотрим же предложение:

Главный гол в своей карьере Марио Гётце забил левой ногой. (5)

Сам по себе аскриптивный акт, т.е. приписывание статуса «главного» одному из голов Гётце, осуществляется вне какой-либо объективной нормативной системы, проходит без апеллирования к какому-либо правилу. Таким

образом, мы не вправе квалифицировать настоящий аскриптивный акт как совершаемый в соответствии с некоторым объективным или интерсубъективным критерием. Приписывание осуществляется в соответствии с субъективным опытом человека, агента речи. То есть говорящий полагает собственный опыт в качестве критерия, на основании которого и приписывает соответствующее мнение. Иначе говоря, субъект высказывания имеет определенную пресуппозицию, суть которой в общей форме можно выразить как «по моему мнению» или «я считаю».

Тогда, когда мы добавляем в (5) «главный, по моему мнению, гол», предложение обретает семантическую целостность. Но каков механизм определения значения таких выражений, как «я считаю» и «по моему мнению»? Мы полагаем, что эти и другие подобные выражения по характеру функционирования представляют собой индексикалы. Нет никаких сомнений, что «мой», «имеющийся у меня» или «ближайший ко мне» представляют собой именно индексикалы, так как, во-первых, их значение буквально неопределимо вне ситуации их употребления и, во-вторых, в различных контекстах оно будет различным. Аналогичным образом функционируют и такие выражения, как «я считаю», «по моему мнению» и другие подобные им.

Таким образом, теория скрытых индексикалов позволяет прояснить семантику таких аскрипций, которые не подразумевают имплицитного указания на способ представления некоторого объекта, но являются просто следствием субъективного опыта или восприятия агента речи.

Список источников

1. Schiffer S. Belief ascription // *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 89, № 10. P. 499–521.
2. Kaplan D. Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals. // *Themes From Kaplan* / eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford University Press, 1989. P. 48–563.
3. Андрушкевич А.Г., Ладов В.А. Контекстуальные аспекты определения значения языкового выражения // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 69. С. 5–11.
4. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents // *Computing Natural Language* / eds. A. Aliseda, R. van Glabbeek, D. Westerstaht. Stanford, 1998. P. 1–12.
5. Krimmins M., Perry J. The Prince and the Phone Booth: Reporting puzzling belief's // *The Journal of Philosophy*. 1989 Dec. Vol. 86, № 12. P. 685–711.
6. Фреге Г. О смысле и значении // *Логика и логическая семантика: сб. трудов*. М.: Аспект, 2000. С. 230–246.

References

1. Schiffer, S. (1989) Belief ascription. *The Journal of Philosophy*. 89(10). pp. 499–521.
2. Kaplan, D. (1989) Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) (1989) *Themes from Kaplan*. Oxford University Press. pp. 48–563.
3. Andrushkevich, A.G. & Ladov, V.A. (2022) Contextual aspects of determining the meaning of a language expression. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/69/
4. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. In: Aliseda, A., van Glabbeek, R. & Westerstaht, D. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford. pp. 1–12.
5. Krimmins, M. & Perry, J. (1989) The Prince and the Phone Booth: Reporting puzzling belief's. *The Journal of Philosophy*. 86(12). pp. 685–711.
6. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Translated from German. Moscow: Aspekt. pp. 230–246

Сведения об авторах:

Андрушкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, leading researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 13.12.2024*

*The article was submitted 20.10.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 167

doi: 10.17223/1998863X/82/2

НОМИНАЛИЗМ И РЕАЛИЗМ В ОТНОШЕНИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ВИДОВ

Александра Александровна Аргамачова

*МРОО «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия,
argamakova@gmail.com*

Аннотация. Спор об универсалиях в современной версии относится к пониманию природы естественно-видовых понятий. Дилемма номинализма и реализма состоит в следующем: нужно ли постулировать существование универсалий кроме существования индивидов? Для ее решения в статье рассмотрены каузальная и дескриптивная теории значения, объединенные в идее о референциальном потенциале понятий Ф. Китчером и П. Стэнфордом. Представлено философское обоснование реализма в сопоставлении с аргументами в пользу номинализма.

Ключевые слова: реализм и номинализм, естественные виды, каузально-дескриптивная теория референции, семантический холизм и релятивизм

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки».

Для цитирования: Аргамачова А.А. Номинализм и реализм в отношении естественных видов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 13–29. doi: 10.17223/1998863X/82/2

Original article

NOMINALISM AND REALISM IN RELATION TO NATURAL KINDS

Alexandra A. Argamakova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
argamakova@gmail.com*

Abstract. In modern philosophy, the problem of general concepts gets expression in terms of natural (and other) kinds. Natural kinds are not created by man and are cognized as a necessary unity of individuals and properties of reality. Natural kinds are described in physical terms. Individuals denoted by a general term are unrepeatable, unique objects as opposed to universals. The dilemma of realism and nominalism is expressed in the question: Is it necessary to postulate the existence of universals apart from the existence of individuals? Reasoning is not just about kinds, but about hierarchies of kinds. Kind hierarchies underlie the classification systems included in scientific theories. Taxonomic systems and conceptual schemes in science are therefore essentially similar to each other. In the semantic theories of Philip Kitcher and P. Kyle Stanford, reference is attributed to multiple grounds. Reference potential of the term is a set $\{d, c\}$ or $\{d, c, e\}$ where (e) is instances or exemplars of objects; (c) causal histories of perceptions and interactions with objects; (d) descriptions or clusters of descriptions. The type-expression refers to token-expressions by referential potential, that is, paradigm modes of reference. Of course, expression can acquire ambiguity and uncertainty, as often occurs in pragmatic contexts of language. Mismatch between (d) , (c) , (e) means partial reference of a term. In research,

scientists aim to achieve a correspondence of all components in the reference potential. Nominalization of terms is preferable from an empiricism point of view. If it is not feasible, then realism is right. Realism admits the existence of abstract objects, including referents for abstract terms; conceptual models for physical objects; ideal objects in any field, including math idealizations; fictitious ideas in literary, artistic and other types of discourse. In logic, an individual is an element of a set. A term denotes a set of objects, from the empty, then the singular to the infinitely valuable. Elements and sets are thought of together. There is nothing in language that is not represented in one respect or another in the world of objects. In language, we find individual constants for unique objects. There are general terms in language as genera and kinds. They denote the general, not the unique, but existing in the nature of things. From the success of science, it is concluded: real objects are knowable. General kinds and individuals are parts of descriptions of the world, as well as the world itself, since there is no world outside of descriptions (conceptual schemes). The question about modes of reference is studied in detail in modern English-language philosophy.

Keywords: realism and nominalism, natural kinds, causal-descriptive theory of reference, semantic holism and relativism

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183.

For citation: Argamakova, A.A. Nominalism and realism in relation to natural kinds (2024). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 13–29. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/2

История проблемы универсалий

Проблема реализма и номинализма в понимании общих понятий формулируется средневековыми христианскими философами. Общее понятие выражает единую сущность множества наблюдаемых вещей. Предыстория данного вопроса, его истоки уходят в античность. Античным философам Платону и Аристотелю принадлежат два взгляда на сущность вещей, которые предвосхищают реалистическое мировоззрение. В античности номинализм условно относится к софистам (Протагор, Горгий), а также натурфилософам (Гераклит, Кратил, Демокрит), согласно воззрениям которых природа обращает все вещи в иное и противоположное друг к другу, включает в круговорот форм и превращений, приводит в постоянное движение и становление, не похожие на свое прошлое состояние.

По Платону, сущность вещей выражена их идеями, подлинным идеальным миром, представляющим собой трансцендентную реальность, источник всего вещного мира. Общим идеям присуще самостоятельное существование, благодаря демиургу они воплощаются в чувственно явленных вещах и постигаются разумом. Умопостижимое более реально, чем явленные материальные вещи, которые считают несовершенными копиями прообразов.

У Аристотеля сущность тождественна форме вещей, организующим принципам материи. Сущность в качестве формы имманентна миру, она не существует отдельно от вещей. Существенный признак понятия – выражение его сущности. Аристотель раньше Сола Крипке показал наличие необходимых апостериорных истин¹. Сущность как раз являлась основанием, сообщающим необходимость знанию, иначе знание случайно и будет являться знанием о преходящем и явленном в ощущении. Сущность выражает онтологическую необходимость в отличие от случайных свойств материи.

¹ «[необходимое] знание о чем бы то ни было есть знание общего» [1].

Она же связана с принципом становления: форма есть то, что принимает материю и что содержит начало движения в себе.

Философия – познание причин и начал сущностей вещей, в то время как частные науки изучают отдельные роды и виды сущего. За аристотелевской сущностью кроме логики скрывается материалистическая метафизика, и в ней Бог как идеальный принцип появляется в начале, в виде первопричины и перводвигателя материи. Сущность, будучи формой вещей, привносит порядок в хаотичный видимый мир или неорганизованную материю.

В неоплатонизме диалектика общего и единичного приобретает решающее значение: «Когда же умопостигаемый мир, в качестве множества, существует как нераздельное целое, то это многое, объединенное высшим единством, воплощается в материи» [2]. Единое и благо, являясь объединяющим первопринципом бытия, дифференцируется на множественные идеи, которые участвуют в оформлении материи в единичные субстанции.

Фома Аквинский объединил античные идеи с христианской теологией, предложив формулу о том, что сущность существует до вещей в уме Бога, в вещах и в уме человека. Реалисты в средние века поддерживали данную формулу, полагая, что универсалии реальны не менее вещей, а также прообразов и концептов божественного ума. Воспринимая единичные вещи, постигая универсальные значения, разум возвышается до понимания вечного божественного замысла. Номиналисты воспринимали реальность в качестве множественности и единичности, так как множественна, изменчива материя. Божественные идеи воплощаются в бесчисленных по многообразию формах. То, что называется универсалиями, порождено в когнитивных усилиях, познавательных актах человека. Следовательно, реальны только сотворенные предметы, кроме первых высших причин.

Британский эмпиризм решает спор об универсалиях в пользу номинализма. Мир разделен сознанием на области чувственно воспринимаемого и сущего, причастного вещному миру. В восприятии познается соответствие и несоответствие идей, полученных от внешних объектов (Джон Локк). Простые идеи появляются в уме от чувственно воспринимаемых вещей и качеств (форма, размер, цвет, звук и др.). Дэвид Юм называет простые идеи впечатлениями, отпечатками качеств объектов в сознании [3]. Понимание простых идей пассивно, простые идеи предоставляют материал знания, который нельзя отбросить-поменять, словно отражение в зеркале.

Ассоциации простых идей создают сложные идеи из кирпичиков опыта (тела, движение, пространство, причины и следствия). Возможности ума в ассоциации идей безграничны. У Юма в соединении идей принимает участие активное воображение. Идеи ассоциируются по сходству, смежности в пространстве-времени и причинно-следственной последовательности. У Локка абстрактные идеи производны от остальных в рефлексии, т.е. с участием логических приемов [4]. Абстракции отвлекаются от частного и преходящего в вещах. Отвлекаясь от конкретного существования в пространстве и времени, абстрактные понятия представляют общий вид вещи. Он лишен всех тех деталей, которые относятся к восприятию партикулярной вещи – места, времени, обстоятельств существования, случайных качеств и отношений. К абстрактным понятиям добавляют в том числе каузальные последовательности, моральные категории, истины математики, философские идеи, субстанции,

модусы и отношения, т.е. не наблюдаемые непосредственно виды объектов, полученные в мышлении на основании дедукции. Внутреннему восприятию открыты логические операции с идеями, отсюда извлекают понятия логики и психологии.

Сенсуализм привел епископа Джорджа Беркли к идеалистическому умозаключению о несуществовании физических объектов, материальной субстанции и чего-либо помимо восприятий. Существовать – значит быть воспринимаемой вещью.

Континентальному рационализму (Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готфрид Лейбниц) присуще воззрение о наличии абстрактных идей, в том числе врожденных понятий, которые познаваемы подобно припоминанию первообразов в метафизике Платона. Источник абстрактных идей локализован в мышлении, несмотря на подобное обстоятельство, абстрактные идеи относятся не к схематизму аутичного разума, а к объектам внешнего мира.

Дальнейшее развитие спор об универсалиях получил в аналитической философии, логическом позитивизме, прагматизме и неопрагматизме.

Современная точка зрения

Во второй половине XX в. проблема общих понятий получает выражение в терминах естественных (и других) видов. Естественные виды не созданы человеком и познаются в качестве необходимого единства индивидов и свойств реальности. Естественные виды описывают физические понятия. Индивиды, обозначаемые общим понятием, – неповторимые, уникальные объекты в отличие от универсалий. Крипке, Льюис и Патнэм протестовали против релятивизма концептуальных схем и онтологической относительности. Философов интересовало объективное и необходимое знание, в том числе онтологический смысл модальных понятий, сохранение и передача значений в языке, несмотря на исторический опыт сообществ, а также природа референции общих и собственных имен.

Дилемма реализма и номинализма принимает форму вопроса «Нужно ли постулировать существование универсалий кроме существования индивидов?». В живой природе, скажем, представлены уникальные особи – львы, ящерицы, птицы, но нет объектов как земноводные, пресмыкающиеся, млекопитающие и т.д. Если бритва Оккама отрезает бороду Платона, то номинализм естественных видов отказывает в существовании любым объектам кроме индивидов со схожими признаками. В примере с систематизациями биологических видов точка зрения номинализма выглядит убедительно. Реализм, напротив, утверждает: общие понятия обозначают универсалии, классы, множества или другие типы сущего и те не менее реальные, чем индивиды. Общность существует в природе помимо единичных физических объектов.

Следствием номиналистического тезиса стало представление об экземпляризациях общих свойств в единичных объектах. Общим может быть имя, конкретным – обозначаемые именем индивиды даже в случае абстрактных понятий. Свойства и отношения приобретают значение применительно к партикуляриям (как считал Куайн, существовать – значит быть значением связанной переменной). Почти о том же сказано выше: не существует общих объектов в отличие от партикулярий, которые своими свойствами якобы про-

являют общий род сущего. Объекты в пространстве и времени, однако же, нечто объединяет. Все предикаты относятся в итоге к единичным объектам, в логике – к предметным константам.

Посредством экзemplификаций общие понятия и положения теории демонстрируют взаимосвязи с перцептивным опытом, так считал, к примеру, Куайн, сторонник философского натурализма. Физические объекты нам лучше знакомы, и знание о физических объектах почти непосредственно в отличие от абстрактных объектов, понятия о которых погружены в концептуальные сети и лингвистические контексты [5. Р. 216].

Рассуждают не только о видах, но и о иерархиях видов. Иерархии видов лежат в основе классификационных систем, включенных в научные теории. Научная теория в качестве системы понятий, имеющей отношение к естественным видам, является категориальной, концептуальной схемой, в которой исследуемые объекты распределены по рангам. По соответствующей причине таксономические системы и концептуальные схемы в науке подобны друг другу.

Номинализм утверждает: существуют индивиды, объединенные в виды на основе сходств и понятий, а более высокие виды выражают свойства тех же индивидов, более абстрактные и общие. Интуиция номиналистов говорит о том, что существованием наделены уникальные объекты, а общие объекты как денотаты видовых терминов и абстрактные объекты, референты абстрактных терминов, умножают сущности без необходимости. Свойства и отношения, взятые в абстракции и субстантивированные, с необходимостью относятся к уникальным индивидам. В общих понятиях науки не содержится сверх того, что есть в физических объектах, которые они обозначают.

Если номинализм приписывает тождества и сходства качествам индивидов, концептуализм видит источник сходств в познающем уме. Отношение подобия появляется в уме вследствие логического абстрагирования в отличие от индивидуальности каждой вещи и своеобразия проявлений ее свойств (в виде токена от общего типа, представленного описанием имени) (Росцелин, Пьер Абеляр, Уильям Оккам). Абстрактное знание, по замечанию У. Оккама, есть абстрагированное от существования и несуществования знание. Концептуализм может не отличаться от номинализма, не являться автономной позицией.

Тождество вида (*identity of kind*) не равнозначно метафизической сущности, но эквивалентное понятие, критерий отнесения к общему понятию и виду объектов. Эссенциализм – другой, последующий вопрос в осмыслении природы общих имен. Эссенция является выражением физической, а не метафизической сущности объектов, как предполагали Платон и Аристотель. Но в философии Крипке и Льюиса метафизика тем не менее присутствовала. Ничто иное, как сущность, сообщает объектам необходимость во всех возможных мирах.

Примечательна реакция Куна на каузальную теорию референции Крипке и Патнэма, в соответствии с которой имя обозначает объекты на основе каузальной истории интеракций. Кун считал, будто каузальный механизм объясняет знакомство с объектами, обучение владению языком и наш перцептивный опыт. Но идентификации индивидов и классификации, согласно видам, установлены на основании концептуальной схемы.

Научные теории эволюционируют, а накопленные результаты производят революции, ведущие к разрыву с прошлыми системами мышления, несо-

измеримости и обновлению словаря науки. Кун отрицал механизм жесткой десигнации, т.е. фиксацию значений, безусловную необходимость и сохранение в языке. Собственные имена, которые лучше всего подходят на роль жестких десигнаторов, представимы иначе в свете новых исторических данных или, говоря в общем, того обстоятельства, что при появлении на свет некий индивид мог быть назван другим именем или клонирован в любом из других возможных миров.

Уточним, что эмпирики, в особенности сторонники Юма, сомневаются, что необходимые факты, включая причинные последовательности событий, распознаваемы и в нашем мире. Возможные миры никто никогда не обследовал научными методами на предмет закономерностей. Таким образом, появляется релятивизм в описаниях мира и онтологическая относительность.

Каузальные и дескриптивные теории значения

В теории Фреге–Рассела референция производится на основе дескриптивного содержания терминов. В соответствии с каузальной теорией референции, значение имени установлено исходя из причинной связи с объектом напрямую в опыте, без фрегеевского смысла, расселовской дескрипции или интенционала в понимании Рудольфа Карнапа, т.е. на основе первичного знакомства с объектом и акта наименования со стороны языкового сообщества, подобного совершению таинства крещения. Готлоб Фреге считал, что термины наделены смыслом и значением. Смысл – это ментальный концепт; значение – это реальный объект.

По Расселу, референцию дескриптивные выражения получают в пропозициональных утверждениях, и вне контекста предложений они не указывают на объекты. В теории Рассела вместо фрегеевского смысла появляются дескрипции и кластеры дескрипций («автор *Узверли*»; «*нынешний король Франции*»; «*античный философ*» и «*учитель Александра Македонского*»). Множество дескрипций применимо к одному и тому же имени. Дескрипции бывают субъективными, т.е. меняются от говорящего к говорящему. С формальной стороны что такое дескрипции? Дескрипции – это неполные символы. Обозначающую функцию дескрипции выполняют в предложениях, где определяют условия истинности. Имена (нарицательные, собственные и общие) являются сокращенными дескрипциями. Они производят референцию к объектам, если те соответствуют характеристикам в описаниях¹. Знание об объектах, по убеждению Рассела, приобретают либо в восприятии, либо в мышлении в ситуации с абстрактными объектами логического порядка. Многие выражения языка зависят от значений других слов, и то, что нам становится известно о физических и абстрактных объектах, достигается не посредством репрезентаций, но денотативных фраз. Понимание языковых выражений происходит в итоге благодаря свидетельствам или знакомству с объектами, которые соответствуют условиям пропозициональных функций.

Крикпке считал, что референция имени осуществляется без участия дескриптивных механизмов, благодаря каузальной связи с объектами в опыте: восприятию объектов, знакомству с ними и взаимодействию. Дескрипции в суждениях предиктируют к имени, но они не устанавливают референцию

¹ См. также [6].

имен. Крипке – сторонник теории прямой референции и идеи о том, что десигнация установлена либо жестко и необходимо, либо нежестко и коннотативно. В последнем выражение подвержено семантическим бифуркациям. Крипке считал, что существуют однозначные способы идентификации объектов во всех возможных мирах или в тех мирах, где объект экземплифицирован. Он отрицал дескриптивизм Фреге–Рассела на основании, что дескрипции не фиксируют тождество референтов имен [7]. Дескрипции обозначают случайные свойства объекта, которые не существенны для референта имени. Идентификации объектов в опыте запоминает сообщество носителей языка, передавая каузальные истории терминов к другим спикерам.

Критика каузальной теории референции обусловлена сложностями наименования видов объектов на основе каузальных историй, так как индивиды относятся к разным естественным видам, а еще перераспределяются по видам, как в примере несоизмеримых понятий; тем, что называется неопределенностью и многозначностью языка, особенно повседневного общения; неустранимостью концептов или дескрипций в механизме референции, тем более, многие имена известны по свидетельству, а не знакомству; ситуацией с абстрактными и теоретическими терминами и, в частности, вопросом о научных критериях понятий, видовых атрибутах и эссенциализме¹. Поскольку ни один индивид во всех отношениях себе не тождествен, самотождественность индивидов в контрфактических ситуациях не очевидна (*парадокс Тесея*). В применении общих имен значима не самотождественность индивидов, но тождество вида на основании сходств. И то и другое зависит от понимания критериев – нумерических, феноменологических, исторических, лингвистических, стереотипных, эссенциальных и т.д. Крипке верил, что необходимые и достаточные критерии тождества редко появляются в наличии. Объекты сами говорят за себя, а референция зависит от каузальных историй, ассоциированных с именем и контекстами применения языка.

Семантический холизм, известный по работам Куайна и Куна, противоречит воззрениям сторонников каузальной теории. Семантический холизм отвергает наличие фундамента у знаний и убеждений, необходимо зафиксированных значений терминов. Идентификация объектов в опыте производна от концептуальной схемы, которую принимает исследователь. Референцию определяет сеть убеждений в отличие от частных цепочек каузальных историй. Изменения в сети убеждений приводят к новым классификациям объектов и понятиям об объектах, несоизмеримым с прошлыми способами мышления. Холизм взаимосвязан с дескриптивизмом, но входит в существенные противоречия с каузальной референцией.

Кит Доннеллан проводит различие относительно атрибутивного и референциального модуса дескрипций. Первый идентифицирует любой объект (с допущением уникальности или нет), соответствующий дескрипции. Второй модус идентифицирует уникальный объект, который дескрипции обозначают в предложении. Доннеллан указывает еще один модус – предикативный, когда дескрипции и имена выполняют предикативную функцию к субъекту высказывания («Сократ – это человек»; «автором Уэверли является Вальтер Скотт»).

¹ См. также [8, 9].

Референциальный модус дескрипций каузально связывает дескрипции с объектами в универсуме значений. В зависимости от контекста дескрипции либо прямо, либо опосредованно идентифицируют объект. Прямо – когда присутствует понимание относительно индивида и объект сообщения опознаваем моментально в коммуникации. Дескрипции идентифицируют объект опосредованно, если достигается понимание условий истинности предложения, а существование индивида кем-либо удостоверяется [10. Р. 31–32].

В семантических теориях Филиппа Китчера и П. Кайла Стэнфорда референции приписывают множественные основания. Это значит, что референция имени фундирована многими способами, остенсивными и структурными компонентами. Дескрипции и каузальные истории в равной степени причастны к референции имен. Предикаты наблюдения идентифицируют объекты номинально по воспринимаемым признакам. Знакомство с образцами, цепочки каузальных историй – необходимое условие понимания и применения терминов. Но естественный вид объектов определяют эссенциальные свойства. Они относятся к строению субстанции, а значит, познаваемы. Подлежащая структура унифицирует наблюдаемые свойства объектов. Естественные виды прочерчивают границы, положенные самой природой вещей. Референция на основе дескрипций эссенциальных свойств не терпит неудачу в высказываниях. Когда референция не терпит неудачу – эссенциальные свойства описаны точно. Отсюда следует и то, что дескрипции обозначают общие характеристики объектов, а также каузально взаимосвязаны с единичными объектами в опыте. Они не должны быть наблюдаемы в каждом случае, но сообщество, использующее язык, должно знать способы, как детектировать предполагаемые свойства объекта.

Референциальный потенциал понятия $\{d, c\}$ или $\{d, c, e\}$ – ассоциированные с понятием (e) образцы, экземпляры объектов; (c) – каузальные истории взаимодействий, восприятия конкретных объектов в опыте; (d) – дескрипции и кластеры дескрипций. Выражение-тип относится к выражениям-токенам посредством референциального потенциала, т.е. парадигмальных модусов референции. Конечно же, выражение способно приобрести двусмысленность и неопределенность, что часто происходит в прагматических контекстах применения языка. Несовпадение (d) , (c) , (e) – знак частичной референции терминов. В познании ученые добиваются однозначного соответствия всех компонент в референциальном потенциале понятия [8, 9].

По замечанию Куайна, «слова – это социальные средства, и объективность является условием их выживания» [5].

Философское обоснование реализма

В философской традиции индивидов понимают, во-первых, как чувственно воспринимаемые вещи; во-вторых, материальные тела и их отдельные части, или все самосущее по принципу индивидуации материи и формы; в-третьих, пространственно-временные физические объекты; в-четвертых, предметы нашего мышления¹.

¹ Формальное определение приведено в книге [11. С. 39]: «существует ряд объектов $a \dots n$, есть предмет ϕ и такое отношение R , что каждый из объектов $a \dots n$ имеет отношение R к ϕ ».

Индивиды, или партикулярии, наделены физическим существованием, а также конкретностью в противоположность универсалиям – общим родам, видам и предикатам сущего. То, что спектр наблюдаемых явлений ограничен, со временем стало понятно всем и научно обосновано. По этой причине средневековый номинализм допускал ошибку, полагаясь на восприятие. Воспринимаемые вещи кажутся изменчивыми, но более реальными в силу чувственной наглядности. Но почему наблюдение за рекой не позволяет представить ее постоянным и общим объектом, скорее чем потоком из убегающих волн и частиц? На этом сложности номинализма, приверженного конкретным объектам, не заканчиваются, а начинаются.

Во Вселенной все существует в пространстве и времени в форме физических объектов либо каузально соотносится с физическими объектами, если объекты не существуют в нематериальном смысле (подобно душе и сознанию, в соответствии с философскими и религиозными доктринами в том числе христианских мыслителей, которые допускают бестелесные субстанции). В этом понимании объекты не будут являться пространственно-временными объектами. Но поскольку в наблюдении даны физические объекты, точку зрения номинализма лучше выражает физикализм, а не метафизика.

По выводам из современных естественных теорий, существуют физические объекты и события, которые вовсе не мыслятся в пространстве и времени: Большой взрыв, пространство и время как таковые, гравитационная сингулярность, объекты планковского масштаба, гипотетически допустимые другие вселенные. Следовательно, есть объекты, которые не расположены в пространстве и времени.

Распределенные и массовые объекты (*облака, вода, песок, пустыня*) не занимают одну область пространства-времени, они не есть сгусток или пучок, но не представляют сложности в физикализме. В разделенной референции обозначаются объекты и свойства в разных областях пространства-времени, каким бы произвольным ни было разделение. Кумулятивное применение массового термина указывает на протяженный и прерывный объект, на сумму его частей. Очевидно, термин применим и в отношении составных частей. Прагматика языка играет здесь решающее значение для референции [5], а свойства могут быть реальными, но не эссенциальными.

Обращает на себя внимание и то, что индивиды не проявляют признаки понятия, если группы индивидов их проявляют. Подобные объекты различают в качестве групп и совокупностей индивидов (*друзья, близнецы, геном*). Значит, нельзя считать вслед за номиналистами, что индивиды существуют в единственном числе и нет общего в онтологии объектов и будто общее появляется в уме человека, согласно субъективным категоризациям.

Существуют физические объекты и явления, которые не мыслятся вне системы, в которой расположены. Биогеоценоз, симбиоз или колония организмов – это системы объектов. Потенциальная энергия объектов в гравитационном поле зависит от массы и расположения относительно друг друга ($E_p = mgh$), в электромагнитном поле также от заряда ($E_p = -qEr$, где E и r – векторные величины). Потенциальная энергия – свойство системы объектов, а не тел и частиц. Потенциальная энергия не экзemplифицируется, но присутствует у объектов. Вряд ли все предикаты относятся к индивидам при условии, что понятия обозначают не только индивидов. Понятия для систем

объектов наделены собственным существованием. Колония организмов не является любым из ее представителей, например. Она не представляет собой отношение объектов, так как организмы в колонии приобретают совместные части тела и т.д.

Если индивиды проявляют свойства приблизительно точно и изменчиво, проявляют ли они признаки, которые мыслятся в понятии? Информация в физическом смысле значит: код ДНК; объем и смысл сообщения; типы данных; символические знаки и сигналы. Информация в форме сообщения подразумевает код и его передачу, но многообразие ее видов затрудняет идентификацию свойств. Таким образом, термин применим как абстракция. Шум – всего навсего звук, а может являться информацией, если предупреждает прохожего об опасном инциденте поблизости. Сообщение, измеренное в битах, не всегда передает смысловое содержание, имеет адресата и отправителя, приемник и передатчик. Информацию экзemplифицируют индивиды и процессы, и индивиды проявляют несхожие свойства. Информация тем не менее незаменимый фундаментальный термин в науке. Если информация – некий абстрактный объект, он умопостижаем, а не наблюдаем. Ученые обращаются и к наблюдениям, и к теориям в описаниях информации.

Понятия, классифицирующие объекты на основе семейных сходств, применимы к видам объектов, которые не относятся к общему роду, т.е. действительно составляет сложность объединить их общим родом, и также они применимы к видам с нечеткими границами. Современные номиналисты прибегают к понятию *n*-тропов в обозначении кортежей свойств. Идею возможно перенести на множество видов, группирующих разные по природе объекты. Например, понятие «игра» объединяет квантовые, эволюционно-популяционные, семейные, спортивные, виртуальные, лингвистические, стратегические, политические, биржевые и другие виды игр.

Останется ли общий термин всего-навсего ярлыком, а не категорией для выражения универсального принципа или обозначения объекта, воплощенного во множестве модусов? Н. Винер отличал информацию и от материи, и от энергии. Понимал ее словно некий физический объект, а не свойство тел и частиц. Информацию сопоставляют с механизмом обратной связи, организованностью системы, противоположной процессам энтропии. Еще одной иллюстрацией служит энергия, категория, применимая к разным формам движения материи, превращающимся друг в друга, к объектам в микро- и макром мире, т.е. веществу, электромагнитным полям и излучению. Энергия измеряется в соразмерных единицах, джоулях, калориях, киловатт-часах и электронвольтах. Энергия представляет и субстанцию, и свойство реальных физических объектов. Масса объектов с учетом скорости света эквивалентна энергии, а безмассовые частицы обладают только скоростью и энергией. Номиналистическая редукция, таким образом, усложняется.

Абстрактные признаки помогают в осмыслении более общих закономерностей в природе. Что есть адаптация организма в биологии? Организм растет, перемещается, осваивает ресурсы, конкурирует с окружением, но адаптация – свойство более высокого порядка, чем описание поведения организма. К адаптациям относятся выигрышное поведение, приобретенная функция, комбинация генетического кода, повышающая эволюционные шансы, способность соперничать с видами и индивидами, дающие преимущество

признаки, приспособление к окружающей среде. Потребуется теория естественного отбора, чтобы отличить адаптивные признаки от нейтральных и неадаптивных. Адаптация и естественный отбор – умопостигаемый закон эволюции, объясняющий наблюдаемые спецификации организмов.

В других обстоятельствах индивиды, обозначаемые общим понятием, не наблюдаемы, но существуют в теории, компьютерных моделях, математических расчетах и спекуляциях. Они постулированы гипотетически в отсутствие фактуальных подтверждений. Понятие о них тоже абстракция. В качестве примеров приводят излучение Хокинга, гравитон, пятую силу взаимодействий. Дальнейшие опыты позволят конкретизировать термины, как произошло с атомами, кварками, гравитационными волнами и другими объектами, вначале далекими от физической определенности. Силы в ньютоновской физике – абстракции, которые конкретизировали с открытием взаимодействий в квантовом мире.

По словам Хакинга, новые естественные виды, как электрон, «часто являются результатом некоторых умозрений, которые постепенно оформляются в теорию и эксперимент» [12]. По мысли Бас ван Фраассена, наука создает имажинативные образы (*imaginative pictures*) для будущих наблюдений, которые могли бы добавочно скорректировать прошлые наблюдения [13].

Примечательно привести мнение об абстрактных объектах, высказанное Куайном: «Физические объекты концептуально вводятся в ситуацию как удобные посредники, причем не путем их объяснения в терминах опыта, но как несводимые постулируемые сущности (*posits*), эпистемологически сопоставимые с богами Гомера. <...> с точки зрения эпистемологии физические объекты и боги Гомера отличаются только по степени, а не в принципе. Оба типа сущностей входят в наше познание только как культурные постулируемые сущности. Миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других мифов в том отношении, что он оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта» [14].

Многие научные понятия являются абстракциями и обозначают идеи и концепты по контрасту с предметами в пространстве и времени. Возможные миры и контрфактические ситуации будучи абстрактными объектами актуально не существуют. Как считал Локк, абстракции – это знаки или идеи, а не реальные вещи. Мы же считаем, что абстрактные понятия объясняют наш опыт и положения вещей во внешнем мире, т.е. применимы в описаниях реальных объектов. Абстрактные и конкретные объекты заполняют наши картины мира.

Ученые принимают онтологические обязательства вместе с теорией, оправдывая существование множества объектов, которые теория допускает. Научные теории недоопределены данными, по убеждению Куайна, поэтому они только вероятны. Критериев решения, почему одна теория предпочтительнее, чем другая, может и не быть. Теории сравнивают с опытом в виде целого, а не редуцируют по атомам, предложение за предложением. Рудольф Карнап оправдывал абстрактные объекты прагматическим выбором языковых средств теории. Куайн, Патнэм, Хакинг предложили аргумент о неустрашимости теоретических объектов и оправданности абстракций в случае инструментального и индуктивного успеха теории. Инженерия и машины,

манипулятивный успех теорий, а не измерение и объяснение причин явлений у Хакинга превосходят все остальные.

Согласно суждению исследователей М. Лакса и Т. Криспа [11. С. 415–416], представление абстрактных объектов в качестве идей, а не реальных сущностей – особенность антиреализма (ван Фраассен, Нельсон Гудмен и др.). По мнению Хакинга, «антиреалисты не включают теоретические объекты в класс тех вещей, которые на самом деле существуют в мире: турбины – да, а фотоны – нет» [12]. Ван Фраассен полагал, что принятие научных теорий вызвано не истинностью, но лучшим способом объяснения известного набора фактов. Принимать теорию и верить в ее истинность – не то же самое. Приверженность ученых поиску истины не равнозначна вере в открытие истины. Принятие теории измеряется в субъективных вероятностях, в степенях убежденности о правильности сделанного выбора.

Антиреалисты оценивают теории по критериям эмпирической адекватности, прагматической целесообразности, простоты, информативности, предсказательной способности. Перечисленные критерии одобрит и реалист. Понимая язык теорий буквально, антиреалист не верит в его истинность и реальность постулированных сущностей, но признает эмпирическую адекватность, способность объяснения наблюдений [13]. Его намерение состоит в увеличении области знаний о наблюдаемом.

Теоретическая и эмпирическая части языка не разделены в отличие от наблюдаемых и ненаблюдаемых вещей, свойств и событий. Ван Фраассен ссылается на Куайна, Селларса и Максвелла как тех, кто предложил эту идею. Если объект не наблюдаем непосредственно, его детектируют приборами. Концепт и объект разделяет континуум наблюдаемости. Вывод к лучшему объяснению (от свидетельства E к гипотезе H против гипотезы H' на основании того, что $P(E/H) > P(E/H')$) оправдывает существование абстрактных объектов, которые теория постулирует. Ван Фраассен считает, что в теориях содержатся скрытые переменные, включенные в математический аппарат, с которым коррелируют воспринимаемые объекты. Инструментальный успех теории – это успех в измерениях физических величин и предсказании эффектов. Антиреалисты не верят ни во что, кроме реальности наблюдаемых вещей [15], и эта вера сближает их с номиналистами.

Пессимистическая метаиндукция в антиреализме – аргумент против индукции. Индукции как основания веры в истинность теорий. Раз в прошлом теории не раз признавали ложными, почему необходимо верить в их истину? Абстракции в научных моделях заполняют пробелы в наблюдениях, в неясных каузальных последовательностях и скрытых действующих факторах. Тесты гипотез восполняют недостающую информацию и проводят проверку эмпирической адекватности. Шаг за шагом в серии наблюдений конструируется обоснованная теория. Но нет гарантий, что допущения не подведут ее в дальнейшем. Китчер и Стэнфорд, наоборот, считают, что исчерпывающее знание структуры объектов и каузальных отношений гарантирует референцию.

Философы рассматривают объекты математики в качестве образца идеальных объектов, которые относятся к абстракциям. Числовые значения принимают масса, энергия, квантовые состояния, частоты сигналов, вероятности, пропозициональные функции, информация и, оказывается, что любые физи-

ческие величины. Слишком разные, несоизмеримые свойства измеряют количественными мерами. Таким образом, число не является физическим объектом, как воображали пифагорейцы. Если представить число физическим свойством, какое значение приобретет 0 или -1? Отсутствие вещи, денежный долг, отрицательная степень, начало движения, знак коэффициента, мнимые части вероятностных амплитуд, количество вещества или антивещества, обратные состояния – но какие состояния? Куайн рассматривал числа в составе релятивных терминов. В предложении языка науки посредством соединения с другими, в частности, физическими понятиями и величинами число приобретает значение.

Морис Клайн рассуждал об объектах математики следующим образом: «Даже если математические структуры сами по себе не отражают реальности физического мира, их тем не менее можно считать единственным ключом к познанию реальности. <...> Великий мыслитель (Дидро. – А.А.) сравнивал математика с игроком. И тот и другой сосредоточивают свои помыслы на исследовании некоего условного предмета, рожденного принятыми соглашениями» [16. С. 6–7]. Объекты математики как элементы математической реальности, универсума значений математических выражений живут самостоятельной жизнью.

Неоднократно, но тщетно, осуществляли попытки наделения физическим смыслом идеи бесконечности: от безграничности универсума до делимости материи и скорости движения. Помимо пределов в математическом анализе, других примеров встречается немного. Актуальная бесконечность до сих пор не найдена в природе. Под бесконечностью понимают неопределенности, погрешности в вычислениях, бесконечно малые и бесконечно большие величины, будущее расширяющейся Вселенной, пространство Гильберта или, все-таки с меньшим успехом, вечный двигатель – бесконечный источник энергии. Особый интерес представляют собой иррациональные числа, но в природе и им отведено мало места ввиду дискретности материи. Знание о точном числе частиц во Вселенной не ограничивает ряд целых чисел.

Объекты геометрии, согласно Куайну, понимают подобно идеальным объектам в физике в зависимости от того, какая признается геометрия физического мира. Чистые геометрические формы лишены физических интерпретаций, а значит, они не относятся к реальному четырехмерному пространству-времени, и другие метрики являются реальными в математике, но не в естественных науках [5. Р. 234]. Вопреки прагматизму Куайна, идея похожа на идею логического эмпириста Карнапа, который различал физические аксиоматизации и не интерпретированные формальные системы логики и математики. Куайн не соглашался с Карнапом, считая математические понятия не умозраительным априорным знанием, а тем, что происходит из опыта как любые идеи. Различие состоит в том, что математика дальше находится от периферии перцептивных данных. Из-за консерватизма ее положения пересматривают неохотно. Куайн был убежден, что объекты математики не отличаются от физических объектов, постулированных в теориях, и служат общей цели – упорядочению потока чувственного опыта. Математическое знание он считал квазиэмпирическим знанием. Карнап считал, что положения математики не верифицируются опытом, но происхождение любых идей обязано эмпирическому источнику.

Математические объекты обозначаются общими именами и не являются конкретными, но удивительно существуют в физическом и идеальном смысле, приданном им в математике.

Выводы

Номинализм наделяет существованием конкретные объекты [17]. Что является индивидом в онтологии мира, не настолько очевидно, как кажется. Стандартный ответ – физические объекты в пространстве-времени. Тогда лучшим выражением номинализма будет физикализм, а не метафизика. Сложности с физическими объектами в теориях номиналистов следующие:

1) Общие понятия обозначают не только индивидов, но группы, совокупности и системы индивидов. Общность существует в природе уникальных объектов. Она не создается в уме в качестве категоризаций поверх области значений, состоящей из индивидов. Индивиды не существуют в единственном числе, у данного правила много исключений. Сложные объекты проявляют свойства, которые не проявляют составные части, вследствие чего тоже наделены существованием. Нумерическое тождество объекта говорит об уникальности, но и здесь известны ограничения, из-за которых идентификации объектов в опыте не представляют собой разрешимую задачу для каждой возможной ситуации (*парадокс Тесея*).

2) Индивиды и универсалии не существуют по отдельности, ни в мышлении, ни в материальном пространстве-времени. Номиналисты отвергают универсалии в пользу подобия наблюдаемых свойств индивидов. Крайности номиналистического воззрения выражены в отрицании существования общего и реальности абстрактных объектов.

3) Редукция абстрактных признаков понятия к наблюдаемым свойствам усложнена. Абстрактные признаки способствуют осмыслению более универсальных закономерностей и взаимосвязей среди видов и свойств объектов. Абстрактные объекты скорее умопостигаемы в теории, чем наблюдаемы в опыте. Ученые допускают абстрактные объекты в теории на основании объяснительной силы (ван Фраассен, Хокинг и др.).

4) Откуда появляются абстрактные объекты? Некоторые физические объекты не существуют в пространстве-времени; не наблюдаемы или ограничено наблюдаемы с помощью чувств и приборов; помимо этого, не каждый объект материален, даже если каузально соотносится с физическими объектами (сознание, душа, мышление, смысл понятий). Границы наблюдаемого и ненаблюдаемого в природе подвижны. Концепт и объект разделяет континуум наблюдаемости [18].

В содержании познания нет противоположности эмпирического и теоретического знания (Куайн, Селларс). Края дистинкции сохраняют некое значение в соответствии с принципом наблюдаемости и более концептуальными средствами моделирования объектов, в том числе стратегиями познания (эксперимент против математических расчетов). Ван Фраассен и другие философы делали вывод о том, что концептуальные схемы не представляют собой реальные репрезентации объектов. Они упорядочивают данные и параметры наблюдаемого в опыте. Ничто не мешает понимать их, наоборот, в качестве реалистичных моделей физических объектов на основании известных из опыта сведений (Хокинг, Млодинов, Хакинг и др.).

Номинализация понятий предпочтительна с точки зрения эмпирической методологии. Если стратегия номинализации не реализуема, то значит прав реализм. Реализм допускает существование абстрактных объектов в качестве:

- 1) референтов множества абстрактных терминов,
- 2) концептуальных моделей физических объектов,
- 3) идеальных объектов в любых областях, включая математические идеализации,
- 4) фиктивных идей в литературных, художественных и других видах дискурса.

Так как абстрактные понятия относятся к идеям, то должны существовать идеи, у которых отсутствуют реальные денотаты. Любые идеи в качестве ментальных состояний носителей существуют в физическом и феноменальном смыслах, в соответствующем качестве они относятся к воображению и актам мышления, а не реальным объектам.

Фиктивные объекты наделены имаджинативным существованием. Это объясняет, почему им осмысленно приписывают атрибуты (*«минотавром не является русалка»*; *«круглый квадрат – логическое противоречие»*; *«флогистон – заблуждение Бехера»*), но атомарные предложения, где фиктивные объекты не отмечены в качестве фиктивных идей, являются ложью, согласно выводам Бертрانا Рассела [19]. Единственной истиной в их отношении, похоже, остается форма утверждения $\sim \exists xP(x)$, в силу того, что в логике отрицание ложного утверждения является истиной. Безусловно, в художественной литературе содержатся пропозициональные истины, т.е. истины в фактуальном смысле. Но художественная литература не несет онтологических обязательств в отличие от науки. Представим, что среди ее предложений возможно выделение подкласса фактуальных истин¹.

В логике индивид – это элемент множества. Понятие обозначает множество объектов от пустого, затем единичного до бесконечно значного. Элементы и множества мыслятся совместно. В языке нет того, чего в том или ином качестве не представлено в мире объектов. В языке мы находим предметные константы для уникальных объектов. В языке есть общие понятия – видов и родов сущего. Они означают общее, а не уникальное, но существующее в природе вещей. На основе успехов науки мы делаем вывод: реальные объекты познаваемы.

Общее и частное, виды и индивиды – части описаний мира, как и самого мира, так как нет мира вне описаний (концептуальной схемы). Без языка нельзя сказать, чем является мир и какие объекты его населяют. Мы принимаем существование конкретных, абстрактных и идеальных объектов, включая гипотетические объекты в научных теориях и моделях. Соответствующие объекты заполняют наши картины мира. Абстрактные понятия не всегда выразимы в конкретных понятиях, которые лучше соответствуют наблюдениям, а также не каждый мыслимый объект становится доступен наблюдению в пространстве-времени.

Любое имя ассоциировано и с объектами, и с другими понятиями в сети убеждений. Ни каузальная теория Сола Крипке и Хилари Патнэма, ни дескриптивная теория Фреге–Рассела не позволяют в точности понять рефе-

¹ Подробнее о фиктивных объектах и подходах к референции пустых понятий, а также референции к абстрактным объектам см., напр., в [20, 21].

рению пропозициональных выражений. У референции множественные основания, которые описывают идея о референциальном модусе дескрипций Доннеллана и теория референциального потенциала Китчера, Стэнфорда и др. Вопрос о модусах референции подробно исследуется в современной англоязычной философии.

Список источников

1. *Аристотель*. Метафизика. М. : РИПОЛ классик, 2018. 384 с.
2. *Плотин*. Эннеады. Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1995–1996. 394 с.
3. *Hume D.* A treatise of human nature. Oxford : Clarendon Press, 1896. 338 p.
4. *Lock J.* An essay concerning human understanding. University Park : Pennsylvania State University Press, 1999. 719 p.
5. *Quine W.* Word and object. Cambridge, Mass. : the MIT Press, 2013. 277 p.
6. *Ludlow P.* Descriptions // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Internet resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/descriptions/> (accessed: 16.06.2024).
7. *Cohen S.M.* Kripke: “Naming and necessity” (manuscript). 2008.
8. *Stanford P.K., Kitcher P.* Refining the causal theory of reference for natural kind terms // Philosophical studies. 2000. № 97. P. 99–129.
9. *Psillos S.* Kitcher on reference // International studies in the philosophy of science. 1997. Vol. 11, № 3. P. 259–272. doi: 10.1080/02698599708573570
10. *Rostworowski W.* The attributive-referential distinction and uses of definite descriptions // Filozofia Nauki. 2014. Vol. 22, № 3. P. 27–42.
11. *Лакс М.Д., Криси Т.М.* Метафизика. Современное введение. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2024. 472 с.
12. *Хакинз Я.* Представление и вмешательство. М. : Логос, 1998. 296 с.
13. *Van Fraassen B.S.* Constructive empiricism now // Philosophical studies. 2001. № 106. P. 151–170.
14. *Куайн У.* Две догмы эмпиризма. 2000. URL: <https://studfile.net/preview/9650296/page:2/> (дата обращения: 16.06.2024).
15. *Hawking S., Mlodinow L.* The grand design. New York : Bantam books, 2010. 288 p.
16. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М. : Мир, 1988. 295 с.
17. *Православная энциклопедия* (электронная версия). URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 16.06.2024).
18. *Maxwell G.* The ontological status of theoretical entities // Philosophy of science. 1962. Vol. 29, № 2. P. 132–138.
19. *Russell B.* On denoting // Mind. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493.
20. *Мигла А.В.* Референция «пустых» терминов как философская проблема : дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 128 с.
21. *Falguera J.L., Martinez-Vidal C.* Abstract objects // Stanford encyclopedia of philosophy. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/abstract-objects> (accessed: 16.06.2024).

References

1. Aristotle. (2018) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: RIPOL classic.
2. Plotinus. (1996) *Enneady* [Enneads]. Kiev: UTsIMM-PRESS.
3. Hume, D. (1896) *A Treatise of Human Nature*. Oxford: Clarendon Press.
4. Locke, J. (1999) *An Essay Concerning Human Understanding*. University Park: Pennsylvania State University Press.
5. Quine, W. (2013) *Word and Object*. Cambridge, Mass: MIT Press.
6. Ludlow, P. (n.d.) Descriptions. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/descriptions/> (Accessed: 16th June 2024).
7. Cohen, S.M. (2008) Kripke: “Naming and necessity.” [Manuscript].
8. Stanford, P.K. & Kitcher, P. (2000) Refining the causal theory of reference for natural kind terms. *Philosophical Studies*. 97. pp. 99–129.
9. Psillos, S. (1997) Kitcher on reference. *International Studies in the Philosophy of Science*. 11(3). pp. 259–272. DOI: 10.1080/02698599708573570

10. Rostworowski, W. (2014) The attributive-referential distinction and uses of definite descriptions. *Filozofia Nauki – Philosophy of Science*. 22(3). pp. 27–42.
11. Lax, M.J. & Crisp, T.M. (2024) *Metafizika. Sovremennoe vvedenie* [Metaphysics: A Contemporary Introduction]. Translated from English. Moscow: HSE.
12. Hacking, I. (1998) *Predstavlenie i vmeshatel'stvo* [Representation and Intervention]. Translated from English. Moscow: Logos.
13. Van Fraassen, B.S. (2001) Constructive empiricism now. *Philosophical Studies*. 106. pp. 151–170.
14. Quine, W. (2000) *Dve dogmy empirizma* [Two Dogmas of Empiricism]. Translated from English. [Online] Available from: <https://studfile.net/preview/9650296/page/2/> (Accessed: 16th June 2024).
15. Hawking, S. & Mlodinow, L. (2010) *The Grand Design*. New York: Bantam Books.
16. Kline, M. (1988) *Matematika. Poisk istiny* [Mathematics. Search for the Truth]. Translated from English. Moscow: Mir.
17. Russian Federation. (n.d.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/> (Accessed: 16th June 2024).
18. Maxwell, G. (1962) The ontological status of theoretical entities. *Philosophy of Science*. 29(2). pp. 132–138.
19. Russell, B. (1905) On denoting. *Mind*. 14(56). pp. 479–493.
20. Migla, A.V. (2013) *Referentsiya "pustykh" terminov kak filosofskaya problema* [Reference of “empty” terms as a philosophical problem]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
21. Falguera, J.L. & Martinez-Vidal, C. (2022) Abstract objects. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/abstract-objects> (Accessed: 16th June 2024).

Сведения об авторе:

Аргамасова А.А. – кандидат философских наук, исследователь МРОО «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: argamakova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Argamakova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). E-mail: argamakova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.10.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 13.10.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 165.0:82

doi: 10.17223/1998863X/82/3

КОГЕРЕНТИЗМ Л. БОНЖУРА, ИНТЕРНАЛИЗМ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ УКОРЕНЕНИЯ

Никита Владимирович Головко

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия,
golovko@philosophy.nsc.ru*

Аннотация. Цель статьи – показать, что концепция когерентистского обоснования эмпирического знания Лоуренса Бонжура может быть согласована с концепцией док-састического эпистемического отношения укоренения (Р. Ауди, Р. Фумертон, Х. Лон-гино), что позволит ответить на претензию Алана Голдмана, что «когерентность у Бонжура не является ни необходимым и ни достаточным условием знания». Основной акцент делается на том, что попытка говорить об обосновании только в терминах убеждений, оснований и отношения укоренения, по крайней мере, в первом прибли-жении лишена необходимости апеллировать к какой-либо наперед заданной концеп-ции обоснования или нормативности.

Ключевые слова: обоснование, когерентизм, интернализм, эпистемическое отношение укоренения, Л. Бонжур, К. Лере, У. Алстон, А. Голдман

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования: Головко Н.В. Когерентизм Л. Бонжура, интернализм и эпистеми-ческое отношение укоренения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 30–43. doi: 10.17223/1998863X/82/3

Original article

LAURENCE BONJOURS'S COHERENTISM, INTERNALISM AND EPISTEMIC BASING RELATION

Nikita V. Golovko

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation;
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
golovko@philosophy.nsc.ru*

Abstract. The article aims to show that Laurence BonJour's theory of coherentist justifica- tion of empirical knowledge can be reconciled with the concept of doxastic epistemic basing relation (R. Audi, R. Fumerton, H. Longino), which will allow responding to Alan Gold- man's claim that "coherence within BonJour's theory is neither a necessary nor a sufficient condition of knowledge". The main emphasis is placed on the fact that an attempt to speak about justification only in terms of beliefs, reasons and basing relation, at least as at first ap- proximation, is devoid of the need to appeal to any predetermined concept of justification or normativity. This allows, in particular, justifying internalism (an important component of BonJour's theory) without turning to the deontological concept of normativity. A sufficient

condition for the assumed basing relation to be satisfied is that the subject has a suitable meta-belief that explains why the given reasons are precisely the reasons by virtue of which the belief is held. By choosing as such an explanatory meta-belief a conditional narrative that reveals (within the framework of Bonjour's theory) the idea of the belief belonging to a given coherent set of beliefs, we find that coherence, as an obligatory component of the idea of justification in Bonjour's theory, will be a sufficient condition of justification.

Keywords: justification, coherentism, internalism, epistemic basing relation, Laurence Bonjour, Keith Lehrer, William Alston, Alan Goldman

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00739, <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation: Golovko, N.V. (2024) Laurence Bonjour's coherentism, internalism and epistemic basing relation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 30–43. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/3

В 2025 г. исполняется сорок лет книге Лоуренса Бонжура «Структура эмпирического знания» [1]. Оговоримся сразу, мы не считаем, что «книга разочаровывает отсутствием деталей, касающихся понятия когерентности», что «ни один стандарт обоснования, который в принципе можно считать корректным, не совместим с тем, что Бонжур говорит об обосновании», что «автору не удалось показать, что его эмпирические убеждения вообще могут иметь эмпирическое содержание» и т.д. (см., напр., [2]). Это не совсем так. В замечаниях критиков есть доля правды, но это не отменяет того факта, что с педагогической точки зрения, с точки зрения охвата и понимания многообразия всей проблематики эпистемического обоснования знания, с точки зрения влияния, которое книга оказала на развитие сразу нескольких тематик и направлений – эпистемическое обоснование, интернализм, экстернализм, фаундализм, когерентизм, эмпирическое знание, восприятие, связь убеждений и реальности и др., – это все еще лучший учебник по обоснованию эмпирического знания [3–5]. Хорошая концепция не обязана отвечать на все вопросы, скорее, хорошей ее делает то, что отдельные ее элементы со временем обнаруживают все новые и новые удачные сочетания, которые не дают концепции забыться, сохраняя ее востребованность.

Мы начнем с известного замечания Алана Голдмана о том, что «когерентность у Бонжура не является ни необходимым и ни достаточным условием знания» [6. Р. 125], но разговор пойдет не о знании, а об обосновании. Претензия, что данная концепция обоснования не дает знание, является слишком простой, и к тому же в нужном нам аспекте – мы будем рассматривать ту часть условного аргумента А. Голдмана, где он критикует интернализм, – логика рассуждений не пострадает. Суть претензии в том, что построенная Л. Бонжуром концепция обоснования не может обеспечить необходимое. И так как мы говорим о классическом проекте (реализм, интернализм, корреспондентная теория истины), то под «необходимым», конечно же, будет пониматься требование: эпистемически обоснованные убеждения (с большой вероятностью) должны быть истинными. Однако мы не обязаны соглашаться с предложенной логикой рассуждения, что если какая-то составляющая искусственно сконструированной концепции обоснования вызывает вопросы, то отсюда обязательно следует провальность всего проекта. Существует как минимум два разных варианта того, как мы можем зафиксировать, что убеждение обосновано. Мы можем внимательно проследить то, как при-

писывание эпистемического статуса убеждению удовлетворяет заранее выбранной концепции обоснования (вместе с уже заложенной концепцией нормативности, соответствующим пониманием условия замыкания, чувствительности и т.д.), а можем воспользоваться определением.

Убеждение обосновано, только когда оно надлежащим образом опирается на адекватные основания. Само по себе наличие адекватных оснований – это лишь достаточное условие обоснования. Для того чтобы убеждение было эпистемически обосновано, необходимо показать, что предполагаемый эпистемический статус убеждения должным образом следует из соответствующих оснований, что эти основания «являются именно теми основаниями (reasons), в силу которых (for which) убеждение принимается (held)» [7. Р. 26]. Между убеждением и основаниями, которые мы привлекаем для того, чтобы приписать ему тот или иной эпистемический статус, и относительно которых в идеале говорим об обосновании, должно быть выполнено некоторое «эпистемическое отношение укоренения» (epistemic basing relation), должным образом связывающее убеждение и основания его принятия. Никто не отрицает значимости дискуссии о природе эпистемической рациональности, соответствующих концепциях нормативности и моделях обоснования. Речь идет о том, что попытка говорить об обосновании только в терминах убеждений, оснований и отношения укоренения, по крайней мере, в первом приближении лишена необходимости апеллировать к какой-либо наперед заданной концепции обоснования или нормативности. Изменяется акцент, который делает исследователь, но этого вполне достаточно, например, для того, чтобы ответить А. Голдману. Ниже мы кратко остановимся на претензии А. Голдмана, перейдем к анализу примеров «цыганский адвокат» К. Лере и разнице между «состоянием быть обоснованным» и «действием по обоснованию», о которой говорит У. Алстон, и покажем, что в выбранной нами перспективе когерентность в концепции Л. Бонжура всегда будет достаточным условием, если не знания, то, по крайней мере, обоснования. Такой длинный ход рассуждений (кто-то может сказать, что само по себе заключение тривиально) оправдан тем, что одна из наших целей заключается в том, чтобы ввести в оборот и показать преимущество логики доксистической теории эпистемического отношения укоренения (Р. Ауди, Р. Фумертон, Х. Лонгино и др.) при анализе теперь уже классических концепций обоснования – когерентизма Л. Бонжура и К. Лере, эвиденциализма Р. Чизолма, Э. Кони и Р. Фелдмана, экстернализма А. Голдмана и др. Сложно считать подобные рассуждения в стиле «почему автор мог бы быть прав, когда говорил то, что он говорил» серьезным аргументом в пользу той или иной концепции. Однако эвристики могут говорить сами за себя. Апелляция к доксистической теории эпистемического отношения укоренения – это единственный известный нам аргумент в пользу интернализма (мы говорим именно об обосновании, а не о знании), который не обращается к деонтологической концепции нормативности.

Предварительные замечания

Одно из замечаний, которые приводит А. Голдман, посвящено критике «достоверности внутри системы»: «поскольку обоснование у Бонжура зависит только от выполнения субъектом соответствующих эпистемических обязательств (obligations) (курсив наш. – Н.Г.), то мы имеем дело с досто-

верностью с точки зрения субъекта, а не с актуальной достоверностью перцептуальных убеждений, которая нужна. Недостаточно просто показать, что собственная система убеждений внутренне когерентна. Бонжур не принимает экстернализм, но общая логика рассуждений должна сохраняться. Сама по себе внутренняя когерентность не релевантна знанию, даже если мы будем настаивать на том, что поступающие эмпирические данные истинны и отражают реальность. Тенденция сфабриковать когерентность так, чтобы наблюдения ее не нарушали, ослабляет аргумент Бонжура. Не существует естественного стремления к когерентности. Акцент нужно делать на интерсубъективном согласии, а не на внутренней когерентности системы убеждений субъекта» [6. Р. 126]. Эту претензию А. Голдмана можно проинтерпретировать как указание на то, что деонтологическая концепция нормативности буквально заставляет субъекта оставаться в рамках собственной «внутренней» системы убеждений. Как следствие, ни о каком «надлежащем» (в терминах классической эпистемологии, когда обоснованное убеждение с большой вероятностью истинно) отношении, которое связывает убеждение и его основания, речь идти не может, поскольку в концепции Л. Бонжура и убеждение, и основания – это лишь части одной и той же доступной субъекту системы убеждений, а обоснование понимается как функция когерентности этой же самой системы. Отметим, что тут А. Голдман не является оригинальным. В том же 1985 г. Уильям Алстон заметит, что «самая большая проблема деонтологической концепции эпистемического обоснования заключается в том, что она не согласуется (hook up) надлежащим образом с *адекватными приводящими к истине основаниями* (ground)» (курсив наш. – Н.Г.) [8. Р. 67]. И снова разговор идет о том, что обоснование предполагает, что убеждение «должно надлежащим образом опираться на адекватные основания». Речь, конечно, не может идти о какой-то строгой форме перехода от посылок к заключению, скорее (если этот аспект эпистемической аргументации кому-то интересен) это «надлежащим образом» – это предмет условной «неформальной» логики отношений. Но в любом случае аргумент должен на что-то опираться и теоретически это «что-то» должно быть обосновано. Проблема в том, что другого понимания нормативности в концепции Л. Бонжура нет, а значит, как только это «что-то» будет обосновано, то деонтологическая концепция нормативности будет участвовать в установлении предполагаемого отношения укоренения – отношения «надлежащим образом». Парадокс заключается в том, что для того, чтобы показать, что предполагаемое эпистемическое отношение укоренения не связано с деонтологической концепцией нормативности, равно как и с любой другой концепцией обоснования, нам нужно будет показать, что оно апеллирует к чему-то, что *не является обоснованным*. Звучит парадоксально, но ответ известен еще с 1970-х.

Проблема эпистемического отношения укоренения заключается в том, что субъект может обладать истинным убеждением, может обладать адекватными данными в пользу того, что это убеждение истинно, но так и не быть обоснованным в том, что убеждение истинно, просто потому, что он не сможет показать, что это убеждение должным образом опирается на данные основания. Существует много различных концепций, которые так или иначе указывают на эту проблему: это и разница между обоснованными и обосновываемыми убеждениями (Дж. Поллок), это и «строгая обоснованность»

(well-foundedness) в эвиденциализме (Э. Кони, Р. Фелдман), это и разница между докастическим и пропозициональным обоснованием (Р. Ферт). Есть и другие, менее известные концепции, например, «ex ante» и «ex post» обоснования Алвина Голдмана. Можно вспомнить дискуссию Дональда Брауна, Роберта Брауна и Пола Уэлша на страницах «The Philosophical Review» в 1950-х. Естественно, все это можно встретить, например, у Джорджа Мура: «Несомненно есть разница между: убеждение q было причиненно убеждением p , и q было принято (believed) на основании того факта, что p принято» [9. Р. 7]. Мы остановились на докастической интерпретации концепции эпистемического отношения укоренения в силу того, что «эта концепция является наиболее полным представлением проблем, которые можно найти в литературе за последние годы» [10. Р. 118].

«Цыганский адвокат» К. Лере

В 1971 г. на страницах «The Journal of Philosophy» вышла двухстраничная заметка Кита Лере, в которой он отвечал на критику своей позиции, что «основания, к которым субъект будет апеллировать для обоснования, могут не быть теми, которые собственно дадут ему знание, и те основания, которые дадут ему знание, могут не быть теми, к которым он апеллирует» [11. Р. 311]. В истории эти рассуждения К. Лере известны, как пример «цыганский адвокат». Предположим, что адвокат, защищающий подсудимого, абсолютно доверяет предсказаниям на картах. Карты говорят, что клиент невиновен. «Это повод для адвоката еще раз проанализировать улики, и ему неожиданно удастся построить очень сложную, но обоснованную (valid), линию рассуждений, подтверждающую, что клиент невиновен. Однако эмоциональная вовлеченность адвоката, общественная шумиха вокруг обсуждаемого дела, а также то, что его линия рассуждений гораздо сложнее линии рассуждений прокурора, мешает остальным согласиться с ним. И если бы не непреложная (unshakable) убежденность адвоката в предсказаниях на картах, то она бы и сама согласилась с прокурором. Только уверенность в картах дает основание сказать, что адвокат знает, что клиент не совершал убийство» [11. Р. 312]. Что произошло? Как отмечает Кит Коркз, в данном случае «адвокат рационализирует свое убеждение о том, что его клиент невиновен, но он не имеет надлежащих оснований (not justified) полагать, что его клиент невиновен, – его убеждение, что клиент невиновен, основано на „плохой причине“, – он апеллирует к картам» [12. Р. 528]. На наш взгляд, эту интерпретацию К. Коркза описанного примера К. Лере можно использовать в рассуждениях об обосновании в концепции Л. Бонжура. Здесь К. Коркз говорит о «плохой причине» и использует это наблюдение для того, чтобы предположить, что «более адекватным будет отношение, которое свяжет основания и убеждение посредством некоторого мета-убеждения, которое объясняет то, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается» (курсив наш. – Н. Г.) [12. Р. 532]. К слову, К. Лере также говорит о том, что «вопрос о том, дают ли основания знание, зависит от того, что данные основания объясняют» [11. Р. 311]. Логика интерпретации К. Коркза, которой мы и воспользуемся, заключается в том, что это «объясняет» может иметь гораздо большее значение для понимания того, как работает эпистемическое отношение укоренения, чем можно было бы предположить.

Представим себе «сомневающегося» цыганского адвоката. У сомневающегося адвоката есть мета-убеждение, которое объясняет, что «сложная линия рассуждений» является хорошим основанием для убеждения, что клиент невиновен, но он в нем сомневается. Теоретически, если у адвоката нет соответствующего мета-убеждения, то он не может основать свое убеждение о том, что клиент невиновен, на подходящей «сложной линии рассуждений», в то время как если у адвоката есть соответствующее мета-убеждение, то он основывает свое убеждение о том, что клиент невиновен, на подходящей «сложной линии рассуждений». И этот факт, следуя К. Коркзу, свидетельствует о том, что соответствующее объясняющее мета-убеждение это и есть то, что (при выполнении надлежащих условий) устанавливает укореняющее отношение между убеждением, что клиент невиновен и подходящей «сложной линией рассуждений». По крайней мере, у нас есть все основания полагать, что в некоторых случаях наличие соответствующего объясняющего мета-убеждения – это достаточное условие обоснования убеждения. В нашем случае это будет достаточное условие обоснования убеждения, что клиент невиновен, на основании подходящей «сложной линии рассуждений». Заметим, ничего относительно обоснованности данного мета-убеждения не говорится и не подразумевается. Будет ли это объясняющее мета-убеждение обоснованным, насколько обоснованным, будет ли подчиняться требованиям конкретной концепции нормативности или обоснования – совершенно не важно, независимо от того, что по поводу концепций обоснования думают Л. Бонжур, А. Голдман, К. Лере или кто-нибудь еще.

Сомневающийся цыганский адвокат обращается к картам, и они говорят ему, что клиент невиновен. И это именно вера в карты убеждает адвоката в том, что клиент невиновен. Более того, тот самый расклад (например, учитывая обычную неоднозначность гаданий на картах, когда комбинации разных карт могут указывать на одно заключение), который убеждает адвоката в том, что клиент невиновен, также убеждает его в том, что единственным основанием того, почему клиент невиновен, является то, что клиент – хороший человек, отец семейства. После сеанса, именно потому, что у него появилась уверенность в том, что клиент невиновен, которая получена из абсолютно достоверного (с точки зрения адвоката) источника, адвокат «еще раз анализирует улики и находит очень сложную, но обоснованную линию рассуждений, подтверждающую, что клиент невиновен». Однако в данном случае, в отличие от оригинального адвоката в примере К. Лере, сомневающийся адвокат не будет основывать свое убеждение, что клиент невиновен, на «сложной линии рассуждений». У сомневающегося адвоката, конечно же, есть убеждение, которое фиксирует «сложную линию рассуждений», – он получил его, анализируя улики, и он даже может основывать на нем другие убеждения, например, убеждение, что клиент очень умный и хитрый. Но в то же время адвокат сомневается в том, что «сложная линия рассуждений» действительно показывает, что клиент невиновен, потому что сама эта «сложная линия рассуждений» никак не связана со вторым «предсказанием», с тем, что клиент – хороший человек. «Сложная линия рассуждений» не пересеклась с предсказанной картами «причиной» того, почему клиент невиновен. Адвокат на основании «сложной линии рассуждений» очень даже может прийти к выводу, что клиент никак не мог совершить убийство, но абсолютная вера в карты

приводит к тому, что адвокат не принимает во внимание то, что клиенту сложно было совершить убийство, – он принимает факт, что клиент не совершал убийство на основании «сложной линии рассуждений» как истинный, но маловероятный, не участвующий в обосновании. У сомневающегося адвоката есть убеждение, которое фиксирует «сложную линию рассуждений», но он не опирается на него, когда обосновывает, что клиент невиновен. Между «сложной линией рассуждений» и убеждением «клиент невиновен» то самое эпистемическое отношение укоренения не выполнено.

Суть рассуждений К. Лере была в том, чтобы показать, что «основания, к которым субъект будет апеллировать для обоснования, могут не быть теми, которые собственно дадут ему знание, и те основания, которые дадут ему знание, могут не быть теми, к которым он апеллирует» [11. Р. 311]. И здесь мы не хотим погружаться в рассуждения о том, что значит «апеллировать», речь идет об «основаниях» и необходимом условии обоснования – эпистемическом отношении укоренения, которое связывает убеждение и основания должным образом. Подчеркнем, имеются в виду актуальные, а не какие-то возможные потенциальные основания. Субъект должен реально в моменте обладать основаниями, они должны быть ему доступны для того, чтобы можно было бы легитимно сказать, что, обосновывая данное убеждение, субъект опирается на эти основания. Нельзя просто сказать, что в примерах К. Лере адвокат мог бы (как один из вариантов потенциально возможного) заключить, что «сложная линия рассуждений показывает, что клиент невиновен». Он не «мог». Речь не идет об интуиции. Обоснование предполагает, что мы опираемся на адекватные данные. И в описываемой ситуации «сложная линия рассуждений» – это единственные адекватные данные, которые есть у адвоката. Вся суть примера заключается в том, что «сложная линия рассуждений» показывает, что клиент невиновен. Примечательно то, что Л. Бонжур также настаивает на том, что вопрос об обосновании может решаться только по отношению к актуальным субъектам и актуальным убеждениям. Например: «система убеждений должна обладать достаточной степенью когерентности, большей, чем степень когерентности любой другой альтернативной системы; и решение, какую из них принять, будет зависеть от практической ситуации, а не от рассуждений об „уровне“ когерентности» [1. Р. 154], или «отношение эпистемического приоритета между индивидуальными убеждениями зависит от того, какое именно убеждение или множество убеждений будет анализироваться в каждом конкретном случае» [1, Р. 92]. Не удивительно, Л. Бонжур рассматривает обоснование именно эмпирического, а значит – контингентного знания, и это для него, по сути, эмпирический вопрос. Данный адвокат действительно обладает данными, на основании которых он заключает (если выполнено соответствующее отношение укоренения, связывающее это убеждение и актуальные адекватные данные), что клиент невиновен. И именно в этом смысле мы говорим, что если у адвоката есть убеждение, которое объясняет, что на основании «сложной линии рассуждений» клиент невиновен, то мы можем, в принципе, сказать, что убеждение о том, что клиент невиновен, основано на «сложной линии рассуждений» и что в принципе в этом случае эпистемическое отношение укоренения может быть зафиксировано и выполнено. Актуальное влечет потенциальное. И наоборот, если у адвоката нет конкретного убеждения, которое объясняет, что на основании «сложной линии

рассуждений» клиент невиновен, то мы и не сможем сказать, что убеждение о том, что клиент невиновен, основано на «сложной линии рассуждений». Наличие соответствующего объясняющего мета-убеждения – это достаточное условие установления предполагаемого отношения укоренения.

У. Алстон и экстернализм

Следующий шаг снова возвращает нас к уже упомянутой работе У. Алстона 1985 г.: «...прежде чем говорить о концепциях обоснования, мы должны развести *состояние* быть обоснованным и *действие* по обоснованию убеждения. Первое, это именно статическое состояние, в котором находится субъект, а не что-нибудь, что субъект делает. Действие, наоборот, предполагает, что субъект делает что-то для того, чтобы показать что *P*, или показать, что убеждение обосновано, или продемонстрировать обоснование. Мое убеждение, что на столе стоит стакан, может *быть* обосновано, потому что я вижу стакан на столе, даже несмотря на то, что я не сделал ничего для того, чтобы показать, что на столе стоит стакан, или показать, что я обоснован в том, что на столе стоит стакан. Удивительно, как часто этот момент путают в литературе» [8. Р. 58]. В нашем случае «*действие* по обоснованию убеждения» – это «намеренная, интенциональная демонстрация того, что субъект действительно обладает тем, что является, как он искренне считает, адекватными основаниями в пользу убеждения». Учитывая то, что «состояние» и «действие» независимы, отсюда следует важный вывод. Субъект может *попытаться* показать, что данное убеждение обосновано, даже если субъект не обоснован, *не находится* в состоянии «быть обоснованным». Например, пусть в системе убеждений субъекта есть убеждение, скажем: «в Томском государственном университете есть философы», которое он долгое время принимает как обоснованное, хотя на самом деле в какое-то t^* – сейчас он не может привести должное обоснование. Возможно, когда-то субъект мог привести обоснование, но потом детали забылись, и сейчас субъект просто принимает это убеждение как обоснованное. Надлежащее отношение укоренения не выполнено. И только если поместить субъекта в соответствующую ситуацию, буквально заставить привести аргументы в пользу обоснованности убеждения, то только тогда субъект может обнаружить, есть ли у него хорошие основания принять убеждение и может ли субъект действительно считать убеждение обоснованным на основании того, что соответствующее отношение укоренения выполнено. Субъект может принимать убеждение независимо от того, обосновано оно или нет. Важно то, что субъект может *начать* показывать, что он обоснован в тот момент, когда он не обоснован, и в результате «сложной линии рассуждений», в результате некоторого процесса по обоснованию убеждения, в результате действия, субъект может (в первый раз) прийти к выводу, что убеждение обосновано. И ключевой момент здесь заключается в том, что фиксация конкретного представления (наличие соответствующего объясняющего мета-убеждения) о том, что данные основания «поддерживают» (эпистемически свидетельствуют в пользу) это убеждение, является достаточным условием того, что это убеждение должным образом опирается на данные основания.

Вернемся к примерам К. Лере, актуальным субъектам, обосновывающему мета-убеждению и «сложной линии рассуждений». Попытка показать, что

субъект обоснован, не предполагает, что субъект на самом деле обоснован, но если демонстрация окажется удачной, то по крайней мере при определенных условиях то самое мета-убеждение будет достаточным условием того, что убеждение обосновано. И тогда, если *демонстрация* того, что убеждение обосновано посредством данных оснований, при определенных условиях может быть достаточным условием того, что убеждение обосновано (и мы помним, что *необходимым* условием обоснования является то, что это убеждение «надлежащим образом опирается» на данные основания), то та же самая демонстрация того, что убеждение обосновано посредством данных оснований, при определенных условиях, может быть *достаточным* условием того, что убеждение «надлежащим образом опирается» на данные основания. Адвокат может актуально показать, что клиент невиновен на основании «сложной линии рассуждений», а значит, адвокат *может* быть обоснован в том, что клиент невиновен на основании «сложной линии рассуждений». Заметим, ни о какой «причинной связи» между основанием – «сложной линией рассуждений» и убеждением – «клиент не виновен» не говорится. Адвокат понимает (у него есть соответствующее мета-убеждение), что «сложная линия рассуждений» является хорошим основанием для того, что клиент невиновен, и это значит (если мы пропишем все необходимые обстоятельства), что наличия соответствующего объясняющего мета-убеждения в целом достаточно для того, чтобы показать, что он обоснован в том, что клиент невиновен. Обоснование предполагает, что адвокат *должен* опираться на адекватные данные, и в нашем случае это и есть присутствующая «сложная линия рассуждений». Здесь говорится только о *наличии* соответствующего объясняющего мета-убеждения, которое субъект «изобретает» в процессе обоснования, и ничего не говорится и не подразумевается о его обоснованности. Естественно, мы не говорим о том, что каждое подходящее объясняющее мета-убеждение, которое может возникнуть у субъекта в процессе обоснования, подходит на роль того самого мета-убеждения, которое является достаточным условием того, что это убеждение должным образом опирается на данные основания. Это предмет отдельного исследования. Но в целом приведенной логики рассуждений уже достаточно, например, для того, чтобы, не прибегая к каким-либо дополнительным соображениям, решить крайне важный для Л. Бонжура вопрос – исключить экстернализм как основание хорошей концепции обоснования.

С точки зрения парадигмы, в которой мы находимся, необходимым условием того, что это убеждение обосновано посредством данных оснований, является то, что между убеждением и основаниями выполнено отношение укоренения, которое гарантирует, что это убеждение должным образом опирается на адекватные основания. Выше, исходя из приведенного анализа примеров К. Лере, мы подчеркивали, что рассматриваем только случай, когда достаточным условием задания предполагаемого отношения укоренения является соответствующее мета-убеждение, объясняющее то, как в данном случае связаны убеждение и основания. В литературе это называется «доксастическая теория эпистемического отношения укоренения» (см., напр., [12]). Другими словами, тот факт, что у нас есть соответствующее объясняющее мета-убеждение, помогает нам указать на предполагаемое отношение укоренения, но, конечно, самого этого факта не достаточно для того, чтобы окон-

чительно определиться с обоснованностью. Примечательно то, что экстернализм по определению не требует соответствующего объясняющего мета-убеждения. Например, как отмечает Майкл Уильямс, «суть экстернализма – приводить к знанию, когда выполнены определенные условия, независимо от того, знает ли субъект о том, выполнены они или нет» [13. Р. 319], или, как пишет Дэвид Армстронг, «обоснование зависит от „внешнего“ отношения между субъектом и его убеждением, с одной стороны, и миром – с другой, и определяется законоподобной связью между положением дел, в котором субъект принимает, что *P*, и положением дел, в котором *P* истинно» [14. Р. 166]. И это значит, что если мы заранее выберем какой-нибудь вариант «доксастической теории», то в этом случае экстернализм не может быть одной из возможных составляющих предполагаемой концепции обоснования. Это интересный вывод. Мы получили аргумент в пользу интернализма, который, вопреки замечаниям У. Алстона о том, что «любые аргументы в пользу интернализма являются следствием деонтологической концепции обоснования, а значит, сам интернализм наследует все проблемы этой концепции» [15. Р. 215], не предполагает деонтологическую концепцию нормативности.

Не вдаваясь в детали дискуссии об интернализме и экстернализме, а она достаточно богата (Л. Бонжур внимательно обсуждает этот вопрос [3]), в общем случае это разные варианты ответа на вопрос, необходим ли нам интроспективный доступ к содержанию убеждений, к основаниям, посредством которых мы их обосновываем, к отношению между этим убеждением и данными основаниями, для того чтобы заключить, что основания адекватны, а убеждение обосновано должным образом. Интернализм утверждает, что «эпистемические факторы, которые определяют то, являются ли убеждения обоснованными, должны быть доступны (*accessible on*) рефлексивно» [16. Р. 85], в то время как экстернализм в общем случае так или иначе отрицает, что «интроспективный доступ» является необходимым условием обоснования. Естественно, существует много различных вариантов интернализма и экстернализма, но положение в нашем случае спасает то, что Л. Бонжур рассматривает деление интернализм / экстернализм как дихотомию. «Экстерналистский ответ на затруднения фаундализма предполагает, что субъект, для которого данные убеждения являются базовыми, *не должен* когнитивно схватывать основания, следуя которым, базовые эмпирические убеждения с большой вероятностью являются истинными. Эпистемическое обоснование базовых эмпирических убеждений следует из отношения, причинного или номологического по своей природе, между субъектом и миром. Такое обоснование не зависит от субъективного понимания ситуации, не включает другие убеждения или когнитивные состояния. Экстернализм не релевантен классическим постановкам основных эпистемологических вопросов. И вместе с рядом других, как правило, „аналитических“ подходов, *неадекватно* представляет себе проблемы, на решение которых нацелен» [1. Р. 36]. Следуя Л. Бонжуру, исходя из его логики рассуждений, экстернализм неприемлем.

С точки зрения доксастической теории эпистемического отношения укоренения (которую мы специально привлекаем для того, чтобы соответствующим образом проинтерпретировать концепцию Л. Бонжура) для того чтобы убеждение было обосновано посредством данных оснований, субъект должен иметь интроспективный доступ (вместе с доступом к убеждению и к основа-

ниям), во-первых, к отношению укоренения, связывающему убеждение и основания, а во-вторых, должен понимать, являются ли достаточными данные основания, а также тот факт, что предполагаемое отношение укоренения выполняется для того, чтобы убеждение было обоснованным. Субъект должен понимать, что данные основания являются именно теми основаниями, которые обосновывают убеждение, и что именно эти основания являются адекватными для поставленной задачи. Отмеченные два аспекта независимы друг от друга. И когда выше мы говорим в отношении того самого соответствующего объясняющего мета-убеждения, что нам не важно, является ли оно обоснованным или нет, то мы отрицаем второй аспект (фиксирующий адекватность оснований и выполнение отношения укоренения), но не отрицаем первый аспект (существование отношения укоренения). В то же время экстерналисты, как мы видели, вообще не считают интроспективный доступ к отношению укоренения релевантным поставленной задаче обоснования убеждения. И это значит, что если у адвоката есть соответствующее объясняющее мета-убеждение, то и отношение укоренения есть (при выполнении ряда дополнительных условий, конечно), а значит, от экстернализма можно отказаться. Более того, как следствие, в этом смысле процессный релейбилизм А. Голдмана как один из наиболее ярких примеров последовательной экстерналистской концепции обоснования также не нужен. Если это убеждение может (с оговорками) опираться на данные основания, без того, чтобы мы предположили, что сами основания включаются в процесс «производства» убеждения, то это значит, что убеждение может быть обосновано, даже если оно не произведено достоверным процессом.

* * *

Лучшим подтверждением того, что книга Л. Бонжура все еще актуальна, является то, что ее можно «достроить», не слишком нарушая дискурс в «соседних» областях, которые не осознавались автором как значимые либо вообще на момент написания книги еще даже не были должным образом оформлены. Проблема лишь в том, чтобы адекватно заполнить недостающие лакуны. Выберем в качестве одного из вариантов предполагаемого объясняющего мета-убеждения как достаточного условия для установления искомого отношения укоренения условный «нарратив», раскрывающий в рамках концепции Л. Бонжура представление о принадлежности убеждения данному когерентному множеству убеждений. Ключевой момент любой когерентистской теории обоснования – это представление о том, что убеждение обосновано именно в силу того, что оно принадлежит заданному множеству убеждений, которое является когерентным. Именно «membership» – принадлежность когерентному множеству определяет эпистемический статус. Более того, убеждение принадлежит множеству убеждений субъекта только в том случае, если оно является убеждением, которое субъект принимает. Исходя из самых общих соображений о том, как анализируемое убеждение принимается в систему убеждений субъекта, мы можем сказать, что по крайней мере в каком-то смысле это убеждение должно быть чем-то лучше, чем его актуальные (или даже возможные) конкуренты, например, исходя из анализа доступной (либо потенциально возможной) опровергающей аргументации. Субъект не просто принимает убеждение, он принимает (а) то, что «убеждение надлежащим способом “возникает из” оснований», а также (б) то, что вот это

«принятие того, что убеждение надлежащим способом „возникает из“ оснований» в каком-то смысле лучше, нежели другое отношение, которое связывает убеждение и систему. Не вдаваясь в детали, отметим, что обе составляющие (а) и (б) без труда можно проследить в концепции Л. Бонжура (см., напр., [3–5]). Вся суть «возникает из» связана с тем, как именно убеждение соотносится с когерентной системой, как оно включается в нее. Вся суть «лучше» связана с ответом на вопрос, почему мы должны остановить свой выбор именно на этой системе убеждений. В обоих случаях Л. Бонжур подчеркивает значимость практики: «всегда будут системы, которые очевидно превосходят требуемый уровень когерентности. И решение, какую из них принять, будет зависеть от практической ситуации» [1. P. 154]. И поскольку Л. Бонжур интерналист, то точно так же без труда интерпретируются приведенные выше требования доксистической теории эпистемического отношения укоренения. Субъекту интроспективно доступны основания, понимание того, что это адекватные основания для обоснования данного убеждения, а также понимание того, что обоснование убеждения должно опираться на эти основания в смысле выполнения соответствующего отношения укоренения, связывающего убеждение и основания должным образом. И точно так же достаточным условием того, что предполагаемое отношение укоренения выполнено, будет то, что у субъекта есть подходящее мета-убеждение, которое объясняет, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается. В этом смысле «когерентность» как обязательная часть представления об обоснованности убеждения в концепции Л. Бонжура (и это отчетливо видно, в том числе, когда мы разбираем вопрос включенности убеждения в систему убеждений субъекта), будет достаточным условием обоснования. Независимо от того, что А. Голдман или другие критики концепции Л. Бонжура могут сказать о состоятельности и самой концепции обоснования в целом и ее отдельных составляющих.

Список источников

1. *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985.
2. *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies* // ed. J. Bender. Kluwer Academic Publishers, 1989.
3. Головкин Н.В. Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153.
4. Головкин Н.В. Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы. Рец. на кн.: *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Сибирский философский журнал. 2024а. Т. 22, № 1. С. 105–137.
5. Головкин Н.В. Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности. Рец. на кн.: *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) // Сибирский философский журнал. 2024б. Т. 22, № 2 (в печати).
6. *Goldman A.* Bonjour's Coherentism // *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies* / ed. J. Bender. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 125–133.
7. *Harman G.* Thought. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1973.
8. *Alston W.* Concepts of Epistemic Justification // *Monist*. 1985. Vol. 68, № 1. P. 57–89.
9. *Moore G.* Inference // *Commonplace Book 1919–1953* / ed. C. Lewy. New York : Routledge, 1962. P. 7–8.

10. Neta R. The Basing Relation // *The Routledge Companion to Epistemology* / eds. S. Bernecker, D. Pritchard. New York : Routledge, 2011. P. 109–118.
11. Lehrer K. How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer // *Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, № 10. P. 311–313.
12. Korcz K. The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation // *Canadian Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 30, № 4. P. 525–550.
13. Williams M. *Unnatural Doubts. Epistemological Realism and the Basis of Skepticism*. Oxford : Blackwell, 1991.
14. Armstrong D. *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge University Press, 1973.
15. Alston W. Internalism and Externalism in Epistemology // *Philosophical Topics*. 1986. Vol. 14, № 1. P. 179–221.
16. Steup M. *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ : Prentice-Hall, 1996.

References

1. BonJour, L. (1985) *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
2. Bender, J. (ed.) (1989) *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies*. Kluwer Academic Publishers.
3. Golovko, N.V. (2023) Problema regressa i kritika faundalizma. Rets. na kn.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) [The Problem of Regress and the Critique of Fundamentalism. Review of the book: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 21(4). pp. 109–153.
4. Golovko, N.V. (2024a) Kognitivno spontannye ubezhdeniya i dostovernost' vnutri sistemy. Rets. na kn.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) [Cognitively spontaneous beliefs and credibility within the system. Review of the book: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 22(1). pp. 105–137.
5. Golovko, N.V. (2024b) Meta-obosnovanie i neobkhodimost' sootvetstviya ob'ektivnoy real'nosti. Rets. na kn.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) [Meta-justification and the need for correspondence to objective reality. Review of the book: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 22(2). [In print].
6. Goldman, A. (1989) Bonjour's Coherentism. In: Bender, J. (ed.) *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies*. Kluwer Academic Publishers. pp. 125–133.
7. Harman, G. (1973) *Thought*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Alston, W. (1985) Concepts of Epistemic Justification. *Monist*. 68(1). pp. 57–89.
9. Moore, G. (1962) Inference. In: Lewy, C. (ed.) *Commonplace Book 1919–1953*. New York: Routledge. pp. 7–8.
10. Neta, R. (2011) The Basing Relation. In: Bernecker, S. & Pritchard, D. (eds) *The Routledge Companion to Epistemology*. New York: Routledge. pp. 109–118.
11. Lehrer, K. (1971) How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer. *Journal of Philosophy*. 68(10). pp. 311–313.
12. Korcz, K. (2000) The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation. *Canadian Journal of Philosophy*. 30(4). pp. 525–550.
13. Williams, M. (1991) *Unnatural Doubts. Epistemological Realism and the Basis of Skepticism*. Oxford: Blackwell.
14. Armstrong, D. (1973) *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge University Press.
15. Alston, W. (1986) Internalism and Externalism in Epistemology. *Philosophical Topics*. 14(1). pp. 179–221
16. Steup, M. (1996) *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.

Сведения об авторе:

Головко Н.В. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета (Но-

Новосибирск, Россия); ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovko N.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, head of the Department of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 10.10.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/82/4

НАУЧНЫЕ КЛАССИФИКАТОРЫ И НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА

Евгений Валерьевич Масланов

*МРОО «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия,
evgenmas@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль классификаторов в научной политике. Выделяется три режима функционирования науки: «Режим 1», «Режим 2», постнормальная наука. В «Режиме 1» классификаторы играли роль «карты», фиксирующей дисциплинарное деление научных исследований. В новых модусах существования науки они используются внеаучными агентами для анализа поля науки.

Ключевые слова: наука, научные классификаторы, постнормальная наука, наука и общество, научная политика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки».

Для цитирования: Масланов Е.В. Научные классификаторы и научная политика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 44–54. doi: 10.17223/1998863X/82/4

Original article

SCIENTIFIC CLASSIFIERS AND SCIENTIFIC POLICY

Evgeniy V. Maslanov

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
evgenmas@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes the role of classifiers in scientific policy. At present, at least three modes of science functioning can be distinguished: Mode 1.0, Mode 2.0, and post-normal science. The first of them is associated with disciplinary science, while in the others, interdisciplinary research, interaction with society, and the use of scientific results in economic life and in the creation of new technological solutions play a significant role. The emergence of Mode 2.0 and post-normal science has led to a transformation of the role of classifiers. Initially, in Mode 1.0, they played the role of a “map” that recorded the disciplinary division of scientific research. At the same time, scientists rarely relied on it in their immediate work. Scientific interests do not depend on the “divisions” of the classifier and can even be associated with disciplines that already exist in the field of science, but have not yet found their reflection in it. The classifier was used to roughly place one’s own work in a certain research context. In new modes of scientific existence, classifiers become a “map” used by extra-scientific agents to analyze the scientific field. They begin to play a key role in shaping communication between scientists and agents external to science. Classifiers make it possible to structure not only scientific results, but also groups working in science. This is what makes it possible to find experts and research teams of interest to agents external to science. Initially, it is easier for them to focus on the divisions of the classifier, which organize studies and groups within scientific disciplines and objects of study. As a result, classifiers become a fundamentally important element of scientific policy. They allow external agents to select studies of interest to them, allocate funding to scientific groups, and build in-

interactions with them. Previously, an “error” in classifying one’s own studies did not play a special role in the existence of a research group. It could be leveled by successful work that would be appreciated by colleagues formally belonging to a different cell of the classification. Now, however, such an error can make the group poorly visible to actors external to science, which can greatly complicate its existence. Therefore, the “map” of science created by classifiers now is not only of a reference nature, but also actively used to manage it.

Keywords: science, scientific classifiers, post-normal science, science and society, science policy

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science.

For citation: Maslanov, E.V. (2024) Scientific classifiers and scientific policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/4

В современном обществе наука играет одну из ключевых ролей. Все чаще говорится о необходимости выстраивания стратегий управления наукой, призванных, с одной стороны, направить научный поиск в определенное русло, а с другой – снизить опасность возникновения непредвиденных рисков. Попытаемся описать роль классификаторов науки как одного из элементов подобной деятельности.

Фундаментальная, прикладная и постнормальная наука

Можно выделить несколько модусов или режимов существования науки. Так, к примеру, М. Гиббонс, Х. Новотны и П. Скотт пишут о существовании двух режимов создания научного знания. Первый из них, «Режим 1» (Mode 1.0), условно может быть соотнесен с дисциплинарной фундаментальной наукой, тогда как «Режим 2» (Mode 2.0) – с прикладными междисциплинарными исследованиями. Исторически они формировались не совсем в такой последовательности. Конечно же, исследования основателей научного метода были ориентированы не только на удовлетворение собственного любопытства и поиск фундаментальных законов природы, но иногда и на решение вполне прикладных задач. К примеру, как отмечает С. Шейпин, «милитаризация науки – это вовсе не изобретение XX в.: практические исследования приложения сил и устойчивости оборонительных сооружений были важными разделами „математических наук“ в классическую эпоху; астрономия всегда соотносилась с искусством навигации и политическим контролем над большими территориями, и ее важность только возросла в период Великих географических открытий» [1. С. 469]. После изобретения в Европе пороха баллистика и металлургия стали важным объектом приложения формирующихся научных знаний. Однако в этот период сложно говорить о развитой дисциплинарной структуре науки. Именно становление науки и ее дифференциация и приводят к появлению «Режима 1» (Mode 1.0). Его можно описать как ориентированное на фундаментальные и экспериментальные научные исследования в специально организованных пространствах. Подобный механизм получения научного знания тесно связан с дисциплинарной структурой науки. Ученый принадлежит к отдельной научной дисциплине и работает в ее пределах, выход за которые не запрещен, но не всегда поощряется. Ведь каждая из дисциплин обладает собственными моделями описания реальности,

ищет ответ на определенный круг вопросов исходя из своих теоретических и экспериментальных предпосылок. Собственно это и есть «нормальная» наука. Для такого «режима» вполне возможно превращение фундаментальных научных исследований в прикладные технологии, хотя это и не является ключевой целью. Более того, сам механизм этого трансфера предполагает, что результаты сначала были получены в процессе научных исследований в специально организованных условиях, а лишь затем происходит их перенос за пределы науки. Наука и применение ее результатов за пределами научного сообщества четко разделены.

Этот способ производства научного знания в современном мире не исчез, но, как отмечают исследователи, формируется и новый механизм – «Режим 2» (Mode 2.0). Первой его особенностью выступает то, что знание получается не только, а даже и не столько в специально организованной научной лаборатории, но формируется в процессе применения уже имеющихся знаний. «Контекст применения, – пишут Х. Новотны, П. Скотт и М. Гиббонс, – напротив, описывает общую среду, в которой возникают научные проблемы, разрабатываются методологии, распространяются результаты и определяются границы их использования» [2. Р. 186]. В этом случае подобное знание носит контекстуальный характер. Это, конечно, не говорит о невозможности его распространения на другие ситуации или контексты, но всегда предполагает учет специфических особенностей новых условий. Поэтому для формирования этого типа знания необходимо привлекать результаты, описывающие разные грани этого контекста, которые получены в различных научных дисциплинах. Оно носит междисциплинарный характер. Правда, эта его особенность не гарантирует и даже не предполагает, что на основе синтеза, полученного при решении конкретной проблемы, обязательно сформируется новая научная дисциплина. Возможно, после достижения результата это «единство» распадется и больше не будет востребовано. Однако эта особенность ведет к тому, что теперь знания оказываются «закодированы» не только в научных статьях, но и в опыте ученых и исследовательских групп, участвующих в решении проблем. Во многом оно оказывается «личностным», «экспертным» знанием, которое лишь частично может быть передано при помощи стандартов научного дискурса, определяющих способы написания научных текстов. Его ситуативность выражается в еще одной особенности – принципиальное многообразие институций, которые могут принимать участие в его создании. Причина состоит как в технологических изменениях – развитии информационно-коммуникационных систем, так и в том факте, что «исследовательские сообщества теперь имеют открытые границы, – пишут исследователи, – что позволило многим новым типам организаций, работающих со знаниями, такими как аналитические центры (think-tanks), консультанты по управлению и группы активистов, присоединиться к исследовательской игре» [2. С. 187].

Важной особенностью этого модуса существования научного знания становится его рефлексивность. Теперь исследователи не просто взаимодействуют с «объективной», не зависимой от них реальностью. Новые технологические решения ведут к изменениям, которые должны быть учтены в процессе исследования. При этом вовлечение большого количества заинтересованных агентов «требует от участников постоянного подхода к

исследованию с точки зрения других участников в рамках продолжающегося процесса переговоров (по поводу исследования. – Е.М.). Это, в свою очередь, приводит к гораздо более рефлексивной форме исследования с более глубоким пониманием самого исследовательского процесса» [3. Р. 191–192]. Рефлексивность направлена как на анализ дизайна научной работы, так и на оценку ее возможных последствий. Ведь ситуативный контекст может носить решающее значение как для разработки исследовательской стратегии и реализации познавательных процедур, так и для выработки решений на основе полученных результатов. Отказ же от обращения к нему может вести к печальным последствиям [4]. Наконец, Х. Новотны, П. Скотт и М. Гиббонс отмечают, что все это приводит к тому, что подобные исследования больше не имеют четких и надежных аналогов в стандартной дисциплинарной структуре науки. К примеру, разработка нового типа самолета, способного совершать суборбитальные полеты, может быть представлена как задача, требующая участия большого количества специалистов. Она носит прикладной и междисциплинарный характер, и поэтому вряд ли изначально связана лишь с одной научной дисциплиной. Но для «Режима 2» (Mode 2.0) важно и то, что ее решение требует привлечения большого количества агентов – это не только ученые и инженеры, но и специалисты в области управления проектами, выстраивания коммуникации между различными группами, агенты, способные учитывать требования пользователей данных устройств. Все это формирует новые условия оценки качества и успешности реализации проектов. Например, если финансирование было получено от организаций, ориентированных на проведение научных исследований, комфорт возможного пассажира летательного аппарата может не рассматриваться как важный критерий при оценке успешности реализации проекта; тогда как организация, ставящая своей целью использование этого аппарата для космического туризма, придаст этому параметру намного большее значение.

В настоящее время можно выделить и еще один тип науки – постнормальную науку. С. Фунтович и Дж. Раветц отмечают, что она связана с решением задач, которые представляют значительный интерес не только для профессионального научного сообщества, но и для широких слоев населения [5]. К ним могут быть отнесены, например, исследования в области изучения климата, болезней, когнитивных технологий или создания искусственного интеллекта. Подобная наука не может отгородиться от общества, а решаемые ею проблемы и задачи, как и в описываемой Х. Новотны, П. Скоттом и М. Гиббонсом науке «Режима 2», становятся комплексными и междисциплинарными. При этом исследования, характерные для постнормальной науки, оказываются связаны с ситуацией, в которой 1) факты неопределенны, т.е. они могут как по-разному интерпретироваться, так и ставиться под сомнение различными исследовательскими группами или агентами, заинтересованными в этих исследованиях; 2) ценности спорны, т.е. нет согласия не только по поводу механизмов использования результатов научных исследований, но и относительно возможной интерпретации первоначальных эмпирических данных, ведь наука пытается найти ответы на вопросы, имеющие общественный резонанс; 3) ставки высоки, т.е. действия, совершаемые на основе выработанных рекомендаций, могут привести к значимым социальным, экономическим, экологическим или другим последствиям, любой выбор, в том числе и

бездействие, формирует риски, которые должны быть учтены при реализации указанных рекомендаций; 4) решения настоятельны, т.е. вопросы, на которые ищут ответы, вряд ли могут быть проигнорированы, или само их игнорирование оказывается целенаправленным выбором. Для подобного типа науки рациональность состоит не только в следовании определенным канонам решения научных задач, «рациональной теперь обязана быть, – анализируя специфику постнормальной науки, отмечают В.Н. Порус и В.А. Бажанов, – селекция насущных задач науки и способов их разрешения с учетом того, чего ждут и чего опасаются „потребители“ научных результатов за рамками научных сообществ» [6. С. 21]. Оказывается, что подобная наука обладает «медальным статусом, – отмечает Л.В. Шиповалова, – опосредующим формирование объективного истинного знания и политическое действие принятия решения» [7. С. 66].

В настоящее время все эти три типа науки сосуществуют, но в любом случае наука как важный фактор развития современного общества оказывается тесно с ним связана.

Роль классификаторов в науке различного типа

Вопрос о классификации знания вообще и научного знания в частности имеет давнюю историю. Еще Аристотелем было предложено разделить знание на теоретическое, практическое и творческое. Правда, сложно говорить о классификации современной науки до самого появления новоевропейского естествознания. Поэтому нас будет интересовать только роль классификаторов в современных условиях. Как было показано, в настоящее время наука имеет несколько модусов своего существования, а поэтому попытаемся выявить, какова их роль в каждом из них.

Для фундаментальной науки «Режима 1» (Mode 1.0) они выступают механизмом упорядочивания отношений как между различными научными дисциплинами, так и объектами и предметами их исследования. Можно привести достаточно типичное описание эволюции подобных классификаций: «Основной тенденцией эволюции прежних классификаций наук, – писал Б.М. Кедров, – начиная с эпохи Возрождения, когда возникло естествознание как наука, и вплоть до современности было движение от формальных их построений, вскрывающих лишь внешние связи между науками и соответственно между их объектами, к раскрытию внутренних связей» [8. С. 37]. В этом случае предполагается, что классификация научного знания, собственно, как и его дисциплинарное деление, формируется не только историческим развитием науки, но и имеет важную упорядочивающую функцию. Научные дисциплины различного уровня имеют свой собственный предмет исследования в рамках общего для нескольких дисциплин объекта, и им присущи неявные базовые предпосылки, которые создают исследовательские домены. Связи между науками могут быть выстроены по-разному, но в идеальном случае предполагается, что внутри одного большого домена – например, естественные науки или исторические науки, существуют общие предпосылки, которые затем позволяют выстроить взаимоотношения между полями отдельных научных дисциплин и специальностей внутри них. Типичным примером подобной классификации может выступать номенклатура научных специальностей, по которой присуждаются ученые степени в России

[9]. В ней представлены домены высшего уровня: естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, социальные и гуманитарные науки. Их выделение как минимум базируется на предпосылке о существовании различных исследовательских областей. Естественные науки связаны с миром, который существует независимо от человека; технические – с миром неживых артефактов, созданных человеком на основе использования законов и закономерностей естественных наук; медицинские – с лечением человека; сельскохозяйственные предполагают обращение к изучению специфической области человеческой деятельности связанной с использованием, созданием и поддержанием существования биологических объектов, исторически употребляемых в пищу или необходимых для поддержания жизнедеятельности человеческой популяции; социальные и гуманитарные науки посвящены изучению общества и человека как социокультурного, а не биологического существа.

Выделение подобных доменов оказывается хоть и продуманным, но достаточно произвольным. Ведь большая часть технических наук является одним из срезов исследований в области естественных наук. При этом некоторые естественные науки могут быть представлены как технические. В данном классификаторе это противоречие преодолевается за счет обращения не только к доменам наук, но и выделения отраслей научного знания, по которым может быть присуждена ученая степень. В результате оказывается, что в домене естественных наук вполне можно получить степень по техническим наукам, изначально связанным с другим доменом. Более экзотическим, хотя по-своему понятным примером может являться и то, что в домене социальных и гуманитарных наук в рамках исторических наук можно получить не только степень, связанную с гуманитарными науками, но и с науками из всех остальных доменов (перечислим лишь физико-математические, химические, геолого-минералогические и ветеринарные). Это может быть объяснено, например, тем, что науки каждого из доменов имеют свою историю, а поэтому они являются порождением человека как социокультурного существа. Но ее изучение оказывается частью развития конкретных наук, а поэтому и предполагает получение степени из других доменов.

Все это демонстрирует тот факт, что подобные классификации для «Режима 1» (Mode 1.0) играют служебную, второстепенную роль. Научное знание развивается, не обращая внимания на классификации. Открытие «приписывается» к одной из наук и научных дисциплин, но само это отнесение изначально может быть достаточно странным для исследователей. Примером может служить история о том, что Э. Резерфорд является лауреатом Нобелевской премии по химии, хотя хорошо известно его высказывание о том, что «все науки, кроме физики, сродни коллекционированию марок». А на банкете в честь ее присуждения он произнес тост: «Я имел дело со многими разнообразными превращениями, которые я изучал в разные годы, но самым замечательным превращением было то, что я в один миг из физика превратился в химика» [10. С. 50]. В этом случае классификации нужны для достаточно условного и при этом и так всем относительно понятного разграничения поля исследований. Поэтому они вполне могут быть уподоблены классификации, приведенной Х.Л. Борхесом в своем рассказе-эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса». В ней все животные делятся на «на а) при-

надлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух» [11. С. 418–419]. Они выступают лишь приближительным тематическим каталогом научных исследований.

Сама исследовательская деятельность оказывается тесно связана с сосуществованием в рамках определенного поля науки друзей, коллег и соперников по научной работе. Эти отношения и определяют реальную принадлежность к научной дисциплине, но не как просто ячейке классификационной системы, но определенному социальному институту. В нем поддерживаются стандарты научной работы, определяется, какие исследовательские проблемы являются важными, а какие второстепенными, выстраиваются иерархии научных достижений и исследователей. Возможна и такая ситуация, что дисциплина как социальный институт уже существует, а вот как «ячейка» классификационной системы – нет. Примером может служить ситуация с когнитивными науками в России в начале XXI в., ведь как «ячейка» классификатора ВАК они появились лишь в упоминавшемся классификаторе 2021 г., хотя, конечно же, исследования в этой области шли и раньше.

Прикладные науки, существующие в «Режиме 2» (Mode 2.0), а тем более постнормальная наука, еще хуже поддаются помещению в прокрустово ложе классификатора. Они связаны с формированием исследований на стыке различных областей. Таким образом, все, что можно сказать об их помещении в классификатор, это то, что они являются междисциплинарными исследованиями. Некоторые из них, возможно, постепенно сформируют свое исследовательское поле, которое сможет получить не только признание своего институционального существования в реальной научной практике, но и окажется включено в перечень классификатора. Но это не может являться основной целью таких исследователей. Они решают собственные задачи, а классификаторы для них играют второстепенную роль.

В результате можно констатировать, в принципе, достаточно очевидный факт – классификатор лишь пытается упорядочить научную практику, хотя самим исследователям не всегда интересно, к какой его «ячейке» они относятся. Обращение к ним важно в процессе взаимодействия с государством и обществом. Ведь даже присвоение ученой степени становится скорее актом, необходимым для взаимодействия с акторами, внешними по отношению к конкретной научной дисциплине.

Классификаторы – взгляд со стороны общества

Наиболее важным в новых режимах существования науки является активное взаимодействие с обществом. Оно заключается не просто в том, что ученые сообщают публике результаты своих исследований, а она может как принять их во внимание и использовать в экономической и общественной жизни, так и проигнорировать достижения научного сообщества. Теперь самые различные агенты способны как выступать заказчиками исследований, так и самостоятельно принимать участие в научной работе или как помощники ученых или даже как конкурирующие группы. Именно тут могут возникнуть вопросы о роли классификаторов науки, о том, играет ли для новых

актеров важную роль, то в какой области проходят их научные исследования или к каким научным журналам для поиска информации им стоит обратиться?

Возможно несколько ответов на эти вопросы. Первый из них носит самый радикальный характер. При условии, что интересующиеся наукой граждане решают заниматься DIY-наукой (*do-it-yourself science*), т.е. собственными исследованиями, которые в целом не предполагают обязательного взаимодействия с учеными и научными институтами, им становится совершенно не важно, в какой области классификатора расположены их научные интересы. Этим они напоминают просто профессиональных ученых фундаментальной науки. Они стремятся найти ответы на интересующие их вопросы. Если эти исследования окажутся связаны с одной из рубрик научного классификатора, то для них это ничего не поменяет, так же ничего для них не изменится и от того, что они не могут быть корректно размещены в системе научных дисциплин. Для них даже не очень важно позиционирование в поле институциональной науки, ведь они противостоят ей как бунтари, правда, которые стремятся представить себя «хорошими, законопослушными бунтарями» [12. Р. 421], которые расширяют сферу науки и следуют этосу времен Галилея и Ньютона, когда неинституализированные ученые совершали научные открытия [13], хотя стоит отметить и тот факт, что в тот момент вообще сложно говорить об институализированной науке современного типа.

Второй ответ связан с неучеными, интересующимися научными исследованиями и готовыми взаимодействовать с учеными. Они могут быть заинтересованы в научно-популярных лекциях для удовлетворения собственного любопытства, иногда они готовы принимать участие в работе исследовательских коллективов в качестве волонтеров. Для них классификатор играет роль «карты», которая описывает пространство научных исследований. Благодаря ему они понимают, что им, например, интересны проекты в области биологии, физики или истории. Можно было бы отметить, что практически никто из таких интересующихся наукой граждан не обращается к систематическому анализу именно классификаторов научного знания. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что азы знаний о классификации наук мы получаем еще в процессе школьного образования. Ведь оно выстроено на основе освоения отдельных школьных дисциплин, связанных с конкретными науками, а поэтому базовая научная классификация вполне усваивается за годы обучения. Люди знакомятся с такими дисциплинами, как физика, математика, биология, химия, и в итоге имеют некоторое представление об их специфике.

Наибольшее значение классификаторы приобретают в ситуации взаимодействия представителей научного сообщества и институциональных акторов, по различным причинам готовых финансировать научные исследования. К ним могут быть отнесены государственные органы, отвечающие за развитие науки, государственные и частные грантовые фонды, общественные организации, крупные корпорации, иногда даже предприятия среднего и малого бизнеса, готовые выделить средства на подобные работы. В этом случае классификатор также выступает в роли своеобразной «карты». Она становится путеводителем, который дает возможность внешним по отношению к науке агентам найти исследователей, способных ответить на интересующие их вопросы. Она необходима, ведь они сталкиваются с огромным количе-

ством научных исследований и результатов. По данным исследования Высшей школы экономики, только в России в 2021 г. было опубликовано 122,5 тыс. научных публикаций, индексируемых в базе данных Scopus, в Китае – 848,8 тыс., в США – 644,2 тыс. [14. С. 10]. Внешние агенты не только не всегда могут достаточно корректно понять эти работы, но, как и сами ученые, просто не имеют физической возможности все их отследить и освоить. Благодаря классификатору это многообразие становится определенным образом упорядочено. При этом его наличие позволяет не просто определить научные сферы и соотнести их со своими интересами, но и найти экспертов, которым эти внешние агенты могут доверять, способных оценить интересные им исследования и исследовательские группы. Это важное изменение в восприятии классификатора как «карты» разнообразных научных исследований. Теперь это не просто срез определенного состояния дел в науке или хаотичный список, в котором ученые из любопытства иногда находят место своим работам. Эта «карта» играет принципиальную роль во взаимоотношениях науки с внешними агентами, а поэтому и относиться к «размещению» на ней стоит с огромной долей внимания. Ведь неверное «расположение» может привести к тому, что внешние агенты никогда не заметят интересующие их исследования, а эксперты, оценивающие работы, будут применять критерии и подходы, не релевантные, для случайно попавших не в ту рубрику научных групп.

Такое использование классификаторов может враждебно восприниматься самими учеными. Оказывается, что теперь их могут оценивать не только коллеги, которым они доверяют, но и внешние по отношению к науке агенты. Но именно оно как раз и открывает новый вид работы с классификатором как объектом научной политики – его проактивное использование. Оно заключается не в том, что на основе «измышлений» администраторов от науки волевым решением в них создаются дисциплины, которые никогда не существовали и никто в них не работает. Гипотетически подобное использование возможно, но скорее оно будет связано лишь с фиксированием новых научных дисциплин, а не придумыванием мертворожденных. По большей части проактивное использование классификаторов предполагает выделение областей и отраслей знания, которые наиболее интересны внешним акторам. Это дает им возможность формировать научную политику, нацеленную на проведение и поддержку исследований в одних областях и игнорировать другие. Конечно же, это создает диспропорции в науке, но лишь осознание этого факта может помочь запустить процесс избавления от них.

Заключение

Можно выделить две ключевые особенности использования классификаторов в научной политике. Во-первых, это их связь с «картографированием» пространства научных исследований. Эта функция присуща им на всем протяжении существования науки, но для самих ученых она не является достаточно важной. Ведь конкретный исследователь работает над своими собственными научными задачами, а полученные им результаты могут быть по-разному размещены на этой классификационной карте. В целом подобная функция для научной политики является второстепенной. Эта «карта» науки во многом нужна в образовательных целях. Благодаря ей достижения ученых могут быть восприняты учебными планами отдельных дисциплин. Собствен-

но, такое «картографирование» и фиксирует их существование не только для самих ученых, но и для общества. Во-вторых, формирование тесной взаимосвязи между наукой и обществом приводит к тому, что классификатор становится важным элементом научной политики. Теперь оказывается, что расположение на этой «карте» играет принципиально важную роль. Ведь именно ее используют внешние по отношению к науке акторы для ориентации в многообразии научных исследований, а также для управления наукой и образованием. В этом случае «карта» не просто фиксирует имеющееся положение дел, но и позволяет выстраивать стратегии анализа и использования знаний в экономической деятельности. Оказывается, что она дает возможность формировать ситуационные исследовательские проекты, направленные на решение прикладных задач, которые часто носят междисциплинарный характер. Таким образом, дисциплинарная карта классификатора становится важным подспорьем для развития междисциплинарных научных проектов, интересных обществу.

Список источников

1. Шейпин С. Научная революция / пер. с англ. А. Маркова // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М. : Новое лит. обозрение, 2015. С. 313–570.
2. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. “Mode 2” revisited: the new production of knowledge // *Minerva*. 2003. Vol. 41, Is. 3. P. 179–194.
3. MacLean D., MacIntosh R., Grant S. Mode 2 Management Research // *British Journal of Management*. 2002. Vol. 13, Is. 3. P. 189–207.
4. Scott J.C. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Yave Failed. New Haven ; London : Yale University Press, 1998. 459 p.
5. Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the post-normal age // *Future*. 1993. Vol. 25, Is. 7. P. 739–755.
6. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
7. Шиполова Л.В. Как возможна пост-нормальная наука? // *Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59. № 3. С. 61–73.
8. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М. : Мысль, 1985. 543 с.
9. Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892> (дата обращения: 16.09.2024).
10. Кедров Ф.Б. Эрнест Резерфорд. Рождение ядерной физики. М. : Знание, 1980. 128 с.
11. Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса / пер. с исп. Е. Лысенко // *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Произведения 1942–1969 годов*. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 416–420.
12. Giordano S. New Democratic Science, Ethics, and Proper Publics // *Science, Technology and Guman Values*. 2018. Vol. 43, Is. 3. P. 401–430.
13. Sarpong D., Ofosu G., Botchie D., Clear F. Do-it-yourself (DiY) science: The proliferation, relevance and concerns // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 158. 120127. doi: 10.1016/j.techfore.2020.120127. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162520309537> (дата обращения: 16.09.2024).
14. Российская наука в цифрах: 2023 / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 48 с.

References

1. Shapin, S. (2015) Nauchnaya revolyutsiya [The Scientific Revolution]. In: Dear, P. & Shapin, S. *Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie* [Scientific Revolution as an Event]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 313–570.

2. Nowotny, H., Scott, P. & Gibbons, M. (2003) "Mode 2" revisited: the new production of knowledge. *Minerva*. 41(3). pp. 179–194.
3. MacLean, D., MacIntosh, R. & Grant S. (2002) Mode 2 Management Research. *British Journal of Management*. 13(3). pp. 189–207.
4. Scott, J.C. (1998) *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press, New Haven and London
5. Funtowicz, S.O. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the post-normal age. *Future*. 25(7). pp. 739–755.
6. Porus, V.N. & Bazhanov, V.A. (2021) Post-normal science: passing the Scylla of uncertainty and the Charybdis of the politicization of knowledge. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 5(4). pp. 15–33.
7. Shipovalova, L.V. (2022) Kak vozmozhnaya post-normal'naya nauka? [How is post-normal science possible?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 59(3) pp. 61–73.
8. Kedrov, B.M. (1985) *Klassifikatsiya nauk. Prognoz K. Marksa o nauke budushchego* [Classification of Sciences. K. Marx's Forecast about the Science of the Future]. Moscow: Mysl'.
9. Russian Federation. (n.d.) *Nomenklatura nauchnykh spetsial'nostey, po kotorym prizuizhdayutsya uchenyye stepeni* [Nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded]. [Online] Available from: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892> (Accessed: 16th September 2024).
10. Kedrov, F.B. (1980) *Ernest Rezerford. Rozhdenie yadernoy fiziki* [Ernest Rutherford. The Birth of Nuclear Physics]. Moscow: Znanie.
11. Borges, J.L. (2005) *Collected Works in 4 volumes* [Collected Works in 4 vols]. Translated from Spanish. Vol. 2. St. Petersburg: Amphora. pp. 416–420.
12. Giordano, S. (2018) New Democratic Science, Ethics, and Proper Publics. *Science, Technology and Human Values*. 43(3). pp. 401–430.
13. Sarpong, D., Ofosu G., Botchie, D. & Clear, F. (2020) Do-it-yourself (DiY) science: The proliferation, relevance and concerns. *Technological Forecasting and Social Change*. 158. 120127. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120127
14. Vlasova, V.V., Gokhberg, L.V., Ditkovsky, K.A. et al. (2023) *Rossiyskaya nauka v tsifrakh: 2023* [Russian science in numbers: 2023]. Moscow: HSE.

Сведения об авторе:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, исследователь МРОО «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslanov E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher. Interregional Non-Governmental Organization "Russian Society for History and Philosophy of Science" (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 13.10.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/82/5

ЛОГИКИ ДЛЯ КРОСС-МИРОВОЙ ПРЕДИКАЦИИ НА ОСНОВЕ D , T , $S4$ И $S5$

Индира Искандаровна Мухаметшина

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
mukhametshina.indira@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуются модификации $CWPL$, базирующиеся на пропозициональных логиках D , T , $S4$ и $S5$. Эти модификации позволяют отображать кросс-мировую предикацию в деонтическом, эпистемическом, темпоральном и алетическом контекстах (т.е. в контекстах, для формализации которых пригодны данные пропозициональные логики). В статье представлены семантика, табличная теория доказательства и секвенциальная теория доказательства для перечисленных модификаций $CWPL$ с доказательством их корректности и полноты относительно соответствующих семантик.

Ключевые слова: кросс-мировая предикация, $CWPL$, табличная теория доказательства, секвенциальная теория доказательства, полнота

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465>. Я признательна Е.В. Борисову за ценные комментарии к первой версии статьи.

Для цитирования: Мухаметшина И.И. Логика для кросс-мировой предикации на основе D , T , $S4$ и $S5$ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 55–67. doi: 10.17223/1998863X/82/5

Original article

LOGICS FOR CROSS-WORLD PREDICATION BASED ON D , T , $S4$ AND $S5$

Indira I. Mukhametshina

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
mukhametshina.indira@gmail.com*

Abstract. Evgeny Borisov elaborated a first-order modal logic with equality and the λ -operator ($CWPL$) which solves the problem of crossworld predication. In his two latest articles, he presented the syntax, semantics and tableau proof theory for $CWPL$, and demonstrated the soundness and completeness of the presented proof method with respect to the corresponding semantics. In $CWPL$ models, no restrictions are imposed on the accessibility relation. In this sense, $CWPL$ is based on the propositional logic K . When restrictions are imposed on the accessibility relation, we get modifications of $CWPL$ based on the corresponding propositional modal logics. This article addresses the modifications of $CWPL$ based on the propositional modal logics D , T , $S4$, and $S5$; I will call them $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$, and $CWPL-S5$, respectively. The syntax of these logics is identical to the syntax of $CWPL$. The first section of the article presents semantics for $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$, and $CWPL-S5$. The second section presents tableau proof theories for $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$, and $CWPL-S5$ based on the tableau proof theory for $CWPL$.

The third and fourth sections demonstrate the soundness and completeness of *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4*, and *CWPL-S5* with respect to the corresponding semantics. In these sections, the lemmas needed in establishing the soundness and completeness of *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4*, and *CWPL-S5* are formulated and proved. In all other respects, the proof of the soundness of *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4*, and *CWPL-S5* repeats the proof of the soundness and completeness of *CWPL*. In the final section of the article, I present a sequential proof theory for *CWPL*, *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4*, and *CWPL-S5*, and describe the procedure of transforming a tableau proof into a sequential one. Since the sequential proof theory and the tableau proof theory are notational variants of each other, the completeness of the sequential proof theory follows from the soundness and completeness of the tableau proof theory.

Keywords: crossworld predication, *CWPL*, tableau proof theory, sequential proof theory, completeness

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465>. I am grateful to Evgeny Borisov for valuable comments on the first version of the article.

For citation: Mukhametshina, I.I. (2024) Logics for cross-world predication based on *D*, *T*, *S4* and *S5*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 55–67. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/5

Введение

Статья посвящена проблеме логического отображения кросс-мировой предикации. Одна из логик, отображающих этот феномен, была разработана Е.В. Борисовым; автор назвал ее *CWPL* (crossworld predication logic). *CWPL* – это модальная логика первого порядка с равенством. В [1] Е.В. Борисов представил синтаксис и семантику логики *CWPL* (в [2] рассмотрены некоторые ее особенности; более ранняя версия этой логики изложена в [3]), в [4] – табличная теория доказательства для *CWPL* с демонстрацией ее корректности и полноты относительно представленной семантики¹. В моделях для *CWPL* на отношение достижимости не накладывается ограничений; в этом смысле она базируется на пропозициональной логике *K*. Если на отношение достижимости наложить некоторые ограничения, мы получим модификации *CWPL*, базирующиеся на соответствующих пропозициональных модальных логиках. В данной статье исследуются модификации *CWPL*, базирующиеся на пропозициональных логиках *D*, *T*, *S4* и *S5*; будем называть их *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5* соответственно. Данные модификации *CWPL* необходимы для отображения кросс-мировой предикации в контекстах, для формализации которых пригодны пропозициональные логики *D*, *T*, *S4* и *S5*: *CWPL-D* отображает этот феномен в деонтических контекстах, *CWPL-T* – в эпистемических, *CWPL-S4* – в темпоральных, *CWPL-S5* – в алетических. Таким образом, указанные модификации *CWPL* обеспечивают применимость реализованного в этой логике подхода к кросс-мировой предикации при моделировании рассуждений в указанных контекстах.

Ниже представлены семантика, табличная теория доказательства и секвенциальная теория доказательства для *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5* с доказательством корректности и полноты этих теорий доказатель-

¹ Другие подходы к решению проблемы кросс-мировой предикации изложены в [5–7], однако в них даются только синтаксис и семантика соответствующих логических систем. В [1] дано сравнение *CWPL* и других логик для кросс-мировой предикации в аспекте их выразительных возможностей.

ства относительно соответствующих семантик. Я предполагаю знакомство читателя с [1], поэтому не воспроизвожу определения из этой статьи. Синтаксис *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5* идентичен синтаксису *CWPL*. В дальнейшем нам потребуются следующие обозначения: $\mathcal{L}$ – язык, на котором строятся указанные логики; к примитивным символам $\mathcal{L}$ относятся $\neg$, $\&$, $\diamond$, $\exists$, λ (операторы $\rightarrow$, $\vee$, $\forall$, $\Box$ определяются стандартным образом); *VAR* – счетное множество переменных ($x, y, \dots$); *CON* – счетное множество констант ($a, b, \dots$); для любого натурального n , $PRED^n$ – счетное множество n -местных предикатов ($P, Q, \dots$), в том числе бинарный предикат $=$.

Семантика *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4*, *CWPL-S5*

Семантика *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5* повторяет семантику *CWPL* во всем, кроме определений модели и общезначимости.

Модель CWPL $M = \langle G, R, (D_w)_{w \in G}, I \rangle$, где G – непустое множество; $R \subseteq G^2$ (отношение достижимости); $(D_w)_{w \in G}$ – семейство непустых множеств (доменов возможных миров). Домен модели $D(M) = \bigcup_{w \in G} D_w$; I – интерпретация индивидуальных констант и предикатов такая, что:

- для каждой $a \in CON$, $I(a): G \rightarrow D(M)$;
- для любого $P \in PRED^n$, $I(P): G^n \rightarrow \mathcal{P}(D(M)^n)$, где $\mathcal{P}(X)$ – булеан X ;
- для любых $w, u \in G$, $I(=)(\langle w, u \rangle) = \{ \langle e, e \rangle : e \in D(M) \}$.

Здесь и далее $\mathbf{L}$ будет использоваться как переменная для логик *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5*.

Модель L – это модель *CWPL* с ограничениями на отношение достижимости R : для *CWPL-D* R сериально; для *CWPL-T* R рефлексивно; для *CWPL-S4* R рефлексивно и транзитивно; для *CWPL-S5* R рефлексивно, транзитивно и симметрично.

Пусть $M = \langle G, R, (D_w)_{w \in G}, I \rangle$ – модель $\mathbf{L}$, $w \in G$, v – оценка переменных в M , f – *VP*-функция в M , ϕ – формула $\mathcal{L}$. Тогда $M, w, v, f \models_{\mathbf{L}} \phi$ означает, что ϕ истинна в мире w модели M при v и f . Формула ϕ *L-общезначима* ($\models_{\mathbf{L}} \phi$), если для любой модели $\mathbf{L}$ M , каждого мира w в M и каждой оценки переменных v в M , $M, w, v, \emptyset \models_{\mathbf{L}} \phi$.

Табличные теории доказательства *CWPL-D*, *CWPL-T*, *CWPL-S4* и *CWPL-S5*

В этом разделе будет изложена табличная теория доказательства *CWPL*, которая будет модифицирована в теории доказательства для названных логик.

В таблицах *CWPL* формулы снабжены *префиксами* – конечными последовательностями целых положительных чисел (например, 1, 2.3, 14.48.1). Таблицы строятся на языке $\mathcal{L}^+$, расширенном относительно $\mathcal{L}$. $\mathcal{L}^+$, помимо символов языка $\mathcal{L}$, содержат дополнительные символы формы: $x^\tau, x_\sigma^\tau, a_\sigma^\tau$, где x – переменная, a – константа, σ, τ – префиксы (например, $x^{1.7}, y^{1.1.3.2}, a^{1.1.42}$). Такие выражения используются как переменные $\mathcal{L}^+$, но в таблицах они не квантифицируются. В таблицах для *CWPL* формулы с префиксами снабжаются маркерами $+$ или $-$. Узлы в таблицах *CWPL* имеют форму $\sigma \phi +$ или $\sigma \phi -$, где σ – префикс, ϕ – формула на языке $\mathcal{L}^+$.

Немодальными вхождениями переменной в формуле будем называть вхождения переменной вне области действия модальных операторов.

Соглашение. Если φ – формула, то φ^σ – результат замены каждого немодального свободного вхождения x в φ на x^σ для каждого $x \in VAR$.

Доказательство формулы φ мы начинаем с $1 \varphi^1$ – и строим дерево, возможно, ветвящееся, сверху вниз, согласно представленным ниже правилам для *CWPL*¹.

Правила табличного доказательства для *CWPL* включают в себя правила для булевых операторов, модальных операторов, кванторов, λ -оператора и равенства. Ниже: φ, ψ – формулы, $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \epsilon, \sigma$ и τ – префиксы, n – натуральное число.

Правила для $\&$:

$$\frac{\sigma \varphi \& \psi +}{\sigma \varphi +, \sigma \psi +} \quad \frac{\sigma \varphi \& \psi -}{\sigma \varphi - \mid \sigma \psi -}$$

Знак « $\mid$ » между формулами означает разветвление.

Правила для $\neg$:

$$\frac{\sigma \neg \varphi +}{\sigma \varphi - \sigma} \quad \frac{\sigma \neg \varphi -}{\sigma \varphi +}$$

Правила для $\Diamond$:

$$\frac{\sigma \Diamond \varphi +}{\sigma.n \varphi^{\sigma.n} +}$$

Здесь префикс $\sigma.n$ должен быть новым на ветке.

$$\frac{\sigma \Diamond \varphi -}{\sigma.n \varphi^{\sigma.n} -}$$

Префикс $\sigma.n$ должен встречаться на ветке выше. Правило может быть применено к $\sigma \Box \varphi +$ многократно – один раз для каждого префикса $\sigma.n$, встречающегося на ветке; аналогично для $\sigma \Diamond \varphi -$.

Правила для $\exists$:

$$\frac{\sigma \exists x \varphi(x) +}{\sigma \varphi(y_\sigma^\sigma) +}$$

Здесь для любого τ, y_σ^τ – новая для ветки переменная.

$$\frac{\sigma \exists x \varphi(x) -}{\sigma \varphi(y_\sigma^\sigma) -}$$

y_σ^τ может встречаться на ветке с некоторым τ и может быть новым для ветки для любого τ .

Правила для λ -оператора:

Если $a \in CON$,

$$\frac{\sigma (a/x) \varphi(x) +}{\sigma \varphi(a_\sigma^\sigma) +} \quad \frac{\sigma (a/x) \varphi(x) -}{\sigma \varphi(a_\sigma^\sigma) -}$$

Если $t \in CON \cup VAR$,

$$\frac{\sigma (t_\tau^p/x) \varphi(x) +}{\sigma \varphi(t_\tau^\sigma) +} \quad \frac{\sigma (t_\tau^p/x) \varphi(x) -}{\sigma \varphi(t_\tau^\sigma) -}$$

¹ Здесь даны только правила для примитивных операторов; правила для определяемых операторов см. в [4].

Если $y \in VAR$,

$$\frac{\sigma(y^{\tau}/x) \varphi(x) +}{\sigma \varphi(y^{\sigma}) +} \quad \frac{\sigma(y^{\tau}/x) \varphi(x) -}{\sigma \varphi(y^{\sigma}) -}$$

Правила для равенства:

Если $t \in CON \cup VAR$, выражение $t_{(a)}^{\beta}$ означает t^{β} или t_a^{β} .

Правило рефлексивности:

Если терм $t_{(a)}^{\beta}$ и префиксы γ , δ и σ встречаются на ветке, то к ветке добавляется формула с префиксом $\sigma t_{(a)}^{\gamma} = t_{(a)}^{\delta} +$

Правило подстановки:

Если $\varphi(x)$ – формула на языке $\mathcal{L}^+$, в которой есть свободные вхождения x ; $t, u \in CON \cup VAR$,

$$\frac{\sigma t_{(a)}^{\beta} = u_{(\gamma)}^{\delta} + \quad \tau \varphi(t_{(a)}^{\epsilon}) +}{\tau \varphi(u_{(\gamma)}^{\epsilon}) +} \quad \frac{\sigma t_{(a)}^{\beta} = u_{(\gamma)}^{\delta} + \quad \tau \varphi(t_{(a)}^{\epsilon}) -}{\sigma \varphi(u_{(\gamma)}^{\epsilon}) -}$$

Ветка дерева называется *замкнутой*, если она содержит $\sigma \varphi +$ и $\sigma \varphi -$ для некоторых σ и φ или $\sigma \varphi +$ и $\tau \varphi -$ для некоторой атомарной формулы φ и некоторых σ и τ . Дерево называется *замкнутым*, если все его ветки замкнуты. *Табличным доказательством* формулы φ в $CWPL$ называется замкнутое дерево, начинающееся с $1 \varphi^1 -$.

Дополнительные правила для $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$, $CWPL-S5$:

Ниже: φ – формула, σ – префикс, n – натуральное число.

$$D: \frac{\sigma \diamond \varphi -}{\sigma \Box \varphi -}$$

$$T: \frac{\sigma \diamond \varphi -}{\sigma \varphi -}$$

Если $\sigma.n$ уже встречался на ветке,

$$4: \frac{\sigma \diamond \varphi -}{\sigma.n \diamond \varphi -}$$

$$4r: \frac{\sigma.n \diamond \varphi -}{\sigma \diamond \varphi -}$$

Правила табличного доказательства для $\mathcal{L}$ включают в себя правила для $CWPL$ и одно или несколько из дополнительных правил: для $CWPL-D - D$; для $CWPL-T - T$; для $CWPL-S4 - T, 4$; для $CWPL-S5 - T, 4, 4r$.

Соглашение. $\vdash_{\mathcal{L}} \varphi$ означает, что φ имеет доказательство в $\mathcal{L}$.

Корректность табличных теорий доказательства $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$

В этом разделе частично воспроизводится доказательство корректности $CWPL$ из [4] и указываются модификации этого доказательства, необходимые для доказательства корректности логик $CWPL-T$, $CWPL-D$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$.

Пусть S – множество отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом; $PREF$ – множество префиксов, имеющих вхождения в S ; верхние и нижние индексы пе-

ременных, имеющих вхождения в S , принадлежат $PREF$. S называется *CWPL-выполнимым*, если существует модель $M = \langle G, R, (D_w)_{w \in G}, I \rangle$, оценка переменных v в M , VP – функция f в M и функция $\theta: PREF \rightarrow G$ такие, что:

- 1) если $\sigma, \sigma.n \in PREF$, $\theta(\sigma)R\theta(\sigma.n)$;
- 2) если $x \in VAR$ и $\sigma, \alpha, \beta \in PREF$, $v(x^\sigma) = v(x)$ и $v(x_\sigma^\alpha) = v(x_\sigma^\beta)$;
- 3) если $x \in VAR$ и для некоторого τ , x_σ^τ имеет вхождения в S , то для любого τ , $v(x_\sigma^\tau) \in D_{\theta(\sigma)}$;
- 4) если $a \in CON$ и a_σ^τ имеет вхождения в S , $v(a_\sigma^\tau) = I(a)(\theta(\sigma))$;
- 5) если $t_{(\sigma)}^\tau$ имеет вхождения в S , $f(t_{(\sigma)}^\tau) = \theta(\tau)$;
- 6) если $t_{(\sigma)}^\tau$ не имеет вхождений в S , $t_{(\sigma)}^\tau \notin dom(f)$, где $dom(f) = \{x: \exists y f(x) = y\}$;
- 7) $VAR \cap dom(f) = \emptyset$;
- 8) если $\sigma \varphi + \in S$, то $M, \theta(\sigma), v, f \models \varphi$;
- 9) если $\sigma \varphi - \in S$, то $M, \theta(\sigma), v, f \not\models \varphi$.

Ветка B таблицы называется *CWPL-выполнимой*, если *CWPL*-выполнимо множество отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом на B .

***L*-выполнимость** множества отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом определяется также как *CWPL*-выполнимость множества отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом, но на отношение достижимости R в модели накладываются следующие ограничения: для *CWPL-D* R сериально; для *CWPL-T* R рефлексивно; для *CWPL-S4* R рефлексивно и транзитивно; для *CWPL-S5* R рефлексивно, транзитивно и симметрично.

Ветка B таблицы называется ***L*-выполнимой**, если ***L***-выполнимо множество отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом на B .

Лемма 1. Пусть B – ***L***-выполнимая ветка таблицы для некоторой формулы. Тогда если к некоторой формуле на B применяется недизъюнктивное правило, получившаяся ветка ***L***-выполнима, и если к некоторой формуле на B применяется дизъюнктивное правило, по крайней мере одна из получившихся веток ***L***-выполнима.

Доказательство. Для доказательства леммы нужно рассмотреть применение каждого правила для таблиц ***L***. В [4] эта лемма доказана для логики *CWPL*, т.е. рассмотрено применение правил *CWPL*. Для остальных логик нужно рассмотреть только применение соответствующих дополнительных правил.

Пусть S – множество отмеченных формул с префиксами, встречающихся на B , $PREF$ – множество префиксов, встречающихся на B .

Доказательство для *CWPL-D*. Пусть $\sigma \Diamond \varphi - \in S$. Применив правило ***D*** к $\sigma \Diamond \varphi -$, мы получим $\sigma \Box \varphi -$. Нужно показать, что $S' = S \cup \{\sigma \Box \varphi -\}$ выполнимо. Так как $\sigma \Diamond \varphi - \in S$, $M, \theta(\sigma), v, f \not\models \Diamond \varphi$, следовательно, для любого мира $w \in G$ такого, что $\theta(\sigma)Rw$, $M, w, v, f \not\models \varphi$. Поскольку отношение достижимости в M сериально, существует $w \in G$ такой, что $\theta(\sigma)Rw$. Значит, существует $w \in G$ такой, что $\theta(\sigma)Rw$ и $M, w, v, f \not\models \varphi$. Следовательно, $M, w, v, f \not\models \Box \varphi$. Это показывает, что для S' верен девятый пункт определения выполнимости. То, что для S' верны остальные пункты определения выполнимости, показано в [4]. Таким образом, S' выполнимо в модели M , при оценке v , VP -функции f и функции θ .

Доказательство для *CWPL-T*. Пусть $\sigma \Diamond \varphi - \in S$. По правилу ***T*** из $\sigma \Diamond \varphi -$ получим $\sigma \varphi -$. Нужно показать, что $S' = S \cup \{\sigma \varphi -\}$ выполнимо. Так как $\sigma \Diamond \varphi - \in S$, $M, \theta(\sigma), v, f \not\models \Diamond \varphi$, следовательно, для любого мира $w \in G$ такого, что

$\theta(\sigma)Rw, M, w, v, f \not\models \phi$. Поскольку отношение достижимости в M рефлексивно, $\theta(\sigma)R\theta(\sigma)$. Значит, $M, \theta(\sigma), v, f \not\models \phi$. Это показывает, что для S' верен девятый пункт определения выполнимости. То, что для S' верны остальные пункты определения выполнимости, показано в [4]. Таким образом, S' выполнимо в модели M , при оценке v , VP -функции f и функции θ .

Доказательство для $CWPL-S4$. Для доказательства леммы нужно рассмотреть применение правил **T** и **4**. Так как доказательство леммы для правила **T** будет таким же, каким оно было в доказательстве для $CWPL-T$, ограничимся рассмотрением применения правила **4**.

Пусть $\sigma \Diamond \phi \in S$. По правилу **4** из $\sigma \Diamond \phi$ – получим $\sigma.n \Diamond \phi$ –, причем $\sigma.n$ – префикс, встречавшийся на B . Нужно показать, что $S' = S \cup \{\sigma.n \Diamond \phi\}$ выполнимо. Так как $\sigma \Diamond \phi \in S, M, \theta(\sigma), v, f \not\models \phi$, следовательно, для любого мира $w \in G$ такого, что $\theta(\sigma)Rw, M, w, v, f \not\models \phi$. Пусть $w \in G$ и $\theta(\sigma.n)Rw$. По определению $CWPL-S4$ -выполнимости множества отмеченных $\mathcal{L}^+$ формул с префиксом, $\theta(\sigma)R\theta(\sigma.n)$. Поскольку R транзитивно, $\theta(\sigma)Rw$. Следовательно, $M, w, v, f \not\models \phi$. Значит, для любого $w \in G$ такого, что $\theta(\sigma.n)Rw, M, w, v, f \not\models \phi$, т.е. $M, \theta(\sigma.n), v, f \not\models \phi$. Это показывает, что для S' верен девятый пункт определения выполнимости. То, что для S' верны остальные пункты определения выполнимости, показано в [4]. Таким образом, S' выполнимо в модели M , при оценке v , VP -функции f и функции θ .

Доказательство для $CWPL-S5$. Для доказательства леммы нужно рассмотреть применение правил **T**, **4**, **4r**. Так как доказательство леммы для правила **T** будет таким же, каким оно было в доказательстве для $CWPL-T$, а для правила **4** – таким же, каким оно было в доказательстве для $CWPL-S4$, ограничимся рассмотрением применения правила **4r**.

Пусть $\sigma.n \Diamond \phi \in S$. По правилу **4r** из $\sigma.n \Diamond \phi$ – получим $\sigma \Diamond \phi$ –. Нужно показать, что $S' = S \cup \{\sigma \Diamond \phi\}$ выполнимо. Так как $\sigma.n \Diamond \phi \in S, M, \theta(\sigma.n), v, f \not\models \phi$, следовательно, для любого мира $w \in G$ такого, что $\theta(\sigma.n)Rw, M, w, v, f \not\models \phi$. Пусть $w \in G$ и $\theta(\sigma)Rw$. По определению выполнимости, $\theta(\sigma)R\theta(\sigma.n)$ (поскольку $\sigma.n$ – префикс, встречавшийся на ветке B , θ определена для $\sigma.n$). Поскольку R симметрично, $\theta(\sigma.n)R\theta(\sigma)$. Из этого, $\theta(\sigma)R\theta(\sigma.n)$ и транзитивности R следует $\theta(\sigma.n)Rw$. Значит, для любого $w \in G$ такого, что $\theta(\sigma)Rw, M, w, v, f \not\models \phi$, следовательно, $M, \theta(\sigma), v, f \not\models \phi$. Таким образом, для S' верен восьмой пункт определения выполнимости. То, что для S' верны остальные пункты определения выполнимости, показано в [4]. Таким образом, S' выполнимо в модели M , при оценке v , VP -функции f и функции θ . ■

Теорема 1. Для любой формулы ϕ в $\mathcal{L}$, $\vdash_L \phi \Rightarrow \models_L \phi$.

Доказательство. Доказательство повторяет доказательство аналогичной теоремы для $CWPL$ в статье [4], за исключением того, что там, где у него применяется лемма 4, в доказательствах для любой из логик L применяется доказанная выше лемма 1. ■

Полнота табличных теорий доказательства $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$

В этом разделе частично воспроизводится доказательство полноты $CWPL$ из [4] и указываются модификации этого доказательства, необходимые

для доказательства полноты логик $CWPL-T$, $CWPL-D$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$.

Насыщенное дерево – дерево, на каждой открытой ветке которого каждое правило вывода применено ко всем формулам, к которым оно может быть применено.

Доказательство полноты осуществляется контрапозитивно. Допустим, ϕ не теорема L . Тогда насыщенное дерево, начинающееся с $1 \phi^1 -$, содержит открытую ветку B . Пусть S – множество формул с префиксом на B . Мы используем S , чтобы построить модель M и оценку переменных v в M такие, что существует возможный мир w в M такой, что $M, w, v, \emptyset \models \phi$. Это показывает, что ϕ не является L -общезначимой.

Пусть B – открытая ветка насыщенного дерева, S – множество отмеченных формул с префиксом на B , $PREF$ – множество префиксов на B , $TERM^+$ – множество переменных формы a_σ^τ , x_σ^τ или x^τ , встречающихся в S .

Определим бинарное отношение $\sim$ на $TERM^+$ следующим образом: $t \sim u$ ттк $\sigma t = u + \in S$ для некоторого σ . Легко убедиться, что $\sim$ – отношение эквивалентности. Будем писать $[t]$ вместо $\{u : t \sim u\}$ и $TERM^+/\sim$ вместо $\{[t] : t \in TERM^+\}$.

Определим модель $M = \langle G, R, (D_w)_{w \in G}, I \rangle$, базирующуюся на S :

1) $G = PREF \cup \{2\}$. Заметим, что $2 \notin PREF$, поскольку все префиксы на B начинаются с 1.

2) $R = \{\langle \sigma, \sigma.n \rangle : \sigma, \sigma.n \in PREF\}$. Заметим, что 2 изолирован, т.е. не существует σ такого, что $2R\sigma$ или $\sigma R2$.

3) Выберем объект r , не принадлежащий $TERM^+/\sim$. Теперь определим домены элементов G :

- для любого $\sigma \in PREF$, $D_\sigma = \{[x_\sigma^\sigma] : x \in VAR \text{ \& } x_\sigma^\sigma \in TERM^+\}$, если это множество не пусто и $D_\sigma = \{r\}$ в противном случае;

- $D_2 = (TERM^+/\sim) \cup \{r\}$.

Домен модели $D(M) = \bigcup_{w \in G} D_w$.

4) Определим I :

- если $a_\sigma^\sigma \in TERM^+$, то $I(a)(\sigma) = [a_\sigma^\sigma]$. Если $a_\sigma^\sigma \notin TERM^+$, денотат a в σ определяется произвольно, как и денотат любой константы в 2;

- если P – n -местный предикат отличный от $=$,
 $I(P)(\langle \tau_1, \dots, \tau_n \rangle) = \{[\langle t_{1(\sigma_1)}^{\tau_1}, \dots, t_{n(\sigma_n)}^{\tau_n} \rangle] : (\exists \alpha \in PREF) \alpha P(t_{1(\sigma_1)}^{\tau_1}, \dots, t_{n(\sigma_n)}^{\tau_n}) + \in S\}$.

- для любых $\sigma, \tau \in G$, $I(=)(\langle \sigma, \tau \rangle) = \{\langle e, e \rangle : e \in D(M)\}$.

Лемма 2. Пусть B – открытая ветка насыщенного дерева, S – множество формул с префиксом на B , $PREF$ – множество префиксов на B , $TERM^+$ – множество встречающихся на S переменных формы a_σ^τ , x_σ^τ или x^τ . Возьмем оценку переменных v и VP -функцию f в M для $\mathcal{L}^+$ со следующими свойствами:

- если x^τ встречается на B , $v(x^\tau) = v(x) = [x^\tau]$,

- если t_σ^τ встречается на B , $v(t_\sigma^\tau) = [t_\sigma^\tau]$,

- $dom(f) = TERM^+$,

- если $t_{(\sigma)}^\tau$ встречается на B , $f(t_{(\sigma)}^\tau) = \tau$.

Тогда для любой формулы ϕ в $\mathcal{L}^+$ и для любого префикса $\sigma \in PREF$:

$$\sigma \phi + \in S \Rightarrow M, \sigma, v, f \models \phi$$

$$\sigma \phi - \in S \Rightarrow M, \sigma, v, f \not\models \phi.$$

Доказательство леммы 2 для $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$ отличается от доказательства леммы 5 для $CWPL$ [4] только пунктом для $\Diamond$. При

этом определение модели, базирующейся на S , для $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$ отличается от соответствующего определения для $CWPL$ только пунктом для R .

Доказательство для $CWPL-D$. Для $CWPL-D$ R – минимальное множество такое, что:

- 1) если $\sigma, \sigma.n \in PREF$, то $\sigma R \sigma.n$;
- 2) если $\sigma \in G$ и для каждого n , $\sigma.n \notin PREF$, то $\sigma R \sigma$.

Пусть $\sigma \diamond \psi \in S$. Тогда (1) для любого n , если $\sigma.n \in PREF$, то $\sigma.n \psi \in S$ и (2) $\sigma \Box \psi \in S$ (по правилу **D** и в силу насыщенности ветки). Из (2) следует, что (3) существует n такое, что $\sigma.n \psi \in S$. Пусть $\sigma R \tau$. Из этого и (3), по определению R , следует, что существует n такое, что $\sigma.n = \tau$. Поскольку $\sigma \in PREF$ и $\sigma R \tau$, (4) $\tau \in PREF$, по определению R . Из (1), (3) и (4) следует, что $\tau \psi \in S$. Отсюда, по индуктивной гипотезе, $M, \tau, v, f \models \psi$. Обобщив по τ , получим $M, \sigma, v, f \models \diamond \psi$. Доказательство для случая, когда $\sigma \diamond \psi \in S$, не отличается от доказательства этого пункта для $CWPL$.

Доказательство для $CWPL-T$. Для логики $CWPL-T$, $R = \{ \langle \sigma, \sigma.n \rangle : \sigma, \sigma.n \in PREF \} \cup \{ \langle \sigma, \sigma \rangle : \sigma \in G \}$.

Пусть $\sigma \diamond \psi \in S$. Тогда для любого n такого, что $\sigma.n$ на B , $\sigma.n \psi \in S$ и $\sigma \psi \in S$ (по правилу **T**, в силу насыщенности ветки). Отсюда, по индуктивной гипотезе, для любого n такого, что $\sigma.n$ встречается на B , $M, \sigma.n, v, f \models \psi$ и $M, \sigma, v, f \models \psi$. Значит, для любого τ такого, что $\sigma R \tau$, $M, \tau, v, f \models \psi$, следовательно, $M, \sigma, v, f \models \diamond \psi$. Доказательство для случая, когда $\sigma \diamond \psi \in S$, не отличается от доказательства этого пункта для $CWPL$.

Доказательство для $CWPL-S4$. Для логики $CWPL-S4$, R – минимальное множество такое, что:

- 1) если $\sigma, \sigma.n \in PREF$, то $\sigma R \sigma.n$,
- 2) если $\sigma \in G$, то $\sigma R \sigma$,
- 3) если $\sigma R \tau$ и $\tau R \Delta$, то $\sigma R \Delta$.

Пусть $\sigma \diamond \psi \in S$ и $\sigma R \tau$. Рассмотрим $R^2 = \{ \langle \sigma, \sigma.n \rangle : \sigma, \sigma.n \in PREF \}$. По определению R , если $\sigma R \tau$, то $\tau = \sigma$ или существуют $\tau_0, \dots, \tau_n$, такие, что $\tau_0 R^2 \tau_1$ и $\dots$ и $\tau_{n-1} R^2 \tau_n$, где $\tau_0 = \sigma$ и $\tau_n = \tau$. Возьмем такие $\tau_0, \dots, \tau_n$. Поскольку ветка B насыщена, из $\sigma \diamond \psi \in S$ следует, что $\sigma \psi \in S$ (по правилу **T**) и $\tau_{n-1} \diamond \psi \in S$ (по правилу **4**, примененному n раз). Из последнего, по правилу необходимости $CWPL$, следует $\tau \psi \in S$. Значит, по индуктивной гипотезе, $M, \sigma, v, f \models \psi$ и $M, \tau, v, f \models \psi$. Следовательно, для любого τ такого, что $\sigma R \tau$, $M, \tau, v, f \models \psi$. Отсюда $M, \sigma, v, f \models \diamond \psi$. Доказательство для случая, когда $\sigma \diamond \psi \in S$, не отличается от доказательства этого пункта для $CWPL$.

Доказательство для $CWPL-S5$. Для логики $CWPL-S5$, $R = PREF^2 \cup \{ \langle 2, 2 \rangle \}$.

Пусть $\sigma \diamond \psi \in S$ и $\sigma R \tau$. Тогда, по определению R , $\tau \neq 2$. Поскольку ветка B насыщена, из $\sigma \diamond \psi \in S$, если $\sigma \neq 1$, по правилу **4r**, следует, что $1 \diamond \psi \in S$, откуда, по правилу **4**, $\tau \diamond \psi \in S$. Отсюда, по правилу **T**, $\tau \psi \in S$. По индуктивной гипотезе, $M, \tau, v, f \models \psi$. Значит, для любого τ , если $\sigma R \tau$, то $M, \tau, v, f \models \psi$, т.е. $M, \sigma, v, f \models \diamond \psi$. Доказательство для случая, когда $\sigma \diamond \psi \in S$, не отличается от доказательства этого пункта для $CWPL$.

Теорема. Для любой формулы ϕ в $\mathcal{L}$, $\models_L \phi \Rightarrow \vdash_L \phi$.

Доказательство. Доказательство повторяет доказательство теоремы для $CWPL$ в [4] за исключением того, что там, где в [4] применяется лемма 5,

в доказательствах для любой из логик L применяется доказанная выше лемма 2.

Секвенциальные теории доказательства $CWPL$, $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$

В этом разделе изложены секвенциальные теории доказательства $CWPL$, $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$, описан механизм трансформации табличного доказательства в секвенциальное и указано, как корректность и полнота секвенциальных теорий доказательства $CWPL$, $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$ относительно соответствующих семантик следует из корректности и полноты табличных теорий доказательства этих логик.

Секвенция – это упорядоченная пара $\langle \Gamma, \Delta \rangle$, где Γ, Δ – множества формул с префиксами на языке $\mathcal{L}^+$ (отмечу, что в секвенциях используются неотмеченные формулы). Будем писать: « $\Gamma \Rightarrow \Delta$ » вместо « $\langle \Gamma, \Delta \rangle$ » и « $\Rightarrow$ » вместо « $\emptyset \Rightarrow \Delta$ ». В секвенциальном исчислении доказываются секвенции; доказательства строятся в виде дерева. Для $CWPL$ в доказательствах используются две аксиоматические схемы и правила вывода для логических связок, модальных операторов, кванторов, λ -оператора и равенства. Для L используются аксиомы и правила $CWPL$, а также одно или несколько из дополнительных правил: для $CWPL-D$ – **D**; для $CWPL-T$ – **T**; для $CWPL-S4$ – **T**, **4**; для $CWPL-S5$ – **T**, **4**, **4r**.

Секвенция называется теоремой, если существует ее доказательство. Формула ϕ называется теоремой, если секвенция $\Rightarrow \phi$ – теорема.

Аксиомы и правила $CWPL$

Ниже: ϕ, ψ – формулы на языке $\mathcal{L}^+$, $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \epsilon, \sigma$ и τ – префиксы, n – натуральное число.

Аксиомы:

- 1) $\Gamma, \sigma \phi \Rightarrow \Delta, \sigma \phi$, где ϕ – формула;
- 2) $\Gamma, \sigma \phi \Rightarrow \Delta, \tau \phi$, где ϕ – атомарная формула.

Правила для $\neg$:

$$\frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \phi}{\Gamma, \sigma \neg \phi \Rightarrow \Delta} L\neg \qquad \frac{\Gamma, \sigma \phi \Rightarrow \Delta}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \neg \phi} R\neg$$

Правила для $\&$:

$$\frac{\Gamma, \sigma \phi, \sigma \psi \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma \phi \& \psi \Rightarrow \Delta} L\& \qquad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \phi \quad \Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \psi}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \phi \& \psi} R\&$$

Правила для $\diamond$:

$$\frac{\Gamma, \sigma n \phi^{\sigma, n} \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma \diamond \phi \Rightarrow \Delta} L\diamond \qquad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma n \phi^{\sigma, n}}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \Box \phi} R\diamond$$

Правила для $\exists$:

$$\frac{\Gamma, \sigma \phi(y_\sigma^\sigma) \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma \exists x \phi(x) \Rightarrow \Delta} L\exists$$

Здесь для любого τ , y_σ^τ – новая для ветки переменная.

$$\frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \varphi(y_\sigma^\sigma) -}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \forall x \varphi(x) -} R\exists$$

y_σ^τ может встречаться на ветке с некоторым τ и может быть новым для ветки для любого τ .

Правила для λ -оператора:

Если a – индивидуальная константа $\mathcal{L}$,

$$\frac{\Gamma, \sigma \varphi(a_\sigma^\sigma) \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma (a/x)\varphi(x) \Rightarrow \Delta} Lc\lambda \quad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \varphi(a_\sigma^\sigma)}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma (a/x)\varphi(x)} Rc\lambda$$

Если t – индивидуальная константа или переменная $\mathcal{L}$,

$$\frac{\Gamma, \sigma \varphi(t_\tau^\sigma) \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma (t_\tau^p/x)\varphi(x) \Rightarrow \Delta} Lt\lambda \quad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \varphi(t_\tau^\sigma)}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma (t_\tau^p/x)\varphi(x)} Rt\lambda$$

Если y – переменная $\mathcal{L}$,

$$\frac{\Gamma, \sigma \varphi(y^\sigma) \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma (y^\tau/x)\varphi(x) \Rightarrow \Delta} Lv\lambda \quad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma \varphi(y^\sigma)}{\Gamma \Rightarrow \Delta, \sigma (y^\tau/x)\varphi(x)} Rv\lambda$$

Правила для равенства:

Правило рефлексивности:

$$\frac{\Gamma, \sigma t_{(a)}^\beta = t_{(a)}^\Delta \Rightarrow \Delta}{\Gamma \Rightarrow \Delta} refl$$

Правила подстановки:

$$\frac{\Gamma, \tau \varphi(u_{(\gamma)}^\epsilon) \Rightarrow \Delta}{\Gamma, \sigma t_{(a)}^\beta = u_{(\gamma)}^\delta, \tau \varphi(t_{(a)}^\epsilon) \Rightarrow \Delta} Ls \quad \frac{\Gamma \Rightarrow \Delta, \tau \varphi(u_{(\gamma)}^\epsilon)}{\Gamma, \sigma t_{(a)}^\beta = u_{(\gamma)}^\delta \Rightarrow \Delta, \tau \varphi(t_{(a)}^\epsilon)} Rs$$

Дополнительные секвенциальные правила для $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$:

$$T: \frac{\sigma \varphi -}{\sigma \Diamond \varphi -}$$

$$D: \frac{\sigma \Box \varphi -}{\sigma \Diamond \varphi -}$$

Если σ и $\sigma.n$ уже встречались на ветке,

$$4: \frac{\sigma.n \Diamond \varphi -}{\sigma \Diamond \varphi -}$$

$$4r: \frac{\sigma \Diamond \varphi -}{\sigma.n \Diamond \varphi -}$$

Секвенциальная и табличная теории доказательства являются нотационными вариантами друг друга. Существует стандартный метод получения секвенциального доказательства из табличного. Табличный метод при этом модифицируется следующим образом: доказательство формулы φ строится поэтапно, так чтобы его можно было разбить на секции. В первой секции находится только формула $1 \varphi^1 -$, во второй – результаты применения неко-

торого правила к этой формуле. Далее при переходе к секции $n+1$ от секции n мы применяем правило только к одной формуле из n и записываем в секцию $n+1$ результаты применения некоторого правила к этой формуле и все формулы из n , к которым правила не применялись. Эта процедура повторяется до получения замкнутого дерева. При таком построении деревьев ветка дерева называется *замкнутой*, если она содержит секцию, в которой находятся $\sigma \varphi +$ и $\sigma \varphi -$ для некоторых σ и φ или $\sigma \varphi +$ и $\tau \varphi -$ для некоторой атомарной формулы φ и некоторых σ и τ . Дерево называется *замкнутым*, если все его ветви замкнуты. Далее мы преобразовываем получившуюся таблицу в секвенциальное доказательство следующим образом: каждую секцию, начиная с тех, которые содержат замыкания, и заканчивая первой секцией, превращаем в секвенцию, записывая все формулы с $+$ слева от $\Rightarrow$, а все формулы с $-$ справа от $\Rightarrow$. В результате получается секвенциальное доказательство формулы φ .

С учетом сказанного выше, доказательство корректности и полноты секвенциального метода доказательства для логик $CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$ сводится к доказательству корректности и полноты табличного метода доказательства для указанных логик, что было сделано выше.

Заключение

В статье рассмотрены модификации $CWPL$, базирующиеся на пропозициональных логиках D , T , $S4$ и $S5$ ($CWPL-D$, $CWPL-T$, $CWPL-S4$ и $CWPL-S5$ соответственно), представлены семантика, табличная теория доказательства и секвенциальная теория доказательства для этих логик и доказаны их корректность и полнота относительно соответствующих семантик.

Список источников

1. Borisov E. A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication // Логические исследования. 2023. Т. 29, № 2. С. 125–147.
2. Ламберов Л.Д. К вопросу об особенностях CPL // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 17–24. doi: 10.17223/1998863X/74/2
3. Борисов Е.В. Логика для кросс-мировой предикации // Наука как общественное благо / ред. И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова. М.: РОИФН, 2020. Т. 4. С. 205–209.
4. Borisov E. A Tableau Proof Theory for $CWPL$ // Логические исследования (в печати).
5. Butterfield J., Stirling C. Predicate modifiers in tense logic // Logique et Analyse. 1987. Vol. 30. P. 31–50.
6. Wehmeier K.F. Subjunctivity and cross-world predication // Philosophical Studies. 2012. Vol. 159. P. 107–122.
7. Kocurek A.W. The problem of cross-world predication // Journal of Philosophical Logic. 2016. Vol. 45. P. 697–742.

References

1. Borisov, E.V. (2023) A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication. *Logical Investigations*. 29. pp. 125–147.
2. Lamberov, L.D. (2023) On the features of CPL. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 17–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/74/2
3. Borisov, E.V. (2020) Logika dlya kross-mirovoy predikatsii [A logic for crossworld predication]. In: Kasavin, I.T. & Shipovalova, K.V. (eds) *Nauka kak obshchestvennoe blago* [Science as a Public Good]. Vol. 4. Moscow: Russian Society for History and Philosophy of Science. pp. 205–209.
4. Borisov, E. (n.d.) A Tableau Proof Theory for $CWPL$. *Logical Investigations* [In print].

5. Butterfield, J. & Stirling, C. (1987) Predicate modifiers in tense logic. *Logique et Analyse*. 30. pp. 31–50.

6. Wehmeier, K.F. (2012) Subjunctivity and cross-world predication. *Philosophical Studies*. 159. pp. 107–122.

7. Kocurek, A.W. (2016) The problem of cross-world predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45. pp. 697–742.

Сведения об авторе:

Мухаметшина И.И. – младший научный сотрудник сектора философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Томск, Россия). E-mail: mukhametshina.indira@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mukhametshina I.I. – junior researcher of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Tomsk, Russian Federation). E-mail: mukhametshina.indira@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 09.10.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 102.165:171

doi: 10.17223/1998863X/82/6

ЛОГИЧЕСКАЯ ЧЕСТНОСТЬ: ИНТЕГРАЦИЯ ЛОГИКИ И ЭТИКИ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Ангелина Валерьевна Петрова

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия,
angelina.gukovaa@yandex.ru*

Аннотация. Статья исследует проблему интеграции логических и этических принципов в процессе познания. Рассматривается концепция логической честности как необходимого элемента, связывающего когнитивные и моральные аспекты в построении знания. Особое внимание уделено этическим обязательствам субъекта познания и их влиянию на объективность выводов.

Ключевые слова: логическая честность, эпистемология, интеграция логики и этики

Для цитирования: Петрова А.В. Логическая честность: интеграция логики и этики в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 68–75. doi: 10.17223/1998863X/82/6

Original article

LOGICAL HONESTY: THE INTEGRATION OF LOGIC AND ETHICS IN EPISTEMOLOGY

Angelina V. Petrova

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, angelina.gukovaa@yandex.ru*

Abstract. This article focuses on the integration of logical and ethical principles in the process of knowledge acquisition, with an emphasis on the role of logical honesty. Epistemology, as the study of the nature and justification of knowledge, faces not only cognitive but also ethical challenges. In today's information crisis, where post-truth and manipulation have become commonplace, the demands for the objectivity and reliability of knowledge take on special significance. Logical standards such as consistency and coherence form the foundation of stable theories, but they are not sufficient to ensure the truth of conclusions. Logical honesty is considered an interdisciplinary concept that connects logic and ethics. It requires the subject of knowledge not only to follow formal rules of logic but also to maintain integrity in relation to the data, avoiding manipulation and bias. This is particularly important in scientific research, where there is a risk of using logic to confirm preconceived hypotheses, thereby undermining trust in scientific results. An example of such criticism is a work by John Ioannidis, who argues that many published studies are flawed due to the misuse of statistics and biased interpretations. The concept of logical honesty also raises the issue of ethical responsibility in knowledge. Logical conclusions may be formally correct, but, without considering ethical consequences, they lose their epistemic value. The article discusses how philosophers and scientists, using logic to defend existing views, can compromise the objectivity of knowledge. Logic becomes a tool of manipulation if applied without regard for moral obligations. Metaepistemology, which examines the foundations of knowledge, allows for a detailed exploration of the issue of logical honesty. Formal logic does not guarantee the truth of conclusions if the underlying data or interpretations are biased. This highlights the importance of combining cognitive and ethical aspects in

scientific and philosophical discussions. Thus, logical honesty transcends formal rules, making logic a tool not only of cognitive accuracy but also of moral responsibility.

Keywords: logical honesty, epistemology, integration of logic and ethics

For citation: Petrova, A.V. (2024) Logical honesty: the integration of logic and ethics in epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/6

В условиях современного мира, где информация становится ключевым ресурсом, требования к объективности и надежности знания приобретают особую важность. Логические стандарты, такие как последовательность и непротиворечивость, являются основой для построения устойчивых теорий. Однако, как показывает развитие метаэпистемологии, внимание все чаще смещается с конечных результатов на сам процесс получения знания.

Возрастающая роль этики в эпистемологии становится очевидной в контексте таких вызовов, как постправда, информационные манипуляции и кризис доверия к научным данным. Например, Джона Йоаннидис критикует современную науку за распространенность ошибок и манипуляций в опубликованных исследованиях. Проведя масштабное исследование в отношении современных научных работ, он пишет: «...большинство опубликованных результатов научных исследований являются ложными из-за неправильного применения статистических методов и предвзятых интерпретаций данных» [1]. Согласно Д. Йоаннидису, исследователи могут подсознательно или намеренно интерпретировать данные таким образом, чтобы они соответствовали их гипотезам. Это происходит из-за «confirmation bias» – склонности искать данные, которые подтверждают существующие теории, игнорируя данные, которые им противоречат.

Таким образом, важность интеграции этических и логических критериев в познавательную практику становится особенно актуальной. Этическая ответственность предполагает не только корректное использование логических правил, но и учет влияния субъективных факторов на процесс познания. Проблема логики в эпистемологии может рассматриваться как этическая проблема, если учесть вопрос о логической честности. Например, Р. Ауди считает, что оправдание знаний выходит за пределы формальной логики, так как «отношение оправдания является эпистемическим, а не логическим» [2. Р. 45]. Это расширяет роль логики с сугубо когнитивной функции до интеллектуальной добродетели, без которой невозможно достичь объективных и справедливых знаний. В этом контексте концепт логической честности выходит на первый план, выступая междисциплинарной категорией, связывающей логику и этику.

«Логическая честность» – это когнитивная и моральная обязанность субъекта познания не только следовать строгим правилам логики, но и сохранять честность и открытость в отношении фактов, избегая предвзятостей и намеренных искажений данных. Логическая честность, являясь интеграцией логических и этических принципов, предлагает новый взгляд на процесс формирования теорий. Она требует не только следования правилам непротиворечивости и правильности вывода, но и моральной обязанности перед истиной, сообществом и самим собой, что обеспечивает более объективный и справедливый подход к познанию. Метаэпистемология, сосредоточенная на

анализе основ и методов обоснования знаний, позволяет исследовать эти аспекты более детально.

Как и почему логика может стать этической проблемой

Логика в эпистемологическом контексте может стать этической проблемой по нескольким причинам, связанным с тем, как она применяется для обоснования знаний, как используется в аргументации и какие эффекты оказывает на познавательные процессы. Рассмотрим эти причины детально:

1. Логика в обосновании знания.

В эпистемологии логика используется как ключевой инструмент для обоснования убеждений и формулирования теорий. Важно отметить, что формальная корректность логических рассуждений не всегда гарантирует надежность или достоверность эпистемических выводов. Логика имеет объективные правила, но применение этих правил в реальных аргументах связано с моральной ответственностью за выбор данных, интерпретацию и представление фактов, что делает в том числе и этически ответственным выбор посылок для логической аргументации. В таком свете субъективные решения (например, выбор данных или игнорирование контраргументов) могут нарушать объективность логической системы. В таком срезе логика может быть использована даже для манипуляции, предвзятости или искажения истины, если она применяется неэтично или без должного учета моральных обязательств субъекта познания. Таким образом, правильное применение логики – это не только вопрос когнитивной способности, но и вопрос честности и ответственности перед познанием. Грэм Прист утверждает, что логическая корректность не всегда гарантирует истинность, поскольку логика сама по себе является инструментом, который оперирует формальными правилами, а не проверкой истинности посылок. В своей работе «An Introduction to Non-Classical Logic» он подчеркивает, что «формальная логика может быть лишь инструментом, но объективность требует честности в выборе фактов и данных» [3. Р. 167].

Логика работает с определенными посылками или данными, из которых выводятся заключения. Однако логика не оценивает истинность или репрезентативность этих посылок. Если субъект использует предвзятые или недостоверные данные в своем логическом рассуждении, он может прийти к логически правильным, но фактически ошибочным выводам.

Например, если ученый строит выводы о глобальном изменении климата, используя выборочные данные (например, только из одной страны или временного промежутка), он может построить логически корректную аргументацию, которая формально будет непротиворечивой. Однако такой вывод будет искаженным, так как исходные данные не будут представлять полную картину. Логическая корректность не защищает от нечестного выбора данных, что делает обоснование знаний этически проблематичным.

С этой точки зрения концепция логической честности связана с требованием придерживаться объективных формальных правил логики и не нарушать их ради субъективных предпочтений или предвзятостей. Логическая честность в таком случае подразумевала бы честное следование логическим принципам, которые отражают объективную реальность.

2. Этическая ответственность за корректное использование логики.

Этическая проблема возникает, когда логика используется не как средство для поиска истины, а как инструмент для подтверждения уже существующих убеждений субъекта познания. В таком случае логические рассуждения, формально корректные, могут оказаться предвзятыми, если субъект сознательно или бессознательно игнорирует контраргументы или не учитывает новые данные, которые ставят под сомнение его гипотезу. Как подчеркивает Роберт Ауди, «интеллектуальная добродетель требует не только стремления к истине, но и готовности пересматривать убеждения при наличии новых данных» [4. Р. 25]. Это превращает логику в средство поддержания статус-кво вместо ее функции инструмента критического анализа и прогресса в познании. Проблема заключается в том, насколько философ честен перед самим собой и перед другими, когда использует логику для обоснования своих теоретических позиций.

В такой ситуации логика становится не способом достижения объективного знания, а механизмом, приостанавливающим дальнейшие суждения. Это искажает процесс познания и делает его эпистемологически несостоятельным. Когда логика используется исключительно для защиты существующих взглядов, ее применение может привести к манипуляциям, предвзятости и фальсификации истинности.

Логика, даже будучи корректной с формальной точки зрения, не гарантирует честности в отношении выбора данных и фактов. Если субъект намеренно или по причине предвзятости игнорирует контраргументы и не учитывает неудобные факты, его аргументация становится этически проблематичной. В таких случаях нарушается принцип эпистемической ответственности, требующий от философа или ученого честного и всестороннего анализа всех доступных данных.

Эпистемическая честность предполагает, что субъект познания должен учитывать не только факты, которые подтверждают его убеждения, но и те, которые им противоречат. Логическое обоснование, не отражающее всей полноты фактического материала, нарушает это требование, делая аргументацию морально сомнительной и подрывающей доверие к процессу познания. Это препятствует прогрессу в научных или философских дискуссиях, закрывая возможность для самокоррекции и критического осмысления.

В результате логическая корректность без учета этических обязательств превращает аргументацию в инструмент манипуляции, который искажает реальность и нарушает прозрачность познания, что противоречит как принципам эпистемологии, так и моральным нормам научного анализа.

Исследователи, такие как Линда Загзебски, подчеркивают, что эпистемические добродетели, включая честность и объективность, играют ключевую роль в предотвращении предвзятости в познавательной деятельности. Она утверждает: «Эпистемическая добродетель требует не только способности к логическому мышлению, но и готовности к критической оценке своих убеждений» [5. Р. 59]. Если этого не происходит, даже логически корректные выводы могут быть нечестными и необоснованными, что ставит под сомнение их эпистемическую ценность.

3. Игнорирование моральных последствий логических выводов.

В эпистемологическом контексте важно учитывать, что логические выводы могут иметь широкие моральные последствия. Логика, будучи фор-

мальной системой, не учитывает этические последствия своих выводов, оставляя эту ответственность на субъекте познания. Если субъект игнорирует или недооценивает эти последствия, его рассуждения могут быть морально неоправданными, несмотря на их логическую правильность.

Субъект познания несет ответственность за моральные последствия своих выводов, даже если они логически корректны. Логическая правильность не гарантирует, что выводы будут этически оправданными. Когда философ или ученый игнорирует этические аспекты своих выводов, это может привести к непреднамеренным или даже преднамеренным социальным и моральным нарушениям.

Например, выводы, сделанные на основе логически правильных рассуждений, могут привести к несправедливым социальным последствиям, если не учесть их этическое воздействие. В этом случае логика перестает быть инструментом для обоснования истины, превращаясь в средство манипуляции или социальной несправедливости.

Другой аспект проблемы заключается в том, что если философ или ученый не искренне верит в выводы своих рассуждений, даже если они логически правильны, это создает внутреннюю когнитивную непоследовательность. Отсутствие веры в собственные аргументы указывает на нарушение интеллектуальной честности и разрушает доверие к познавательному процессу. Так, Линда Загзебски напрямую связывает моральный статус ученого с тем, насколько достоверными могут быть его исследования, приписывая эпистемический статус искренней вере в свои выводы с опорой на моральный ориентир. Она подчеркивает, что такая эпистемическая добродетель даже дает «привилегированный эпистемический доступ» [6] к обоснованию знания.

Отсутствие уверенности в своих аргументах может повредить рациональной целостности субъекта познания. Честность в познании требует, чтобы выдвигаемые утверждения были результатом действительных убеждений, а не риторической конструкции.

Научный и философский дискурсы предполагают искреннюю приверженность истине. Если субъект сознательно выдвигает аргументы, в истинность которых сам не верит, это подрывает саму суть познавательной деятельности и ставит под сомнение ее цели. Вера в свою теорию поддерживает рациональную и этическую целостность процесса, обеспечивая соответствие между убеждениями субъекта и выдвигаемыми аргументами. Без такой уверенности логические выводы могут стать инструментом манипуляции, что разрушает процесс познания и его объективность.

Почему это междисциплинарная проблема?

Концепт логической честности демонстрирует сложность интеграции логических и этических принципов в процессе познания. Проблема заключается в том, что сомнение в корректности теории возникает не с точки зрения ее формальной структуры, а с точки зрения этической ответственности и эпистемической ценности. Подобная ситуация может возникать в тех условиях, когда логика рассматривается исключительно как формальный инструмент, без учета этических обязательств. Это может привести к созданию теорий, которые, несмотря на их логическую корректность, остаются этически проблематичными.

Эта ситуация ставит под сомнение корректность теории не только с точки зрения ее формальной структуры, но и с точки зрения этической ответственности и эпистемической ценности. Примером может служить работа Эдмунда Геттиера, который показал, что формально оправданные истинные убеждения могут оказаться случайными или основанными на ложных посылах. В одном из его примеров Смит полагает, что человек с десятью монетами в кармане получит работу, основываясь на наблюдении за Джонсом. Однако, вопреки ожиданиям Смита, работу получает сам Смит, у которого случайно также оказывается десять монет в кармане. Хотя вывод Смита был истинным, его основание оказалось ложным [7]. Это демонстрирует, что даже при соблюдении логической структуры, знание может быть неустойчивым, если оно опирается на случайные или неверные данные, что подрывает его эпистемическую ценность. Хотя формальная логика работает по строгим правилам и обеспечивает корректность выводов, она не во всем учитывает источники данных и мотивы, на которых эти посылки строятся. Логическая честность, в свою очередь, требует не только корректного выстраивания аргументов, но и честного отношения к исходным данным, а также готовности признать свои ошибки, если доказательства оказываются неверными.

Проблема логической честности заключается в том, что ее отсутствие в логических и когнитивных процессах способно подорвать объективность и достоверность эпистемологических выводов. Когда логика используется для подтверждения предвзятых позиций, а не для поиска истины, теоретические построения теряют свою научную ценность и становятся инструментами риторики и манипуляции. Это идет вразрез с основными целями объективного познания, ставя под сомнение надежность полученных результатов.

В научной и философской деятельности отсутствие искренней веры в собственные выводы превращает теорию в формально правильную, но фактически бесполезную конструкцию, лишенную познавательной ценности. Теория, основанная на таких основаниях, не способствует достижению истины, а скорее становится средством укрепления предвзятостей или интересов субъекта.

Следовательно, важно рассматривать вопрос логической честности как междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении логики, эпистемологии и этики. Это позволит обеспечить как когнитивную точность, так и этическую ответственность в процессе познания, что особенно важно в современных условиях научных исследований и философских дискуссий.

Логическая честность как концепт демонстрирует ключевую роль интеграции логических и этических принципов в эпистемологическом процессе. Логическая корректность может оказаться уязвимой перед предвзятостью или манипуляцией, если данные, используемые для построения выводов, преднамеренно искажаются или отбираются с целью подтверждения уже существующих убеждений. В этом контексте логическая честность требует от субъекта познания не только следования правилам логики, но и этической ответственности перед данными, сообществом и истиной. Однако, в свою очередь, и этические принципы без опоры на логику могут быть уязвимы. Этика, если она не сопровождается строгой логической аргументацией, может стать расплывчатой или неопределенной. Без логики этические нормы могут быть применены субъективно и выборочно, что открывает простран-

ство для морального релятивизма и противоречий. Этические суждения, построенные без учета логических принципов, могут быть основаны на эмоциональных или культурных предвзятостях, что ослабляет их объективность и универсальность. В этом смысле логика служит основой для систематизации и обоснования этических норм, предотвращая их произвольное или непоследовательное применение.

Таким образом, логическая честность требует сбалансированной интеграции логики и этики: логика должна быть подкреплена этическими принципами, чтобы избежать манипуляций и предвзятости, а этика – логической обоснованностью, чтобы гарантировать ее когнитивную строгость и объективность.

Для дальнейшего развития темы необходимо углубленное исследование интеграции логики и этики в эпистемологических процессах. Это позволит избежать риска манипуляции и предвзятости в познании. Особого внимания заслуживают исследования логических парадоксов с точки зрения логической честности. Парадоксы выявляют внутренние ограничения логических систем, что требует не только когнитивной внимательности, но и честности перед самими фактами, а также готовности к пересмотру устоявшихся теорий.

Список источников

1. Ioannidis J. P.A. Why Most Published Research Findings Are False // PLoS Medicine. 2005. Vol. 2, № 8. e124. URL: <https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.0020124> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Audi R. The Architecture of Reason: The Structure and Substance of Rationality. Oxford : Oxford University Press, 2001. 326 p.
3. Priest G. An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 616 p.
4. Audi R. Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge. 3rd ed. London : Routledge, 2010. 432 p.
5. Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 469 p.
6. Zagzebski L. Exemplarist Moral Theory. Oxford University Press, 2017. 274 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/335080270_Exemplarist_Moral_Theory_By_Linda_Trinkaus_Zagzebski_Oxford_University_Press_2017_xiv_274_pp_1999_ISBN_9780190072254_DOI101093acprofoso97801906558460010001 (accessed: 6.09.2024).
7. Gettier E.L. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23, № 6. P. 121–123.

References

1. Ioannidis, J.P.A. (2005) Why most published research findings are false. *PLoS Medicine*. 2(8). e124.
2. Audi, R. (2001) *The architecture of reason: The structure and substance of rationality*. Oxford University Press.
3. Priest, G. (2008) *An introduction to non-classical logic: From if to is*. (2nd ed.). Cambridge University Press.
4. Audi, R. (2010) *Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*. (3rd ed.). Routledge.
5. Zagzebski, L. (1996) *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge University Press.
6. Zagzebski, L. (2017) *Exemplarist Moral Theory*. Oxford University Press. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/335080270_Exemplarist_Moral_Theory_By_Linda_Trinkaus_Zagzebski_Oxford_University_Press_2017_xiv_274_pp_1999_ISBN_9780190072254_DOI101093acprofoso97801906558460010001 (Accessed: 6th September 2024).

7. Gettier, E.L. (1963) Is justified true belief knowledge? *Analysis*. 23(6). pp. 121–123.

Сведения об авторе:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 12.09.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/1998863X/82/7

НЕВЫРАЗИМОСТЬ ФОРМАЛЬНЫХ СВОЙСТВ И ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ

Кирилл Александрович Родин

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, rodin.kir@gmail.com

Аннотация. Сформулированная Солом Крипке в порядке комментария к «Философским исследованиям» Витгенштейна проблема следования правилу рассматривается в настоящей статье в контексте философии *Tractatus Logico-Philosophicus*. Антикрипкеанские публикации по проблеме следования правилу ограничивают критику Крипке текстами Витгенштейна позднего периода. Мы демонстрируем возможность подкрепить антикрипкеанскую критику некоторыми новыми подходами в исследовании Трактата (с опорой на недавние публикации Тима Ламперта).

Ключевые слова: невыразимость формальных свойств, аб-нотация, проблема следования правилу

Для цитирования: Родин К.А. Невыразимость формальных свойств и проблема следования правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 76–88. doi: 10.17223/1998863X/82/7

Original article

INEXPRESSIBILITY OF FORMAL PROPERTIES AND THE RULE-FOLLOWING PROBLEM

Kirill A. Rodin

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, rodin.kir@gmail.com*

Abstract. The rule-following problem, formulated by Saul Kripke as a commentary on Wittgenstein's *Philosophical Investigations*, is considered in this article in the context of the philosophy of *Tractatus Logico-Philosophicus*. Anti-Kripkean publications on the rule-following problem limit criticism of Kripke to Wittgenstein's late period texts. I demonstrate that it is possible to bolster the anti-Kripkean critique with some new approaches to the study of the *Tractatus*. Since the publication of the book *Wittgenstein on Rules and Private Language*, the philosophy of the late Wittgenstein has often been considered in the context of the rule-following problem. Some individual research programs in philosophy, when turning to Wittgenstein, rely, in addition to primary sources, on a skeptical reading of Kripke. Most anti-Kripkean publications (including modern ones) mainly argue with the reading of Kripke in the context of Wittgenstein's later texts and limit themselves to unimportant parallels with the *Tractatus Logico-Philosophicus*. In addition to the natural preference for arguing based on the texts used by Kripke, the tendency may be associated with the established excessive division of Wittgenstein into early and late. We can confidently speak about Wittgenstein's refusal to accept the reductionist analysis of quantifiers (in the *Tractatus*) and his refusal to recognize the method of reducing logical propositions to tautologies as the only method of demonstrating internal relations between propositions. Otherwise, there is a unity of thought between the early and late Wittgenstein. What remained unchanged for Wittgenstein was his adherence to the distinction between formal and material modes of speech and his radical belief in the ineffability of formal properties (including the ineffability of semantics). The ineffability of internal relations

(formal properties) was later extended by Wittgenstein to the philosophy of mathematics and the philosophy of mind. In this article, I trace the idea of the ineffability of formal properties through a recent work of Tim Lampert, with the subsequent aim of bringing the rule-following problem into the context of Wittgenstein's early and middle period. The first section of the article draws on the work of Jaakko Hintikka and reproduces the essential features of the debate between traditional and new readings of the *Tractatus*. The second and third sections examine Tim Lampert's recent work and demonstrate the continuity between the *Tractatus* and Wittgenstein's later texts. The final section returns to the rule-following problem and outlines possible new approaches to disavowing the problem.

Keywords: inexpressibility of formal properties, ab-notation, rule-following problem

For citation: Rodin, K.A. (2024) Inexpressibility of formal properties and the rule-following problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 76–88. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/7

0. Крипке сформулировал скептическую проблему следования правилу в порядке согласованного комментария к некоторым разделам «Философских исследований» Витгенштейна. С момента публикации ставшей знаменитой книги «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [1] философия позднего Витгенштейна стала часто рассматриваться в контексте проблемы следования правилу. Некоторые отдельные исследовательские программы в философии при обращении к Витгенштейну опираются помимо и прежде первоисточников на скептическое прочтение Крипке. Можно вспомнить известную работу Дэвида Блур «Wittgenstein, Rules and Institutions». Блур оценивает книгу Крипке как выдающуюся (brilliant) [2. Р. 7]. «Проницательность» Крипке отмечает, скажем, Грэм Прист. Критическую литературу против скептического прочтения Прист при рассмотрении философии Витгенштейна упоминает в отдельном кратком примечании и нигде не цитирует и не разбирает (оценку работы Крике и примечание см.: [3. С. 321]). Среди анти-крипкеанских публикаций следует особенно отметить работы Г.П. Бейкера и П.М.С. Хакера и Стюарта Шенкера (соответственно, [4, 5]).

Большинство анти-крипкеанских публикаций (включая современные) преимущественно полемизируют с прочтением Крипке в контексте поздних текстов Витгенштейна и ограничиваются несущественными отдельными параллелями с *Tractatus Logico-Philosophicus* [6]. Помимо естественного предпочтения вести спор в опоре на используемые Крипке тексты, тенденция может быть связана с устоявшимся чрезмерным разведением Витгенштейна на раннего и позднего. Можно уверенно говорить про отказ Витгенштейна от редукционистского анализа кванторов (в Трактате) и про отказ от признания метода сведения логических пропозиций к тавтологиям в качестве **единственного** метода демонстрации внутренних отношений между пропозициями. В остальном наблюдается единство мысли раннего и позднего Витгенштейна. Неизменными для Витгенштейна оставались соблюдение различий между формальным и материальным модусами речи и радикальная убежденность в невыразимости формальных свойств (включая невыразимость семантики). В.А. Суровцев про особенности логического символизма Трактата говорит: «...знаки становятся знаками только... когда устанавливается их возможность обозначать. Но ни один знак сам по себе не является знаком. Знак является знаком только в отношении к другому знаку» [7. С. 231]. Внутреннее отношение между знаками устанавливается из правильной логической нотации и не предполагает никаких дополнительных внешних критериев.

Невыразимость внутренних отношений (формальных свойств) позднее была распространена Витгенштейном на философию математики и философию сознания (ряд других контекстов). В настоящей статье мы прослеживаем идею невыразимости формальных свойств по недавним работам Тима Ламперта с последующей целью включить проблему следования правилу в контекст работ Витгенштейна раннего и среднего периода.

Первый раздел статьи опирается на работу Яакко Хинтикки и воспроизводит существенные черты полемики между традиционным и «новым» прочтениями Трактата. Во втором и третьем разделе разбираются недавние работы Ламперта и демонстрируется преемственность Трактата и поздних текстов Витгенштейна. Последний раздел возвращается к проблеме следования правилу и намечает возможные новые подходы к дезавуированию проблемы.

1. Яакко Хинтикка в 2003 г. опубликовал небольшую полемическую статью против «новых» прочтений *Tractatus Logico-Philosophicus* Витгенштейна [8]. Неожиданные прочтения из мировой индустрии исследований Витгенштейна в попытках придать тексту какое-то специфическое метафизическое или мистическое значение (якобы упущенное предыдущей традицией) застревают преимущественно на последних констатациях Трактата. Без особых объяснений нетрудно предугадать несоответствие «новых» прочтений намерению Витгенштейна окончательно разрешить метафизические проблемы и поставить непреодолимую границу на высказывания чего-то мистического (вспоминаются предпосланные Трактату слова австрийского писателя Кюрнбергера про шум и звон...). Известные упреки Витгенштейну в излишней многоречивости на фоне призывов к молчанию сторонники мистико-метафизического прочтения могут записать на собственный оправдательный счет. Традиционное прочтение допускало ошибки и многое игнорировало. Однако оставалось верным логическому характеру Трактата: заключительные констатации не могут быть адекватно прочитаны вне основного логического содержания и не могут расцениваться как ненужная или нужная трансцендентная добавка.

Новые прочтения сосредоточены вокруг констатации 6.54 Трактата. В 6.54 Витгенштейн просит понимать предшествующие пропозиции как бессмысленные (*unsinnig*). Работа Трактата завершена (наконец читатель видит мир правильно) после отбрасывания и понимания предшествующих пропозиций как бессмысленных. Сторонники нового прочтения в проясняющем и бессмысленном характере пропозиций наряду с объявленной Витгенштейном необходимостью подняться при помощи пропозиций выше пропозиций склонны находить необходимость внешнего мистического инсайта. Хинтикка предлагает разумное возвращение непосредственно к тексту. Элементарная пропозиция отображает (и потому имеет смысл) и утверждает (и потому может быть истинной или ложной) существование определенного положения вещей (атомарного факта) (*die Sachverhalt*). Составные (молекулярные) пропозиции сводятся к истинностным функциям от элементарных пропозиций. Не существует других осмысленных предложений. Повествующие про отношения мира и языка и про соответствующие (основанные на взаимосвязи мира и языка) логические отношения пропозиции (из таких пропозиций состоит Трактат) должны быть признаны бессмысленными. Кажущаяся противоречи-

вость или парадоксальность предложенного критерия (не будучи элементарной пропозицией или истинностной функцией от элементарных пропозиций критерий не проходит проверку на осмысленность) не может быть серьезным возражением (равно невероятно всерьез принимать невозможность верификации принципа верификации). Важны непосредственные построения Трактата.

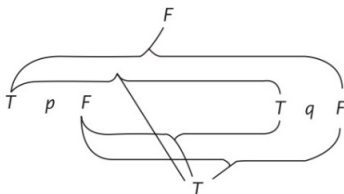
Выражение «критерий бессмысленности» следует использовать осторожно. Трактат изобилует суждениями об осмысленности или бессмысленности отдельных форм выражения и в качестве особого **критерия** ничего не предлагает. Однако при признании осмысленности только за элементарными пропозициями и соответствующими истинностными функциями от элементарных пропозиций мы необходимо приходим к невыразимости (бессмысленности выражения) ряда утверждений относительно логико-семантических понятий и формальных (структурных) логических отношений. Среди главного Хинтика перечисляет: правила логического вывода (5.1362), истинность (4.442) и логическую форму (4.12), тавтологичность (5.1362) и границы языка (постоянный лейтмотив констатаций 3 и 4) (подробнее: [8. Р. 10–11]). Вслед традиции Венского кружка можно различать формальный и предметный модусы языка (*formale Redeweise* и *inhaltliche Redeweise*). Только лишь предметный модус языка способен передавать смысл.

В качестве примера: Фреге столкнулся с проблемой при определении «природы» истинностного значения. Истина очевидно не может служить предикатом: предикат в субъект-предикатной форме составляет только часть смысла. Истина же относится к смыслу предложения целиком. Следовательно, истина (истинностное значение) может быть значением (не смыслом) предложения (подробнее: [9. С. 235–236]). При добавлении к предложению р псевдопредиката «р истинно» возможно продолжать удостоверения истины до бесконечности: «р истинно. истинно...». Истинность как бы включена в выразительность и не может быть выражена. Проблему невыразимости семантики Витгенштейн унаследовал. Новым оказалась неслыханная (Хинтика использует слово *chutza*) радикальность подхода. Констатация 3.1432: неверно: комплексный знак «aRb» говорит: а находится в отношении R к b. Напротив, «a» находится в каком-то определенном отношении к «b», говорит: aRb. Объекты а и b могут находиться в каком-то определенном отношении (может иметь место некоторое положение дел). Отношение R **имен** а и b отображает возможное отношение объектов а и b и поэтому может утверждать aRb (но истинностное значение утверждения не принадлежит логическому отношению отображения). Об истинности или ложности знака «aRb» может высказаться только конкретное положение дел. Между знаком «aRb» и миром устанавливается логическая форма отображения (некоторое тождество). При превращении логической формы в предмет высказывания высказыванию потребуется логическая форма. Только теперь форма отображения лишится возможности отобразить что-то потенциально существующее (некоторое положение дел), и поэтому высказывание про логическую форму отображения превратится в бессмыслицу (сравните с афоризмом из «Философский исследований»: философы похожи на удивительных ткачей. Шерсть давно закончилась. Однако философы продолжают ткать). Поэтому неверно, будто комплексный знак «aRb» говорит: а находится в отношении R к b (возможное отношение между объектами а и b заведомо отображено в высказы-

вании «aRb»). Новизна Витгенштейна не в наследовании проблемы невыразимости семантики или невыразимости формального модуса языка при новых попытках решить проблему (например, через изобразительную теорию языка). Витгенштейн пытается установить абсолютную бессмысленность любых способов разрешить проблему.

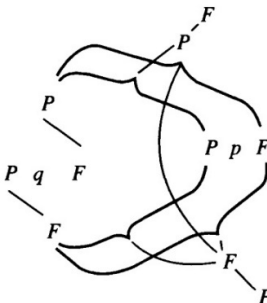
2. Многие ассоциируют Трактат Витгенштейна с таблицами истинности (см. замечательную работу про историю изобретения таблиц истинности: [10]). Но Витгенштейн никогда не использовал таблицы истинности в качестве разрешающей процедуры для пропозициональных формул. В качестве разрешающей процедуры Витгенштейн в 1912–1914 гг. создал специальную аб-нотацию для логики первого порядка. Трактат предлагает модифицированную версию аб-нотации (для пропозициональной логики без знака общности) (см. подробнее: [11. Р. 1–2]). В системе Витгенштейна доказательство предполагает разрешающую процедуру алгоритмического перевода формул логики первого порядка на язык совершенной логической нотации (такая нотация должна предоставить единственное выражение для всех и только эквивалентных формул). В констатации 6.113 собственным признаком логических предложений выступает возможность по символу и только распознать истинность пропозиций. Истинность как бы усматривается непосредственно из символа.

Разберем пример Витгенштейна. На следующем рисунке из 6.1203 вместо пропозиций p или q пишется TrF и TqF . Скобками выражаются комбинации истинностных значений. Линиями – корреляция истинности или ложности рассматриваемого предложения (составленного из p и q) с комбинациями истинностных значений аргументов истинности.

В данном случае предложенный Витгенштейном символ заменяет предложение $p \supset q$ (импликацию). Ложность предложения коррелирует со следующими истинностными значениями аргументов истинности: p истинно и q ложно. Оставшиеся три варианта комбинации истинностных значений коррелируют с истинностью импликации.

Далее демонстрируется тавтологичность закона противоречия $\sim(p.\sim p)$. Предложение $\sim(p.\sim q)$ выражается

В центральной левой части рисунка до скобок выражено отрицание q : $\sim q$. Истинность конъюнкции (и ложность отрицания конъюнкции) $p \sim q$ коррелирует с истинностными значениями для p и q соответственно: Т и F. Имеется только одна комбинация истинностных значений p и q для ложности рассматриваемого предложения $\sim(p \sim q)$. Теперь заменим q на p . Тогда из сопоставления внешних и внутренних Т и F (выпуская промежуточные Т и F) будет видно: истинность предложения $\sim(p \sim p)$ коррелирует со всеми комбинациями истинностных значений аргументов. Некоторые комбинации как бы исключены: имеется только одна комбинация истинностных значений p и p для ложности рассматриваемого предложения $\sim(p \sim p)$. И такая комбинация приписывает разные **противоположные** значения истинности аргументам истинности для разных вхождений p . Внешнее F соответствует только противоположным и одновременно приписанным одной пропозиции внутренним значениям Т и F. В письме Расселу Витгенштейн предполагает возможность получить общее правило для построения тавтологий [12. Р. 57–58]. Тим Ламперт формулирует общее правило: тавтология получается при корреляции внешнего F хотя бы с одной парой противоположных внутренних значений для двух вхождений одной пропозициональной переменной (ср.: [11. Р. 6–7]).

Схема из констатации 6.1203 имеет прообразом аб-нотацию. Отличия: аб-нотация не исключает знак общности (должна быть применима не только к пропозициональной логике) и вместо истинностных значений Т и F приписывает пропозициональным переменным два противоположных полюса а и b. Витгенштейн никогда не излагал метод аб-нотации последовательно. Мы воспользуемся реконструкцией Ламперта [11. Р. 5–9]. Предполагаемый метод диаграмм из 6.1203 и аб-нотации для перевода исходных формул в специальный символизм должен позволить идентифицировать исходную формулу как тавтологию. Витгенштейн полагает принципиальную разницу между конкретной аб-диаграммой и символическими свойствами аб-диаграммы. Только символические свойства имеют значение и отображают логические свойства (например, тавтологичный характер) исходной формулы. Конкретные аб-диаграммы отличаются от выражаемого символа (разные диаграммы могут выражать один символ). Напротив, эквивалентные формулы должны быть отображены только одним символом (который не выражает ничего **помимо** таких эквивалентных формул). Именно символ должен быть виден в итоговом переводе исходной формулы в аб-нотацию. Будем различать аб-нотацию и аб-символ. Метод будет состоять в генерации аб-символа при переводе исходных формул в аб-нотацию. Рассмотрим некоторые правила для алгоритма перевода.

На каждое вхождение пропозициональной переменной навешивается а-полюс и b-полюс слева и справа соответственно: вместо p записывается $a - p - b$. Расположение полюсов а и b не имеет значения. Важна только биполярность: биполярность символически на графическом уровне записи передает логическую возможность пропозиции быть ложной или истинной (и символически же отличает пропозицию от имени). Поэтому оказывается избыточным логический принцип двужначности (бивалентности): при передаче бивалентности в символической форме биполярности нет необходимости иметь в виду или применять какой-либо внешний принцип к истинностным значениям пропозиций). Произвольные знаки а и b не имеют

фиксированного значения истинности или ложности и отображают только структуру (в диаграммах из 6.1203 Т и F аналогично отображают только структуру) или отображают отношение между внешними а- и b-полюсами и внутренними а- и b-полюсами (равно как и на приведенном выше рисунке для выявления тавтологии значимо лишь отношение внешних и внутренних Т и F). Промежуточные полюса не вносят вклад в значение аб-диаграммы. Промежуточные полюса входят в процесс построения итогового аб-символа на графическом уровне аб-диаграммы и не являются частью аб-символа. Понимание $a - p - b$ предполагает: мы произвольно приписываем а – в качестве символа условия истинности справа от пропозиционального знака и одновременно исключаем возможность приписать а – в качестве символа условия ложности слева от пропозиционального знака. Одиночный символ р не отображает никаких структурных свойств и может быть неверно истолкован в качестве некоторого имени (якобы отсылающего к истинностному значению).

Пропозициональные связки переводятся в аб-диаграммы через операцию приписывания а- и b-полюсов по очереди а- и b-полюсам. Для $\neg p$ сначала вместо р записывается $a - p - b$. После применяется отдельная аб-операция: операция приписывает b-полюс а-полюсу и а-полюс b-полюсу. Для $\neg p$ получается аб-диаграмма $b - a - p - b - a$. Вместе с отрицанием существует 15 аб-операций для всех пропозициональных связок. Операции для остальных 14 связок приписывают а- и b-полюса четырем парам полюсов: aa, ab, ba и bb (см. по аналогии схему из первого рисунка для импликации). Итак, пропозициональные связки возможно определить через аб-операции. Никакая операция не приписывает только а- или только b-полюс всем четырем парам полюсов. Поэтому тавтология или противоречие не операции. Распознавание тавтологии происходит из свойств аб-диаграммы без применения специальной операции. Тавтология не выражается через посредство истинностной функции.

аб-операции составляют важную часть алгоритма. Истинностные функции суть добавочные не-необходимые интерпретации итогового алгоритмического построения. Мы можем определять связки через интерпретацию соответствующих аб-диаграмм в качестве истинностных функций. Но такое определение не тождественно определению через истинностные функции: пусть аб-диаграмма для $p \vee q$ репрезентирует функцию «р или q». Равно как и диаграмма для $\neg(\neg p \wedge \neg q)$. Но знак дизъюнкции теперь отсутствует. Поэтому нельзя недвусмысленно определить дизъюнкцию через истинностную функцию. Использование биполярности в качестве существенной части символической записи обнаруживает и учитывает такие различия. Традиционная нотация предполагает сомнительную возможность рассматривать формулу $p \vee q$ наравне с реальным отношением aRb .

Ламперт приводит пример. При построении аб-диаграммы для формулы $p \leftrightarrow p$ можно в итоге определить пропозициональную связку $\leftrightarrow$ как операцию по приписыванию: а-полюса комбинациям aa и bb и b-полюса комбинациям ab и ba. В отличие от таблиц истинности аб-нотация не требует различия типов входящих в пропозициональную формулу пропозициональных переменных. Потому число возможных комбинаций истинностных значений пропозициональных переменных для аб-нотации превышает 2^n (аб-нотация

допускает комбинацию противоположных полюсов одной пропозициональной переменной). И поэтому тавтология не опознается через несуществование $\neg$ -полюса (тогда как таблица истинности исключает для тавтологии итоговое значение F для любой возможной комбинации истинностных значений входящих в тавтологию пропозициональных переменных). Для опознания «условий истинности» формулы в аб-нотации требуется учитывать отношения между внешними и внутренними полюсами (т.е. исключить вспомогательные промежуточные полюсы). Исходя из такого правила, можно получить аб-символы. Каждый аб-символ будет единственным для класса эквивалентных пропозициональных формул (и только). Технические шаги по созданию алгоритма перевода для пропозициональной логики и логики первого порядка (без двухместных пропозициональных связей в пределах действия кванторов) можно посмотреть в упомянутой статье Тима Ламперта.

Метод диаграмм из констатации 6.1203 или алгоритм перевода формул пропозициональной логики на аб-нотацию позволяет избежать определенной двусмысленности таблиц истинности (редуцировать пропозициональные связки до структурных отношений) и отказаться от внешнего принципа биполярности. Главное: истинность логических высказываний редуцируется до тавтологии. Истинность логических высказываний не следствие сохранения истинности при применении правил вывода из набора исходных аксиом (законы вывода избыточны. 5.132).

3. Убежденность Витгенштейна времен Трактата в невыразимости формального модуса языка (формальных логических свойств) никогда не была пересмотрена. Метод диаграмм из 6.1203 распространен на пропозициональную логику. аб-нотация задумывалась для применения к языку логики первого порядка с кванторами всеобщности и существования. Однако Витгенштейн не был заинтересован в формулировке последовательных правил перевода. Способ демонстрации тавтологии не важен (6.126). Главным оставалась несомненная истинность тавтологии (4.464) и распознаваемость тавтологии исключительно через посредство символов (4.4611). Нотация Трактата была призвана продемонстрировать тавтологичность логических пропозиций (редуцировать истинность логических пропозиций до тавтологии). Витгенштейн несколько раз несколькими способами переводит исходный способ записи на язык новой нотации. И после перевода объявляет очевидность заложенной в изначальных формулах тавтологии. Иногда перевод используется для приведения сложных высказываний к структурно-наглядному отношению между логическими формами составляющих сложное высказывание предложений (см., напр., 5.1311). Следование одного предложения из другого показывается в структуре предложений (4.1211). Последовательная реализация отдельных методов перевода Витгенштейном не рассматривается.

Принадлежность предложения логике можно определить вычислением логических свойств символа. Поэтому доказательство сводится к образованию новых предложений посредством последовательного применения определенных операций. Из исходных тавтологий получаются новые тавтологии (6.126). Принадлежность (разрешимость) предложений логике зависит от синтаксических правил преобразования. Дедуктивно-аксиоматический метод

не объясняет тавтологичность аксиом и не объясняет сохранение истинности при использовании законов вывода. Аксиоматический метод нуждается в семантическом или внелогическом подтверждении и поэтому не соответствует принципу автономии логики Трактата. Метод доказательства Витгенштейна предполагает последовательный алгоритмический перевод исходных формул в новую нотацию с целью выявления логических свойств (тавтологии) итогового символа (значит, и исходного предложения). Иначе вместо вывода новых предложений мы преобразовываем исходные пропозиции в эквивалентные пропозиции идеальной логической нотации. В преобразованном виде предложение будет собственным доказательством. Метод Трактата предполагает существование эффективной разрешающей процедуры для формул логики первого порядка: постулируется универсальная возможность по результату перевода из итоговых символов определить тавтологичность или нетавтологичность исходной формулы. Ламперт: Витгенштейн в письмах Расселу 1913 г. предположил разрешимость логики первого порядка и существование единственного метода доказательства и опровержения логических пропозиций и от предположения никогда не отказывался [13. Р. 1].

Витгенштейн настаивает на аналогичной концепции доказательства в математике. Доказательство должно строиться через демонстрацию синтаксического (символического) соответствия приравниваемых структур. Логические равно математические свойства проявляются в эквивалентных символических преобразованиях и не требуют дополнительной интерпретации. Поэтому доказательство должно выявить внутреннее отношение между частями уравнения. Мы не можем понять уравнение вне распознавания связи между двумя частями уравнения. Метаматематическое рассмотрение проблемы разрешимости предполагает выход за пределы исключительно символических эквивалентных преобразований и несовместимо с философией математики Витгенштейна. Согласно Витгенштейну, математика ограничивается только конечными правилосообразными преобразованиями знаков. Витгенштейн утверждает: логика не метаматематика, и поэтому логическое исчисление не способно открыть существенных истин про математику (Витгенштейн сразу отсылает к проблеме разрешимости) (см. подробнее: [13. Р. 8–10]). Воспользуемся примером Ламперта.

Гёделево доказательство неразрешимости доказывает существование хотя бы одной формулы G в языке PA : ни G ни $\neg G$ нельзя доказать из аксиом PA . Однако доказательство Гёделя не предполагает доказательства разрешающей процедуры для доказуемости в PA (иначе Витгенштейн принял бы теорему Гёделя). Напротив, Витгенштейн допускает только основанные на разрешающей процедуре доказательства недоказуемости. Так, доказательство невозможности трисекции угла с помощью циркуля и линейки основано на разрешающей процедуре различения между возможными и невозможными конструкциями на основе алгебраической репрезентации: предполагается конечная процедура перевода исходной проблемы в алгебраическую форму. И новая нотация позволяет решить поставленный вопрос на основе символических (формальных) свойств результата перевода. Доказательство Гёделя основано на репрезентации формального свойства PA -доказуемости (доказуемость выражается определенной открытой формулой). Для Витгенштейна такой способ предполагает неразличение материальных и формальных

свойств при попытке высказать формальные свойства изнутри и в применении к формальному языку. Напротив, формальные свойства могут быть только показаны или идентифицированы благодаря разрешающей алгоритмической процедуре. Критерием формальных свойств выступает основанная на символических свойствах нотации разрешающая процедура. Согласно Витгенштейну, фундаментальная ошибка математической логики (которой изначально противопоставлялась и логика Трактата) основана на притязании высказать математические и метаматематические свойства через посредство пропозициональных функций (см. подробнее: [13. Р. 12–15]).

4. Теперь постараемся взглянуть на проблему следования правилу в контексте ключевой (как было продемонстрировано в предыдущих разделах статьи) для философии Витгенштейна идеи невыразимости формальных свойств.

Проблема сводится к потенциально бесконечному числу способов продолжить некоторый числовой ряд в зависимости от предполагаемого правила построения ряда.

Пусть выписан ряд чисел: 1 5 11 19 29. Продолжение неочевидно. Пусть формула $a_n = n^2 + n - 1$ определяет ряд. Тогда следующим элементом будет число 41: $6^2 + 6 - 1$. Однако непосредственно выписанный ряд чисел не задает никакого определенного правила построения. Пусть разность между последующим и предыдущим числом каждый раз увеличивается на 2 и составляет вначале 4 ($n_2 - n_1 = 4$). Тогда следующим элементом снова будет число 41: $29 + (29 - 19 + 2)$ (можно предложить разные последовательности действий по построению ряда при тождественном результате). Но предположим: на просьбу продолжить 1 5 11 19 29 ... некто пишет на 6-м месте число 40. На просьбу обосновать странное продолжение некто отвечает формулой

$$a_n = \frac{-192n^5 + 2880n^4 - 16320n^3 + 66240,0000000281n^2 - 29568,0000000366n}{23040}.$$

Согласно формуле, мы получаем следующий ряд:

1 5 11 19 29 40 49 50 33 -17 ...

Проблема следования правилу исчерпывается утверждением про невозможность по ряду 1 5 11 19 29 точно определить продолжение и обосновать подразумеваемое правило построения. Между исходным набором чисел и любым продолжением ряда встает отсылающая к произвольному правилу интерпретация (нет единственно верного правила продолжения ряда) (пример Крипке с разницей между правилами плюса и квуса кажется менее безумным и потому подкупает). Ключевой для скептической проблемы следования правилу выступает неопределенность якобы необходимой интерпретации каких-то знаков (скептицизм по отношению значений аналогично предполагает необходимость опосредующей интерпретации между знаками и значением).

Послуживший источником проблемы и камнем преткновения для последующих споров § 201 «Философских исследований» говорит [14. С. 163]:

1. Ни один образ действия не определяется каким бы то ни было правилом – ведь любой образ действия можно привести в соответствие с каким-то определенным правилом.

2. В соответствие и в противоречие с каким-то определенным правилом можно привести что угодно.

3. Поэтому нет ни соответствия, ни противоречия.

Скептическая проблема следования правилу инкорпорирует определенную интерпретацию первых 2 утверждений и игнорирует завершающее утверждение параграфа. Действительно, при выписывании ряда (всегда фактически состоящего из конечного набора чисел) мы совершаем определенное действие согласно некоторого рода образу действия. Но любой образ действия (даже выписывание чисел наугад) можно согласовать с каким-то определенным правилом. Поэтому правило будет интерпретацией образа действия. Последовательность 1 5 11 19 29 можно привести в соответствие с правилом $a_n = n^2 + n - 1$. Однако можно и в противоречие (предполагая последовательность согласованной с иным произвольным правилом или формулой). Витгенштейн делает из подобных рассуждений совсем не скептический вывод. Вывод Витгенштейна следующий: бессмысленно говорить о соответствии или противоречии.

И конкретная последовательность чисел, и формула построения последовательности суть различные способы записи образа действия. Даже простая формула $a_n = n^2 + n - 1$ может быть понята только как образ действия (т.е. как образец построения определенной последовательности). Мы соотносим последовательность с какой-то конкретной формулой (или с другой конкретной формулой) через узнавание и в последовательности, и в формуле тождественного образа действия. Образ действия не выступает в качестве внешней интерпретации или внешнего дополнительного правила согласования. Мы опознаем последовательность как образ действия (не как набор случайных чисел), и мы опознаем формулу как разворачивающийся на деле в такую-то последовательность образ действия (понимание правила вне знания правильного применения правила невозможно).

В Трактате мир и язык согласованы через разделяемую общую логическую форму (которая может быть увидена в правильно построенных предложениях и не может быть высказана). Логические пропозиции истинны из-за тавтологичности (могут быть различными методами сведены к тавтологиям: но тавтология не может быть выражена средствами языка). Аналогично формальным свойствам (невыразимым в языке) правило построения последовательности должно усматриваться непосредственно из символов (символы несущественны: равно последовательность чисел и отдельная формула опознаются как тождественный или нетождественный образ действия: однако образ действия не может быть выражен).

Список источников

1. Кринке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
2. Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. London ; New York : Routledge, 1997.
3. Прист Г. За пределами мысли / пер. с англ. В.В. Целищев. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022.
4. Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
5. Shanker S.G. Wittgenstein and the Turning-Point in the Philosophy of Mathematics. New York : SUNY Press, 1987.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

7. Суровцев В.А. Самореферентность, логические типы и категоризация в изобразительной теории предложений Витгенштейна // ПРАΞΗΜΑ. 2021. № 4 (30). С. 213–233.
8. Hintikka J. What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express // *The Harvard Review of Philosophy*. 2003. № 11. Р. 9–17.
9. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: сб. трудов / пер. с нем. Б.В. Бирюкова ; под ред. З.А. Кузичевой. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
10. Вольский А.Д. Удивительная история таблиц истинности // Логико-философские штудии. 2024. Т. 21, № 1. С. 18–22.
11. Lampert T. Wittgenstein's ab-Notation: An Iconic Proof Procedure // *History and Philosophy of Logic*. 2017. doi: 10.1080/01445340.2017.1312222
12. *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951* / edited by B. McGuinness. 4th ed. 2012.
13. Lampert T. Wittgenstein's Conjecture // *Proceedings of the 41st International Ludwig Wittgenstein Symposium: Philosophy of Logic and Mathematics* / edited by G. Mras, P. Weingartner, B. Ritter. Kirchberg am Wechsel, 2018. doi: 10.1515/9783110657883-032
14. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.

References

1. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladova & V.A. Surovtseva. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
2. Bloor, D. (1997) *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London, New York: Routledge.
3. Priest, G. (2022) *Za predelami mysli* [Beyond Thought]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
4. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Skepticism, Rules and Language]. Translated from English by V.A. Ladov & V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
5. Shanker, S.G. (1987) *Wittgenstein and the Turning-Point in the Philosophy of Mathematics*. New York: SUNY Press.
6. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
7. Surovtsev, V.A. (2021) Samoreferentnost', logicheskie tipy i kategorizatsiya v izobrazitel'noy teorii predlozheniy Vitgenshteyna [Self-reference, logical types and categorization in Wittgenstein's pictorial theory of propositions]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Problems of Visual Semiotics*. 4(30). pp. 213–233.
8. Hintikka, J. (2003) What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express. *The Harvard Review of Philosophy*. 11. pp. 9–17.
9. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press.
10. Volskiy, A.D. (2024) Udivitel'naya istoriya tablits istinnosti [the Amazing History of Truth Tables]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 21(1). pp. 18–22. DOI: 10.52119/LPHS.2024.47.60.005.
11. Lampert, T. (2017) Wittgenstein's ab-Notation: An Iconic Proof Procedure. *History and Philosophy of Logic*. 38(3). pp. 239–262. DOI: 10.1080/01445340.2017.1312222
12. McGuinness, B. (ed.) (2012) *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951*. Wiley online books.
13. Lampert, T. (2018) Wittgenstein's Conjecture. In: Mras, G., Weingartner, P. & Ritter, B. (eds) *Proceedings of the 41st International Ludwig Wittgenstein Symposium: Philosophy of Logic and Mathematics*. Kirchberg am Wechsel. DOI: 10.1515/9783110657883-032
14. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.

Сведения об авторе:

Родин К.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: rodin.kir@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rodin K.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rodin.kir@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 15.09.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 141
doi: 10.17223/1998863X/82/8

НАРОД И НАЦИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Б.А. КИСТЯКОВСКОГО

Михаил Юрьевич Загирняк

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
MZagirnyak@kantiana.ru*

Аннотация. Впервые рассмотрено значение народа и нации в философии права Б.А. Кистяковского. Проанализировано значение права в формировании народа и нации. Определены особенности народа и нации, выявлены их принципиальные различия. Установлено, какую роль играют народ и нация в развитии культуры и общества.

Ключевые слова: неокантианство, право, общество, народ, нация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

Для цитирования: Загирняк М.Ю. Народ и нация в философии права Б.А. Кистяковского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 89–97. doi: 10.17223/1998863X/82/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

PEOPLE AND NATION IN BOGDAN KISTYAKOVSKI'S PHILOSOPHY OF LAW

Mikhail Yu. Zagirnyak

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
MZagirnyak@kantiana.ru*

Abstract. Paying attention to the national-political activities of Bogdan Kistyakovski (1868–1920), researchers overlook the issue of the meaning of the people and the nation in his philosophical and legal doctrine. However, they occupy an important place in Kistyakovski's view of sociocultural development. In this article, I analyze what role he assigns to the people and the nation in the development of society and culture. First of all, I consider how Kistyakovski interprets society. The central problem in interpreting society is the relationship between individual freedom and societal developmental goals. Kistyakovski uses the normativism of Baden neo-Kantianism to connect individual freedom and societal developmental goals into a unified sociocultural process. He defends the view that individuals can only become free by trying to realize a moral ideal, and this is only possible

within a society. Interacting with each other, individuals create collective units that strive to realize social goals, but have no will of their own, but are instruments for the development and achievement of the common good. Kistyakovski considers law as an instrument of connection between an individual and society, correlation of individual freedom with the common good. The improvement of the connection between the individual and society is the result of the development of legal awareness. And the outcome of legal awareness is a people, which is a form of political consolidation of individuals. The nation, according to Kistyakovski, is a people that creates its own culture. In his interpretation of the nation, Kistyakovski combines the normativism of Baden neo-Kantianism with the federalism of Mikhail Dragomanov. If society is given the opportunity to freely exercise political will, a people will emerge that can follow a moral ideal and, in the process, create a national culture. All national cultures are variations of the development of the moral ideal. Kistyakovski presents sociocultural development as a process of development of society's legal awareness, which leads to its political consolidation and then to the formation of culture. Kistyakovski, within the framework of classical rationality, considers the development of humankind as a single process of realization of universal ideals in the form of a multitude of national cultures. His doctrine shows the potential of law in national and interethnic problems in the modern world of multiculturalism.

Keywords: neo-Kantianism, law, society, people, nation

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00651, <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

For citation: Zagirnyak, M.Yu. (2024) People and nation in Bogdan Kistyakovski's philosophy of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 89–97. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/8

Национальный вопрос занимает важнейшее место в философии и жизни Богдана Александровича Кистяковского (1868–1920). Сын известного представителя украинского национального движения А.Ф. Кистяковского с юных лет интересовался проблемами национального самосознания¹, к 27 годам пережил два ареста и два исключения из университетов из-за своих национально-политических убеждений², до конца жизни оставался активным научным исследователем национального вопроса³ и участником общественно-политической жизни⁴. Тем удивительнее, что в исследовательской литературе обходят молчанием понятие нации и народа в философско-правовом учении Кистяковского, сосредоточивая внимание только на его политической активности.

¹ Как отмечает В.В. Сапов, Б.А. Кистяковский «в седьмом классе гимназии стал участником (а может быть, и организатором) кружка учащихся, собиравшихся для чтения украинской заграничной литературы, за что и был из гимназии исключен» [1. С. 376].

² См. подробнее: [1. С. 376–378].

³ Сюзан Хейман пишет о том, что во втором десятилетии XX в. Кистяковский собирал материалы об украинской автономии XVII–XVIII вв. [2]. Помимо этого, Кистяковский написал множество статей о нации в изданиях дореволюционной России (см., напр., [3–5]. Полную библиографию работ Кистяковского см.: [6]).

⁴ М. Йендрысьак (M. Jędrzyak) пишет об участии Кистяковского в разработке закона о гражданстве Украинской автономии XVII–XVIII вв. 1918 г. [7. Р. 99–105]. Любопытны мысли В.В. Зеньковского о национально-политической активности Кистяковского: «На квартире у Н.П. Василенко собралось несколько человек, задумавших по существу создание такой русско-украинской группы, которая, связывая себя органически с тем положительным, что было задумано и сделано при Гетмане, широко пропагандировала бы идею русско-украинского сближения, в границах федерации. В слагающуюся группу входили: Н.П. Василенко, его брат, член партии с.-д. меньшевиков, известный журналист Константин. П. Василенко, проф. Богдан Кистяковский, Влад. Ив. Вернадский, проф. Константинович и я» [8. С. 272].

В настоящем исследовании я обойду вниманием политические аспекты философии Кистяковского и сфокусируюсь на его понимании социокультурного развития. Народ и нация – это важнейшие понятия в учении Кистяковского об обществе, благодаря которым он обосновал принципы социокультурного развития. В этой статье проанализирую понятия народа и нации в философии права Кистяковского, выявлю их различия и определю, какой ролью он их наделил в собственном учении о социуме. Чтобы истолковать назначение народа и нации, необходимо прежде установить, как Кистяковский понимал общество.

Б.В. Яковенко характеризует Кистяковского в качестве приверженца *немецкого нормативистского критицизма, представителя научно-методологического индивидуализма* [9. С. 401, 474], точно подмечая, что он хотел определить возможность свободы человека как участника осуществления целей общества. Современные исследователи русской философии отмечают, что Кистяковский сформировал свои взгляды на общество под влиянием баденского неокантианства [10. С. 129; 11. С. 18; 12. С. 155, 160]¹. В диссертации, написанной под руководством Зиммеля [14], Кистяковский поднял проблему соотношения свободы индивида с целями развития общества – проблему, которая красной нитью пройдет через все его творчество.

Уже в статье «„Русская социологическая школа“ и категория возможности при решении социально-этических проблем» он отмечает, что свобода человека осуществляется в условиях развития общества, цели которого нельзя редуцировать только к отношениям индивидов [15. С. 298–299]. В дальнейшем творчестве эту мысль он выразил в следующем вопросе: можно ли в научном знании соединить *стихийность социальной жизни с сознанием и творчеством отдельного человека?* [16. С. 31]. Как верно заметил В.В. Сапов, Кистяковский выделяет необходимый для исследования социокультурного развития человечества каузальный метод и телеологический метод, который дает возможность сфокусироваться на свободе человека как социальном творчестве [13. С. 286]. Соединить свободу человека с целями социума в единый процесс развития Кистяковскому помогает этическая интерпретация социального процесса как пути к осуществлению идеала. *Нравственный идеал* – это задача, стремиться к осуществлению которой является долгом человека и человечества [16. С. 89]. Индивид может стать участником развития общества – осознать себя причастным к осуществлению общих целей, в чем, как пишет Кистяковский, и состоит задача каждого человека [16. С. 89–90]. В этом сопряжении индивидуальной свободы с общественными целями развития ясно проглядывается нормативизм баденского неокантианства.

Используя идеи В. Виндельбанда², Кистяковский устанавливает критерий общественного развития: стремление к реализации *долга* [16. С. 119]. Принцип *долженствования* для него – это принцип нравственной деятельно-

¹ Следует отметить, что значимость идей неокантианства в философии права Кистяковского оценивается по-разному: В.В. Сапов признает влияние неокантианства на становление философии права Кистяковского, но настаивает на том, что его нельзя отнести к неокантианцам [13. С. 278–279]. Полярно противоположное мнение высказала Хейман, согласно которой Кистяковский – «ведущий представитель неокантианства в Российской империи» («leading spokesman for neo-Kantianism in the Russian Empire») [2. P. 25]

² Виндельбанд считал, что любой социум должен сформировать общую жизненную основу из многообразия индивидуальных проявлений жизни, которая создаст свою систему культуры [17. С. 295].

сти и культурного строительства, который позволяет скореллировать стремления отдельных индивидов с общим благом [16. С. 243] и в перспективе создать *культурную общественность* [16. С. 248]. Нормативизм позволяет ему преодолеть противоборство социологического номинализма и универсализма: «В подлинно-научной теории социального процесса ни социальное, ни индивидуальное начало не может играть роли вполне самодовлеющего и безусловно господствующего принципа» [16. С. 506–507]. Свобода отдельных индивидов и общее благо – это взаимообусловленные стороны развития общества в процессе реализации *нравственного принципа*, который не детерминирован опытом, не зависит от оценки индивида и сохраняет свою значимость, неизменность и безусловность независимо от того, как к нему относится часть человечества или все человечество [16. С. 243, 245]. В. Рамптон справедливо отмечает, что «в этике Кистяковский исходил из идеалистического представления о том, что форма „должного“ неизменна, но его содержание изменяется в ходе развития, и что нравственные принципы представляют собой общие отправные точки для всех индивидов без исключения» [18. С. 344]¹.

Что же, по мнению Кистяковского, позволяет в социальном развитии соотносить индивидуальную свободу с целями развития общества? Помогает в этом деле право – становится инструментом регламентации социальных практик и позволяет создать институты, которые облегчают взаимодействие отдельного индивида с обществом. Право связывает свободу человека с его гражданской позицией, взаимообуславливая их: правовая дисциплина помогает каждому индивиду осознать нравственный долг, и осознать себя как участника социальных процессов, который имеет равные с остальными возможности проявления свободы. Наиболее всеобъемлющий институт организации коллективной жизни – это государство, которое является именно инструментом консолидации людей и регламентации их социальных действий [16. С. 554]. Государство облагораживает человека: «дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели» [16. С. 554].

Сохранить баланс индивидуального и коллективного в социальном развитии Кистяковский смог благодаря уточнению, что коллективные образования, в том числе и государство, не обладают собственной волей [20. С. 41]. Это дало возможность избежать холизма в трактовке социума. Кистяковский подчеркивает, что институты обладают собственными целями развития, но не имеют собственной воли, служа инструментами организации свободных людей.

Кистяковский вводит термин *правосознание* для характеристики способности общества создавать организации и вырабатывать для них регламенты функционирования [16. С. 632]. История человечества – это процесс развития правосознания. Общество в качестве коллективного образования эволюционирует от абсолютизма, в котором государство принуждает людей к определенным социальным практикам, к правовому и социальному государству, в котором люди участвуют в формировании регламентаций взаимодействий и определяют коллективные цели развития [16. С. 528–529]. Как верно заметил

¹ По мнению В. Рамптона, Кистяковского особенно интересовал вопрос о том, как универсальные этические принципы могут быть исторически воплощены в уникальном «культурном сообществе» [19. Р. 142].

А. Валицкий, Кистяковский уделяет праву центральное место в культуре, отмечая двойственность его трактовки: «Право можно рассматривать, подчеркивал Кистяковский, и как конечный продукт социальных процессов, причинно обусловленных, и в то же время право – это социальное воплощение определенных объективных, сверхисторических ценностей» [21. С. 431].

Улучшить соотношение индивидуальных и общественных стремлений в процессе осуществления нравственного идеала помогает развитие народного представительства [16. С. 632–641]. Благодаря ему изменяются правовые предписания социальных практик так, чтобы каждый человек наилучшим образом мог проявить свою свободу в процессе общественного развития. Правильное и нормальное выполнение государственных функций в правовом государстве зависит от самодеятельности общества и организации *народных масс* [16. С. 569].

А формирование и развитие правосознания позволяет консолидировать людей в народ. Именно правосознанием народа и должна заниматься русская интеллигенция, считал Кистяковский, критикуя ее за игнорирование проблем правового развития России [22. С. 109, 113]. Развитие правосознания даст возможность каждому индивиду идентифицировать себя в качестве участника социума и элемента его развития на пути к нравственному идеалу. Более того, право создает и меняет формат социальных практик, предлагает среду для взаимодействия индивидов, развивая коллективную форму существования. В рамках такого понимания функциональности права как инструмента формирования коллективной идентификации *народ* – это форма политической консолидации общества, обладающего таким уровнем правового сознания, который позволяет выражать и в системе правовых регламентов социальных взаимодействий формулировать общую волю. Как организационное состояние общества народ координирует действия людей, сопрягает индивидуальные траектории осуществления свободы с достижением общего блага. Таким образом, в философии права Кистяковского народ отображает соотношение индивидуального и коллективного в социокультурном процессе.

Нация непосредственно связана с народом, зависит от уровня правосознания, но не сводится к нему. Соотношение народа и нации Кистяковский представляет в статье «Что такое национализм». Он различает два противоположных подхода к определению статуса бытия нации: 1) как коллективной личности, которая воплощает собственную идею; 2) как народных масс со своей культурой, системой социальных практик [5. С. 3–4]. Первый подход, по мнению Кистяковского, приводит к этноцентризму и национальному эгоизму, нетерпимости на национальной почве. Красноречиво характеризует Кистяковский апологетов понимания нации как уникальной личности в истории человечества: «На их знамени написана свобода и равноправие, а вместо этого они часто выступают как сторонники угнетения и ограничения прав других» [5. С. 4]. Развитие нации предполагает отказ от идеи исключительности, зависящей от происхождения, и сосредоточенность на улучшении условий жизни масс – вот в чем и должен заключаться настоящий национализм, по мнению Кистяковского [5. С. 4].

Раскритиковав сторонников первого подхода, он примкнул к приверженцам второго подхода [5. С. 4]. *Нация* в отличие от народа – форма не только политической, но и культурной консолидации общества. Народ, основанный

на системе социальных практик, регламентирующих действия индивидов и определяющих их роль в процессе развития общества, создает возможность проявиться нации: достичь результатов в культурном развитии. Опираясь на поздние идеи народнического национализма М.П. Драгоманова¹, Кистяковский раскрывает заботу о народных массах в осуществлении множества экономических, политических, социальных и культурных задач, например, как приобщение народа к искусству [4. С. 21–22], экономическое создание коопераций и воспитание коллективным формам деятельности [4. С. 25]. На примере развития украинского народа он показывает, как *всестороннее культурное развитие народа* превращает его в *национальный организм* [4. С. 25].

Специфика понимания нации Кистяковского – в соединении нормативизма баденского неокантианства с идеями М.П. Драгоманова. Убедиться в этом помогает вступительная статья Кистяковского к 1-му тому собрания сочинений Драгоманова. Кистяковский выделяет две политические, на его взгляд, лучшие работы: «Чудацькі думки про українську національну справу» (1891) и «Листи на Наддніпрянську Україну» (1893) [3. С. XXXIX]. Кистяковский интерпретировал федерализм Драгоманова как условие для воплощения нравственного идеала в культуре – продукта национального развития. Как отметил Кистяковский, Драгоманов рассматривает нацию как форму солидарности, которая ценна тем, что «составляет основание и средство для осуществления высших социальных и политических идеалов европейской цивилизации» [3. С. XXXVIII]. Вот в чем выражена мысль Драгоманова, по мнению Кистяковского: «...широкий интернационализм, основанный на признании цивилизации плодом общечеловеческого творчества, переплетался с горячей любовью к родному народу» [3. С. LX].

Все нации, по мнению Кистяковского, являются коллективными образованиями, которые претворяют в действительность нравственный идеал, делая вклад в общечеловеческую культуру [5. С. 4]. Нация может развиваться только в том случае, если она реализует сверхнациональные идеалы: «Национальность и ее проявления, особенно национальный язык, должны быть орудиями проведения гуманитарных или общечеловеческих идей в те или иные народные массы...» [4. С. 18].

Кистяковский рассматривает отдельных индивидов как участников народа и представителей нации, которые благодаря организации сформировали собственные коллективные цели развития, превосходящие их собственные индивидуальные стремления, и создают культуру. Он принимает мысль Драгоманова о том, что национальность – это орудие проведения общечеловеческих идей в те или иные народные массы [4. С. 18]. Универсальный этический принцип получает конкретное воплощение с учетом культурных особенностей нации и в рамках социальных практик действующей системы права.

Кистяковский рассматривает историю человечества как поступательный процесс развития, к которому применимы универсальные критерии оценки.

¹ М.П. Драгоманов рассматривал возможность развития украинской культуры в условиях политической децентрализации и развития федерализма Российской империи [23. С. 173–174], которые позволили бы Украине развить собственную культуру с опорой на достижения великорусской культуры [23. С. 163, 175]. М.П. Драгоманов предлагал развивать украинскую культуру, а не сосредоточиваться на национальной исключительности, которая сама по себе не обеспечит возможность индивидуальной свободы и общественной справедливости [23. С. 62].

То есть Кистяковский находится в рамках классической европейской рациональности в оценке истории человечества как единства, состоящего из множества культур. В своем философско-правовом учении он предлагает рассматривать возможность осуществления индивидуальной свободы в рамках национальной культуры, которая является вариантом реализации общечеловеческих идеалов и тем самым вносит свой вклад в развитие человечества. Народ – это форма политической консолидации людей, которая является условием для формирования нации – коллективного субъекта, создающего культуру в процессе преследования универсального нравственного идеала.

Предложение Кистяковского актуально в условиях современного полиэтнического мультикультурализма, так как дает возможность утверждать значение каждой нации в процессе развития человечества и избегать абсолютизации на основе признания уникальности. Актуализация национальных проблем как вопросов развития правосознания в сфере государственного и международного права содержит большой потенциал в формировании векторов политического развития современного мира.

Список источников

1. Сапов В.В. Хроника основных событий жизни и творчества Б.А. Кистяковского // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибытковой. М. : Полит. энцикл., 2018. С. 375–380.
2. Heuman S. Kistiakovsky: The Struggle for National and Constitutional Rights in the Last Years of Tsarism. Cambridge, 1998. 236 p.
3. Кистяковский Б.А. М.П. Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь // Драгоманов М.П. Политические произведения. М. : Освобождение, 1908. С. IX–LXXVII.
4. Кистяковский Б.А. М.П. Драгоманов и вопрос о самостоятельной украинской культуре (К годовщине смерти) // Украинская жизнь. 1912. № 6 (подпись: А. Хатченко). С. 10–35.
5. Кистяковский Б.А. Что такое национализм // Национальные проблемы. 1915. № 1. С. 3–5.
6. Сапов В.В. Библиография трудов Б.А. Кистяковского // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибытковой. М. : Полит. энцикл., 2018. С. 381–385.
7. Jędrysiak M. Życie i działalność Bohdana Kistiakowskiego w latach 1914–1920 // Wrocławsko-Lwowskie Zeszyty Prawnicze. 2019. № 10. P. 89–116.
8. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти [Воспоминания] / под ред. М.А. Колерова. М. : Изд. дом REGNUM, 2011. 648 с.
9. Яковенко Б.В. История русской философии. М. : Республика, 2003. 510 с.
10. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 512 с.
11. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М. : Проспект, 2019. 464 с.
12. Nemeth T. Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution. Berlin : De Gruyter, 2022. 345 p.
13. Сапов В.В. Б.А. Кистяковский о природе социологического знания // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибытковой. М. : Полит. энцикл., 2018. С. 274–289.
14. Kistjakowski T. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Inaugural Dissertation] zur Erlangung der Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Karl-Wilhelms-Universität zu Strassburg. Vorgelegt von Theodor Kistjakowski. Berlin : Liebmann, 1899. 205 S.
15. Кистяковский Б.А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма : сб. статей. СПб., 1902. С. 297–393.
16. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

17. Виндельбанд В. О принципе морали // Прелюдии. М. : Гиперборея, Кучково поле, 2007. С. 269–296.
18. Рамптон В. Индивидуальная свобода и социальная справедливость: защита права Богданом Кистяковским в сборнике «Веки» // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибыtkовой. М. : Полит. энцикл., 2018. С. 340–356.
19. Rampton V. Liberal Ideas in Tsarist Russia. From Catherine the Great to the Russian Revolution. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 242 p. <https://doi.org/10.1017/9781108652353>
20. Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль : Типография губернского правления, 1913. 42 с.
21. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012. 567 с.
22. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Веки : сб. статей о русской интеллигенции. М. : Тип. М.И. Саблина, 1909. С. 97–126.
23. Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу // Вибрані праці. Т. 1, кн. 2: Історія. Публіцистика. Політологія. Київ : Знання України, 2007. С. 49–194.

References

1. Sapov, V.V. (2018) Khronika osnovnykh sobyitiy zhizni i tvorchestva B.A. Kistiakovskogo [The chronicle of B.A. Kistiakovskiy's main events of the life and work]. In: Pribytkova, E.A. (ed.) *Filosofiya prava: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitskiy, B.A. Kistiakovskiy* [Philosophy of Law: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitsky, V.A. Kistyakovsky]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 375–380.
2. Heuman, S. (1998) *Kjstiakovsky: The Struggle for National and Constitutional Rights in the Last Years of Tsarism*. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute.
3. Kistiakovskiy, B.A. (1908) *M.P. Dragomanov. Ego politicheskie vzglyady, literaturnaya deyatel'nost' i zhizn'* [M.P. Dragomanov. His political views, literary activity and life]. Moscow: Osvobozhdenie.
4. Kistiakovskiy, B.A. (1912) M.P. Dragomanov i vopros o samostoyatel'noy ukrainskoy kul'ture (K godovshchine smerti) [M.P. Dragomanov and the question of an independent Ukrainian culture (On the anniversary of his death)]. *Ukrainskaya zhizn'*. 6. pp. 10–35.
5. Kistiakovskiy, B.A. (1915) Chto takoe natsionalizm [What is nationalism]. *Natsional'nye problem*. 1. pp. 3–5.
6. Sapov, V.V. (2018) Bibliografiya trudov B. A. Kistiakovskogo [B. A. Kistiakovskiy's bibliography]. In: Pribytkova, E.A. (ed.) *Filosofiya prava: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitskiy, B.A. Kistiakovskiy* [Philosophy of Law: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitsky, V.A. Kistyakovsky]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 381–385.
7. Jędrzyak, M. (2019) Życie i działalność Bohdana Kistiakowskiego w latach 1914–1920. *Wrocławsko-Lwowskie Zeszyty Prawnicze – Wrocław-Lviv Legal Notebooks*. 10. pp. 89–116.
8. Zenkovskiy, V.V. (2011) *Pyat' mesyatsev u vlasti (Vospominaniya)* [Five Months in Power (Memories)]. Moscow: REGNUM.
9. Yakovenko, B.V. (2003) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Respublika.
10. Dmitrieva, N.A. (2007) *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: ROSSPEN.
11. Frolova, E.A. (2019) *Filosofiya prava v Rossii: neokantianstvo (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka)* [Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (second half of the 20th – first half of the 20th century)]. Moscow: Prospekt.
12. Nemeth, T. (2022) *Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution*. Berlin: De Gruyter.
13. Sapov, V.V. (2018) B.A. Kistiakovskiy o prirode sotsiologicheskogo znaniya [B.A. Kistiakovskiy on the nature of sociological knowledge]. In: Pribytkova, E.A. (ed.) *Filosofiya prava: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitskiy, B.A. Kistiakovskiy* [Philosophy of Law: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitsky, B.A. Kistiakovskiy]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 274–289.
14. Kistjakowski, T. (1899) *Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie*. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Karl-Wilhelms-Universität zu Strasssburg. Berlin: Liebmann.
15. Kistiakovskiy, B.A. (1902) "Russkaya sotsiologicheskaya shkola" i kategoriya vozmozhnosti pri reshenii sotsial'no-eticheskikh problem ["Russian sociological school" and the category of possibility in solving socio-ethical problems]. In: Novgorodtsev, P.I. (ed.) *Problemy idealizma* [Problems of Idealism]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 297–393.

16. Kistiakovskiy, B.A. (1916) *Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i prava* [Social Sciences and Law. Essays on Methodology of Social Sciences and Law]. Moscow: M. & S. Sabashnikov.
17. Windelband, W. (2007) *O printsipe morali* [On the Principle of Morality]. Translated from German. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole.
18. Rampton, V. (2018) Individual'naya svoboda i sotsial'naya spravedlivost': zashchita prava Bogdanom Kistyakovskim v sbornike "Vekhi" [Individual Freedom and Social Justice: Defense of Law by Bohdan Kistiakovskiy in the collection "Milestones"]. In: Pribytkova, E.A. (ed.) *Filosofiya prava: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitskiy, B.A. Kistyakovskiy* [Philosophy of Law: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitskiy, V.A. Kistiakovskiy]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 340–356.
19. Rampton, V. (2020) *Liberal Ideas in Tsarist Russia. From Catherine the Great to the Russian Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108652353
20. Kistiakovskiy, B.A. (1913) *Sushchnost' gosudarstvennoy vlasti* [The Essence of State Power]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
21. Valitskiy, A. (2012) *Filosofiya prava russkogo liberalizma* [Philosophy of Law of Russian Liberalism]. Moscow: Mysl'.
22. Kistiakovskiy, B.A. (1909) V zashchitu prava (Intelligentsiya i pravosoznanie) [In Defense of Law (Intelligentsia and Legal Awareness)]. In: Gershenzon, M.O. (ed.) *Vekhi: sb. statey o russkoy intelligentsia* [Milestones: A Collection of Articles on Russian Intelligentsia]. Moscow: M.I. Sablin. pp. 97–126.
23. Dragomanov, M. (2007) *Vibrani pratsi*. Vol. 1. Kiiv: Znannya Ukraini. pp. 49–194.

Сведения об авторе:

Загирняк М.Ю. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник образовательного-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

Information about the author:

Zagirnyak M.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), leading researcher of the Educational and Scientific Cluster "Institute of Education and Humanities", Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

*Статья поступила в редакцию 14.06.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 14.06.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья
УДК 1 (091)
doi: 10.17223/1998863X/82/9

СОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ И.Г. ГАМАНА

Алексей Михайлович Стрельцов

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, streltsov@mail.ru

Аннотация. В статье выявлена преемственность представлений И.Г. Гамана о Сократе в его трудах и заметках 1758–1788 гг. на фоне рационалистических интерпретаций Сократа в эпоху Просвещения. Гаман интерпретировал Сократа как сознающего ограничения человеческого разума и полагающегося на внешнего гения для подлинного просвещения, которое сам Гаман связывал с религиозной традицией.

Ключевые слова: Сократ, Гаман, Просвещение, незнание, гений

Для цитирования: Стрельцов А.М. Сократическая проблематика в творчестве И.Г. Гамана // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 98–106. doi: 10.17223/1998863X/82/9

Original article

SOCRATIC PROBLEMATICS IN JOHANN GEORG HAMANN'S WORKS

Alexey M. Streltsov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, streltsov@mail.ru*

Abstract. Socratic theme played a special role in the literary output of the Königsberg author Johann Georg Hamann. Unlike the purely rationalistic reading of Socrates by the Enlightenment thinkers, Hamann interpreted himself as successor of Socrates who was an individual realizing limitation of human reason, so that he relied on external genius for true enlightenment associated in Hamannian perspective with religious tradition. A key feature of Hamannian interpretation of Socrates lies in ignorance as sensation (*Empfindung*) resulting in necessity in daimon or genius. Ignorance and genius as two main characteristics of Socrates not only dominate in *Socratic Memorabilia* (1759), Hamann's principal treatise about Socrates, but also retain significance in his subsequent works. In particular, in his *Clouds* (1760), Hamann discusses correlation between genius and apparent madness, claiming deficiency of emasculated abstract rationality for truly creative human work. Genius is not subject to the rationalist judgment. Hamann's dichotomy of reason and external revelation is an application of Luther's distinction of the Law and Gospel (which in turn was based on Pauline epistles) to the conceptual world of the Enlightenment. Hamann does not reject rationality as such in the progress or movement from ignorance to reliance on external authority; rather, he considers it necessary for the reason to be enlightened from the outside. In this sense, Hamann's disagreement with the rationalists represents his denial of autonomy or self-sufficiency of reason. In *Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates* (1773), Hamann blames the Enlighteners who neglect the basics of the Christian orthodoxy, in "elementary ignorance" and contrasts rationalist claims to Socratic wisdom with their actual lack of true knowledge. Finally, in *Das letzte Blatt* (1788), allusion to Socratic problematics is seen in his self-designation *le Sophiste arctique*, by which Hamann

once again subscribes to personal ignorance, which cannot be overcome apart from external inspiration.

Keywords: Socrates, Hamann, Enlightenment, ignorance, genius

For citation: Streltsov, A.M. (2024) Socratic problematics in Johann Georg Hamann's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 98–106. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/9

С обращения к образу Сократа начинается публичное авторство кенигсбержца XVIII в. Иоганна Георга Гамана [1. Bd. V. S. 315]. Хотя в круг интересов Гамана попадали далее многие вопросы истории, филологии, философии, теологии и религии, сократическая тема проходит красной нитью через его творчество. Гаман не столько писал об историческом Сократе [2. С. 431], сколько надел на себя маску Сократа, представил самого себя Сократом в отношении со своими современниками, деятелями Просвещения, которым, в свою очередь, досталась в его представлении роль софистов как оппонентов.

Чем был обусловлен выбор Сократа Гаманом? Во-первых, популярностью самого Сократа в век Просвещения, во-вторых, особенностями рационалистической интерпретации Сократа в ту эпоху. Восемнадцатое столетие вообще в некотором отношении представляет собой «век Сократа». Сократ никогда не был забыт, но в отличие от Средневековья, которое в большей степени оказывало ему уважение на уровне символической репрезентации его личности как учителя Платона или использования его имени в силлогизмах, споры вокруг его наследия разгорались именно в переломные эпохи истории философии. В Поздней античности христианские апологеты регулярно ссылались на Сократа ввиду представлявшихся им явных параллелей между Сократом и Христом. Одно из самых известных высказываний в таком ключе принадлежит Иустину Философу: «Те, которые жили согласно с Словом (Логосом), суть христиане, хотя бы считались за безбожников; таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные...» [3. С. 77]. Обратный процесс имел место начиная с Ренессанса: под лозунгом *ad fontes* происходило возвращение к дохристианскому и внехристианскому античному наследию, в ряду которого Сократ играл едва ли не ведущую роль. Наконец, в XVIII в. образ Сократа приобретает явные рационалистические черты. Учение Сократа стало интерпретироваться как триумф рациональности в противовес опоре на внешнее откровение. В такой картине антагонистами выступали, с одной стороны, Сократ и все свободномыслящие люди современности, а с другой – замшелые догматики и традиционалисты.

Гаман же представил иную трактовку Сократа. Пережив религиозное «обращение» во время деловой поездки в Лондон в первой половине 1758 г., Гаман отдаляется от идеалов Просвещения, но его друзья и коллеги считают это временной блажью, которую можно преодолеть. Представитель рижского торгового дома Иоганн Кристоф Беренс берет в союзники кенигсбергского философа Иммануила Канта, чтобы поручить хорошо владеющему французским Гаману перевод энциклопедии Дидро и Д'Аламбера на немецкий язык. Дебютное сочинение Гамана «Сократические достопамятности» (далее – СД) 1759 г. явилось философским обоснованием его отказа.

Апроприация Сократа Гаманом

Еще в ранних, не предназначенных для публики заметках, написанных во время пребывания в Лондоне [4], Гаман упоминает о Сократе. И если в толковании на Мих 7:1 Гаман противопоставляет то, как люди стыдятся Иисуса и преклоняются перед мудрыми Сократом и Платоном [4. S. 250] как основоположниками западной философии, в других случаях он приближается к осмыслению мудрого Сократа как незнающего («Sokrates, dem die Weltweisen sich vereinigt den Namen eines Weisen beyzulegen, bekannte, er wüste nichts») [4. S. 284] и по причине этого своего незнания полагающегося на внешнее водительство духа-хранителя (Schutzgeist) [4. S. 412]. Эти две характеристики Сократа – незнание и гений – далее будут принципиальными в СД, парадигмальном труде Гамана о Сократе, за которым последовали «Облака» 1760 г. и «Послесловие к достопамятностям блаженного Сократа» 1773 г.

В письме к Канту от 27 июля 1759 г. Гаман намекает на то, что претензии Канта на мудрость неизбежно должны привести его к сократическому незнанию, а тогда ему понадобится внешний наставник, гений, голосом которого готов стать сам Гаман [1. Bd. I. S. 373]. Но далее Гаман отождествляет с незнающим Сократом уже скорее себя [1. Bd. I. S. 376], и именно эта линия станет магистральной в его сократическом цикле. На этом раннем этапе программу Гамана можно представить как своеобразную апологику христианского мировоззрения перед лицом Просвещения, которое для него репрезентировали Беренс и Кант. Гаман пытался отвлечь их от тотальной опоры на разум¹ и привести к сократическому незнанию, которого достиг он сам в процессе лондонского обращения, что обусловило его дальнейшую опору на внешний авторитет. Несмотря на то, что двое адресатов СД проигнорировали его призыв, он продолжил уподоблять себя Сократу, говоря о своем незнании людям, уверенным в знании себя и окружающего их мира.

В письме к Иоганну Фридриху Рейхардту от 2 января 1778 г. Гаман пишет: «Мне ни до чего нет дела, и я ничего не знаю. Это – крепость и Сан-Суси моей сократической философии. Чем менее я знаю о доверии самому себе, тем я счастливее» [1. Bd. IV. S. 2]. Такое самовосприятие Гамана имело для него практическое значение. Выступая в маске Сократа XVIII в., Гаман понимал философию как образ жизни и в этом смысле, подобно Сократу, готов был принести свою жизнь в жертву ради истины, отказавшись от привилегий. Он упоминает, что Сократ избегал участия в государственных делах, но в военных походах спас Алкивиада и Ксенофонта: «Его философия подходила к любому месту и к любым обстоятельствам» [5. Bd. 2. S. 78]. На протяжении своей литературной карьеры Гаман тщательно выстраивал собственное философствование как ответ и реакцию на те или иные обстоятельства: он всегда писал по конкретному поводу.

Сократические достопамятности

Основная интерпретация образа Сократа, актуализированная для эпохи Просвещения, выражена в дебютном сочинении Гамана 1759 г. «Сократиче-

¹ В том же письме к Канту [1. Bd. I. S. 376] содержится достаточно замысловатая аллюзия на Пс 49:13 и Быт 22:13, что в контексте означает, что разум недостаточен для спасения человека, но вместо этого надо полагаться на заместительное искупление самого Бога, просвещающего человека.

ские достопамятности». Помимо обращения к адресатам Беренсу и Канту (а также эфемерной публике) и введения, оно состоит из трех частей, причем содержательно главная часть именно вторая. Гаман предлагает просветителям уподобиться Сократу в его предельно серьезном отношении к самопознанию. Сократ попытался постигнуть смысл знаменитого изречения «Познай самого себя» на воротах храма Аполлона в Дельфах, и в процессе самопознания (Selbsterkenntnis) он зашел дальше, чем кто-либо (Гаман использует примеры Софокла и Еврипида), «и узнал, что ничего не знает» (er... wuste, daß er nichts wuste) [5. Bd. 2. S. 71]. Это сократическое незнание, согласно Гаману, не было ни ложной скромностью или притворством, оно пронизывало все его мысли (Einfälle) и в своей основе было ощущением (Empfindung) [5. Bd. 2. S. 73], что очень важно, потому что иначе Сократ знал хотя бы о собственном незнании, что было бы противоречием. При этом Гаман использует слово «знание» в двух смыслах: как рациональное знание о чем-либо и как познание на опыте. В процессе самопознания Сократ испытал или ощутил предел именно рационального познания. Гаман делает в этой связи особый акцент на 1 Кор 8:2: «Кто думает, что он знает что-нибудь, то ничего еще не знает так, как должен знать» [5. Bd. 2. S. 74]. Декларируемое незнание Сократа бросало вызов софистам, потому что разоблачало их собственную претензию на знание, а также мнимый характер их подражания Сократу в его незнании. Проявления Сократом незнания в самой его жизни были для софистов как «волосы на щите Горгоны Медузы на щите Эгиды» [5. Bd. 2. S. 73], иначе говоря, сталкиваясь с незнанием Сократа на практике (при том, что именно его Дельфийский оракул провозгласил мудрейшим из всех людей), софисты стояли перед выбором – согласиться с ним, признав таким образом и собственное незнание, а значит, мнимость претензий на обучение других, либо попытаться его уничтожить, что и было ими сделано.

Незнающий Сократ должен был прибегать к гению или даймону для разрешения своего эпистемологического кризиса: «пустой ум» (т.е. незнание) Сократа был оплодотворен посредством гения [5. Bd. 2. S. 75]. В. Ляйбрехт привлекает внимание к наблюдаемой в тексте Гамана важной дистинкции между гением (Genius) как внешним просвещающим духом и гением (Genie) как самим человеком [6. S. 169], испытавшим воздействие этого внешнего духа, – в отличие от комментатора Ф. Бланке, полагавшего данные термины равнозначными [7. S. 153].

Гаман риторически предлагает возможные рационалистические интерпретации даймона, находя их неудовлетворительными¹. Как же он сам понимает гения Сократа? Гаман не дает прямого ответа на этот вопрос. Трактовку, что это «образ Святого Духа» [7. S. 154] или «предвосхищение Святого Духа» [9. P. 100], стоит, пожалуй, признать несколько прямолинейной. Сократ в понимании Гамана – не христианин до Христа: «Мой Сократ остается великим и достойным подражания в качестве язычника. Христианство бы затмило его сияние» [1. Bd. I. S. 429]. Согласно более сбалансированной интерпретации, гений «представляет не что иное, как божественное вдохновение, голос пророчества, к которому мы должны обращаться всякий раз, когда наш разум оказывается недостаточным» [10. P. 27].

¹ Например, в книге Джона Гилберта Купера о Сократе даймон понимался как «внутренний импульс души» [8. P. 88–89].

Гаман здесь занимает очевидно противоположную позицию в сравнении с широко известной максимой Канта о дерзновении пользоваться своим умом, которую тот впоследствии выскажет в своей брошюре о Просвещении. Используя образ Сократа, Гаман показывает финальную стадию, до которой может прийти человек, опираясь на свои силы. В этой прогрессии или движении от незнания к опоре на внешний авторитет Гаман не выступает против рациональности как таковой, но полагает необходимым для разума быть «просвещенным» извне. В этом смысле несогласие Гамана с просветителями может быть выражено как его отказ признать автономию или самодостаточность разума.

В представлении Гамана дихотомия разума и внешнего вдохновения представляет собой переложение на язык эпохи Просвещения Лютеровской дихотомии Закона и Евангелия [11. С. 28–29], в рамках которой тот опирался, в свою очередь, на послания апостола Павла. В частности, в ставшей классической проповеди от 1 января 1532 г. на тему различия между Законом и Евангелием Лютер говорит: «Ибо Закон имеет цель, насколько далеко ему должно зайти и чего достичь, а именно ужаснуть нераскаившихся гневом и немилостью Бога и привести их ко Христу» [12. Bd. 36. S. 26]. В продолжении СД, к которому мы обратимся далее, Гаман высказывается очень похожим образом в отношении разума, очевидно ссылаясь на вердикт Павла о действии закона в Рим 7:7–12: «Разум свят, праведен и благ, но посредством его приходит только познание крайне греховного незнания» [5. Bd. 2. S. 108].

Облака

В «Облаках», заявленных в качестве эпилога СД, Гаман продолжает трактовку незнания и гения Сократа как основной линии в рамках его сократической интерпретации, подчеркивая теснейшую связь между ними: «Придется воспользоваться теорией центростремительных и центробежных сил и вывести притчи Сократа из сложной направленности его незнания и гения» [5. Bd. 2. S. 98].

Гаман использовал образ Аристофановских «Облаков» еще в переписке с Кантом. Выступая в роли гения, он иронически подчеркивал, что говорит с Кантом как «гений из облака» [1. Bd. I. S. 373] и что служит Богу, которого насмешливые просветители полагают мнимым «облаком» [1. Bd. I. S. 373]. В одноименной комедии Аристофана выведен фантазмагорический образ Сократа, крайне далекий как от описания Ксенофонта, так и от изложения Платона. Сократ показан там поклоняющимся облакам как новым богам взамен олимпийского пантеона. В Античности комедия соседствовала с трагедией, и в этом отношении Гаман продолжил СД посредством вовлечения в своеобразную игру, ответив на критическую рецензию в «Гамбургских известиях», направленную против его первой работы. В некотором смысле он уже предвосхитил появление таких рецензий в своей дебютной работе: если «новые афиняне» желают издеваться над «сыном плотника» [5. Bd. 2. S. 67], то они не смогут пройти мимо возможности посмеяться над СД. Согласно критикам, Гаман еще хуже в своем творчестве, чем алхимик, Якоб Бёме или фанатик-энтузиаст (Scwärmer) [5. Bd. 2. S. 86]. Итак, «Облака» Гамана представлены от имени анонимного писателя, который на первый взгляд согласен с разгромной рецензией СД. Однако в итоге объектом насмешек становится

сам критик СД, так что Гаман использует свой излюбленный «обоюдоострый меч», поражая критика его же оружием.

Его своеобразная пьеса начинается с цитаты из шекспировского «Гамлета»: «The Play's the thing, wherein I'll catch the conscience of the King» [5. Bd. 2. S. 85]. Это заявленное намерение он выполняет в особенности в третьем акте пьесы, где делает вид, что соглашается с критиком в том, что СД были написаны безумцем, только для того, чтобы затем поставить вопрос о соотношении гения и безумия [5. Bd. 2. S. 104], что для Гамана – типичный случай совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*), принципа, который использовался повсеместно в СД и вообще играл особую роль в творчестве Гамана.

В процессе Гаман еще раз подчеркивает, что гению не нужны правила. Гений не подлежит суду рационалиста, поэтому критик занимается не своим делом, он некомпетентен в том, о чем берется судить. В то время как для самого Гамана гений – не эстетическая концепция и не необычная способность [6. S. 122], охваченный гением человек обычно выглядит безумцем в глазах других. Отпечаток гения есть и на Гамане, черного оттого, что его «так обжег гений» [5. Bd. 2. S. 107].

Если, согласно «нашему все», «гений и злодейство – две вещи несовместные», то, по Гаману, гений и кажущееся безумство очень даже совместимы, пусть и посредством парадокса, что Гаман иллюстрирует на примере страстных действий Солона и апостола Павла в критических обстоятельствах, что, в свою очередь, является частным выражением теологической концепции *communicatio idiomatum* как взаимопроникновения божественного и человеческого.

Послесловие к Достопримечательностям блаженного Сократа

В конце 1772 г. Гаман еще раз вернулся к сократической проблематике, написав «Послесловие к достопримечательностям блаженного Сократа» (*Beylage zun Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates*) [5. Bd. 3. S. 111–121] в качестве отклика на «Новую апологию Сократа» Иоганна Августа Эберхарда, теолога и философа из Галле. Эберхард рассматривал Сократа с исключительно рационалистических позиций как высокоморального добродетельного язычника, лишённого каких-либо пророческих аспектов [13. S. 226–229]. Итальянский гамановед Анжело Пупи отмечает, что Гаман не мог позволить себе пренебречь таким радикальным действием со стороны официального религиозного деятеля, который попытался избавиться таким образом от духовной и догматической традиции [14. P. 290]. Соответственно, Гаман пишет свою работу от имени «швабского священнослужителя», выступая с позиций христианской ортодоксии против такой рационалистической интерпретации [15. P. 112].

Хотя этот заключительный трактат в гамановской трилогии о Сократе более узкий по направленности, тем не менее и здесь Гаман подспудно защищает свое изначальное понимание сократического незнания и гения, утверждая, что просветители, пренебрегающие основами христианской ортодоксии, виновны в «элементарном... невежестве» (*Unwissenheit*) [5. Bd. 3. S. 120], даже если они это и не осознают. Также и в заключительных строках из поэта-сентименталиста Эдварда Янга, которые Гаман приводит в англий-

ском оригинале, подчеркивается контраст между претензией рационалистов на сократическую мудрость и их действительным незнанием [5. Bd. 3. S. 121].

Последний листок

В «Последнем листке» (Das letzte Blatt) [5. Bd. 3. S. 410], составленном уже больным Гаманом в 1788 г. примерно за месяц до его смерти, мы снова встречаемся с сократической темой, хотя и в несколько завуалированном виде. Тем не менее этот момент заслуживает особого внимания, учитывая, как щепетильно Гаман относился к своему авторству на протяжении литературной карьеры. В этом смысле закругление сократической тематики в творчестве Гамана не выглядит удивительным. Между первым и последним документами авторства Гамана имеется существенное различие: если СД при всех трудностях интерпретации представляют наиболее ясный документ гамановского наследия, то «Последний листок» находится на противоположном конце спектра: выход отдельного исследования для расшифровки полстраницы текста на греческом, латинском, французском и немецком языках говорит сам за себя [16]. К нашей теме имеет одна строчка документа, своего рода самохарактеристика Гамана: *L'hypocrite reinversé, le Sophiste arctique, Philologus Seminiverbius*.

Освальд Байер демонстрирует, что Гаман употребляет термины «Hypokrit» и «hypokritisch» для описания критического подхода Реймаруса, Лессинга, Мендельсона и Канта. «*L'hypocrite reinversé*» есть французский аналог английского выражения Болингброка (который удостоился едкой отповеди во вступительной части СД), использованного Томасом Шериданом в биографии Джонатана Свифта. Шеридан отмечает, как Свифт скрывал свои превосходные добродетели под личиной их противоположностей [17. P. 429–430; 16. S. 122–123]. Здесь мы снова видим аллюзию на концепцию *coincidentia oppositorum*, занимавшую столь значительное место в СД.

В следующей фразе – *le Sophiste arctique* – Гаман еще ближе подходит к сократической теме. Карл Фридрих фон Мозер дал Гаману прозвище «северный волхв» («*Magus in Norden*»), что перекликалось с евангельскими волхвами, которых Гаман подразумевал в статье «*Magi aus Morgenlande zu Bethlehem*» [5. Bd. 2. S. 137–141]. «Арктический софист» – несомненно, языковая игра с этим прозвищем.

В СД Гаман типологически представил себя Сократом, а своих оппонентов Канта и Беренса – софистами. Почему в «Последнем листке» мы встречаем такой перевертыш? Гаман достаточно часто характеризовал людей и методы их аргументации эпитетом «софистический», который для него имел устойчиво отрицательную коннотацию. «Софистика» была для Гамана аналогом тирании и абстрактного словоупотребления. Тем не менее Гаман мета-схематически надевал маску софиста подобно тому, как сам Сократ владел софистической техникой, чтобы продемонстрировать тщетность притязаний его оппонентов на обладание знанием. В СД Гаман упоминает, что говорит с Кантом на «мистическом языке софистов» [5. Bd. 2. S. 60], т.е. на его собственном языке. В письме ректору рижской кафедральной школы Иогунну Готхельфу Линднеру, написанном 18 августа 1759 г., как раз во время работы над СД, Гаман также заявляет, что среди множества других языков говорит и на языке софистов [1. Bd. I. S. 396].

Однако за этим наименованием себя софистом в «Последнем листке» может скрываться и другая причина. В отношении к миру скептицизма и неверия Гаман выступал как Сократ-Христос. В отношении же к Богу Гаман рассматривает себя по-прежнему как «софиста», незнающего грешника, нуждающегося в милости Божьей, продолжая линию *reïnversé* предыдущей фразы. Такое прочтение вторит и хорошо известным последним словам Лютера «Wir sind Bettler, das ist wahr» [12. Bd. 48. S. 421].

Наконец, фразой *Philologus Seminiverbius* Гаман еще раз отождествляет себя с Сократом, который позволил Логосу «осеменить» через него окружающий мир (*Seminiverbius* – это, конечно, латинский аналог слова *σπερμιολόγος*). В СД это нашло выражение в том, что пустой ум (наполненный далее знанием свыше) Сократа стал источником подлинной мудрости. Слово *σπερμιολόγος* – технически гапакс Нового Завета, оно встречается только в Деян 17:18, где так эпикурейские и стоические философы называют апостола Павла (в переводах на русский – «суеслов» или «пустослов»). Гаман предлагает читателю воспринимать его собственные изречения как проявления невразумительного «божественного языка странствующего разума» [18. С. 86] либо как «эстетическое подражание» Сократу [5. Bd. 2. S. 61].

Список источников

1. *Hamann J.G.* Briefwechsel. 6 Bde von Walther Ziesemer und Arthur Henkel. Wiesbaden : Insel, 1955–1975.
2. *Гильманов В.Х.* Герменевтика «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003.
3. *Иустин Философ.* Св. Иустин философ и мученик. Творения. М. : Паломник, 1995.
4. *Hamann J.G.* Londoner Schriften. Herausgegeben von Oswald Bayer und Bernd Weissenborn. München : C.H. Beck, 1993.
5. *Hamann J.G.* Sämtliche Werke. 6 Bde. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien : Herder, 1949–1957.
6. *Leibrecht W.* Gott und Mensch bei Johann Georg Hamann. Gütersloh : Carl Bertelsmann Verlag, 1958.
7. *Blanke F.* Johann Georg Hamann Hauptschriften erklärt. Bd. 2. Sokratische Denkwürdigkeiten. Gütersloh : Gerd Mohn, 1959.
8. *Cooper J.G.* The Life of Socrates. The Second Edition. London, 1750.
9. *O'Flaherty J.C.*, trans. and ed. Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary. Baltimore : The John Hopkins Press, 1967.
10. *Beiser F.C.* The Fate of Reason: German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1987.
11. *Лютер М.* Избранные произведения. СПб. : Андреев и согласие, 1994.
12. *Luther M. D.* Martin Luther Werke. 120Bde. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1883–2009.
13. *Böhm B.* Sokrates im achtzehnten Jahrhundert. Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins. 2. Auflage. Neumünster : Wachholtz, 1966.
14. *Pupí A.* Johann Georg Hamann. III. Pelicanus solitudinis 1763–1773. Milano : Vita e pensiero, 1998.
15. *Betz J.R.* After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
16. *Bayer O.* Kreuz und Kritik: Johann Georg Hamann Letztes Blatt. Text u. Interpretation Oswald Bayer u. Christian Knudsen. Tübingen : Mohr, 1983.
17. *Sheridan Th.* The life of the Rev. Dr. Jonathan Swift, Dean of St. Patrick's. Dublin, 1784.
18. *Гильманов В.Х.* Гаман и Кант: битва за чистый разум. Калининград : Изд-во БФУ им. Канта, 2013.

References

1. Hamann, J.G. (1975) *Briefwechsel*. 6 Bde von Walther Ziesemer und Arthur Henkel. Wiesbaden: Insel.

2. Gilmanov, V.Kh. (2003) *Germenevtika "obraza" I.G. Gama i Prosveshchenie* [Hermeneutics of the "image" of I.G. Gaman and the Enlightenment]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
3. Justin the Philosopher. (1995) *Sv. Iustin filosof i muchenik. Tvoreniya* [St. Justin the Philosopher and Martyr. Works]. Moscow: Palomnik.
4. Hamann, J.G. (1993) *Londoner Schriften*. München: C. H. Beck.
5. Hamann, J.G. (1957) *Sämtliche Werke*. Wien: Herder.
6. Leibrecht, W. (1958) *Gott und Mensch bei Johann Georg Hamann*. Gütersloh: Carl Bertelsmann Verlag.
7. Blanke, F. (1959) *Johann Georg Hamann Hauptschriften erklärt*. Bd. 2. Gütersloh: Gerd Mohn.
8. Cooper, J.G. (1750) *The Life of Socrates*. 2nd ed. London: [s.n.].
9. O'Flaherty, J.C. (ed.) (1967) *Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary*. Baltimore: The John Hopkins Press.
10. Beiser, F.C. (1987) *The Fate of Reason: German Philosophy from Kant to Fichte*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Luther, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. St. Petersburg: Andreev i soglasie.
12. Luther, M.D. (1883–2009) *Martin Luther Werke*. Weimar: [s.n.].
13. Böhm, B. (1966) *Sokrates im achtzehnten Jahrhundert. Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins*. Neumünster: Wachholtz.
14. Pupi, A. (1998) *Johann Georg Hamann. III. Pelicanus solitudinis 1763–1773*. Milano: Vita e pensiero.
15. Betz, J.R. (2009) *After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann*. Oxford: Wiley-Blackwell.
16. Bayer, O. (1983) *Kreuz und Kritik: Johann Georg Hamann Letztes Blatt*. Text u. Interpretation Oswald Bayer u. Christian Knudsen. Tübingen: Mohr.
17. Sheridan, Th. (1784) *The life of the Rev. Dr. Jonathan Swift, Dean of St. Patrick's*. Dublin: [s.n.].
18. Gilmanov, V.Kh. (2013) *Gaman i Kant: bitva za chisty razum* [Hamann and Kant: The Battle for Pure Reason]. Kaliningrad: BFU.

Сведения об авторе:

Стрельцов А.М. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: streltsov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Streltsov A.M. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: streltsov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Original article

УДК 141

doi: 10.17223/1998863X/82/10

EXPLORING FYODOR DOSTOEVSKY'S EXISTENTIAL THOUGHT THROUGH THE PROBLEM OF THE OTHER

Nikolay V. Ryabchinskiy

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
rny98@yandex.ru*

Abstract. Dostoevsky's existential thought cannot be adequately understood outside the context of the Christian tradition with which he associated himself. Dostoevsky develops his ideas in accordance with the doctrine of “*sobornost*” by which God reveals himself primarily as the “bosom of universal synthesis”. Such a condition precedes the individual separateness and subjective isolation. Dostoevsky postulates the initial ontological rootedness of the subject in co-existence with his neighbor whose co-presence is vital for the completeness of the subject's being (All-Unity). Dostoevsky explains the individual's separation from the initial All-Unity through the Fall's plot. Man found himself abandoned, alienated from God and his neighbor both. In this context, civilization should be considered as a period of total disintegration. Such a tendency reached its apotheosis precisely in *Western civilization*. In this context, the image of the “underground” hero is quite indicative. The hero breaks the bonds of fictional civilized unity in the name of self-realization. His position clearly resembles Heidegger's teaching on *Dasein*, which has gained its authenticity. Just as, in Dostoevsky's view, man is initially ontologically rooted in being-with his neighbor, Heidegger's *Dasein* initially finds itself already coexisting with the Other on a common basis. Heidegger regards the initial co-existence with others as an inauthentic mode of *Dasein*'s being, since the being-with presupposes an impersonal existence. *Dasein* gains its own authenticity by changing the life attitude from “being-with others” to “being-for-itself”. Dostoevsky's “underground man” follows the same logic, since he values his own personality and individuality most of all, for the salvation of which he isolates himself from everyone. There is only his *will*, which is the only one capable to satisfy his need for self-realization. According to Heidegger, the overcoming of the initial dissolution in “being-with others” makes it possible for *Dasein* to gain its authenticity. For Dostoevsky, such a path leads to the final loss of any authenticity. Dostoevsky proposes to find the solution in the lifestyle of Christ who came and died for all, thereby restating in fullness the essential All-Unity. By his sacrifice, he showed the way to the lost All-Unity. So, to achieve the lost All-Unity, a subject needs to accept the Other as his neighbor.

Keywords: Dostoevsky, Other, All-Unity, neighbor, Heidegger, existential thought, Biblical Hermeneutics

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Ryabchinskiy, N.V. (2024) Exploring Fyodor Dostoevsky's existential thought through the problem of the other. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 107–118. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/10

Научная статья

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ Ф. ДОСТОЕВСКОГО ЧЕРЕЗ ПРОБЛЕМУ ДРУГОГО

Николай Викторович Рябчинский

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, rnv98@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема Другого как одна из детерминант экзистенциальной мысли Ф. Достоевского, сформировавшейся в соответствии с христианской парадигмой. Фигура Другого понимается Достоевским как отчужденный ближний, с которым субъект утратил экзистенциальную связь вследствие грехопадения. Достоевский решает проблему отчужденности Другого через обращение к специфической христианской доктрине, в которой Бог представлен как состояние Всеединства.

Ключевые слова: Достоевский, Другой, Всеединство, ближний, Хайдеггер, экзистенциальная мысль, библейская герменевтика

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Ryabchinskiy N.V. Exploring Fyodor Dostoevsky's existential thought through the problem of the other // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 107–118. doi: 10.17223/1998863X/82/10

Introduction

It is widely known that at the beginning of the 20th century European classical philosophy underwent a crisis, which is characterized primarily by the so-called “death of the subject”¹. In this regard, the problem of the Other acquired special significance in the philosophical discourse of the 20th century. Thus, already in the first half of the 20th century, the concept of the Other was developed as a separate existential category in the works of Martin Heidegger [1] and Jean-Paul Sartre [2]. Also, the figure of the Other acquired a special significance as an ethical and ontological issue in the dialogical philosophy of Martin Buber [3], Mikhail Bakhtin [4], and Emmanuel Levinas [5]. In fact, the foundation for the emergence of the Other's concept in the European philosophy of the 20th century can be found already in Hegel's phenomenology. However, such a close interest of these thinkers in the concept of the Other as a philosophical problem can be partially explained by the influence of Fyodor Dostoevsky's works too. In this regard, the interview of Levinas [6] is especially significant in its calling Dostoevsky one of Levinas' important inspirations for his developing the ethics and ontology of the concept of the Other².

On this basis, I believe that using the concept of the Other directly to understand Dostoevsky's existential thought is relevant and productive. Meanwhile, the most well-known studies in which an attempt made to interpret some Dostoevsky's works through the problem of the Other are mainly philological in nature, and only a few extensive philosophical researches on this subject have been carried out so far³. In order to partially meet this gap, this article is an attempt at a philosophical

¹ In this article I define the “death of the subject” as a metaphor that means the impossibility of using the former concept of the Cartesian subject, postulated as initially integral and self-sufficient Ego.

² See Toumayan [7].

³ In particular, see Girard [8], Podoroga [9], and Young [10].

interpretation and understanding of Dostoevsky's existential thought in the context of those perspectives that are directly revealed when referring to the concept of the Other.

The concept of the Other as an aspect of Dostoevsky's Biblical Hermeneutics

In this study, I proceed from the premise that Dostoevsky's existential thought cannot be adequately understood and interpreted appropriately if we consider it outside the context of the Christian tradition with which Dostoevsky associated himself. Moreover, we should take into account the very specifics of this tradition, since, as far as it is known, Dostoevsky develops his ideas in accordance with the doctrine of "*pochvennichestvo*", which is especially characterized by a specific pathos of "*sobornost*" [11. P. 326; 12. P. 158–161]. Following this doctrine of "*sobornost*", Dostoevsky understands Christianity as a religion in which God is revealed primarily not as an individual Personality but as a collective Personality. Particularly, Dostoevsky outlined this idea already in 1864 in one rough draft for his never finished article with the characteristic title "Socialism and Christianity". At the very beginning of this article, Dostoevsky postulates his understanding of God, so he writes, "God is the idea of a collective humanity, of the whole mass, of all" [13. Vol. 20. P. 191]. Based on this fragment, we see quite clearly that Dostoevsky connects directly the idea of God with a certain initially "collective" human condition. Dostoevsky expressed this idea more explicitly in his other draft note, which he makes the day after the death of his first wife Maria Dmitrievna. This note is highly existential in its essence, since it represents Dostoevsky's reasoning on the topic of immortality and the purpose of human being in the world. Besides other, this note contains an extremely significant place where Dostoevsky considers God as the "bosom of universal synthesis" [13. Vol. 20. P. 173]. At that, in terms of Dostoevsky, such a condition of "universal synthesis" or "*sobornost*" should be understood as a condition that precedes individual separateness and subjective isolation¹.

It should be noted that Dostoevsky's ideas in this regard are especially close to the philosophy of All-Unity ("*vseedinstvo*") formulated by Vladimir Solovyov. In particular, considering the question of human nature, Dostoevsky proceeds from the situation of a certain Unity, by which he understands an initial ontological rootedness of the subject in co-existence with his neighbor [14. P. 263]. To clarify this point, let us turn to the Bible. In the Book of Genesis, the creation of man is described as follows: "So God created man in his own image, in the image of God created he him; male and female created he them" (Gn 1:27)², and there is another verse: "Male and female created he them; and blessed them, and called their name Adam, in the day when they were created" (Gn 5:1). When referring to these verses of the Holy Scripture, it is necessary to focus not on the sequence of human creation – first man, and then female, but on its simultaneity and synchronicity ("created he them"). Based on this interpretation, the concept of All-Unity already implicitly implies the figure of the Other, which in this context is represented in the

¹ Thus, Dostoevsky writes in terms of "disintegrated" individuals when discussing the modern human condition [13. Vol. 20. P. 192].

² In this study, I follow the King James Version (KJV).

modality of neighbor. This the Other-neighbor¹ turns out to be the one whose co-presence is initially necessary for the completeness of the subject's being².

Aside from that, in the same rough article "Socialism and Christianity" Dostoevsky writes, "When people live in masses (in primitive patriarchal communities, tales of which have survived) – then they live *spontaneously*" [13. Vol. 20. P. 19]. There is a certain reason to assume that, in Dostoevsky's view, those "primitive patriarchal communities, tales of which have survived" existed in the period before the Fall, so Dostoevsky corresponds the existence of those communities precisely to the human being in the Terrestrial Paradise. Thus, whereas such a non-theistic existential philosopher as Sartre postulates that an individual always finds himself already abandoned in the world³, Dostoevsky presupposes to this abandonment a state of "spontaneity" characterized primarily by the absence of any individual's separation from the initial All-Unity.

However, in this context, a completely logical question arises – how does Dostoevsky explain the individual's further separation from the initial All-Unity? In the same draft article, Dostoevsky himself describes this situation as follows:

Then comes a time of transition, that is, further development, that is, civilization. (Civilization is a time of transition). In this further development a phenomenon arises, a new fact, which no one can escape: this is the development of personal consciousness and the negation of spontaneous ideas and laws. <...> In this phase of his universal genetic growth, man as an individual person has always taken a hostile, negative attitude toward the authoritative law of the mass and *the all*. For this reason, he has *always* lost his faith in God, too. <...> This condition, that is, the fragmentation of the mass into persons, or civilization, is a diseased condition. The loss of a living idea of God testifies to this. The second testimony that this is a disease is that a man in this condition feels bad, is depressed, loses the source of living life [13. Vol. 20. P. 19].

Obviously, in this fragment we can see how Dostoevsky understands and interprets the biblical plot of the Fall exactly.

To be sure, such an interpretation of the Fall in Dostoevsky's note seems to be specific and highly remarkable, and some details in this draft deserve particular attention. Thus, the most revealing of these details are the moments when man receives an opportunity to aware himself ("the development of personal consciousness") but loses his God-likeness ("a living idea of God") and his immortality instead ("the source of living life"). To elucidate these points correctly, let us turn to the text of the Holy Scriptures again. According to the Old Testament plot, the fall of man begins with the temptation of Eve with fruits from a tree which in the midst of the garden. So, the serpent assures Eve that "in the day ye eat thereof, then your eyes shall be opened, and ye shall be as gods, knowing good and evil" (Gn 3:5). And this is exactly what happens when the tempted Eve brings the fruits to Adam:

¹ In the further consideration, I will separate these two different concepts.

² It is noteworthy that Dostoevsky's view on the nature of the Other is absolutely opposite to Sartre's position, according to which the Other always restricts the subject and poses a threat to him of losing the subject's freedom [2. P. 397].

³ See his work "Existentialism Is a Humanism" [15. P. 25].

“And the eyes of them both were opened, and they knew that they were naked; and they sewed fig leaves together, and made themselves aprons” (Gn 3:7). Thus, we can see that man develops self-consciousness (reflection) as a result of eating the forbidden fruit. And for its part, this development of self-consciousness marks a person’s exit from the initial condition of “spontaneity”, as well it marks the person’s cessation of perception of the Other as a part of himself, i.e., in modality of the neighbor. Thus, man saw himself from the outside, he saw himself alone – separated from his neighbor and from God.

The consequence of this self-consciousness is a double alienation, since man alienated himself from God and his neighbor both. How precisely did this double alienation happen? As we know from the story, after eating the forbidden fruit, God asks Adam, “Hast thou eaten of the tree, whereof I commanded thee that thou shouldest not eat?” (Gn 3:11). And Adam answers him, “The woman whom thou gavest to be with me, she gave me of the tree, and I did eat” (Gn 3:12). In this context, the words “the woman whom *thou gavest* to be with me” symbolize Adam’s escape from his own responsibility and his attempt to shift it to God. After that, Adam renounces Eve too, who is his only neighbor, so the second part of his answer to God is: “*she gave* me of the tree, and I did eat” (my emphasis). In that way, as a result of the Fall, man did not just fall away from God, but also found himself alienated from his neighbor, who has become the Other.

Based on this interpretation of the biblical plot, which Dostoevsky himself certainly follows, we can explicitly formulate the definition of the concept of the Other as the alienated neighbor. The very concept of the Other in such a context acquires the specifics of the fallen condition. At that, Dostoevsky considers the Fall itself, first of all, as neighbor’s alienation by man, and therefore his falling out of All-Unity, as well as his falling away from God as a consequence of this.

The problem of the Other in the context of Dostoevsky’s critique of Western civilization

In the current analysis of Dostoevsky’s outline of the article “Socialism and Christianity”, we should also pay a special attention to the author’s concept “civilization”, which Dostoevsky uses in a very specific way to describe the modern, i.e., the fallen state of man. We have already found out that Dostoevsky considers modernity as some “transitional time” with its inherent attributes, such as “the development of personal consciousness” and “the loss of a living idea of God”. Without any doubt, this Dostoevsky’s view of modernity fully corresponds to the common Christian paradigm on the modern time as the time after the Fall. However, there is also a specificity in the writer’s view. Thus, Dostoevsky directly defines civilization as a process of “the fragmentation of the mass into persons” [13. Vol. 20. P. 192]. In this context, civilization should be considered as a transitional period that replaces the time of the ontological rootedness of man in co-existence with his neighbor and marks the disintegration of the initial All-Unity. And particularly, in this regard, father Zossima in *The Brothers Karamazov* characterizes the time of modernity as a period of global isolation [13. Vol. 14. P. 275].

According to Dostoevsky, such a tendency towards global isolation, i.e., the individual’s isolation from all and everyone, reached its apotheosis precisely in Western European civilization, where “the development of the individuality has reached its extreme limits” [13. Vol. 20. P. 192]. Dostoevsky himself had the op-

portunity to make it sure personally during his trip abroad in 1862, the immediate impressions of which he outlined in his journalistic essay "Winter Notes on Summer Impressions", published in 1863. According to the Protestant theologian and thinker Fritz Lieb, one of the main peculiarities of this Dostoevsky's work is its "murderous criticism of the Western European bourgeoisie", i.e., modern European civilization [16. P. 57]. As James Scanlan notes on this point, in this work Dostoevsky "gave his most explicit and critical analysis of the egoistic principle, virtually equating it with immorality" [12. P. 61]. Thus, arguing on the failures of Western socialism, Dostoevsky remarks that modern civilized Europeans most of all tend to talk about "brotherhood as the great driving force of the whole humanity" although, in fact, the Western civilization has no grounds in itself for a fraternal unity of all people. Since, according to Dostoevsky's observations, the modern Western civilization is based on "the personal principle, the principle of isolation, of intense self-preservation, of self-solicitousness, of the self-determination of one's own ego, of opposing this ego to all of nature and all other people as a separate, autonomous principle completely equal and equivalent to everything outside itself" [13. Vol. 5. P. 79]. In that way, the concept of Western civilization gets its fatal character in Dostoevsky's view, since it contributes precisely to the rooting of man in his fallen state of alienation and self-isolation.

To note, Dostoevsky continued such a narrative of the Western civilization's criticism from the position of exposing all its destructiveness for the foundations of the moral nature of man in the story "Notes from the Underground" (published in 1864, one year after his "Winter Notes"). This work was created as a preliminary result of Dostoevsky's reflections on the most pressing issues for him and his time. In this regard, the story "Notes from the Underground" has undoubted importance for clarifying Dostoevsky's existential ideas, including those related to his reflections on the problem of the Other.

In particular, in this story, among his other reflections, Dostoevsky presents his vision of the social atomization's consequences, caused precisely by the development of the individuality in Western civilization. For instance, not so much in his reasoning but in the very spiritual image of the "underground" hero, Dostoevsky depicts all the horror and destructiveness for the modern man of being "abandoned to his own Self" [16. P. 59]. In that sense, the "underground man" symbolizes a modern man who "was touched by development and European civilization" and who has "renounced the soil and popular roots" [13. Vol. 5. P. 107]. He is not just a typical representative of the "Russian majority", as Dostoevsky marks him in one place¹. In his "underground" image, every civilized man in general is recognized, i.e., a "groundless" man has fallen out of the "bosom of universal synthesis" and has lost a direct existential connection with his neighbor. According to Dostoevsky, the true difference between the "underground" hero and any real civilized individual is only one. It lies in the fact that the "underground man" only reinforces the contradiction between "everyone" and his own Ego, thereby bringing the initial situation to its logical limit².

¹ Thus, Dostoevsky returns to the "Underground" theme in his one other draft note that concerns his fresh-published novel *The Adolescent* (1875). In this note, he writes: "I am proud that for the first time I brought out a real person of the Russian majority and for the first time exposed his ugly and tragic side" [13. Vol. 16. P. 329].

² To be sure, the "underground" hero himself emphasizes this point: "As far as I myself am concerned, I have merely carried to an extreme in my life what you have not dared to carry even halfway, and, what's more, you've taken your cowardice for good sense, and found comfort in thus deceiving yourselves" [13. Vol. 5. P. 178].

In this context, the words which the “underground” hero proudly shouts out from the depths of his existential loneliness are the most indicative: “I only dream in my head, but do you know what I want in reality? That you all go to hell, that’s what! I want peace. I’d sell the whole world for a kopeck this minute, just not to be bothered. Shall the world go to hell, or shall I not have my tea? I say let the world go to hell, but I should always have my tea. Did you know that or not?” [13. Vol. 5. P. 174]. Thus, he finally breaks the bonds of fictional civilized unity and brotherhood in the name of self-affirmation. It is interesting to note that the position of the “underground” hero clearly resembles Heidegger’s teaching on *Dasein*, which has gained its authenticity. This remark can serve as a basis for a further comparison of the views of the two thinkers regarding the concept of the Other.

The concept of the Other in Dostoevsky and Heidegger: Comparative analysis

As is well known, Heidegger’s philosophical project basically focuses on “the question of what we really mean by the word ‘being’” [1. P. XXIX]. According to the philosopher, one of the main and fundamental forms of being is *Dasein*. To note, Heidegger uses the very concept of *Dasein* to refer to the experience of being that is primarily a peculiarity of human beings¹. However, Heidegger fundamentally separates the concept of *Dasein* from the concept of the Cartesian subject², suggesting that it be understood primarily as “being-in-the-world” itself [1. P. 39]³. Such a “being-in-the-world” initially reveals itself not in aloneness, but in everyday being-with others [1. P. 116]. According to Heidegger, the existential and ontological meaning of this concept is revealed as follows: “‘The others’ does not mean everybody else but me—those from whom the I distinguish itself. They are, rather, those from whom one mostly does *not* distinguish oneself, those among whom one is, too” [1. P. 116]. In this regard, everyday existence itself already presupposes the presence of the Other, in relation to which *Dasein* acts as co-existence: “On the basis of this *with-bound* [*mithaften*] being-in-the-world, the world is always already the one that I share with others. The world of *Dasein* is a *with-world* [*Mitwelt*]. Being-in is *being-with* [*Mitsein*] others. The innerworldly being-in-itself of others is *Dasein-with* [*Mitdasein*]” [1. P. 115–116]. Just as, according to the concept of All-Unity from which Dostoevsky proceeds, man is initially ontologically rooted in being-with his neighbor (the simultaneous nature of the creation), so Heidegger’s *Dasein* initially finds itself already coexisting with the Other on a common basis.

However, there is an essential difference between Heidegger’s position and Dostoevsky’s view on this problem, which becomes clear from the following. Heidegger regards the initial co-existence with others as an inauthentic mode of *Dasein*’s being, since being-with presupposes an indefinite, impersonal existence

¹ Thus, Heidegger writes: “This being [*Seiende*], which we ourselves in each case are and which includes inquiry among the possibilities of its being, we formulate terminologically as *Dasein*.” [1. P. 7].

² See translator’s comment [1. P. 6].

³ The revelations of the “underground man”, which make up the first part of the “Notes from the Underground”, contain all the prerequisites for criticizing the Cartesian subjectivism of classical philosophy. In this sense, the reflections of the “underground” hero partly seem to precede Heidegger’s philosophy.

devoid of its own "Self". It should be noted that by the concept "others" Heidegger does not mean a specific Other as one's personality or simply the totality of all other people. So, he writes: "'The others', whom one designates as such in order to cover over one's own essential belonging to them, are those who *are there* initially and for the most part in everyday being-with-one-another. The who is not this one and not that one, not oneself, not some, and not the sum of them all. The 'who' is the neuter, *the they*" [1. P. 123]. What Heidegger means is precisely the way of everyday "being-in-the-world", expressed by the principle of "being like people", i.e., to dissolve the Self in *das Man*.

Heidegger contrasts the path of *Dasein*'s individualization, which presupposes a way out of its initial uncertainty in being-with others and finding its own "Self" (authenticity), with *Dasein*'s dissolution in the impersonality and meaninglessness of *das Man* as an inauthentic way of "being-in-the-world". Such "Self" manifests itself as pure spontaneity and freedom of *Dasein*, i.e., the ability of the Self to assert itself in being and realize its own life project based on its own existential capabilities. Thus, *Dasein* gains its own authenticity, according to Heidegger, by changing the life attitude from "being-with others" to "being-for-itself" (using Sartre's terminology).

As we can see, Dostoevsky's "underground man", who perceives others as a mass of *the They*, threatening his Self with the existential loss of itself, follows the same logic. Particularly, such an existential attitude is characteristically expressed in the words of the "underground" hero when he says, "I am one, and they are *all*" [13. Vol. 5. P. 125]. As Heidegger's *Dasein*, Dostoevsky's "underground man" values his own personality and individuality most of all, for the salvation of which he consciously leaves his official place, breaks all his social ties and finally isolates himself from everyone. Thus, he recognizes: "my apartment was my mansion, my shell, my case, in which I hid from all mankind" [13. Vol. 5. P. 168]. In this self-isolation, he creates an artificial microenvironment ("mansion", "shell", "case"), where there are no encroachments of impersonal "*allishness*", but only his free will, which, according to the "underground" logic, is the only one capable to satisfy his need for self-determination and self-affirmation.

At this point, the divergence of the positions of Heidegger and Dostoevsky becomes the most evident. According to Heidegger, it is overcoming the initial dissolution in "being-with others" that makes it possible for *Dasein* to "hear the call of being" and gain its authenticity. For Dostoevsky, such a path leads to the final loss of individual's authenticity.

The problem of the Other as a consequence of the "underground" pride

As Dostoevsky emphasizes by the example of the "underground man", an egoistic mechanism is laid at the basis of the need for self-definition, since the definition itself is aimed to define one's "me" through alienation from what is the fundamental "not-me" and radical opposition to it. First of all, it is precisely the opposition to the Other. Such an opposition leads to an inevitable confrontation with the Other, so an individual has to defend his individuality and his right for self-being. The result of such a confrontation between the Self and the Other is vanity, or pride. Thus, analyzing philosophically the "Underground" theme in Dostoevsky's works, Girard considers pride to be "the

primary psychological (and before long metaphysical) motor which governs all the individual and collective manifestations of the underground life” [8. P. 23]. In this regard, the admission of the “underground” hero about his relations with schoolmates is very significant: “My school fellows met me with spiteful and merciless derision, because I was not like any of them. But I could not endure derision; I could not get along so cheaply as they got along with each other. I immediately began to hate them, and shut myself away from everyone in timorous, wounded, and inordinate pride” [13. Vol. 5. P. 139].

The “Underground” pride manifests itself primarily as an individual's desire to assert himself. This self-affirmation does not occur within the limits of the Self but by expanding the boundaries of the Self, i.e., by suppressing the boundaries of the Other. In that way, self-affirmation takes the pathological form of the Nietzschean *will to power*. Particularly, the motive of self-affirmation as the will to power is articulated quite clearly in the words of the “underground man”, which he addresses to Lisa in the final scene of “Notes from the Underground”: “Why didn’t you fling it in my mug when I started reading you my oration: ‘And you, what did you come here for? To teach us morals, or what?’ *Power, power, that’s what I wanted then*, the game was what I wanted, I wanted to achieve your tears, your humiliation, your hysterics – that’s what I wanted then!” [13. Vol. 5. P. 178]. Probably, the main merit of the “underground man” is that he formulates this idea with the utmost clarity. And that is why we can identify this hero as the main ideologist of the “Underground”.

Dostoevsky’s answer to the problem of the Other

However, already by the example of the “underground man” lifestyle, Dostoevsky underlines that the egoistic orientation to “being-for-itself” is a path that leads only to the degradation of personality and to the individual’s spiritual death. Such an interpretation can be explained by the fact that, according to Dostoevsky, falling out of co-existence with the Other is falling out into pure nothingness. This idea was most significantly expressed by Dostoevsky on the example of his other heroes following the “underground” ideology of self-will. Thus, Raskolnikov’s will to power, full of the Nietzschean spirit, took shape in the so-called “Napoleonic idea”, according to which the extreme manifestation of this power is the denial of the Other, i.e., his murder. However, after the crime he committed, Raskolnikov makes a characteristic confession: “Did I murder the old woman? I murdered myself, not her! I crushed once for all, for ever” [13. Vol. 6. P. 322]. As it follows from Raskolnikov’s confession, the murder of the Other turns out to be a symbolic suicide, since the subject is initially rooted in “being-with” the Other and has no ontological basis in himself. In that way, I illustrate how “the Underground” exposes the all ontological “unfoundedness of a strictly self-sufficient man” [16. P. 58], a man who dares to found his own existential project from himself. Particularly, this idea was also expressed by Dostoevsky in his novel *The Brothers Karamazov*, where he writes on behalf of *The Mysterious Visitor*: “For everyone strives to keep his individuality as apart as possible, wishes to secure the greatest possible fullness of life for himself; *but meantime all his efforts result not in attaining fullness of life*

but self-destruction, for instead of self-realisation he ends by arriving at complete solitude" [13. Vol. 14. P. 275].

So, according to Dostoevsky, a person's obsession with his Self ultimately leads to the loss of the basis of his own being. What solution to this situation does Dostoevsky himself propose? The answer is partly contained in his notes for the unrealized article "Socialism and Christianity". Thus, he writes, "If the purpose of life had not been pointed to man in his state, it seems to me that he would have gone mad with all mankind. Christ pointed out" [13. Vol. 20. P. 192]. In this context, not so much the teaching, but the life of Christ itself should serve as an existential guide for man. After all, what exactly did Christ do? He came and died for all, thereby restating in fullness the essential unity of all. As the Apostle claims, "we were reconciled to God by the death of his Son" (Romans 5:10). By his sacrifice, Christ actually revealed the way for man to the source of the "living life" lost as a result of the Fall and showed him the way to the lost All-Unity. For his part, Dostoevsky plainly claims that man's purpose is his "return to the spontaneity, to the mass" [13. Vol. 20. P. 192]. But what does it mean – to "return to the mass"? As we remember, Dostoevsky considers "the mass" as the state of man's initial co-existing with the Other. So, to return to the mass, the subject need to realize that the Other is not a threat or a boundary of his own Self, but his continuation. Therefore, in order for the subject to gain all the primordial fullness of being, it is necessary not to deny the Other, but to attach him as a neighbor. Such communion of the Other as a neighbor is achieved through a specific ethical attitude, which is embodied by all the "Christological" heroes of Dostoevsky (first of all, Sonya Marmeladova, Prince Myshkin¹ and Alyosha Karamazov). This attitude is expressed, firstly, in the subject's refusal from any condemnation of the Other (principled "non-condemnation") and, secondly, in the subject's awareness of his personal responsibility for the Other, as Mitya Karamazov postulates: "we are all responsible for all" [13. Vol. 15. P. 31]. This is how, according to Dostoevsky, the problem of the Other is solved and the lost All-Unity is achieved.

References

1. Heidegger, M. (2010) *Being and Time*. The Stambaugh translation with a foreword by Dennis J. Schmidt. Albany, New York: SUNY Press.
2. Sartre, J.-P. (1978) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*. New York: Washington Square Press.
3. Buber, M. (1970) *I and Thou. A new translation with a prologue "I and you" and notes by Walter Kaufmann*. New York: Scribner's Sons.
4. Bakhtin, M. M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow: Iskustvo.
5. Levinas, E. (1969) *Totality and Infinity: An Essay on Exteriority*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
6. Levinas, E. (1983) PHILOSOPHIE, JUSTICE ET AMOUR: Entretien Avec Emmanuel Levinas. *Esprit*. 80/81(8/9). pp. 8–17.
7. Toumayan, A. (2004) "I More than the Others": Dostoevsky and Levinas. *Yale French Studies*. 104. pp. 55–66.
8. Girard, R. (2012) *Resurrection from the underground: Feodor Dostoevsky*. Translated by J.G. Williams. East Lansing: Michigan State University Press.

¹ See Young [10, P. 75–118].

9. Podoroga, V. (2022) *Mimesis. The Analytic Anthropology of Literature*. Translated by E.V. Pavlov. London: Verso.
10. Young, S.J. (2004) *Dostoevsky's The Idiot and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting*. London: Anthem Press.
11. Lantz, K.A. (2004) *The Dostoevsky Encyclopedia*. London: Greenwood Press.
12. Scanlan, J.P. (2002) *Dostoevsky the Thinker*. New York: Cornell University Press.
13. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
14. Kasatkina, T.A. (2018) *Filosofiya vseidinstva F.M. Dostoyevskogo* [The Philosophy of the All-Unity of F. Dostoevsky]. In: Takho-Godi, E.A. (ed.) *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' kontsa XIX – pervoy trety XX veka: K 165-letiyu Vl. Solovyeva* [Literature and religious-philosophical thought of the late 19th – the first third of the 20th centuries. In commemoration of Vladimir Solovyov's 165th Birthday]. Moscow: Vodoley. pp. 262–271.
15. Sartre, J.-P. (2007) *Existentialism is a Humanism*. New Haven: Yale University Press.
16. Lieb, F. (2021) Problema cheloveka u Dostoyevskogo (popytka bogoslovskogo tolkovaniya) [The Dostoevsky's Problem of Man (An Attempt of Theological Interpretation)]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*. 4(2). pp. 53–86.

Список источников

1. Heidegger M. Being and Time: a revised edition of the Stambaugh translation with a foreword by Dennis J. Schmidt. Albany, New York : SUNY Press, 2010.
2. Sartre J.-P. Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. New York : Washington Square Press, 1978.
3. Buber M. I and Thou. A new translation with a prologue “I and you” and notes by Walter Kaufmann. New York : Scribner's Sons, 1970.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979.
5. Levinas E. Totality and Infinity: An Essay on Exteriority. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1969.
6. Levinas E. PHILOSOPHIE, JUSTICE ET AMOUR: Entretien Avec Emmanuel Levinas // Esprit. 1983. Vol. 80/81, № 8/9. P. 8–17.
7. Toumayan A. “I More than the Others”: Dostoevsky and Levinas // Yale French Studies. 2004. № 104. P. 55–66.
8. Girard R. Resurrection from the underground: Feodor Dostoevsky / transl. by James G. Williams. East Lansing : Michigan State University Press, 2012.
9. Podoroga V. Mimesis. The Analytic Anthropology of Literature / transl. by Evgeni V. Pavlov. London : Verso, 2022.
10. Young S.J. Dostoevsky's The Idiot and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting. London : Anthem Press, 2004.
11. Lantz K.A. The Dostoevsky Encyclopedia. London : Greenwood Press, 2004.
12. Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker. New York : Cornell University Press, 2002.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л. : Наука, 1972–1990.
14. Касаткина Т.А. Философия всеединства Ф.М. Достоевского // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века: К 165-летию Вл. Соловьева. М. : Водолей, 2018. С. 262–271.
15. Sartre J.-P. Existentialism Is a Humanism. New Haven : Yale University Press, 2007.
16. Либ Ф. Проблема человека у Достоевского (попытка богословского толкования) / пер. с нем. А.С. Цыганкова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 53–86.

Information about the author:

Ryabchinskiy N.V. – postgraduate student at the Doctoral School of Philosophy, research assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: rnv98@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Рябчинский Н.В. – аспирант, Школа по философским наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: rnv98@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 23.09.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 13.12.2024
Статья поступила в редакцию 23.09.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 13.12.2024*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК: 37.013.73
doi: 10.17223/1998863X/82/11

ДИДАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ: ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ

Михаил Сергеевич Аверков¹, Александр Анатольевич Попов²,
Марина Михайловна Шалашова³

¹ Красноярский краевой институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования,
Красноярск, Россия,

² Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

^{2, 3} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ averkov@kipk.ru

² aktor@mail.ru

³ shalashovamm@mgpu.ru

Аннотация: Целью статьи было определить оптимальную дидактическую систему образования взрослых людей и лежащую в ее основе систему логических рассуждений. Ключевым методом исследования стал формирующий эксперимент. Была определена ключевая единица проблемно-деятельностной дидактики: проблемно-деятельностная задача, решаемая в рамках диалектической логики, описанной Э.В. Ильенковым, и представляющая собой превращение общеизвестных знаний в основания для инновационных проектов.

Ключевые слова: диалектическая логика в сфере образования, диалектическая логика образования взрослых людей, дидактика проблематизации и анализа, проблемно-деятельностная задача, работа с данными как фактор образовательных достижений

Для цитирования: Аверков М.С., Попов А.А., Шалашова М.М. Дидактика обучения взрослых: логические основания построения системы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 119–139. doi: 10.17223/1998863X/82/11

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

DIDACTICS OF ADULT EDUCATION: THE LOGICAL FOUNDATIONS OF BUILDING A SYSTEM

Mikhail S. Averkov¹, Alexander A. Popov², Marina M. Shalashova³

¹ Krasnoyarsk Regional Institute of Advanced Training and Professional Retraining
of Educational Workers, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

^{2,3} Moscow City University, Moscow, Russian Federation

¹ averkov@kipk.ru

² aktor@mail.ru

³ shalashovamm@mgpu.ru

Abstract. The article describes the search for an optimal didactic system for organizing adult education. The basis for the definition of such didactics was the allocation of an optimal logical system for the organization of the educational process. In the authors' opinion, such a system is the dialectical logic of Evald Ilyenkov, since it assumes that each unit of practical experience gained by a person is formed in the form of fixed generalized ideas about the proper model of activity. The authors analyzed five main didactic systems: the system of translation of basic knowledge, the system of facilitation, the system of individual support, the system of project activities, and the system of problematization and analytics. The analysis showed that the problem-activity didactic system corresponds to the dialectical logic to the greatest extent, since it involves a step-by-step identification of contradictions, an analysis of the conditions that generate them, a construction of practical actions followed by their transformation into universal principles and methods for solving problems of a certain type. The authors analyzed a significant number of publications on the problems of adult education and came to the conclusion that in most cases they describe individual methods and techniques, as well as specific practices, but not holistic didactic systems, which can and should be the basis for systematically organized pedagogical activity. Moreover, there was no description of the basic logical system that would underlie didactics. The following describes a study designed to determine the degree of effectiveness of problem-analytical didactics based on the principles of dialectical logic. The study consisted of two components: (a) the study of materials from implemented adult education programs, (b) the organization of a formative experiment on the implementation of forms of problem-analytical didactics in a specific educational situation (as part of the implementation of the Design-Analytical Approach to the Development of Territorial Systems of Additional Education educational program). Both components of the study generally confirmed the basic hypothesis about the high effectiveness of problem-analytical didactics as an adult education tool. As a result of the research, it was possible to identify the following main stages of adult didactics: (a) mastering of the ability to analyze problems, (b) direct analysis of specific fundamentally significant problems, (c) independent choice of problems by participants for development, (d) development of solution projects for selected problems, (e) developing expert assessment of the presented development.

Keywords: dialectical logic in education, dialectical logic of adult education, didactics of problematization and analysis, problem-activity task, work with data as factor of educational achievements

For citation: Averkov, M.S., Popov, A.A. & Shalashova, M.M. (2024) Didactics of adult education: the logical foundations of building a system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 119–139. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/11

Введение

В условиях кардинальных изменений хозяйственно-экономических моделей и моделей социальных отношений становится принципиально важно обеспечить в сжатые сроки разработку системы образовательных программ для взрослых людей [1].

Однако для решения этой проблемы необходимо восполнить дефициты, имеющиеся в современных научных и методологических представлениях о должной организации образования взрослых людей. Состав дефицитов простирается от базовых технологий и методов до содержания программ и структуры организации персональной и коллективной деятельности взрослых обучающихся и их наставников [2].

Недостаточность разработки данных проблем во многом связана с долговременным отождествлением образования взрослых людей и деятельностью по повышению профессиональной квалификации в той или иной сфере.

Однако эти процессы заведомо различаются между собой как по базовым задачам, так и по методам и структуре своей реализации (см., напр., [3]).

Ключевое различие можно описать следующим образом. Повышение профессиональной квалификации предполагает освоение *конкретных методов и приемов*, а также *установок*, необходимых для решения актуальной задачи на локальном отрезке времени. В свою очередь, образование взрослых обеспечивает, прежде всего, освоение базовых компетенций и моделей деятельности, позволяющих самостоятельно определять и формулировать актуальные практические задачи и успешно их решать в конкретных обстоятельствах, а также способность *самостоятельно* реконструировать возможные методы и приемы решения данных задач.

Эта ключевая функция образования взрослых людей обуславливает его основные направления деятельности:

- освоение новых знаний о рынках труда, современных технологиях, обстоятельствах современного мира, которые не были актуальны в предыдущий период;
- освоение новых компетенций, позволяющих повысить собственную результативность;
- разработка новых жизненных проектов (в качестве наемного работника или в качестве свободного агента) за счет специально созданных технологий учебного моделирования [4–6].

Но чтобы эти направления работы были полноценно реализованы, требуется, чтобы специалисты в области образования взрослых обладали компетенциями, необходимыми для решения задач следующих типов:

- организовать освоение обучающимся (или «наставляемым») полной системы деятельности на всех уровнях ее организации и во всех ее аспектах, в том числе на уровне базовых ценностных оснований, а также принципов проектирования и подбора конкретных инструментов;

- создать условия для формирования системного мышления, позволяющего сформировать оптимальные решения жизненных задач, персонально значимых для ученика;

- обеспечить наставническое сопровождение в процессе формирования долгосрочного персонального проекта обучающегося, в том числе дающего такой опыт, на основе которого он сможет развить значимые компетенции [7].

Вышеперечисленные педагогические задачи заведомо не могут быть предметом частных, «ситуативных» решений, поскольку требуют от педагога, работающего со взрослыми людьми, владения *методологическими основаниями*, исходя из которых, он смог бы сформулировать цель своей работы в конкретной ситуации, спланировать ее, подобрать оптимальные методы. Фактически требуется определить такую дидактическую систему, которая была бы оптимальна для организации образования взрослых людей в соответствии с его ключевыми направлениями и задачами, обозначенными выше, прежде всего с задачей освоения новой деятельности.

Предлагаемая статья посвящена определению оптимального для образования взрослых людей дидактического подхода, в том числе оценке уже известных подобных подходов с точки зрения тех возможностей и ограничений, которые они создают для работы в данном направлении образования.

Выявление оптимального дидактического подхода, на основе которого может и должно быть организовано образование взрослых людей, может стать принципиально значимым шагом в развитии системы образования взрослых людей. До настоящего времени она воспринималась как «механическая» совокупность проектов и программ, удовлетворяющих частные запросы (как от физических лиц, так и от компаний), которые требовали конкретных методов и приемов, результативных в ситуации «здесь и сейчас». Целостный дидактический подход в этой ситуации оказывался излишним. С этим связано и практическое отсутствие специальных разработок, связанных с дидактическими системами, которые бы ориентировались на взрослых людей, а также отсутствие соответствующих публикаций как в отечественных, так и в зарубежных научных изданиях. Определение такого подхода и описания его базовых принципов заведомо позволят отойти от подбора методов для каждого конкретного случая и перейти к использованию общей модели как основанию для системного, комплексного конструирования решения.

При этом важно понимать, что подобная разработка оказывается возможной не столько за счет освоения педагогами конкретных технологий и методов работы, сколько за счет самостоятельного **освоения и проектирования** базовой логики организации образовательного процесса. Любой дидактический подход предполагает в качестве основы определенную логику реконструкции объективного, логического и научно доказуемого знания, которое выступает либо основанием для принятия решений, либо источником оснований для принятия подобных решений. Данная логика предполагает гибкое сочетание уже известных, закреплённых в культурных институтах представлений; специальное проведение новых изысканий; построение проектных ходов в рамках общепринятых культурных моделей, но реализуя новые полученные знания.

При разработке дидактики взрослых людей одним из наилучших вариантов базовой логики можно считать «диалектическую логику» Э.В. Ильенкова [8]. Она предполагает, что, с одной стороны, истина оформляется именно в

ходе апробирующей ее деятельности и столкновения с большим количеством противоречий. С другой стороны, реализация диалектической логики требует специальной организации деятельности, позволяющей выявить или проверить истину. В целом диалектическая логика задает способ освоения действительности, который может оказаться избыточным для взрослеющего человека, но заведомо необходимым для человека взрослого: а) действие в рамках конкретной ситуации; б) оформление модели и системы методов, которые позволили достичь успеха в рамках данного действия; в) новый анализ ситуации на основе освоенного метода; г) выявление новой проблемы и проектирование следующего действия. Как писал Э.В. Ильенков, «рассматриваемое как деятельность мыслящего существа в ее всеобщей форме мышление и фиксируется в тех его схемах и моментах, которые остаются инвариантными, в каком бы особенном (частном) материале соответствующая деятельность ни выполнялась и какой бы продукт она в том или другом случае ни производила» [8. С. 130–131].

Эти характеристики в значительной степени обеспечивают обозначенные выше характеристики образования взрослых людей: вовлечение в систему деятельности и становление системного мышления.

Оказалось важным проверить, какая из существующих в настоящее время дидактических систем в наибольшей степени соответствует данной логике. Авторы выделили пять основных подходов в рамках общей дидактической системы, которые сложились к настоящему времени и активно используются в современном образовании. В качестве базового основания для классификации рассматривался процесс деятельности, *осваиваемый* и в пробном режиме *реализуемый* обучающимися. Важно отметить, что этот процесс деятельности происходит не стихийно, а специально *организуется* специалистами в рамках той или иной управленческой единицы (мероприятие, проект, долговременная программа и т.п.) [5, 9]. (Не лишним будет отметить, что с точки зрения мыследеятельностного подхода процесс является базовой характеристикой любой системы деятельности [10]).

Авторы выделили пять таких процессов и в соответствии с этим пять ключевых дидактических систем. Проведенный анализ показал, что во всех этих системах вполне может быть реализована диалектическая логика, но в разных аспектах и в связи с решением задач разного типа.

1. Дидактика *трансляции базовых знаний*, позволяющая обучающемуся *самостоятельно* осваивать методы и приемы деятельности, необходимые для достижения успеха в стандартизированной, заведомо известной ситуации деятельности. В данном случае речь идет об освоении конкретных систематизированных и описанных знаний, но притом, во-первых, получаемых в ходе собственной специально организованной исследовательской или проектной деятельности; во-вторых, обобщаемых («идеализируемых») вплоть до состояния универсальной модели. Данный подход в максимальной степени был реализован в рамках системы развивающего обучения [11]. Однако на данный момент этой дидактической системе в большей степени соответствует формальная логика, поскольку она предполагает пошаговое систематичное освоение заранее оформленной информации.

2. Подход *фасилитации* (усиления), предполагающий развитие способностей обучающегося за счет системы пробных продуктивных действий.

Важным компонентом этого подхода являются разнообразные имитации, реализуемые за счет использования цифровых и технических тренажеров, форм сюжетно-ролевого моделирования и т.п. Он дает возможность научиться выделять, оформлять, использовать новые возможности для достижения успеха, в том числе за счет самостоятельного анализа ситуации в той или иной сфере деятельности, самостоятельной постановки перспективных задач, определения методов их решения. В данном случае диалектическая логика предполагает максимальное накопление опыта, но в рамках реализации человеком собственного потенциала и обобщения конкретных успешных решений до уровня универсальных алгоритмов или фреймворков.

3. Подход **индивидуализации**, позволяющий взрослому обучающемуся: а) максимально точно описать собственные интересы и определить ресурс для их достижения; б) выстроить программу их достижения. (В значительной степени он реализуется в рамках коучинговых программ, предполагающих сопровождение не столько индивидуальной стратегии человека, сколько актуальной единицы его деятельности, прежде всего экономически значимого проекта.) В данном случае подход диалектической логики реализуется следующим образом: человек проходит через серию специально организуемых испытаний, каждое из которых дает ему опыт, позволяющий поставить новую персонально значимую проблемную цель и, соответственно, перейти к следующему испытанию. Именно коучинговые программы реализуют такую логику в максимальной степени [12]: коучи на каждом шаге работы обсуждают с клиентами новые шаги в развитии бизнеса, так или иначе связанные с решением проблем, в том числе с работой с неиспользуемыми возможностями.

4. Подход **проектирования**, позволяющий обучающемуся максимально точно построить проект собственной деятельности и получить в его результате запланированный продукт. (Одним из ключевых инструментов, предполагаемых данным подходом, является работа с ситуационными задачами – «кейсами»). Именно этот подход, казалось бы, в наименьшей степени соответствует диалектической логике, поскольку проектная деятельность в ее расхожем понимании является как раз не «ступенчатой», а линейной. Однако любой проект предполагает разрешение существующего и хорошо известного противоречия («разрыва»), в том числе за счет использования факторов, создавших это противоречие, как ресурсов для получения результата. Кроме того, проект, являясь кратковременным или во всяком случае ограниченным во времени действием, обязательно должен создавать некое благо, которое сохраняется и / или воспроизводится (за счет «позитивного отчуждения», когда живое действие увековечивается в некоем результате, доступном для всех желающих).

5. Но в наибольшей степени диалектическая логика, на наш взгляд, реализуется в подходе **проблематизации и анализа**. Данный подход позволяет обучающемуся сформировать основания и инструментарий для выявления ключевых проблем в актуальных для него сферах деятельности, а также для разработки системы действий по их решению, которые в перспективе могут стать основой для персональной профессиональной карьеры. Человек анализирует имеющуюся ситуацию (не обязательно исходно воспринимаемую как проблемную), выделяет в ней задачи развития за счет процесса проблематизации и затем аналитическим путем подбирает инструменты для их решения.

Как писал Э.В. Ильенков, «...мышление и формы мышления вначале выглядят для мыслящего существа вовсе не формами его собственной деятельности (его „самости“ – das Selbst), создающей некоторый продукт, а формами самого продукта: конкретного знания, образов и понятий, созерцания и представления, формами орудий труда, машин, государств и т.д. и т.п., а также формами осознанных целей, желаний, хотений и пр.» [8. С. 132].

Метафорически данный подход можно обозначить еще как «управленческую дидактику», поскольку она позволяет не просто сформировать компетенции, необходимые для успешного действия в ситуации конкретного типа, но и научиться формировать такие ситуации, а также управлять взаимодействиями людей в их рамках [13].

Но этот дидактический подход представляется не только максимально последовательным воплощением диалектической логики в образовательной деятельности, но и оптимальным методологическим основанием для образования взрослых людей, поскольку позволяет осваивать целостные единицы **деятельности** и **управлять** ее реализацией, начиная с частных ситуаций, заканчивая целостными процессами. Четыре остальных типа дидактики также могут быть использованы для организации образования взрослых людей, но все же в большей степени подходят для людей взрослеющих, поскольку обеспечивают создание первичного опыта (это касается и проектной дидактики, особенно если рассматривать ее в исходной логике Дж. Дьюи).

В разделе «Результаты исследования» мы покажем, насколько вышеуказанная гипотеза об оптимальном дидактическом подходе в образовании взрослых людей нашла свое подтверждение.

Обзор литературы

Рассмотрим теперь имеющиеся научно-методические исследования, посвященные существующим прецедентам и моделям образования взрослых людей, в том числе, содержащие оценки их результативности. Стоит сразу указать, что основной массив научных исследований вопросов, связанных с образованием взрослых людей, в Российской Федерации пришелся на 1990 – середину 2010-х гг., когда его необходимость лишь была обозначена и требовалось оформить теоретические принципы и базовую методологию для разработки конкретных программ. Начиная с середины 2010-х гг. базовые подходы к организации образования взрослых людей, которые будут охарактеризованы ниже, теоретически и управленчески закрепились, став достоянием массовой практики, после чего научные публикации по вопросам образования взрослых людей уступили место конкретным программно-методическим разработкам. В зарубежных странах наблюдается схожая ситуация: как мы увидим ниже, один из новейших дайджестов по вопросам образования взрослых людей, подготовленный в 2024 г., делает большое количество отсылок к классическим работам по вопросу (в том числе к работам М. Ноулза, считающегося фактическим основателем подхода «андрагогики», о нем см. ниже), а из новейших работ зачастую упоминает конкретные методики и программы (см., напр., [14]).

Как уже было сказано выше, на всемирном уровне **теоретические** и **методологические** основания образования взрослых людей одним из первых на системном уровне изложил Малькольм Ноулз в 1975 г. [15, 16]. В данной

работе он описал две базовые модели образования взрослых. *Первая* из них предполагает обращение за помощью к профессиональному инструктору, контролирующему весь процесс обучения. *Вторая* опирается на самостоятельное управление обучающимся процессом собственного обучения (авторы связывают ее с осуществлением «самоинструкции»). В число инструментов такого управления входят, в частности: диагностика персональных потребностей в обучении; особая работа по формулированию целей обучения; специально организованное определение человеческих и материальных ресурсов, необходимых для достижения учебных целей конкретного взрослого ученика; наставническое сопровождение выбора и реализации учениками оптимальных для себя стратегий обучения, в том числе использование методов, позволяющих диагностировать достижения [15].

В отечественной педагогике обобщающие модели образования взрослых людей (в их отличии от программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки) сложились к началу 1990-х гг., когда для большого числа граждан нашей страны остро встал вопрос о получении новой квалификации. Так, в 1991 г. Л.Н. Лесохина и Т.В. Шадрина выделили основные стратегии обучения взрослых, каждая из которых фактически соотносится с отдельной дидактической системой. В качестве основания для классификации авторы фактически выделили основные виды деятельности, обеспечивающие освоение взрослыми людьми необходимых знаний и способов деятельности:

- информационная стратегия – использует метод образовательной трансляции, т.е. сообщения факта уже добытых знаний, сведений. Как правило, это монологическая форма обучения, хотя не только;
- проблемная стратегия – ориентирована на обсуждение, дискуссию, обмен мнениями (хотя здесь не исключены монологические методы);
- социально-ролевая стратегия – вбирает весь комплекс методов, избирая преимущественно игру [17].

Каждая из перечисленных стратегий может быть соотнесена с определенной дидактической системой (например, информационная стратегия – с дидактикой трансляции базовых знаний). Но очевидно, что авторы рассматривали каждую из стратегий лишь как источник практических знаний и компетенций обучающихся, но не как источник оснований и инструментов для самостоятельного анализа ситуации и разработки ее решения (в том числе проблемная стратегия, предполагающая использование проблемных ситуаций лишь в качестве предмета для упражнений аналитических способностей).

Иной подход к формулированию принципов «образования взрослых людей» уже в 2006 г. предложил В.А. Ханин [5]. Этот подход в общих чертах можно описать, с одной стороны, как психологический или психотехнический (поскольку предполагает формирование или развитие психоэмоциональных характеристик человека, обеспечивающих решение задач определенного типа); с другой стороны, как функционально-управленческий, поскольку предполагает, что дидактическая система должна обеспечить формирование из взрослого человека функционального элемента в системе деятельности, который должен бесперебойно выполнять соответствующую ему полезную работу. Эта последняя характеристика данного подхода к образованию взрослых подтверждается составом основных дидактических принци-

пов, предложенным авторами: эволюционно-функциональный тип взаимодействия обучающегося и обучаемого (здесь имеется в виду постоянное развитие собственного потенциала в связи с теми экономическими, социальными, культурными функциями, реализацию которых этот потенциал может обеспечить); блокирование нефункционального поведения обучающегося; целенаправленная работа с ограничениями его сознания; опора на внутреннюю **готовность** обучающегося; освобождение от стереотипов; освоение новых инструментов деятельности; формирование новых моделей поведения; апробация способности к автономному действию. Базовый дефицит данного подхода, с точки зрения авторов, состоит в отсутствии описания базовой деятельности, в которую будут вовлечены участники образовательных форм, которые бы обеспечивали реализацию перечисленных принципов в каждой конкретной ситуации.

Последующие по времени исследования в области образования взрослых рассматривают его либо как деятельность по повышению профессиональной квалификации, либо как освоение базовых методов и технологий **новой** для взрослого человека сферы деятельности (см., напр., [18]).

Многие современные исследования ориентируются на переобучение взрослых людей по новым для них профессиям, но заведомо не на постановку новых деятельностных задач и не на интеграцию методов деятельности из разнообразных сфер (см., напр., [19]).

Стоит обратить особое внимание на систему «информального образования взрослых» (см., напр., [20]). Ключевой особенностью этой системы является создание условий для самостоятельного формирования обучающимися персональных образовательных целей и специальные меры по **персональному** «оснащению» обучающихся необходимыми знаниями и компетенциями.

В качестве **одного из возможных** оснований для дидактики образования взрослых можно рассмотреть материалы статьи М. Панковой «Правила андрагогики и пирамида Дилса: как эффективно учиться во взрослом возрасте?» [21]. В ней рассматриваются направления и механизмы изменения нейронных связей человека, позволяющие освоить новые для него способы и модели деятельности. Принципиально важно, что авторы статьи ссылаются на эксперимент, проведенный в 2021 г. в Университете Огайо и показавший, что взрослому человеку сравнительно легко **применять** ранее освоенный им метод мышления (например, связанный с классификацией и упорядочиванием информации), но при этом сложно сформировать принципиально новый метод, основанный на заведомо новой системе объектов и связей между ними (этот феномен обозначается как «выученная невнимательность») [22].

Стоит особо отметить работы, посвященные «цифровой дидактике», используемой в образовании взрослых людей: системы принципов и приемов образовательной деятельности, опирающихся на использование цифровых инструментов. Ряд авторов, например А.Г. Широколобова, аргументированно показывают, что цифровая образовательная среда заведомо обеспечивает («делает необходимым») определенный тип познавательной деятельности человека, в частности, ориентирует его на самостоятельную реконструкцию необходимой системы знаний и способов деятельности с опорой на открытые источники [23]. По данному аспекту образования взрослых людей имеется также значительное количество кратких методических публикаций, помога-

ющих организовать работу специалистов-практиков в специализированном телеграм-канале «Заметки методиста» [24]. Однако, с точки зрения авторов статьи, выделение «цифровой дидактики» в качестве отдельной системы, рядоположенной всем иным описанным выше типам дидактики, является некорректным, поскольку цифровые образовательные ресурсы фактически могут обеспечивать *любую* дидактическую систему – от трансляционной до проблемно-аналитической. Тот факт, что их использование объективно обусловливает логику свободного поиска информации, необходимой для решения проблемы, еще не говорит о том, что в их основе лежит конкретный тип деятельности, поскольку последний определяется базовой *задачей*, решаемой обучающимися, а именно *постановку задачи* цифровые технологии никак не обеспечивают.

Стоит рассмотреть недавние исследования и разработки в сфере образования взрослых, произведенные в зарубежных странах, прежде всего, связанные с определением лежащих в его основе дидактических принципов и методов. Стоит сразу обозначить, что в большинстве зарубежных стран понятие «образование взрослых» стало тождественно понятию «непрерывное образование» [25]. С нашей точки зрения, такое отождествление является корректным лишь отчасти, поскольку, исходно «непрерывное образование» предполагает постоянное обновление взрослыми людьми своих профессиональных знаний и метапредметных компетенций, в ряде случаев – подготовку к смене сферы деятельности [26], но не формирование способности к самостоятельной постановке жизненной цели, анализу условий ее достижения, конструированию соответствующего плана действий.

Большой интерес представляет один из самых недавних обзоров зарубежных исследований в сфере образования взрослых, подготовленный И. Бушрика, доктором философии, соучредителем и главным специалистом по обработке данных проекта Research.com в 2024 г. [27]. С точки зрения автора обзора, большинство современных концепций образования взрослых людей рассматривает в качестве предмета их обучения те знания и способности, которые можно максимально оперативно освоить, применить, капитализировать. В качестве основных принципов для дидактики взрослых И. Бушрика предлагает: а) ориентацию на интересы обучающегося; б) самостоятельный характер обучения (прежде всего, принятие на самого себя ответственности за достигаемые образовательные результаты); в) гуманистическую философию как концептуальную основу для образования взрослых людей.

Автор обзора выделяет следующие теории в образовании взрослых и, соответственно, три типа практик:

1. Андрагогика. Этот подход к образованию взрослых является наиболее давним по времени разработки и концептуально обоснованным, но при этом весьма эклектичным по составу используемых методик, которые фактически подбираются для каждого конкретного случая без опоры на целостную дидактическую систему. Андрагогика предполагает оформление и развитие имеющегося потенциала взрослого человека в режиме его взаимодействия с педагогом-наставником или с педагогической командой. Помимо источников, предлагаемых И. Бушрика, авторы анализировали следующие недавние публикации по вопросам андрагогики: [28–30].

2. Самостоятельное обучение взрослого человека: создание условий для того, чтобы обучающийся сконструировал и реализовал персональный проект, в том числе подобрал оптимальные методы и содержание образовательного процесса, формы оценивания его результатов, а также принял на себя ответственность за реализацию подобного проекта [31]. С точки зрения автора обзора, самостоятельное образование специалистов (правда, как он подчеркивает, преимущественно тех из них, кто только начинает решать профессиональные задачи, но при этом уже обладает базовой квалификацией) создает устойчивую способность к самостоятельной работе человека по формированию и освоению новых деятельностных инструментов (но не по постановке собственных целей на основе выявленных проблем). Этим аспектом самостоятельной подготовки специалистов активно пользуются менеджеры по дополнительному профессиональному обучению, разработчики учебных программ, специалисты по кадрам: исходя из их профессиональной позиции, подход самостоятельного обучения формирует устойчивую культуру самоконтроля и развития собственных профессиональных компетенций.

Для анализа и оценки данного подхода к образованию взрослых людей особо важен обсуждаемый автором обзора опрос, проведенный Censuwide («Отчет о рабочем обучении за 2019 год», 2019). Его результаты показывают, что представители поколений Y и Z (1981–1996 и 1997–2012 г.р.) по сравнению с двумя предшествующими поколениями (1946–1979 г.р.) оказываются в большей степени ориентированы именно на самостоятельное обучение [32]. Данный факт говорит, в частности, о социокультурном характере предпочтений конкретных моделей образования взрослых людей. Разные поколения, заведомо привыкшие к различным системам отношений, в том числе в рамках образовательной деятельности, выбирают различные типы развития собственных знаний, способностей, потенциала в целом: поколения, для которых базовым способом работы с квалификацией было прохождение специально разработанных курсов и взаимодействие с педагогом-наставником, оказываются в меньшей степени готовы, чем поколения, привыкшие к анализу больших массивов информации и понимающие, что ни один наставник не сможет оперативно зафиксировать все ее обновления даже в рамках локальной тематики.

3. Трансформационное обучение: базовым предметом образовательного процесса является изменение представлений обучающегося о себе и о своем окружении в сторону большей «открытости» их структуры и способа формирования; основной разработчик – Дж. Мезироу [33, 34]. На основе трансформирующего обучения могут быть организованы два основных направления в обучении взрослых людей: инструментальное (формирование навыков в решении проблем и вытекающих из них задач на основе реконструкции контекста их возникновения (системы причинно-следственных связей); коммуникативное (способность доносить до другого человека свои потребности, желания, текущее психоэмоциональное состояние (см., напр., [35, 36])).

Большое количество публикаций посвящается особому направлению в образовании взрослых, не сводимому ни к одному из вышеописанных типов, – **корпоративному обучению**. Оно предполагает развитие людьми, уже занявшими определенную роль в экономической системе, своих навыков и способностей с ориентацией на развитие собственных карьерных перспектив;

оперативное освоение информации и методов работы для оперативного применения в конкретных ситуациях. Подобные программы обязательно должны включать в свой дизайн условия для создания и поддержания автономии, сотрудничества, взаимной поддержки и самостоятельного управления обучающихся [37, 38].

В контексте типологизации образования взрослых людей очень интересной оказывается статья Н.С. Радевской «Построение новых моделей образования взрослых в контексте индивидуализации и расширения пространства образования» [39]. В этой статье выделяются общие (инвариантные) характеристики для всех вышеописанных типов образования взрослых людей: а) оформление и инструментализация уже имеющегося жизненного опыта; б) получение навыков быстрого освоения новой информации. Схожее обобщение можно встретить и в более ранней статье И.В. Новгородцевой, О.И. Бледных, Н.И. Микрюковой «Некоторые проблемы обучения взрослых» [40]. Эти авторы обращают дополнительное внимание на то, что для обучающихся оптимальной моделью отношения с педагогами является *сотрудничество*. При этом нельзя не отметить, что оба обобщающих подхода связаны с оформлением и закреплением того деятельностного потенциала взрослых людей, который *уже* был ими накоплен, но не с организацией деятельности по дополнительному накоплению этого потенциала.

В плане обзора конкретных форм и методик образования взрослых людей весьма интересна статья Т.А. Цквитария «Образование взрослых в изменяющихся условиях: современные тренды» [41]. Автор подчеркивает необходимость гибких, вариативных форм ввиду ограниченного времени, которое имеется у взрослого человека для собственного образования (например, краткосрочные интенсивные курсы). По той же причине автор уделяет большое внимание онлайн-образованию как доступному по времени для работающих людей. Помимо временной доступности учебных форматов, ориентированных на взрослых, автор показывает необходимость для них персонализированного образования, позволяющего решить свои собственные, конкретные задачи (здесь его позиция сходна с позицией Н.С. Радевской).

Стоит отметить, что задачный подход к организации образования взрослых людей, в том числе использование проблемно-деятельностных задач как эффективного инструмента, представлен в недавних педагогических публикациях, как отечественных, так и зарубежных, в весьма ограниченном объеме. Зачастую этот подход сводится к «технологиям проблемного обучения» (см., напр., [42]), представленным скорее на уровне принципов, чем на уровне конкретной последовательности действий.

На этом фоне представляет значительный интерес работа А.А. Динер и И.Е. Стуровой «Обзор зарубежного опыта в сфере дополнительного профессионального образования взрослых и пожилых людей» [43]. В данной работе описывается ряд образовательных *систем* (а не отдельных практик!) работы со взрослыми людьми в различных зарубежных странах (Великобритания, Франция, Финляндия и т.д.), ключевыми элементами которых являются именно специально разработанные задания, выполнение которых должно стать для обучающихся фактором приобретения знаний и формирования компетенций. При этом авторы не отмечают, лежит ли в основе данных заданий актуальная деятельностная проблематика и в целом требовалось ли

участникам работать с каким-либо противоречием или предполагалось лишь систематизировать имеющиеся знания и разработать на их основе способ решения для обозначенной проблемы.

Представленный обзор использованной литературы позволяет сделать вывод о том, что задачи образования взрослых людей (в том числе в ее отличии от деятельности по повышению профессиональной квалификации) в достаточной степени разработаны на уровне отдельных принципов и приемов деятельности. При этом целостный дидактический подход как методологическое основание для проектирования оптимальных педагогических решений в каждом конкретном случае остается не сформированным и не определенным. Представленный выше анализ литературы во многом подтвердил, что результативное образование взрослых людей происходит преимущественно в режиме разработки конкретных решений в заданных обстоятельствах, в том числе при аналитической реконструкции этих обстоятельств либо в режиме превращения собственного опыта в инструменты для решения широкого спектра задач. Это обстоятельство косвенно подтверждает исходную гипотезу исследования, лежащего в основе представленной статьи: оптимальным дидактическим подходом для организации образования взрослого человека может считаться именно проблемно-аналитический подход. Однако непосредственно подобный тезис не был представлен ни в одной из проанализированных работ, как и в целом **не** была освещена в них проблематика оптимальной дидактики для взрослых людей.

Проведенный анализ имеющейся литературы позволил авторам статьи подтвердить основные положения **базовой гипотезы** исследования на теоретическом уровне: рассмотренные материалы прямо или косвенно говорили о том, что оптимальной для образования взрослых людей является именно проблемно-аналитическая дидактическая система, которая, в свою очередь, как мы показали выше, фактически опирается на диалектическую логику Э.В. Ильенкова. Однако для окончательного подтверждения гипотезы потребовался анализ конкретных образовательных практик, ориентированных на взрослых людей и опирающихся именно на данный дидактический подход. Описание данного анализа представлено в следующем разделе.

Материалы и методы

Исследование, лежащее в основе статьи, включало в себя два одновременно реализующихся блока:

1. Анализ уже имеющихся материалов образовательных программ, реализуемых для взрослых людей, в проблемно-аналитическом подходе с последующей реконструкцией общей для всех участников последовательности действий по реализации программы, а также используемых методов.

2. Проведение формирующего эксперимента по разработке и реализации образовательной программы для взрослых людей «Проектно-аналитический подход к развитию территориальных систем дополнительного образования», заведомо основанной на проблемно-аналитическом дидактическом подходе. Из названия очевидно, что адресатами данной программы стали специалисты сферы образования, притом в основном выполняющие образовательные функции. Но фактически такая программа могла бы быть реализована в рамках любой другой сферы деятельности, поскольку в настоящее время повы-

шение результативности труда в любой отрасли оказывается тесно связано со специально организованным анализом исходной ситуации и затем с проектированием оптимальных решений для существующих ситуаций либо принципиально новых направлений деятельности.

Формирующий эксперимент предполагал следующие направления работы:

- Разработка базовой образовательной программы «Проектно-аналитический подход к развитию территориальных систем дополнительного образования».

- Проведение пробного цикла ее реализации с обязательным наблюдением за происходящими процессами, как включенным, так и отстраненным (обеспечиваемым методистами-исследователями), позволяющим непосредственно («в моменте») зафиксировать связь между: а) реализуемыми дидактическими принципами; б) конкретными действиями участников образовательного процесса; в) формирующимися у обучающихся установками, способностями, практически применимыми знаниями. Помимо включенных и отстраненных наблюдений, в ходе каждого этапа реализации программы проводились сложно организованные опросы и тестирование участников, направленные не столько на фиксацию конкретных знаний, освоенных и присвоенных ими, сколько на описание новых актуальных задач и версий их решения. В финале образовательной программы проводилась рефлексивная процедура, фактически выполнившая функцию фокус-группы, позволившая зафиксировать проектные идеи участников относительно развития собственной профессиональной деятельности (речь шла не только и не столько про новые единицы деятельности, сколько про проекты усовершенствования уже организованной ранее работы). Во многом роль фокус-группы носила и развивающая экспертиза, завершавшая реализацию программы, когда участники предлагали свои проектные разработки, а эксперты обсуждали с ними достоинства и недостатки этих разработок и предлагали рекомендации к их усовершенствованию (см. ниже).

- Подготовка аналитических отчетов по результатам наблюдения; выделение ключевых принципов и методов, обеспечивших успешные результаты; соотнесение их с принципами проблемно-аналитического подхода в дидактике; как результат – вынесение суждения о том, насколько наиболее успешные методы соответствовали принципам именно проблемно-аналитического подхода в дидактике.

В первом цикле реализации эксперимента в нем участвовало 250 человек в рамках основной экспериментальной группы (из них – 156 педагогов-предметников, 29 методистов, 65 специалистов управленческого звена). Контрольная группа проходила образовательную программу, схожую по тематике, но обеспечивающую освоение частных профессиональных знаний и компетенций, повышающих результативность, но не обеспечивающих управление собственной деятельностью. В состав контрольной группы входило 193 человека, из них 112 педагогов, 21 методист, 60 специалистов управленческого звена.

Результаты исследования

Результатами двух направлений эмпирического исследования: анализа имеющихся документов по реализации программ образования взрослых,

опирающихся на проблемно-аналитический подход в дидактике, и проведения формирующего эксперимента в рамках реализации специально разработанной образовательной программы – стали:

а) Подтверждение гипотезы об оптимальном характере проблемно-аналитического подхода в дидактике как базовой методологии для образования взрослых людей (данный вывод был сделан как за счет сравнения результатов экспериментальной группы с результатами контрольной группы, так и за счет сопоставления наблюдений за образовательной динамикой участников формирующего эксперимента с динамикой и результатами участников иных программ образования для взрослых).

б) Оформление общей структуры базовой содержательно-управленческой единицы, в рамках которой реализуется проблемно-аналитический подход в дидактике, обеспечивающий образование взрослых людей. Стоит специально отметить, что описание подобной единицы имеет большое значение как для конкретных методических разработок, так и для оформления базовых теоретических положений дидактики взрослых людей, поскольку, речь фактически идет об описании институциональных условий для реализации ключевых дидактических принципов.

Модуль 1 обеспечивает деятельностное знакомство обучающихся с проблемно-аналитическим подходом к решению профессиональных задач и к организации управления профессиональной деятельности: освоение его главных принципов, возможной логики действий, прохождение полного цикла решения аналитической задачи. На этом вводном, «тренировочном», шаге задачи формируются и ставятся преподавателями образовательной программы на основе базовых (типовых), соотносящихся с проблематикой, значимой для самих обучающихся, но не связанных с их собственной практикой, не сформулированных ими самими.

Модуль 2 предполагает выделение и пробное решение обучающимися типовых задач в интересующей их профессиональной сфере или межпредметной проблематике, актуальных для конкретных регионов, из которых приехали участники программы, и изучение выявленных проблем. В рамках данного модуля участники уже самостоятельно, за счет освоенных на предыдущем шаге принципов и методов аналитики, восстанавливают состав наиболее значимых проблем («проблемное поле») в той сфере деятельности, в которой они работают и которой посвящена образовательная программа. Далее, выделив проблемы, обучающиеся изучают их происхождение, все сопряженные с ней причинно-следственные связи и на этой основе предлагают варианты ее решения.

Наконец, в рамках **модуля 3** его участники разрабатывают критерии и методы оценивания того, насколько эффективно предложенные ими управленческие проекты позволили решить поставленные проблемы, а также разрабатывают методы подбора данных, которые позволят оценить степень результативности по каждому из критериев.

Обсуждение и заключение

Ключевым результатом исследования с полным основанием можно считать, **во-первых**, подтверждение базовой гипотезы о том, что именно проблемно-деятельностный подход в дидактике является оптимальным для орга-

низации современного образования взрослых людей; **во-вторых**, описание полного цикла реализации данного подхода в дидактике в ходе работы со взрослыми с выделением инвариантных закономерностей, реализуемых на основе любого предметно-практического материала.

Оптимальным обобщением материалов представленного нами исследования может стать оформленная на его основе модель образования взрослых людей, организованного по принципам проблемно-аналитического подхода в дидактике. С точки зрения авторов статьи, данная модель может быть использована при решении широкого спектра задач образования взрослых людей, например: освоение новой профессии, достижение экспертного уровня в уже освоенной сфере, подготовка специалиста к переходу от позиции наемного работника к позиции организатора собственного бизнеса и т.п.

Первый этап. Участники осваивают навыки анализа проблем (на этом этапе – **любых** проблем, значимых для отрасли или территории) и закрепляют эти навыки в ходе решения задач, предлагаемых преподавателями.

Второй этап. Участники анализируют круг принципиально важных проблем, либо актуальных для их сферы деятельности, либо интересных для них – таких, решение которых, было бы для них комфортным бизнесом.

Третий этап. Участники самостоятельно выбирают проблемы для подробной разработки, выявления их происхождения, связей с разными экономическими, социальными, культурными процессами и проводят соответствующую аналитику.

Четвертый этап. Участники разрабатывают проекты или версии решения для выделенных ими проблем, а также критерии эффективности этих мер, набор данных, показывающих соответствие результатов критерию, цифровые инструменты подбора, анализа и представления этих данных.

Пятый этап. Участники представляют итоговую отчетную работу, в которой не только описывают достигнутые результаты, но и намечают план действий по воплощению разработок в жизнь, в том числе как факторов успешной карьеры или как основы для бизнес-плана. По итогам выполнения работы они не только проходят развивающую экспертизу, но и оформляют в ходе специальных рефлексивных процедур полученные знания и компетенции как собственные функциональные инструменты.

Проблемно-аналитический подход в дидактике подтвердил свою высокую результативность как базовой методологической основы для образования взрослых людей. **Во-первых**, он позволяет обучающимся познакомиться с самим феноменом проблемно-аналитической задачи в профессиональной сфере, с методами ее решения и со способом оформления или постановки таких задач в рамках персональной профессиональной деятельности, в том числе в рамках конкретных ситуаций и обстоятельств. **Во-вторых**, образовательные мероприятия, основанные на данной модели дидактики, дают участникам образовательного процесса возможность сформулировать конкретные профессиональные задачи, актуальные для специалиста в текущей ситуации его деятельности. **В-третьих**, ключевые компоненты проблемно-аналитической дидактики позволяют максимально результативно с педагогической точки зрения организовать профессиональные пробы обучающихся – прежде всего, за счет использования в качестве базового организующего инструмента проблемно-аналитических задач и соответствующих им методов работы с данными.

Вышеперечисленные достоинства проблемно-аналитического подхода в дидактике позволяют сделать вывод, что именно он может и должен рассматриваться в качестве ключевой методологической основы для образования взрослых людей вне зависимости от его конкретного материала – предметного или практического.

Представленная модель, безусловно, нуждается в дополнительном уточнении и конкретизации, которые потребуют специализированных исследований. Но, с точки зрения авторов статьи, уже на данном этапе разработки этой модели будет возможна подготовка образовательных программ для взрослых людей, позволяющих решать широкий спектр педагогических задач и удовлетворять максимально разнообразные образовательные запросы специалистов.

Список источников

1. Паршин М.А., Круглов Д.А. Переход России к шестому технологическому укладу: возможности и риски // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 5. Ч. 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/33059> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Золин И.Е. Актуальные проблемы профессиональной подготовки специалистов и качество образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 112–119.
3. Семья Г.В., Карнаух И.С., Шульга Т.И. Обучение взрослых: разработка программ повышения квалификации для специалистов органов опеки и попечительства и аппаратов уполномоченных по правам ребенка // Социальные науки и детство. 2022. Т. 3, № 1. С. 7–22.
4. Сорокина Е.В. Проблемы и специфика дополнительного образования взрослых в России и зарубежных странах // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 128–130. URL: <https://moluch.ru/archive/333/74388/> (дата обращения: 21.07.2024).
5. Ханин В.А. Дидактические принципы в образовании взрослых // Интерграция образования. 2006. № 3. С. 41–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-printsipy-v-obrazovanii-vzroslykh>
6. Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. М. : Полит. энцикл., 2021. 551 с.
7. Тонконогая Е.П. Основные направления в образовании взрослых на современном этапе // Человек и образование. 2010. С. 53–57.
8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М. : Политиздат, 1974. 271 с.
9. Попов А.А., Ермаков С.В., Аверков М.С. Понятие процесса в современной образовательной деятельности // Социальные коммуникации и эволюция общества: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.А. Вальдмана ; Новосиб. гос. техн.ун-т. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. С. 250–258.
10. Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3270/3277> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении : Логико-психологические проблемы построения учебных предметов. 2-е изд. М. : Пед. о-во России, 2000. 478 с.
12. Бурыкин Е.С. Специфика методов применения коучинга // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 83–89.
13. Попов А.А., Ермаков С.В. Дидактика открытого образования. 3-е изд., испр. и доп. М. : НКЦ, 2024. 348 с.
14. Обучение в Dedu Center: обзор дистанционных образовательных программ для методистов, разрабатывающих образовательные формы для взрослых людей. URL: <https://dedu.center/all-programs>
15. Knowles M.S. Self-directed learning: A guide for learners and teachers. Englewood Cliffs: Prentice Hall/Cambridge, 1975.
16. Knowles M., Holton E.F., III, Swanson R.A. The adult learner: The definitive classic in adult education and human resource development. 6th ed. Burlington, MA : Elsevier, 2005.
17. Лесохина Л.Н., Шадрина Т.В. Центры образования взрослых. М. : Педагогика, 1991. 189 с.

18. *Образование взрослых в условиях современности: проблемы и перспективы* : сб. науч. ст. / под науч. ред. А.А. Симоновой, С.Л. Фоменко ; общ. ред. М.А. Воробьёва ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 314 с.
19. Андриенко О.А. Актуальные проблемы образования взрослых // *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 25–28.
20. Павлова О.В. Основы дидактической системы информального образования взрослых // *Человек и образование*. 2019. № 4. (61). С. 115–120.
21. Панкова М.. Правила андрагогики и пирамида Дилса: как эффективно учиться во взрослом возрасте? URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/481691-pravila-andragogiki-i-piramida-diltsa-kak-effektivno-ucit-sa-vo-vzrosлом-vozhraсте> (дата обращения: 31.07.2024).
22. Blanco N.J., Turner B.M., Sloutsky V.M. The benefits of immature cognitive control: How distributed attention guards against learning traps // *Journal of Experimental Child Psychology*. February 2023. Vol. 226. 105548. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022096522001771?via%3Dihub>
23. Широколюбова А.Г. Трансформация профессионального образования с опорой на принципы цифровой дидактики // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023)* : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2023 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 822–832.
24. «Заметки методиста»: Телеграм-канал. URL: https://t.me/zametki_metodista_vs
25. Казарян А.Ф. Образование взрослых как составная часть непрерывного образования: отечественный и зарубежный опыт // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 1 (68). С. 282–286.
26. Осокин И.В. Непрерывное образование как важная составляющая современной системы образования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика*. Т. 11, вып. 2. С. 213–217.
27. Imed Bouchrika, Phd. Adult Learning Theory in 2024: Methods and Techniques of Teaching Adults. URL: <https://research.com/education/adult-learning-theory>
28. Витольник Г.А., Витольник В.Н. Современная андрагогика в обеспечении качественного процесса непрерывного образования взрослых обучающихся // *Современное педагогическое образование*. 2022. № 5. С. 219–223.
29. Гордина О.В., Гордин А.И. Андрагогика: учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 259 с. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/486384> (дата обращения: 17.07.2024).
30. Чернявская А.Г. Андрагогика: практ. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. 174 с. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/490984> (дата обращения: 17.07.2024).
31. Roundtable Learning (2020, April 1). Adult learning theory: Applications for independent learning. RoundtableLearning.com
32. Workplace Learning Report. Sunnyvale, CA : Linkedin.com, 2019.
33. Mezirow J. Transformative Dimensions of Adult Learning. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1991.
34. Mezirow J. Learning as Transformation: Critical Perspectives on a Theory in Progress. San Francisco : Jossey Bass, 2000.
35. Fleming T. Mezirow's theory of transformative learning and Freire's pedagogy: Theories in dialogue. December 2022. ADULT EDUCATION Critical Issues 2(2):7–19.
36. Swanson K.W. Constructing a learning partnership in transformative teacher development // *Reflective Practice*. 2010. Vol. 11, № 2. P. 259–269.
37. Юсмыс Г.В. Корпоративное обучение специалистов: актуальность, стратегии и методы // *The Scientific Heritage*. 2020.
38. Shift (2020, September 8). 10 statistics on corporate training and what they mean for your company's future. SH!FT e-Learning Blog.
39. Радевская Н.С. Построение новых моделей образования взрослых в контексте индивидуализации и расширения пространства образования // *Человек и образование*. 2017. № 1 (50). С. 26–29.
40. Новгородцева И.В., Бледных О.И., Микрюкова Н.И. Некоторые проблемы обучения взрослых // *Концепт*. 2013. № 4 (апрель). С. 6–11.
41. Цквитария Т.А. Образование взрослых в изменяющихся условиях: современные тренды // *Современные проблемы науки и образования*. 2023. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33013> (дата обращения: 25.07.2024).
42. Технологии образования взрослых: учеб.-метод. пособие / сост. О.В. Гордина, А.И. Гордин. Иркутск : Иркут, 2020.

43. Динер А.А., Стурова И.Е. Обзор зарубежного опыта в сфере дополнительного профессионального образования взрослых и пожилых людей // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. С. 13–21.

References

1. Parshin, M.A. & Kruglov, D.A. (2014) Perekhod Rossii k shestomu tekhnologicheskomu ukladu: vozmozhnosti i riski [Crossover of Russia to the New Technological Mode: Opportunities and Risks]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 5(2). [Online] Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/33059> (Accessed: 1st August 2024).
2. Zolin, I.E. (2019) Aktual'nye problemy professional'noy podgotovki spetsialistov i kachestvo obrazovaniya [Current Problems of Professional Training and Education Quality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki*. 2(54). pp. 112–119.
3. Semya, G.V., Karnaukh, I.S. & Shulga T.I. (2022) Obuchenie vzroslykh: razrabotka programm povysheniya kvalifikatsii dlya spetsialistov organov opeki i popechitel'stva i apparatov upolnomochennykh po pravam rebenka [Adult Education: Development of Professional Development Programs for Specialists of Guardianship and the Offices of the Commissioners for the Rights of the Child]. *Sotsial'nye nauki i detstvo*. 3(1). pp. 7–22. DOI: 10.17759/ssc.2022030101
4. Sorokina, E.V. (2020) Problemy i spetsifika dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslykh v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Problems and specifics of additional education of adults in Russia and abroad]. *Molodoy uchenyy*. 43(333). pp. 128–130. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/333/74388/> (Accessed: 21st July 2024).
5. Khanin, V.A. (2006) Didakticheskie printsipy v obrazovanii vzroslykh [Didactic principles in adult education]. *Integratsiya obrazovaniya*. 3. pp. 41–44.
6. Shchedrovitskiy, P.G. (2021) *Kritika pedagogicheskogo razuma* [Critique of Pedagogical Reason]. Moscow: Polit. entsikl.
7. Tonkonogaya, E.P. (2010) Osnovnye napravleniya v obrazovanii vzroslykh na sovremennom etape [The Main Trends of Adult Education Development Today]. *Chelovek i obrazovanie*. 1(22). pp. 53–57.
8. Ilenkov, E.V. (1974) *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical Logic: Essays on History and Theory]. Moscow: Politizdat.
9. Popov, A.A., Ermakov, S.V. & Averkov, M.S. (2013) Ponyatie protsessa v sovremennoy obrazovatel'noy deyatel'nosti [The concept of process in modern educational activity]. In: Valdman, I.A. (ed.) *Sotsial'nye kommunikatsii i evolyutsiya obshchestva* [Social Communications and Evolution of Society]. Novosibirsk: NSTU. pp. 250–258.
10. Shchedrovitskiy, G.P. (1965) *Protsessy i struktury v myshlenii* [Processes and structures in thinking]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/3270/3277> (Accessed: 20th June 2024).
11. Davydov, V.V. (2002) *Vidy obobshcheniya v obuchenii: Logiko-psikhologicheskie problemy postroeniya ucheb. predmetov* [Types of Generalization in Teaching: Logic-Psychological Problems of Constructing Educational Subjects]. Moscow: Ped. o-vo Rossii.
12. Burykin, E.S. (2018) Spetsifika metodov primeneniya kouchinga [Specifics of Coaching Methods]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 1. Ekonomika i upravlenie*. 2(25). pp. 83–89.
13. Popov, A.A. & Ermakov, S.V. (2024) *Didaktika otkrytogo obrazovaniya* [Open Education Didactics]. Moscow: NKTs.
14. Dedu.Center. (s.n.) *Obuchenie v Dedu Center: obzor distantsionnykh obrazovatel'nykh programm dlya metodistov, razrabatyvayushchikh obrazovatel'nye formy dlya vzroslykh lyudey* [Training at Dedu Center: an overview of distance learning programs for methodologists developing educational forms for adults]. [Online] Available from: <https://dedu.center/all-programs>
15. Knowles, M.S. (1975) *Self-directed Learning: A Guide for Learners and Teachers*. Englewood Cliffs: Prentice Hall/Cambridge.
16. Knowles, M., Holton, E.F., III & Swanson, R.A. (2005) *The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development*. 6th ed. Burlington, MA: Elsevier.
17. Lesokhina, L.N. & Shadrina, T.V. (1991) *Tsentry obrazovaniya vzroslykh* [Adult Education Centers]. Moscow: Pedagogika.
18. Simonova, A.A., Fomenko, S.L. & Vorobiev, M.A. (eds) (2016) *Obrazovanie vzroslykh v usloviyakh sovremennosti: problemy i perspektivy* [Adult Education in Modern Conditions: Problems and Prospects]. Ekaterinburg: USPU.

19. Andrienko, O.A. (2019) Aktual'nye problemy obrazovaniya vzroslykh [Current Issues in Adult Education]. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 1(26). pp. 25–28.
20. Pavlova, O.V. (2019) Osnovy didakticheskoy sistemy informal'nogo obrazovaniya vzroslykh [Fundamentals of the Didactic System Formal Education Adult]. *Chelovek i obrazovanie*. 4(61). pp. 115–120.
21. Pankova, M. (n.d) *Pravila andragogiki i piramida Dilsa: kak effektivno učit'sya vo vzrosлом vozraste?* [Rules of Andragogy and the Diels Pyramid: How to Study Effectively as an Adult?]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/forbeslife/481691-pravila-andragogiki-i-piramida-diltsa-kak-effektivno-ucit-sa-vo-vzrosлом-vozraste> (Accessed: 31st July 2024)
22. Blanco, N.J., Turner, B.M. & Sloutsky, V.M. (2023) The benefits of immature cognitive control: How distributed attention guards against learning traps. *Journal of Experimental Child Psychology*. 226. 105548. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022096522001771?via%3Dihub>
23. Shirokolobova, A.G. (2023) Transformatsiya professional'nogo obrazovaniya s oporoy na printsipy tsifrovoy didaktiki [Transformation of professional education based on the principles of digital didactics]. In: Rubtsov, V.V., Sorokova, M.G. & Radchikova, M.G. (eds) *Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2023)*. Moscow: FGBOU VO MGPPU. pp. 822–832.
24. Anon. (n.d.) *Zametki metodista* [Methodist's Notes]. [Online] Available from: https://t.me/zametki_metodista_vs
25. Kazaryan, A.F. (2018) Obrazovanie vzroslykh kak sostavnaya chast' nepreryvnogo obrazovaniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Adult Education as an Integral Part of Continuous Education: Russian and Foreign Experience]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 1(68). pp. 282–286.
26. Osokin, I.V. (2011) Nepreryvnoe obrazovanie kak vazhnaya sostavlyayushchaya sovremennoy sistemy obrazovaniya [Continuing Education as an Important Component of the Modern Education System]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 22(2). pp. 213–217.
27. Bouchrika, I. (2024) *Adult Learning Theory in 2024: Methods and Techniques of Teaching Adults*. [Online] Available from: <https://research.com/education/adult-learning-theory>
28. Vitolnik, G.A. & Vitolnik, V.N. (2022) Sovremennaya andragogika v obespechenii kachestvennogo protsessa nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh obuchayushchikhsya [Modern andragogy in ensuring a high-quality process of continuous education of adult learners]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 5. pp. 219–223.
29. Gordina, O.V. & Gordin, A.I. (2022) *Andragogika* [Andragogy]. Moscow: Yurayt. [Online] Available from: <https://urait.ru/bcode/486384> (Accessed: 17th July 2024).
30. Chernyavskaya, A.G. (2022) *Andragogika* [Andragogy]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
31. RoundtableLearning.com. (2020) *Roundtable Learning (2020, April 1). Adult learning theory: Applications for independent learning*.
32. Anon. (2019) *Workplace Learning Report*. Sunnyvale, CA: LinkedIn.com.
33. Mezirow, J. (1991) *Transformative Dimensions of Adult Learning*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
34. Mezirow, J. (2000) *Learning as Transformation: Critical Perspectives on a Theory in Progress*. San Francisco: Jossey Bass.
35. Fleming, T. (2022) Mezirow's theory of transformative learning and Freire's pedagogy: Theories in dialogue. *Adult Education Critical Issues*. 2(2).
36. Swanson, K.W. (2010) Constructing a learning partnership in transformative teacher development. *Reflective Practice*. 11(2). pp. 259–269.
37. Yustus, G.V. (2020) Korporativnoe obuchenie spetsialistov: aktual'nost', strategii i metody [Corporate Training of Specialists: Relevance, Strategies and Methods]. *The Scientific Heritage*. 47(3). pp. 52–54.
38. Shift. (2020) *10 statistics on corporate training and what they mean for your company's future. SH!FT e-Learning Blog*. 8th September.
39. Radevskaya, N.S. (2017) Postroenie novykh modeley obrazovaniya vzroslykh v kontekste individualizatsii i rasshireniya prostranstva obrazovaniya [Building New Models of Adult Education in the Context of Individualization and Expansion of the Educational Space]. *Chelovek i obrazovanie*. 1(50). pp. 26–29.
40. Novgorodtseva, I.V., Blednykh, O.I. & Mikryukova, N.I. (2013) Nekotorye problemy obucheniya vzroslykh [Some Problems of Adult Education]. *Kontsept*. 4. pp. 6–11.
41. Tskvitariya, T.A. (2023) Obrazovanie vzroslykh v izmenyayushchikhsya usloviyakh: sovremennyye trendy [Adult Education in a Changing Condition: Modern Trends]. *Sovremennyye*

problemy nauki i obrazovaniya. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/article/view?id=33013> (Accessed: 25th July 2024).

42. Gordina, O.V. & Gordin, A.I. (2020) *Tekhnologii obrazovaniya vzroslykh* [Technologies of Adult Education]. Irkutsk: Irkut.

43. Diner, A.A. & Sturova, I.E. (2016) *Obzor zarubezhnogo opyta v sfere dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya vzroslykh i pozhilykh lyudey* [Foreign experience in the field of additional professional education of adults and elderly people]. *Ekonomika. Professiya. Biznes*. 1. pp. 13–21.

Сведения об авторах:

Аверков М.С. – доцент Краевого ресурсного центра по работе с одаренным детьми Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Красноярск, Россия). E-mail: averkov@kipk.ru

Попов А.А. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; эксперт Института непрерывного образования Московского городского педагогического университета (Москва, Российская Федерация); профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aktor@mail.ru

Шалашова М.М. – доктор педагогических наук, директор Института непрерывного образования Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: shaslashovamm@mgpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Averkov M.S. – associate professor of the Regional Resource Center for Work with Gifted Children, Krasnoyarsk Regional Institute for Advanced Training and Professional Retraining of Educational Workers (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: averkov@kipk.ru

Popov A.A. – Dr. Sci. (Philology), leading researcher at the School of Anthropology of the Future, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); expert at the Institute of Continuing Education, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); professor of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aktor@mail.ru

Shalashova M.M. – Dr. Sci. (Pedagogics), director of the Institute of Continuing Education, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shaslashovamm@mgpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024;

одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 05.09.2024;

approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 172; 304.4

doi: 10.17223/1998863X/82/12

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ: К ВОПРОСУ О НОВИЗНЕ ФЕНОМЕНА

Семён Андреевич Московец¹, Юлия Николаевна Овсянникова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет*

¹ *moskovets.tsu@yandex.ru*

² *Kirilenko_julia@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о новизне феномена культуры отмены как формы социального наказания, анализируется его глубинный механизм с точки зрения миметической теории Рене Жирара. Доказывается решающая роль цифровых технологий и медиатизации в формировании и распространении культуры отмены. Делается вывод о культуре отмены как новой форме социального наказания.

Ключевые слова: культура отмены, социальное наказание, новая этика, Рене Жирар, цифровые технологии

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0038.

Для цитирования: Московец С.А., Овсянникова Ю.Н. Культура отмены как форма социального наказания: к вопросу о новизне феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 140–149. doi: 10.17223/1998863X/82/12

Original article

CANCEL CULTURE AS A FORM OF SOCIAL PUNISHMENT: ON THE NOVELTY OF THE PHENOMENON

Semyon A. Moskovets¹, Yulia N. Ovsyannikova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *moskovets.tsu@yandex.ru*

² *Kirilenko_julia@list.ru*

Abstract. The article raises the question of the concept of cancel culture. Since in the human history there have been forms of social punishment similar in their action and goals (for example, boycott or ostracism), is it appropriate to talk about cancel culture as something fundamentally new? The solution to this problem is of a fundamental nature, as it will allow us to clarify the boundaries of the term and revise approaches to its study. From this point of view, the important question is whether cancel culture can exist outside of the new ethics and its connection, which we discussed at the very beginning. Therefore, the answer to the question of the novelty of the phenomenon of cancel culture has an important doctrinal and methodological character. The authors used the mimetic theory developed by Rene Girard to describe the mechanism of cancel culture, built on the chaotic imitation of someone's violent or aggressive reaction. As a result, the authors note the similarity in the possible explanation

of the mechanism of canceling with other forms of social punishment, as well as the presence of a value conflict underlying social punishment. The authors also proved the thesis about the need for advanced information and communication technologies for the emergence of cancel culture. As a result, the authors argue that cancel culture has many historical prototypes of social punishment. Therefore, no matter how they compare cancel culture with their prototypes, it still has significant differences, its novelty. As can be stated from the analysis, the digital media environment has played a crucial role in shaping cancel culture. The emergence of social media platforms, the unique characteristics of digital communication, the role of algorithms, etc. – all these relatively modern circumstances have become a specific environment that has contributed to the emergence and spread of cancel culture. Therefore, cancel culture is undoubtedly a new cultural phenomenon, although it has prototypes from previous eras, which, like any historical echo, never disappear without a trace.

Keywords: cancel culture, social punishment, new ethics, René Girard, digital technologies

Acknowledgements: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0038.

For citation: Moskovets, S.A. & Ovsyannikova, Yu.N. (2024) Cancel culture as a form of social punishment: on the novelty of the phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 140–149. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/12

Введение

Культура отмены как социальный феномен возникла на рубеже XX–XXI вв. В исследовательской литературе ее появление аффилировано с «новой этикой», моральным поворотом, возникшим в общественном сознании жителей США. А.А. Гусейнов замечает, что новая этика направлена на «очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма» [1. С. 92]. Также исследователями утверждается, что лавинообразность расширения новоэтической проблематики связывается с развитием коммуникативных технологий и цифрового пространства [2. С. 85], позволяющих быстро распространять информацию. И культура отмены, которая является одним из непосредственных выражений новой этики, могла осуществиться как форма социального наказания только в условиях существующих каналов передачи информации. Таким образом, на появление культуры отмены оказали влияние два фактора – новая этика и развитие информационно-коммуникационных технологий.

Далее, если давать рабочее определение, то культура отмены является реактивным способом поведения, осуждающим / перестающим поддерживать кого-то или что-то из-за их этического несоответствия ожиданиям общества. Таким образом, активисты культуры отмены стремятся «отменить» неудобную персону, группу людей или иное общественное образование, продукт. Реакция на саму «культуру отмены» крайне неоднозначна, как отмечает В.Н. Сыров: «Это понятие вызывает споры и противоречия. Правые политики считают, что поддержка „культуры отмены“ угрожает свободе слова, в то время как левые видят в ней важный инструмент для борьбы с теми, кто злоупотребляет властью. Те, кто занимает промежуточную позицию, не могут решить, следует ли рассматривать „культуру отмены“ как неприятность или как необходимые действия» [3. С. 86]. Переходя к конкретным социальным

примерам, можно выделить наиболее известные, а именно: движения «#MeToo» и «#BlackLivesMatter». В первом случае «отмене» подвергся ряд голливудских деятелей и знаменитостей, а также связанные с ними медиа-продукты [4], во втором – нападки были подвержены полицейские и сопереживающие им [5].

Из вышеприведенных примеров очевидно, что культура отмены не имеет юридической силы, однако ее последствия в некоторых случаях могут быть даже ощутимее. Исследователь Линда Радзик анализирует виды социального наказания, осуществляемые без привлечения юридических органов. Радзик определяет социальное наказание как неправовую форму санкционирования, намеренного, упреждающего и реактивного причинения вреда людям, произведенного вне рамок иерархически структурированных институциональных ролей [6. Р. 9]. В социальном наказании нет четких указаний на то, что считается наказуемым, оно неуправляемо в определении и наказании своего предмета. Культура отмены, таким образом, может рассматриваться как форма социального наказания.

Проблемность понятия культуры отмены связана с тем, что в истории человечества были похожие по своему действию и целям формы социального наказания (например, бойкот или остракизм), и в этом случае уместно ли говорить об этом феномене как о чем-то принципиально новом? Именно такую точку зрения защищает исследователь культуры отмены Эрнест Оуэнс. По его мнению, бойкоты, цензура, петиции, призывы к наказанию, остракизм, практика публичных извинений и тому подобные формы социального наказания существуют очень давно [7]. Таким образом, культура отмены может оказаться лишь историческим эхом, нашедшим новые способы распространения в современном контексте. Решение этой проблемы носит принципиальный характер, так как позволит нам прояснить границы термина и провести ревизию подходов к его изучению, что, в свою очередь, инициирует пересмотр уже идущих в академическом поле дискуссий о механизмах и последствиях культуры отмены.

Существующие подходы к анализу феномена культуры отмены и уточнение проблемы

Несмотря на недолгую историю с момента возникновения, культура отмены уже стала предметом исследовательского интереса как за рубежом, так и в России. Основное внимание исследователей направлено на решение трех основных задач: а) выявление причин появления; б) определение критериев, которые бы отличали культуру отмены; в) оценку ее последствий.

С точки зрения поиска общих оснований наиболее плодотворными оказываются дискуссии о выделении критериев и оценке последствий культуры отмены, так как исследователи сходятся в определении основных структурных элементов механизма культуры отмены, а также в неоднозначности оценки ее применения. Например, как отмечают отечественные исследователи, рассматривающие актуальные интерпретации культуры отмены в академической среде, можно выделить три основные ее характеристики: «„культура отмены“ подразумевает: а) публичное осуждение неприемлемого для сообщества поведения, б) призыв к отказу от поддержки осуждаемой персоны или организации (в онлайн- и / или офлайн-среде), в) реальные социаль-

ные последствия инициированной „отмены“ для конкретного лица или организации» [8. С. 74]. Подобные характеристики и иллюстрации к ним мы можем найти и в работах зарубежных исследователей. Например, профессор Огайского университета Ева Энджи демонстрирует функционирование культуры отмены на примере южнокорейской группы «BTS», которую в 2020 г. отменили китайские поклонники путем координации через онлайн-сообщества. После цифровых призывов к публичному осуждению «отмена» группы состоялась как в онлайн-, так и в офлайн-среде и принесла группе реальные социальные и материальные последствия [9. Р. 1–3].

Анализируя структурные элементы культуры отмены, Энджи вводит несколько основных понятий: объект отмены и дискурсы отмены. Объект отмены – это человек, бренд или компания, подвергающаяся практике отмены. Практика отмены включает в себя различные действия, направленные на публичное осуждение и бойкот объекта отмены. Дискурсы отмены – это дискуссии и комментарии о практиках отмены и их последствиях. Они могут возникать как на той же платформе, где произошла отмена (дискурсы «первого порядка»), так и вне ее (дискурсы «второго порядка»). Примерами дискурсов отмены могут быть комментарии пользователей в социальных сетях, новостные сообщения о возмущении в социальных сетях, статьи в блогах и т.д. [9. Р. 5–6]. И наконец, сама «культура отмены» определяется автором как совокупность практик и дискурсов отмены. Под культурой в данном смысле понимается система разделяемых смыслов и убеждений. Эти убеждения и смыслы формируются под влиянием коллективных эмоций, а значит, культура отмены отражает усредненные ценности общества.

С этой точки зрения представляется важным вопрос – может ли культура отмены существовать вне новой этики и связи с ней, о которой мы говорили в самом начале? В пользу подобной автономии культуры отмены от изначального дискурса, который ее порождает, могут говорить два факта. Первый касается того, что в последние годы появились исследования культуры отмены в других странах (не США и не Европы). Например, обращает на себя внимание работа, посвященная культуре отмены в системе высшего образования в Арабском мире [10]. И хотя исследование проводится скорее со стороны западных ценностей, однако связь культуры отмены с национальной культурой может послужить основанием предположения об универсальности данного феномена. Второй факт касается того, что практики социального наказания имеют очень древнюю историю. И если культура отмены не более чем новая инкарнация старых практик, то говорить об исключительно «западном» характере культуры отмены не представляется возможным. Поэтому решение вопроса о новизне феномена культуры отмены имеет важный доктринальный и методический характер.

Анализ культуры отмены через идеи Рене Жирара

Для ответа на вопрос, как он поставлен выше, нам следует выбрать методический подход к его разрешению. Представляется очевидным, что простое сравнение существующих на всем протяжении человеческой истории форм социального наказания с культурой отмены по выделенным нами выше признакам не приведет нас к желаемому результату, так как большинство форм социального наказания похоже в этих проявлениях. Например, мы можем

взять практику отлучения от церкви, которая также подходит под все три признака культуры отмены. Однако это является существенным упрощением отдельных форм социального наказания.

Одним из наиболее известных философов, который занимался исследованием социальных наказаний, является Рене Жиар. Стоит заметить, что анализ Жира распространяется не только на социальные наказания, но и на насилие со стороны государства (т.е. юридически санкционированного). Это может стать затруднением, если использовать Рене Жира непосредственно для разграничения культуры отмены от остальных форм социального наказания, что не является нашей задачей.

Жирар описывает проявление насилия через миметическую теорию, настаивая на том, что всякое желание принципиально миметично [11. С. 193]. Желание, по Жира, совершенно неопределимо через объект: «Человек – это существо, которое не знает, чего желать, и обращается к другим, чтобы определиться. Мы желаем того, чего желают другие, потому что подражаем их желаниям» [12. Р. 122]. Насилие, единожды войдя в круг желания, тут же превращает его в порочный, ибо уже не способно выйти за пределы желания сообществ. Чтобы выплеснуть накопившуюся агрессию сообщество находит «козла отпущения», фигуру, которой приписывается оскверняющее сообщество влияние: «Уничтожая жертву отпущения, люди будут убеждены, что избавляются от поразившего сообщество зла, и действительно от него избавятся, поскольку среди них уже не останется заволаживающего насилия» [11. С. 111]. Интересным представляется тот момент, что жертву выбирают «удобноприносимую» [11. С. 10]. То есть сказать, что практика козла отпущения своей целью ставит некую абстрактную справедливость (как зачастую постулируется культурой отмены), нельзя. Именно в этой цели исследователи культуры отмены, которые отстаивают ее позитивное значение, видят важное отличие культуры отмены от иных форм социального наказания. Также указание на справедливость как на конечную цель культуры отмены является одним из общих мест для тех исследователей, который делают ревизию понятия культуры отмены для восстановления изначального смысла данного феномена. В частности, Мереди Кларк указывает на то, что элиты присвоили культуру отмены как публичный дискурс, используя ее для собственных интересов [13]. Подобный вывод коррелирует и с другими работами. Например, в статье 2023 г. исследуется факт прямого давления на академическое сообщество для получения результатов, соответствующих «социальной справедливости», источником которой является уже не дискриминируемая часть общества, а сверхконформное поведение администраторов и управляющих [14].

Как отмечал Жирар, участники толпы всегда являются потенциальными гонителями, ибо мечтают очистить сообщество от нечистых, подрывающих это сообщество предателей [15. С. 34]. Связывая культуру отмены и антропологию Жира, шведский исследователь Йоаким Вретхед отмечает, что толпа позиционирует себя на более высокой ступени этической иерархии, сопровождаемой ощущением возвышенности: «В логике „масса–индивид“ дискретный человек, конечно, чувствует себя возвышенным, и это социальное улучшение достигается с очень низким уровнем риска, поскольку человек часто одновременно скрыт во множестве» [16. Р. 19]. Эта возможность анонимности инициаторов травли, в свою очередь, наоборот сближает культуру

отмены с козлом отпущения. Хотя следует отметить, что большинство форм социального наказания имеет конкретного инициатора. Обезличенность обвинителя задает нам и еще одну теоретическую рамку возможного исследования: если фигура обвинителя представляет собой массу, то невозможна обратная процедура контротмены.

Как мы видим, разработанная Жираром миметическая теория может подойти как способ описания механизма культуры отмены, выстроенного на сумбурном и хаотичном подражании проявленной кем-то насильственной или агрессивной реакции. Эта реакция, однако, не санкционирована юридическими органами, но осуществляется обществом, являясь, таким образом, формой социального наказания.

В результате мы можем зафиксировать схожесть в возможном объяснении механизма отмены с другими формами социального наказания, а также наличие ценностного конфликта, лежащего в основе социального наказания. Выбор жертвы, обезличенность гонителя, а также постулируемая цель в виде восстановления справедливости могут считаться лишь аспектами реализации культуры отмены, не выводя ее в качестве принципиально нового феномена. Поэтому в рамках данной работы мы проверим еще одну гипотезу. Что, если именно социальные сети стали почвой для формирования специфической формы социального наказания, которое пусть и имеет свое историческое эхо, однако не может быть приравнено к прошлому?

Новые горизонты социального наказания: цифровые технологии и культура отмены

С возникновением средств массовой информации и их развитием от газеты до интернета в обществе возник примечательный феномен – знаменитости. Интерпретируя знаменитостей в качестве агента опосредованной социальной связи американский исследователь Альперштейн утверждает следующее: «В наши дни трудно поверить в то, что реально или нет, однако для широкой культуры опосредованные социальные связи служат средством, с помощью которого люди могут обсуждать темы, проблемы, продукты и людей, которые их интересуют. Опосредованные социальные связи преследуют в качестве цели переход от субъективно-реального к воображаемому и обратно» [17. Р. 25]. Он полагает, что мысли людей, оставляемые ими в социальных сетях, образуют виртуальное коллективное сознание, которое представляет собой синхронно выраженные в сетевом потоке блуждания человеческого ума, которые основаны на опосредованных социальных связях со знаменитостями и другими активными пользователями социальной сети [17. Р. 204–205]. Теперь, с развитием цифровых технологий, миллионы людей следят за жизнью знаменитостей. Как кажется, именно эта широко распространенная и мгновенная доступность цифровой опосредованной связи сформировала среду, в которой стало возможным реализовывать сиюминутное социальное наказание. Интересно, что именно знаменитости зачастую становятся основными фигурами, подвергающимися отмене, но это тема для отдельного исследования. Если следовать Альперштейну, можно констатировать даже множественность виртуальных коллективных сознаний, которые напоминают эхо-камеры, где схоже мыслящие люди формируют свои опосредованные связи, мнения и убеждения. Пожалуй, что именно в такой среде

становится возможным возникновение культуры отмены как чего-то особенного, не похожего на прежние формы социального наказания. Сходное мнение выражено и упоминаемой ранее американской исследовательницей Евой Энджи, которая приравнивает роль фэндом-сообществ (по сути виртуальных коллективных сознаний, если следовать определениям Альперштейна) в медиасреде к одному из основополагающих факторов формирования культуры отмены.

Действительно, современное публичное пространство с развитием интернета достаточно сильно изменилось за последние двадцать лет. Отечественный исследователь Даниил Аникин отмечает, что публичное пространство является медиатизированным, определяющим содержание социальных, политических и других процессов с помощью самих средств коммуникации; похоже, что именно процессы медиатизации и сформировали культуру отмены: «Культура отмены возникает именно как публичный институт императивного требования исторического забвения, но само его возникновение, определяющееся в публичной риторике апелляцией к восстановлению исторической справедливости, свидетельствует о столкновении различных сообществ в настоящем времени. <...> существенным изменением именно в условиях медиатизированной эпохи становится возникновение фактора массовой аудитории, которая выступает в качестве конечной инстанции вынесения этической оценки» [18. С. 82–83]. Какие же характеристики медиатизации можно выделить в связи с культурой отмены? Во-первых, скорость распространения, которая позволяет «отменить» в течение нескольких часов. Во-вторых, масштаб, позволяющий расширять охват осуществляющих отмену до международного. В-третьих, анонимность, подталкивающая людей к выражению мнений, которые они могли бы не разделять при личном общении лицом к лицу. В-четвертых, возможность постоянного доступа к цифровому контенту, а также само его постоянство. В-пятых, можно выделить алгоритмизацию и виральность контента, которые ввиду маркетингового предпочтения противоречивого контента приводят к его быстрому распространению среди пользователей, что усиливает лавинообразность отмен. В конце концов, публичное интернет-пространство, несмотря на наличие множества алгоритмов и сдерживающих механизмов, в целом децентрализовано, что делает почти невозможным обжалование или реабилитацию объектов отмены. Упоминаемые ранее отечественные исследователи приводят схожие с выделенными нами особенности: «а) локализация кампаний преимущественно в онлайн-среде; б) спонтанность, стихийность действий; в) обезличенность, „анонимизация“ участников акций; г) горизонтальные связи между активистами в отсутствие ярких лидеров кампаний; д) моральная составляющая обвинений, апелляция к новым социальным нормам» [8. С. 74]. Конечно, этот список не претендует на полноту, но уже его достаточно, чтобы показать роль современных цифровых технологий для воспроизводства социального наказания, в нашем случае – культуры отмены, которые одним своим возникновением открыли новые горизонты социального наказания.

Заключение

Проведенный нами анализ позволил выявить как общие характеристики культуры отмены как формы социального наказания, так и сосредоточить

внимание на иных аспектах, позволивших отметить зависимость культуры отмены от феноменов коллективного поведения. Возвращаясь к основному вопросу исследования, является ли культура отмены новым феноменом или историческим эхо, мы склонны придерживаться срединного пути. Безусловно, что культура отмены имеет множество исторических прототипов социального наказания, которые, однако, все же различаются между собой от эпохи к эпохе. Охота на ведьм в чем-то похожа на маккартизм, но все же сходство является ограниченным. Поэтому как бы ни сравнивали культуру отмены со своими прототипами, она все же имеет существенные отличия, свою новизну. Как можно констатировать из проведенного выше анализа, цифровая медиасреда сыграла решающую роль в формировании культуры отмены. Появление социальных медиаплатформ, уникальные характеристики цифровой коммуникации, роль алгоритмов и т.д. – все эти относительно современные обстоятельства стали специфической средой, которая поспособствовала возникновению и распространению культуры отмены. Поэтому культура отмены – несомненно, новый культурный феномен, хотя и имеет прообразы из предыдущих эпох, которые, как и любое историческое эхо, никогда не исчезают бесследно. И с этой позиции вполне уместно говорить о том, что культура отмены может выйти за пределы новой этики, однако произойти это может только на территории иных государств. Происходящая сейчас ревизия первоначальных оснований культуры отмены явным образом указывает на декларируемую зависимость культуры отмены от ценностей определенных слоев общества.

Список источников

1. Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 91–106.
2. Жадунова Н.В., Гришинева А.А. Новая этика: нормальное и аномальное // Социальные нормы и практики. 2023. № 2 (8). С. 81–93.
3. Сыров В.Н. К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 85–90.
4. Mendes K., Ringrose J., Keller J. #MeToo and the promise and pitfalls of challenging rape culture through digital feminist activism // European Journal of Woman's Studies. 2018. Vol. 25(2). P. 236–246.
5. Buchanan L. Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History // The New York Times. 2023. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (дата обращения: 26.07.2024).
6. Radzik L. The Ethics of Social Punishment: The Enforcement of Morality in Everyday Life. Cambridge University Press, 2020. 180 p.
7. Owens Ernest. The Case for Cancel Culture: How This Democratic Tool Works to Liberate Us All. New York : St. Martin's Press, 2023. 256 p.
8. Дунас Д.В., Гуреева А.Н., Киреева П.А. Формируя теоретическую рамку «культуры отмены»: концептуальные истоки и актуальные интерпретации // Вестник НГУ. Сер.: История, философия. 2023. Т. 22, № 6: Журналистика. С. 70–81.
9. Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis. Cham, Palgrave Macmillan, 2022. 162 p.
10. Alkhateeb H., Bouherar S. Understanding Cancel Culture in Higher Education in the Arab World // High Educ Policy. 2024. № 37. P. 326–347.
11. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
12. Girard R., Burkert W., Smith J.Z. Generative Scapegoating. Violent Origins: on Ritual Killing and Cultural Formation. Stanford : Stanford University Press, 1987. 296 p.

13. Clark M. Drag them: A brief etymology of so-called “cancel culture” // *Communication and the Public*. 2020. P. 1–5.
14. Pfäus J.G. The Cancer of Cancel Culture: Spreading «Correct» Scientific Ideologies Across North American Academia // *Arch Sex Behav*. 2023. 52. P. 43–47.
15. Жирар П. Козёл отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского; предисл. А. Эткинды. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
16. Wrethed J. Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading // *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*. 2022. Vol. 29. P. 15–37.
17. Alperstein M.N. *Celebrity and Mediated Social Connections: Fans, Friends and Followers in the Digital Age*. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. 242 p.
18. Аникин Д.А. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 80. С. 74–85.

References

1. Guseynov, A.A. (2021) Chto novogo v “novoy etike”? [What's New in the “New Ethics”?]. *Vedomosti prikladnoy etiki*. 58. pp. 91–106.
2. Zhadunova, N.V. & Grishneva, A.A. (2023) Novaya etika: normal'noe i anormal'noe [“New Ethics”: Normal and Abnormal]. *Sotsial'nye normy i praktiki*. 2(8). pp. 81–93.
3. Syrov, V.N. (2023) On the philosophical foundations of “cancel culture” and its significance for understanding and attitude to the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 85–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/492/10
4. Mendes, K., Ringrose, J. & Keller, J. (2018) #MeToo and the promise and pitfalls of challenging rape culture through digital feminist activism. *European Journal of Woman's Studies*. 25(2). pp. 236–246.
5. Buchanan, L. (2023) Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History. *The New York Times*. 3rd July. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (Accessed: 26th July 2024)
6. Radzik, L. (2020) *The Ethics of Social Punishment: The Enforcement of Morality in Everyday Life*. Cambridge University Press.
7. Owens, E. (2023) *The Case for Cancel Culture: How This Democratic Tool Works to Liberate Us All*. New York: St. Martin's Press.
8. Dunas, D.V., Gureeva, A.N. & Kireeva, P.A. (2023) Formiruya teoreticheskuyu ramku “kul'tury otmeny”: kontseptual'nye istoki i aktual'nye interpretatsii [Forming the Theoretical Framework of the “Cancel Culture”: Conceptual Roots and Current Interpretations]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 22(6). pp. 70–81.
9. Ng, E. (2022) *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Cham, Palgrave Macmillan.
10. Alkhateeb, H. & Bouherar, S. (2024) Understanding Cancel Culture in Higher Education in the Arab World. *High Educ Policy*. 37. pp. 326–347.
11. Zhirar, R. (2010) *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Sacred]. Translated from French by G. Dashevskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Girard, R., Burkert, W. & Smith, J.Z. (1987) *Generative Scapegoating. Violent Origins: on Ritual Killing and Cultural Formation*. Stanford: Stanford University Press.
13. Clark, M. (2020) Drag them: A brief etymology of so-called “cancel culture.” *Communication and the Public*. 5(3-4). pp. 88–92.
14. Pfäus, J.G. (2023) The Cancer of Cancel Culture: Spreading “Correct” Scientific Ideologies Across North American Academia. *Arch Sex Behav*. 52. pp. 43–47.
15. Girard, R. (2010) *Kozel otpushcheniya* [Scapegoat]. Transl. from French by G. Dashevskiy. St. Petersburg: Ivan Limbakh.
16. Wrethed, J. (2022) Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading. *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*. 29. pp. 15–37.
17. Alperstein, M.N. (2019) *Celebrity and Mediated Social Connections: Fans, Friends and Followers in the Digital Age*. Cham: Palgrave Macmillan.
18. Anikin, D.A. (2024) From the politics of regret to cancel culture: The transformation of historical oblivion in the context of the mediatization of the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 80. pp. 74–85. (In Russian).

Сведения об авторах:

Московец С.А. – ассистент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

Овсянникова Ю.Н. – доцент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kirilenko_juilia@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Moskovets S.A. – assistant at the Department of Ontology, Theory of Cognition and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

Ovsyannikova Yu.N. – associate professor at the Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kirilenko_juilia@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 13.12.2024*

*The article was submitted 10.09.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 128

doi: 10.17223/1998863X/82/13

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ДУША» КАК ЛИЧНОСТНЫЙ МОДУС РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Надежда Александровна Углинская

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия;

*Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия,
elpis.87@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии исследования концепта «русская душа» на основе семантического метода. Показано, что они неизбежно приводят к противоречивым описаниям, что объясняется нацеленностью семантического анализа на выявление первичных интерпретаций и его ориентацией на поиск типичных характеристик русского характера, одинаково распределенных между всеми носителями менталитета. В качестве альтернативы предложен прототипический метод.

Ключевые слова: русский менталитет, русская душа, личностный модус менталитета, семантический метод, прототипический метод

Благодарности: подготовлено при поддержке РНФ, проект № 24-28-01661.

Для цитирования: Углинская Н.А. Концепт «русская душа» как личностный модус русского менталитета: основные стратегии исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 150–159. doi: 10.17223/1998863X/82/13

Original article

THE CONCEPT “RUSSIAN SOUL” AS A PERSONAL MODUS OF RUSSIAN MENTALITY: MAIN RESEARCH STRATEGIES

Nadezhda A. Uginskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation, elpis.87@mail.ru

Abstract. The article discusses strategies for studying the concept “Russian soul” as a personal modus of Russian mentality based on the semantic method. It is shown that the analysis of the semantic components of the concept “Russian soul” inevitably leads to a contradictory description of the Russian soul as a bearer of directly opposite properties (“activity” and “laziness”, “prowess” and “melancholy”, “kindness” and “cruelty”, etc.), the presence of which requires explanation. Variants of interpretation of the origins of the inconsistency of the Russian soul were found in philosophical and socio-psychological studies. It is stated that one of the ways to explain the mutually exclusive features of the Russian soul is to reduce them to one of the sides of the opposition. So, for example, the opposition “religiosity and atheism” is reduced to religiosity, interpreting atheism as a special kind of religiosity. An explanation strategy is also outlined, which consists in recognizing inconsistency as an integral property of the Russian soul, emphasizing its mystery. A strategy for explaining the Russian soul as a holistic manifestation of Russian mentality through pointing out the specifics of communication has also been identified. It is noted that the Russian soul is not the soul of one person, but the mutual understanding and

interconnection that are born between people in the process of communication. Research strategies for the concept “Russian soul” based on the semantic method lead to contradictory descriptions due to its focus on identifying primary interpretations and searching for typical characteristics of the Russian character, equally distributed among all carriers of the mentality. This, in turn, leads to mental holism, simplification of reality, and unreliable conclusions. It has been revealed that the use of a prototypical approach to revealing the content of the concept “Russian soul” presupposes the need to identify “samples” that are consistently associated with the Russian national character among representatives of a given cultural community. Such prototypes are real people, historical characters, or literary heroes. The prototypical image does not embody a set of “average” values, but makes recognizable to each representative of a given culture one or another embodiment of “Russianness” (both positive and negative). Thus, it is indicated that the prototypical approach, on the one hand, removes the problem of alternative characteristics inherent in mentality and, on the other, solves the problem of overcoming mental holism.

Keywords: Russian mentality, Russian soul, personal modus of mentality, semantic method, prototype method

Acknowledgments: the study is supported by the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-01661.

For citation: Uglinskaya, N.A. (2024) The concept “russian soul” as a personal modus of russian mentality: main research strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 82. pp. 150–159. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/13

Понятия «ментальность» и «менталитет», введенные в научный оборот представителями антропологически ориентированной истории, в настоящее время стали неотъемлемой частью культурологического дискурса. Исследования культуры носят междисциплинарный характер, в силу этого они активно используют представления и понятия различных гуманитарных наук, обогащая их новыми интерпретациями [1. С. 22]. Менталитет, метафорически определяемый как «дух культуры», представляет собой совокупность глубинных смысловых и поведенческих структур, составляющих устойчивый фундамент социокультурной истории, обеспечивающий самоидентификацию данной культуры как ценностно-смыслового единства.

Исследование менталитета требует особой чувствительности к языку, к понятиям и символам, составляющим концептосферу изучаемых сообществ. Ю.С. Степанов отмечает, что концепты исторически родственны «идеям» Платона, но с той разницей, что их осуществлением в культуре является не только имя, но и фраза, и целое высказывание, и мелодия, и картина, и даже нечто выраженное невербально – все, что помогает описанию типичной ситуации национальной культуры и раскрытию ее внутренних мыслительных связей. «Вообще-то, у концептов нет национальности в обобщенном смысле, „национальности по паспорту“. Но у концепта есть „родной дух“, запечатленный привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят» [2. С. 63]. Согласно Д.С. Лихачеву, концептосфера русского языка соотносится с культурой, религией и всем историческим опытом нации [3. С. 145]. Одно из центральных мест в ней занимает многогранный в смысловом отношении и аксиологически нагруженный концепт «русская душа», который выступает как смысловая доминанта русской национальной личности. «Русская душа» – это концептуальная метафора, сформировавшаяся под ре-

шающим влиянием литературы и фольклора и отражающая национальную ментально-психологическую специфику представлений русского человека о себе. Неудивительно, что сущность русского менталитета зачастую сводят к совокупности смыслов, связанных с концептом «русская душа».

По мнению Д.С. Лихачева, русский язык не отличается склонностью «к обнаженно понятийным и однозначным определениям, к терминологичности» и потому, возможно, не слишком удобен для науки или техники, но зато насыщен богатством «человеческого национального, исторического опыта» [3. С. 150]. Поэтому при выделении смыслодержательных компонентов концептов русского языка необходимо учитывать не только семантические трактовки, но и весь комплекс духовных, культурных и прагматических факторов интерпретации. В качестве приоритетного метода анализа концепта «русская душа» используется анализ ключевых слов и выражений русской культуры, который, будучи ориентирован не на синтаксис, а на выделение смысловых и экспрессивных значений, тесно связан с философскими и социально-психологическими исследованиями [4–6].

Спецификой русского понимания души является богатство смыслов, вкладываемых в это слово. В русском языке душа рассматривается как «духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний театр, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь» [7]. В таком понимании душа оказывается тесно связанной с душевностью, что существенно отличает ее, например, от английского *soul*, определяемого в Кембриджском английском словаре как «часть человека, которая не является его телом, которая, как полагают некоторые люди, продолжает существовать после их смерти» [8]. В отличие от духа, существующего в энергетическом поле, на уровне волеизъявления, и не концептуализирующегося в качестве органа, душа находит свое воплощение на онтологическом уровне и тем самым непосредственно связана с личностью. Являясь личностной категорией, душа в соединении с характеристикой «русская» «дает представление об идеальном инварианте (символе) „народного Я“» [6. С. 277], т.е. представляет собой концепт, который можно назвать личностным модусом русского менталитета.

Смысловая связь русского менталитета с русской душой была намечена в трудах Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Б.П. Вышеславцева, которые при помощи близких к «менталитету» понятий «русский национальный характер», «душа народа», «характер народа», «социальный характер», «психология русского народа» пытались выделить и описать отличительные черты и эмоционально-психологические характеристики русского человека [9–11]. В дальнейшем такой подход был положен в основу семантического анализа концепта «русская душа». Этот анализ обнаруживает свою ограниченность в том отношении, что с неизбежностью приводит к противоречивому описанию русской души как носительницы прямо противоположных свойств. Например, активность и упорство в русском человеке (особенно в стремлении к высоким идеалам) соседствуют с безволием, ленью, пассивностью, бездеятельностью, «обломовщиной»; удаль (которая часто гипертрофируется, превращаясь в «безбашенность») является столь же типичной, как и ее противоположность – тоска, когда человек «чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо» (или утрачено) [12. С. 31]. Аналогичным образом доброта русского человека граничит с жестокостью,

жалостливость – с безжалостностью. В этой связи Н.О. Лосский писал о том, что «к числу первичных основных свойств русского народа принадлежит доброта, углубляемая и поддерживаемая исканием абсолютного добра и религиозностью...», но при этом «...измученный злом и нищетою русский человек может проявить и большую жестокость» [11]. Н.А. Бердяев также указывал, с одной стороны, на доброту, человечность и мягкость русской души, и в то же время на склонность к насилию. Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что хотя исследование национально детерминированных концептов всегда осуществляется на базе слов с большим семантическим потенциалом, простого описания отдельных концептов на избранном языковом материале для объяснения полученной картины недостаточно.

В этой связи фокус анализа смещается на вопрос об истоках противоречивости русской души, что переводит исследование в область философско-богословского дискурса, усматривающего главную особенность русской души в сопряженности двух начал – низшего (земного, материального) и высшего (духовного). На это обратил внимание еще С.А. Аскольдов, который своеобразие русской души увидел в том, что из всех ее ипостасей (святой, человеческой и звериной) для русского человека наиболее сильным является сочетание таких, казалось бы, противоречивых начал, как «святое» и «звериное» [13]. Человеческая часть души не может уравновесить крайности «святого» и «звериного» в русском менталитете, что выливается в противоречивость характера русского человека. Американский исследователь Дж. Биллингтон метафорически представил сущность русской души с помощью двух артефактов, «традиционно висевших рядом на стене, в красном углу каждой крестьянской избы» – иконы и топора [14. С. 56]. Эти предметы символически воплощают стремление русского человека к высоким идеалам, с одной стороны, и необходимость вести прагматическую земную жизнь – с другой.

Одним из способов объяснения противоречивых, исключаящих друг друга черт русской души является сведение их к одной из сторон оппозиции, которой дается предельно широкое толкование. В качестве примера можно указать на религиозность, выделенную представителями русской философии XIX в. в качестве ключевой характеристики русской души. Она проявляется не только в вере в Бога, но и в совестливости, смирении, простоте, самоотверженности, кротости, в приоритете духовных ценностей над материальными, в признании существования абсолютных ценностей (что находит подтверждение в конструкте «Святая Русь», т.е. не богатая, не могучая, а одухотворенная). При этом утверждается, что религиозность не исключает воинствующего атеизма, который рождается, по мнению Л.П. Карсавина, из протеста против пассивности и бездействия. Н.А. Бердяев прямо указывает на религиозность русского атеизма, вдохновляющего на героические поступки во имя абсолютных идей. Такого же мнения придерживался Н.О. Лосский, писавший, что миропонимание советских коммунистов, яростно отрицавших религиозные ценности, не противоречит русскому характеру, так как руководствуется идеалами «искания добра для всего человечества» [11], а потому рвение в установлении коммунистических идеалов может рассматриваться как религиозность особого рода.

Другая стратегия объяснения состоит в признании самой *противоречивости* как «более высокого», по выражению Г. Фреге, понятия [15. С. 39], выступающего по отношению к русской душе предикатом второго порядка, «обнимающим» ее противоположные и изменяющиеся свойства таким образом, что они опознаются как устойчиво присущие ей характеристики. Так, Н.А. Бердяев, описывая характер русского человека, отмечал, что ему свойственно стремиться к воплощению крайностей – ангельского или звериного начала: «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством. Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым, подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным» [9].

Описанные стратегии объяснения хорошо согласуются с эмпирическими социологическими и социально-психологическими исследованиями, рассматривающими национальный характер как социальный архетип, «вмонтированный» в человека и действующий как набор устойчивых черт и идей, определяющий типичность его действий в качестве члена данной культурной общности. В книге выдающегося социолога и историка В.Ф. Чесноковой «О русском национальном характере» (написанной под псевдонимом Ксении Касьяновой) описан механизм актуализации под влиянием «толчков извне» социальных архетипов, указывающих нам, «что мы должны защищать, поощрять, порицать, не допускать и т.д.» [16. С. 84]. Концепт «русская душа» указывает на архетипические, бессознательные структуры, которые действуют спонтанно, не нуждаясь в рефлексии и рассуждении.

Наконец, можно выделить стратегию объяснения русской души как целостного проявления русского менталитета через указание на специфику общения. Русское «общение» не тождественно западной «коммуникации», «контакту» или «диалогу» как целеполагающих понятий, ориентирующих на достижение позитивного результата. Для русской культуры характерно общение ради общения, оно ценно само по себе и несет в себе смысл востребованного времяпрепровождения. В общении достигается «общность» с другими, возможность «излить душу», получить «радость и удовольствие от общения». В связи с этим А. Вежбицкая пишет, что русская душа – это не душа одного человека, а взаимопонимание, взаимосвязь, рождающиеся между людьми в процессе общения [17. С. 496]. Наличие выражений «говорить по душам», «отвести душу», «душа нараспашку», «открыть душу» и т.п. говорит о важности искренности в общении. Таким образом, в русской культуре положительная оценка отводится именно «общению по душам», в котором раскрывается внутреннее расположение человека, в отличие от внешних «вежливости» и «условности». Общение по душам в сознании русского человека предполагает «правду», ориентацию на сердце, а не на разум. По классификации Т. Парсонса такой тип общения характеризуется минимизацией мотивационных элементов рационально-инструментальной ориентации на цели и преобладанием у субъектов катектических интересов, получением от общения эмоционального удовлетворения [18. С. 120–121]. При таком типе общения, который Парсонс называет аффективно-диффузным, а отечественные социологи личностно ориентированным, субъекты общения воспринимают друг друга как безразличные, интересные друг другу своим отноше-

нием к миру. Это означает, что «действующее лицо общается с другим в силу крайней желательности для него подобного общения и крайней заинтересованности в общении с этим человеком в неограниченном количестве социальных контекстов» [19. С. 82]. В отличие от коммуникации, «общение ради общения» рождается из душевной потребности, душевного порыва, что ставит его в ряд с другими энергичными духовными феноменами – религией, любовью, поэзией, музыкой. В подобных катектических феноменах эмоции выступают «не как „усилитель“ уже готовых культурных смыслов или „топливо“ культурных и социальных процессов, но как ингредиент эмерджентного синтеза, в котором рождается культура» [20. С. 11].

Тот факт, что стратегии исследования концепта «русская душа» на основе семантического метода неизбежно приводят к противоречивым описаниям, объясняется его нацеленностью на выявление первичных интерпретаций, представленных, по выражению А.А. Потебни, «ближайшими значениями», не выходящими за рамки «чувственного предела». Однако не менее значимыми являются вторичные интерпретации, представленные «дальнейшими значениями слова», рождающимися в дискурсах, обеспечивающих вторичную концептуализацию (историческом, философском, социально-психологическом, богословском и т.д.) [21]. Для концепта «русская душа» и синонимичных с ним выражений «русский характер», «русская национальная личность» и т.п. вторичные интерпретации являются определяющими. В них превалируют переносные значения, фигуральные выражения, фразеологизмы, превращающие эти словосочетания в особые языковые единицы – *лингвокультуры*. Это понятие, введенное в научный оборот В.В. Воробьевым, означает комплексную единицу, представляющую собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания», единицу «более „глубокую“ по своей сути, чем слово» [22. С. 45]. К основным источникам лингвокультуры В.В. Воробьев относит народное поэтическое творчество, памятники истории и общественно-политической мысли, научные исследования в области философских, социальных и гуманитарных наук, а также «выдающиеся личности как модель русской национальной личности (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Степан Разин, Петр Первый и др.)» [22. С. 57]. Именно поэтому ядро предмета исследования составляют тексты, «в которых нашли языковое воплощение темы „русский человек“ и „русский народ“» [22. С. 9].

Однако сводить исследование русской души как модуса русского менталитета к изучению лингвокультурологически значимой лексики было бы в корне неверно. При выделении «приоритетных» качеств русской души в качестве общих характеристик существует опасность переоценить степень умственного согласия людей и встать на позицию «ментального холизма» – установки на признание существования в обществе однородной социокультурной среды [23]. Опыт исследований в области антропологически ориентированной истории показывает, что даже в случае изучения ментальных характеристик локальной социальной группы построить однородную ментальную картину посредством изучения мнений, выраженных в «типичных» словах и выражениях, не представляется возможным, так как это приводит к упрощению реальности и недостоверным выводам [24].

Тем более речь вряд ли может идти о том, что выделенные посредством семантического анализа характеристики русской души или русского характера оказываются распределенными (пусть даже и очень неравномерно) между членами сообщества как носителями одной культуры. Подобная точка зрения характерна для сторонников личностно-центрированного подхода к национальному характеру (А. Инкельс, Д. Левенсон). Они считали эти черты типологическими, т.е. относящимися к «модальной» (собирательной) личности как наиболее репрезентативной в данной культурной среде. В этом случае перед исследователем национального характера стоит задача изучения степени распространенности выделенных личностных характеристик в рамках того или иного сообщества: «модальной личностью оказывается тип, к которому относится наибольшее число членов данного общества, а национальный характер определяется частотой обнаружения определенных типов личности в данном обществе» [25. Р. 15].

Ценная в эвристическом отношении модель русского менталитета была предложена В.Ф. Чесноковой (К. Касьяновой). Соглашаясь, что носители национального характера обладают некоторым общим набором «предметов и идей», которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенным спектром эмоций и чувств, она указывает, что эти «предметы и идеи», определяющие социально-архетипические черты русской души (терпение как способ актуализации личности; сосредоточенность на важных и высоких предметах; предпочтение ценностно-ориентированных действий; способность к самоотказу, самоограничению, аскезе и жертвенности как путь, позволяющий добиться власти над своей природой и достичь свободы духа) [16. С. 127, 131, 138], наиболее ярко выражаются у людей, которые своими поступками демонстрируют свою причастность к данной культуре, выступают «носителями личностных статусов культурного типа» и служат для остальных неформальными авторитетами и моральными эталонами. В складывающихся вокруг этих личностей группах формируются консенсусы – значимые для всех точки зрения. Эти личности (реальные люди, исторические персонажи или литературные герои) выступают, таким образом, в роли *прототипов*. Вслед за В.Б. Касевичем будем понимать под прототипом «лучших представителей той или иной классификационной категории» (например, ласточка является более представительным образцом «прототипической птицы», нежели пингвин) [26].

Использование прототипического подхода к раскрытию содержания концепта «русская душа» предполагает, во-первых, необходимость выделения «образцов», устойчиво ассоциирующихся у представителей данной культурной общности с русским национальным характером. Согласимся с В.В. Воробьевым в том, что определяющую роль в формировании прототипических образов играют фольклор, национальная художественная литература и публицистика, исторические источники, философские размышления. Прототипический образ отличается от реального человека вовсе не тем, что воплощает в себе набор «средних» значений, а тем, что делает выпуклым и узнаваемым для каждого представителя данной культуры то или иное воплощение «русскости» (как положительное, так и отрицательное). Нас объединяют не абстрактные «общие свойства», а общие образцы, в которых нами узнается и признается «свое» в качестве идеала или антиидеала. В этом от-

ношении показателен образ «прототипического праведника», созданный плеядой русских писателей XIX в. «Праведники предстают одиночками, не составляющими группу в социологическом понимании, поэтому их типизация не могла обойтись без апелляции к идеалу. Праведник как тип, воплощенный в художественном образе, является результатом особого вида обобщения – соединения в одном герое ряда типических черт, которые художник не столько подсматривает и выделяет у конкретных людей, сколько извлекает из идеала святости или нравственного совершенства» [27. С. 62]. За парой выделенных при помощи семантического анализа коррелятивных концептов «святые и праведники», отнесенных Ю.С. Степановым к постоянно существующим концептам русской культуры, обнаруживается лингвокультурологически значимый и узнаваемый русским человеком (и не узнаваемый в силу чуждости представителями других культур) «прототипический праведник».

То же самое касается любого другого прототипического образа, воплощающего положительные или отрицательные характеристики, узнаваемые русскими людьми как «наше» и в силу этого узнавания объединяющие их в «мы». Таким образом, прототипический подход, с одной стороны, снимает проблему альтернативных характеристик, свойственных менталитету, а с другой – решает проблему преодоления ментального холизма.

Список источников

1. Розин В.М. Особенности культурологического дискурса // Культура культуры. 2015. № 2 (6). С. 22–29.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 139–156.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
5. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. URL: <https://philologos.narod.ru/ling/wierz2.htm> (дата обращения: 20.12.2023).
8. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/soul> (дата обращения: 08.01.2024).
9. Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей (1914–1917). URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
10. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер. URL: http://yakov.works/library/03_vish/eslavzev_05.htm (дата обращения: 25.12.2023).
11. Лосский Н.О. Характер русского народа. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/lossky_kharakter_russkogo_naroda_1957__ocr.pdf (дата обращения: 25.12.2023).
12. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / ред. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 25–38.
13. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/iz-glubiny/1> (дата обращения: 25.12.2023).
14. Биллингтон Дж.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М. : РУДОМИНО, 2001. 880 с.
15. Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск : Водолей, 2000. 64 с.
16. Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 560 с.

17. Везжица А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / ред. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 467–499.
18. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. 832 с.
19. Мацкевич И.В. Организация и социальная структура (взгляд Т. Парсонса) // Вестник БГУ. 2015. № 6. С. 81–85.
20. Куракин Д. Катеكتические механизмы культуры. Часть 1 // Социологическое обозрение. 2023. № 3. С. 9–52.
21. Потебня А.А. Мысль и язык. М. : Директ-Медиа, 2012. 395 с.
22. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
23. Bourgeau A. Propositions pour une histoire restreinte des mentalités // Annales. ESC, 44e année. 1989. № 6. P. 1495.
24. Кром М.М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности. URL: <https://el-history.ru/node/432> (дата обращения: 28.12.2023).
25. Duijker H.C.J., Frijda N.H. National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960. 238 p.
26. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 288 с.
27. Токарева С.Б. Энергийные мотивы в трансляции духовной традиции // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 60–67.

References

1. Rozin, V.M. (2015) Osobennosti kul'turologicheskogo diskursa [Features of Cultural Discourse]. *Kul'tura kul'tury*. 2(6). pp. 22–29.
2. Stepanov, Yu.S. (2007) *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. A Thin Film of Civilization]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Likhachev, D.S. (1996) *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Artistic Creativity]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs. pp. 139–156.
4. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
5. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
6. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
7. Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. [Online] Available from: <https://philologos.narod.ru/ling/wierz2.htm> (Accessed: 20th December 2023).
8. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/soul> (Accessed: 8th January 2024).
9. Berdyaev, N.A. (1915) *Sud'ba Rossii* [The Destiny of Russia]. [Online] Available from: https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaev_sudba_rossii.pdf (Accessed: 10th December 2023).
10. Vysheslavtsev, B.P. (1995) *Russkiy natsional'nyy kharakter* [Russian National Character]. [Online] Available from: http://yakov.works/library/03_v/ish/eslavzev_05.htm (Accessed: 25th December 2023).
11. Losskiy, N.O. (1957) *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian People]. [Online] Available from: https://vtoraya-literatura.com/pdf/lossky_kharakter_russkogo_naroda_1957__ocr.pdf (Accessed: 25th December 2023).
12. Shmelev, A.D. (2005) Leksicheskiy sostav russkogo yazyka kak otrazhenie “russkoy dushi” [The Lexical Composition of the Russian Language as a Reflection of the “Russian Soul”]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (eds) *Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview] Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 25–38.
13. Askoldov, S.A. (1990) *Religioznyy smysl russkoy revolyutsii* [The Religious Meaning of the Russian Revolution]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/iz-glubiny/1> (Accessed: 25th December 2023).

14. Billington, J.H. (2001) *Ikona i topor. Opyt istolkovaniya istorii russkoy kul'tury* [The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture]. Translated from English. Moscow: Rudomino.
15. Frege, G. (2000) *Osnovopolozheniya arifmetiki. Logiko-matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla* [Fundamentals of Arithmetic. Logical-mathematical Study on the Concept of Number]. Translated from German. Tomsk: Vodoley.
16. Kasyanova, K. (2003) *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian National Character]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
17. Wierzbicka, A. (2005) Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke [Russian Cultural Scripts and their Reflection in Language]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (eds) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview] Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 467–499.
18. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [The Social System]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
19. Matskevich, I.V. (2015) Organizatsiya i sotsial'naya struktura (vzglyad T. Parsonsa) [Organization and Social Structure (T. Parsons' Point of View)]. *Vestnik BGU*. 6. pp. 81–85.
20. Kurakin, D. (2023) Katekticheskie mekhanizmy kul'tury. Chast' 1 [Cathectic Mechanisms of Culture. Part 1]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3. pp. 9–52.
21. Potebnya, A.A. (2012) *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Moscow: Direkt-Media.
22. Vorobiev, V.V. (2008) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: RUDN.
23. Boureau, A. (1989) Propositions pour une histoire restreinte des mentalités. *Annales. ESC*. 44e année, no 6. p. 1495.
24. Krom, M.M. (2010) *Istoriya Rossii v antropologicheskoy perspektive: istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya, mikroistoriya, istoriya povsednevnosti* [The History of Russia in an Anthropological Perspective: The History of Mentalities, Historical Anthropology, Microhistory, the History of Everyday Life]. [Online] Available from: <https://el-history.ru/node/432> (Accessed: 28th December 2023).
25. Duijker, H.C. J. & Frijda, N.H. (1960) *National Character and National Stereotypes*. Amsterdam: [s.n.].
26. Kasevich, V.B. (1996) *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. A Picture of the World. Language]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
27. Tokareva, S.B. (2022) Energiynye motivy v translyatsii dukhovnoy traditsii [Energetic Motives in the Translation of Spiritual Tradition]. *Logos et Praxis*. 21(3). pp. 60–67.

Сведения об авторе:

Углинская Н.А. – младший научный сотрудник, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия); преподаватель кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия). E-mail: elpis.87@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Uglinskaya N.A. – Junior Researcher, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation); lecturer, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: elpis.87@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 10.06.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9:316.6
doi: 10.17223/1998863X/82/14

ТИПОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Юлия Вячеславовна Ермолаева

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия,
mistelfrayard@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются когнитивные искажения, их влияние и авторская классификация применительно к проблеме проэкологического поведения. В результате удалось обозначить три основных вида когнитивных искажений: искажения индивидуального мышления (максималистические суждения, проблема с объективной оценкой данных, основанная на недостатке знаний, объективной оценкой экологического вклада и эрудиции, косность мышления, психологическая дистанция, когнитивный диссонанс, плюралистическое игнорирование); социальные эффекты (внутригрупповая предвзятость, предвзятость симпатии, избирательное доверие, стереотипы, эффекты морального отчуждения) и искажения, связанные с иллюзией уменьшения углеродного следа и парадоксом Джевонса. Для каждой группы даны рекомендации.

Ключевые слова: устойчивое поведение, социально-экологические практики, устойчивое развитие, инвайронментальная социология, экологический активизм, установки, когнитивные искажения, когнитивный диссонанс, социальная психология, метаанализ, социальные изменения, структура личности

Для цитирования: Ермолаева Ю.В. Типология когнитивных искажений и их влияние на проэкологическое поведение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 160–172. doi: 10.17223/1998863X/82/14

SOCIOLOGY

Original article

TYPOLOGY OF COGNITIVE BIASES AND THEIR IMPACT ON PRO-ECOLOGICAL BEHAVIOUR

Yulia V. Ermolaeva

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, mistelfrayard@mail.ru*

Abstract. The article presents a study of cognitive distortions, their impact and the author's classification in relation to the problem of proecological behaviour. Cognitive distortions, insufficient knowledge about environmental issues can influence behaviour that causes negative damage to the environment. The study of cognitive distortions and their timely

correction is important for the prevention of possible environmental risks, the formation of biocentric pro-ecological attitudes, values in the framework of sustainable development, self-awareness and a sense of responsibility. This work is based on a meta-analysis of foreign, domestic and author's theoretical and applied studies of cognitive distortions in the framework of social and environmental issues. As a result, it was possible to identify three main types of cognitive distortions: distortions of individual thinking (maximalistic judgments, a problem with an objective assessment of data based on a lack of knowledge, an objective assessment of environmental contributions and erudition, rigidity of thinking, psychological distance, cognitive dissonance, pluralistic ignorance); social effects (ingroup bias, sympathy bias, selective trust, stereotyping, moral alienation effects), and distortions associated with the carbon footprint illusion and the Jevons paradox. Recommendations were given for each group.

Keywords: sustainable behaviour, social and environmental practices, sustainable development, environmental sociology, environmental activism, attitudes, cognitive distortions, cognitive dissonance, social psychology, meta-analysis, social change, personality structure

For citation: Ermolaeva, Yu.V. (2024) Typology of cognitive biases and their impact on pro-ecological behaviour. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 160–172. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/14

Введение

С точки зрения эволюционной психологии разум можно рассматривать как совокупность паттернов адаптаций и поведения, которые дают людям преимущества в процессе естественного отбора и формируют специфические повторяющиеся модели мышления и ментальные эвристики (умственный инструмент или руководящее правило, предназначенное для решения конкретной цели). Эвристика делает обработку информации и принятие решений быстрыми, экономичными, однако когда человеческий разум сталкивается с задачей, к которой он плохо приспособлен, например, к изменяющимся климатическим условиям и экологическим проблемам он применяет эвристики, предназначенные для других целей [1]. Это несоответствие часто приводит к когнитивным ошибкам в принятии решений, которые имеют катастрофические последствия для биосферы [2].

В исследованиях восприятия и познания окружающей среды изучаются мотивы, цели, отношение к определенным объектам, ситуациям, действиям, внимание уделяется психологическим реакциям или процессам, являющимся посредниками между окружающей средой и действиями [3]. Эти процессы включают сбор информации об окружающей среде, внутренние, перцептивные и когнитивные представления, суждения, решения и выбор стратегии поведения. Существует точка зрения, что как экологически-ориентированное, так и экстенсивное по отношению к природе поведение часто имеет эволюционную основу. Несмотря на высокий уровень информированности населения о воздействии деятельности человека на окружающую среду, существует значительный разрыв между установками и поведением людей в отношении охраны окружающей среды. Главными барьерами чаще всего являлись вера в технологические решения, чувство бессилия, отрицание собственной ответственности, а также ошибочные убеждения и когнитивные искажения [4].

В когнитивных науках под когнитивными искажениями понимаются ошибки и шаблоны в мышлении, а также дисфункциональные убеждения, которые влияют на вероятность принятия того или иного решения [1]. Полу-

ченные знания о перцептивно-когнитивных процессах помогут улучшить качество среды посредством изменения социальной политики, планирования и дизайна, и в данной статье главной целью было определить и систематизировать различные когнитивные ошибки и искажения на примере экологических проблем, что поможет более практично подходить к коррекции поведения.

Методология и методы

Для проведения метаанализа когнитивных ошибок, касающихся экологических проблем и изменения климата, была использована следующая методология: первый этап включал в себя поиск и отбор статей в базах данных Scopus и Web of Sciences, в результате из 1 115 статей по запросам *proenvironmental behaviour*, *cognitive distortions* было отобрано 100 подходящих статей для анализа с 1970 г. по настоящее время. Второй этап включал в себя анализ и интерпретацию полученных данных, классификацию когнитивных ошибок и искажений, подборку методик психологической и социальной работы с каждым типом когнитивных искажений.

Результаты и обсуждения

Особенности восприятия в рамках индивидуального мышления

Первая группа когнитивных ошибок касается особенностей восприятия в рамках индивидуального мышления, которая оказалась самой многочисленной и разнообразной, так как она включает в себя множество общераспространенных и универсальных когнитивных искажений.

1. Группа когнитивных искажений, связанных с максималистическим мышлением. Из них хорошо исследован феномен негативного восприятия экологических новостей, сообщений, которые эмоционально воспринимаются человеком сильнее, чем новости с позитивным посылом, что может быть обусловлено особенностями индивидуального мышления или эволюционно выработанным механизмом реагировать на опасности в первую очередь, чтобы предотвратить негативные события, что ведет к двум основным типам реакций: отторжению, тревоге (деконструктивный тип) и желанию действовать в защиту окружающей среды. В эту же группу была отнесена склонность к *излишнему оптимизму*: исследованы недооценка вероятности и серьезности негативных последствий изменения климата, *«преуменьшение»* антропогенного влияния, установки наподобие «после меня хоть конец света», которые формируют деструктивное или отчужденное отношение к проблемам окружающей среды [5]. Проработать данные когнитивные искажения можно путем объективизации, тщательного взвешивания суждений, когнитивно-поведенческой терапии [6].

2. Группа когнитивных ошибок, связанная с невозможностью оценить данные. К ним относятся *генерализация частных случаев*, *эвристика доступности*, *фундаментальная ошибка атрибуции*, *селективное восприятие*. Переоценка личностных и недооценка внешних обстоятельств, ограниченный доступ к информации и ресурсам, невозможность объективно оценить риски и обстановку, касающихся экологических проблем, обсуждались как преграды к принятию проэкологических действий [7]. К этой же категории можно отнести *корыстную предвзятость* – склонность приписывать по-

ложительные результаты собственным действиям, а отрицательные – внешним факторам. Так, в опросах было отмечено, что люди не всегда берут на себя ответственность за сокращение выбросов углеродного следа, но готовы обвинить в этом других (например, корпорации или правительства) в проблеме в целом [8]. Время, уделенное экопросвещению, системному, критическому мышлению, «когнитивной реструктуризации» и рефреймингу коррекции когнитивных искажений, в большинстве случаев позволяло проработать данные когнитивные ошибки [9].

3. Ошибки, связанные с оценкой собственных способностей, знаний, умений. Если предыдущие типы ошибок были связаны с неадекватным суждением о фактах и явлениях, то в данных случаях человек расфокусируется относительно собственных знаний и умений, из них наиболее обсуждаем *эффект Лейк-Уобегон* – стремление оценивать эффективность своих действий чуть выше среднего. Было выявлено, что обычно люди необъективно оценивают экологичность своих действий, поскольку не могут посмотреть на ситуацию в сравнении, не ведут расчеты [10]. Также применимо к исследованию экологических проблем был выявлен *парадокс сознательности* (эффект Данинга–Крюгера) – тенденция завышения экологической сознательности у людей, которые делают относительно малый вклад в экопрактики, или, наоборот, занижение эффективности действий у людей, которые делают больший вклад и хорошо осведомлены об экологических проблемах, что в некоторой степени их демотивирует [11].

4. Ошибки косности мышления и нежелание смотреть на привычные вещи с другой стороны в большей степени обусловлены удобством и стремлением сохранить некие установившиеся традиции. В число данных ошибок входит хорошо исследованное *отклонение в сторону статус-кво* – тенденция желать, чтобы вещи оставались неизменными, отказ в веру в изменения климата, новых экотехнологий, которые изменят текущий образ жизни [12]. Крайней степенью проявления статуса-кво является *сопротивление* – проявление ментальной инерции, неверие в реальные экологические угрозы, продолжение прежнего курса действий в условиях настоятельной необходимости переосмыслить ход событий. Установки в пользу инерции, доминирования комфорта, перекладывания ответственности на государство в практиках обращения с отходами были зафиксированы в ходе интервью с гражданами [13]. Весьма схоже с активным сопротивлением *мышление прокастинатора*, откладывание изменений до неотвратимости потери, *недооценка* бездействия. Работа с этим типом когнитивных искажений стала важным компонентом во многих современных программах, направленных на снижение экстернализации инертного проблемного поведения, в рамках которых проводится работа с признанием ответственности и мотивацией [14].

5. Психологическая дистанция выражается в незаинтересованной реакции на глобальные события, которые во временном и пространственном промежутке кажутся далекими по своему влиянию для человека. Карми и Кимхи [15] измеряли, как люди воспринимают экологические риски с точки зрения социальной, временной и личной дистанции, чтобы исследовать причины несоответствия между экологической угрозой, реакцией общества и индивидуальными действиями. Выяснилось, что более низкий уровень психологической дистанции вызывал более сильные эмоции по отношению к проблемам

окружающей среды и тем самым стимулировал большую вовлеченность и готовность занять активную позицию по предотвращению экологических катастроф; соответственно, в рамках создания информационных посылов необходимо доносить идею «близости» проблемы.

6. Когнитивный диссонанс. Известно, что авиаперелеты очень сильно увеличивают углеродный след индивида. Информация об углеродном следе авиаперелетов начала активно раскрываться в последние десятилетия, и она спровоцировала когнитивный диссонанс: с одной стороны, люди испытывали экологическое давление, а с другой – их манит возможность путешествовать, открывать новые экзотические места, что вступает в конфликт с восприятием себя как экологически сознательного гражданина. *Ловушка невозвратных затрат* (sunk cost fallacy) отмечена как частный случай когнитивного диссонанса – тенденция продолжать вкладывать ресурсы и действия в то дело, где уже отмечены потери, что подразумевает вовлечение в замкнутый круг (например, это касается мусоросжигательных заводов, где лоббирующие данную технологию стороны отказываются принимать во внимание факт потери сырья вследствие сжигания) [16]. Чтобы оправдать такой разрыв, люди используют стратегии рационализации, позволяющие им сохранять свое текущее поведение, даже зная, что оно не способствует защите окружающей среды. Ученые предложили два метода практической работы: индуцированное несоответствие [17] с признанием некой социальной нормы и последующим признанием когнитивного диссонанса и его коррекции [18] и индуцированную согласованность [19], построенную на процессе самоидентификации и акценте на поиске согласованности между установками и действиями.

7. Плюралистическое игнорирование. *Теория заговора* связана с предубеждением, что «кто-то стоит» за идеей изменения климата. Плюралистическое игнорирование и теория заговора могут быть связаны с недостаточностью знаний о проблеме, но чаще лоббируют неэкологичные инициативы или используют эти приемы, чтобы игнорировать неинтересующую проблему [20].

Социальные эффекты

Проблемы, связанные с социальным взаимодействием и различными формами социального обмена, особенно важны для успешной адаптации. Следовательно, правила, регулирующие социальный обмен, сформировали человеческое познание, эвристику, предубеждения и мыслительные способности [20]. Так, конформизм в контексте социально-экологических практик может приобретать негативные для окружающей среды установки – «зачем мне разделять отходы, если этого никто не делает?», или, наоборот, следовать положительному тренду eco-friendly. Понимание механизмов социальных когнитивных искажений важно для выстраивания межличностной коммуникации, групповой динамики в разных сообществах и корпоративных отношений. Из наиболее явных когнитивных искажений мы можем выделить следующие социальные эффекты, для которых были выработаны единые рекомендации:

1. Внутригрупповая предвзятость: среди социально-экологических исследований выявлена тенденция отдавать предпочтение и демонстрировать положительное отношение к членам своей группы, которые разделяют схожие взгляды на экологические проблемы, и следовать общей модели поведения группы [21]. Тенденция отдавать предпочтение своей собственной груп-

пе может помешать принятию политики, которая ограничивает людей, находящихся в условиях экологического и социального неравенства, также выявлено *предубеждение вне группы* – склонность демонстрировать негативное отношение к членам группы, которые придерживаются иных взглядов на экологические проблемы [22]. Из таких убеждений складываются *групповые стереотипы*: применение стереотипов к отдельным лицам или группам на основе их взглядов на экологические проблемы, что приводит к пренебрежению или враждебности по отношению к различным точкам зрения.

2. Доверие тем, кто нравится. С большей степенью вероятности люди доверяют знакомым, чье мнение ценят, или тем, кто им симпатичен; так, в одном эксперименте социально-экологические практики были скорее восприняты позитивно от значимого другого, чем от незнакомца [23].

3. Теория морального отчуждения объясняет множество реакций и способов мышления, связанных с переосмыслением норм морали. Так, было выявлено, что люди воздерживаются от новостей, касающихся экологических катастроф, обвинений в антропогенном влиянии, потому что это негативно влияет на их самооценку. Чтобы снизить дискомфорт, они могут прибегать к «моральному самооправданию», таким образом, их поведение становится приемлемым для них самих. Неэкологичные действия могут быть оправданы путем приема «*выгодного сравнения*» – например, кто-то поступает еще хуже или «совсем ничего не делает в отличие от меня, я делаю хотя бы что-то для природы». Прием *перекладывания* ответственности может использоваться для того, чтобы рассматривать свои действия как результат социального давления [24]. В случае «*рассеивания ответственности*» люди переносят акцент на то, что не одни виноваты в случившемся и ответственность следует распределить между всеми. И, наконец, с помощью *игнорирования* люди избегают и минимизируют проблему, а следовательно, гипотетический вред, который они причинили окружающей среде, по их мнению [25].

В рамках установок, касающихся коллективных эффектов, важно работать с «социальной компетентностью», которая относится к способности гибко корректировать поведение, чтобы оно наилучшим образом соответствовало данному социальному контексту. Вторым путем работы с коллективными когнитивными искажениями может быть грамотная экологическая институционализация: введение технологических и экологических стандартов, систем экологического менеджмента, которые создают нормы коммуникации, а на глобальном уровне – введение общепринятых стандартов корпоративного управления. Во всем мире и в России стандарты отчетности и управления ESG (environmental, social, government) [26] стремятся воплотить идеи экологического партнерства и «мягкого», либерального лидерства, оставляя в центре эгоцентрическую перспективу с целями устойчивого развития и развивая ее в рамках корпорации.

Когнитивные ошибки, связанные с иллюзией уменьшения углеродного следа

Убеждения, связанные с компенсаторными действиями, лучше всего объясняют теории рационального поведения, их главный тезис состоит в том, что в процессе принятия решения рассчитываются затраты и выгоды, анализируются преимущества разных моделей поведения. В основе «иллюзии от-

рицательного углеродного следа» лежит когнитивный процесс усреднения, который не учитывает характеристики и экологическое влияние суммы элементов в наборе для поддержания баланса между «хорошими» и «плохими» поступками [27]. Люди принимают эвристику, изначально предназначенную для мышления в рамках социального обмена в вопросах воздействия на окружающую среду, и склонны мыслить в терминах баланса между «экологически безопасным» и «вредным» поведением и учитывать среднее значение этих компонентов, а не сумму своих собственных позитивных и негативных воздействии [28], что также было отмечено и в отечественных исследованиях [29].

Основываясь на эффектах этого вида эвристики, можно выделить следующие когнитивные ошибки:

1. Неэффективные действия. Подсчет и материализация экологических выгод могут вызвать *эффект рикошета* (или эффект Джевонса); так, человек, думая, что делает много для окружающей среды, может не считать нужным делать еще больше экологически направленных действий. Было неоднократно выявлено, что методики подсчета индивидуальных и корпоративных выбросов и инструменты подсчетов экологического вреда и другие инструменты компенсации экологического ущерба, сборы с граждан за авиаперелеты могут заставить людей думать, что они уже «откупились» и отдали свой «долг», а значит, не должны повышать свой уровень экологической культуры и углублять, масштабировать свои социально-экологические практики [30]. Однако уже наступающий климатический кризис нельзя компенсировать. В качестве решения проблемы может быть предложено проведение информационных кампаний, которые информируют людей о вводящих в заблуждение концепциях «климатической компенсации» и «безвредности для окружающей среды». Было выявлено, что эвристика уравнивания делает людей восприимчивыми к влиянию СМИ на маркетинговые уловки [31]. Такие слова, как «безвредный для окружающей среды», «полностью экологичный», рискуют создать распространенное представление о том, что такие объекты являются «хорошими», а не «менее деструктивными», но большинство воспринимает это как экологически нейтральные объекты [32].

2. Иллюзия уменьшения углеродного следа (англ. negative footprint illusion) также в научной литературе встречается как «негативный побочный эффект» – человек многое делает для природы, но компенсирует это каким-то другим неэкологичным действием. В исследованиях иллюзии уменьшения углеродного следа эффективность использования топлива связана с увеличением расстояния вождения, приобретением энергосберегающей техники и увеличением времени ее эксплуатации [33]. Иллюзия возникает из-за недостатка знаний, особенно ярко это иллюстрируется в сравнении экспериментов. Кто привык подходить к проблемам с помощью математических инструментов, с меньшей вероятностью станет жертвой влияния уравнивающей эвристики и точнее оценивает характер и силу воздействия предметов и действий на окружающую среду, а не их среднее значение. Потребительские практики наиболее подвержены эвристике усреднения, часто доминирует представление о том, что приобретение экологически чистых товаров наряду с неэкологичными уменьшает углеродный след. Действия бывают и перекрестными – перейдя на веганское меню, снимаются запреты на нечто более важное для человека, например запрет на авиаперелеты [34].

Моральное наказание (англ. *moral licensing*) часто включается в процесс выполнения «правильных» с экологической точки зрения действий для компенсации «неправильного» поведения: например, были отмечены практики после авиаперелета запретить себе на месяц покупку новых вещей [35]. Когда людям напоминают о поступках, которые, как они знают, наносят вред окружающей среде, у них может появиться чувство вины за содеянное, поэтому они стремятся к экологически-ориентированным действиям, чтобы компенсировать ее и восстановить баланс. Было выявлено, что в поисках такого баланса люди склонны верить в «быстрые решения», купить услуги по нивелированию вреда, потому что хотят восстановить моральное равновесие и как можно быстрее избавиться от чувства вины, поэтому с большей вероятностью подпишут петицию, посвященную экологическим проблемам [36].

Однако давление на эмоции, доставляющие дискомфорт, бывает слишком сильным ввиду возможных нежелательных реакций повышения тревожности, осознанного игнорирования проблемы, включения механизмов защиты морального оправдания и, в конце концов, притупления реакций на раздражающие стимулы, поэтому алармистские и обвиняющие кампании без стремления к тому, чтобы обезопасить внутренний мир реципиента, чаще терпят провал, чем кампании, которые содержат несколько посылов, помимо алармистского, например, мотивирующего или содержащего позитивные новости, поэтому важно сохранить конструктивность и эмоциональный баланс в донесении важности проблемы [37].

Одним из способов помочь людям принимать более экологические решения на индивидуальном уровне может быть предоставление потребителям а) отзывов об углеродном следе товаров, б) интерактивную экологическую маркировку, которую покупатель может отсканировать, в) элементы инфографики на приборах с призывом экономить природные ресурсы [38]. В качестве решения этой проблемы необходимо введение более четкого описания законодательства в сфере маркетинга продуктов, экономического механизма регулирования выбросов. Регуляцию поведения можно осуществлять с помощью технологий наджинга (*nudging*) (подталкивания к определенному поведению с сохранением возможности выбора) и бустинга (*boosting*) – углубления знаний, умений, в результате человек сам может принять нужные решения [39].

Заключение

Любое когнитивное обобщение имеет свою внутреннюю логику, с помощью которой выстраиваются аргументы рационализации [40], и их экспериментальное изучение не только вносит вклад в исправление когнитивных искажений, но также может дать углубленное теоретическое понимание проблем в этой области, что даст вдохновение для создания методических и образовательных материалов. Обзор когнитивных искажений показал, что зарубежная теоретическая и эмпирическая научная база применительно к экологическим проблемам хорошо насыщена, разнонаправленна и практически применима, что может послужить стимулом для развития данной тематики в отечественных разработках. Однако основные проблемы остаются тривиальными, и они обусловлены недостатком знаний, недостаточной внимательностью, воспитанием, привычками, психологической дистанцией и

вышеуказанными эвристиками морального оправдания, усреднения, стремлением склонить выгоду на свою чашу весов, получить быстрые результаты, но пока эти проблемы не будут решаться, переход на более высокую ступень экологической культуры затруднен. Если индивидуальные когнитивные механизмы можно проработать путем практик осознанности, когнитивно-поведенческих механизмов и переосмысления рационалистических принципов в пользу устойчивого развития, то в рамках коллективного творчества переосмысление норм происходит сложнее. Институциональные правила бывают двойными и в некоторой степени поддерживают данные эвристики, балансируя между экологическими ценностями и потребностями потребителей. Таким образом, внедряя и прорабатывая цели и ценности устойчивого развития в рамках воспитательных, образовательных, корпоративных практик, возможно существенно улучшить стремление к проэкологическому поведению, рационально показав его преимущества как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе.

Список источников

1. Канеман Д., Тверски А. Суждения в условиях неопределенности : эвристические методы и ошибки // Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2016. С. 276–289.
2. Griskevicius V., Delton A.W., Robertson T.E., Tybur J.M. Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // Journal of personality and social psychology. 2011. № 100 (2). P. 241–54. doi: 10.1037/a0021082
3. McAdam D. Social movement theory and the prospects for climate change activism in the United States // Annu. Rev. Polit. Sci. 2017. № 20. P. 189–208. doi: 10.1146/annurev-polisci-052615-025801
4. Gifford R., Chen A. Lacroix K., Developing and validating the Dragons of Inaction Psychological Barriers (DIPB) scale // J. Environ. Psychol. 2019. № 63. P. 9–18. doi: 10.1016/j.jenvp.2019.03.001
5. MacKinnon M., Davis A. Arnocky S. Optimistic Environmental Messaging Increases State Optimism and in vivo Pro-environmental Behavior // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. 13:856063. doi: 10.3389/fpsyg.2022.856063
6. Won Kim., Lim Eun-Joo C. Jong-Min W. The Effect of Cognitive Behavior Therapy-Based Psychotherapy Applied in a Forest Environment on Physiological Changes and Remission of Major Depressive Disorder // Psychiatry Investigation. 2009. № 6 (4). P. 245–254. doi: 10.4306/pi.2009.6.4.245
7. Stangor C., Lynch L., Duan C., Glas, B. Categorization of individuals on the basis of multiple social features // Journal of the Personal and Social Psychology 1992. № 62. P. 207–218. doi: 10.1037/0022-3514.62.2.207
8. Abrams D. Viki, G.T. Masser B., Bohner, G. Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. № 84 (1). P. 111–125 DOI: 10.1037/0022-3514.84.1.111
9. Maruna S., Mann R. E. A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions // Legal and Criminological Psychology. 2006. № 11. Pp. 155–177. DOI: 10.1348/135532506X114608
10. Kormos C., Gifford R. The validity of self-report measures of proenvironmental behavior: A meta-analytic review // Journal of Environmental Psychology. 2014. № 40. P. 359–371. doi: 10.1016/j.jenvp.2014.09.003
11. Huddart E., Harvey K., Naomi K.T., Naomi T. Krogman Are we counting what counts? A closer look at environmental concern, pro-environmental behaviour, and carbon footprint // Local Environment. 2013. № 20 (2). P. 220–236. doi: 10.1080/13549839.2013.837039
12. Hofman B., de Vries G., van de Kaa G. Keeping Things as They Are: How Status Quo Biases and Traditions along with a Lack of Information Transparency in the Building Industry Slow Down the Adoption of Innovative Sustainable Technologies // Sustainability, 2022. № 14 (13). <https://doi.org/10.3390/su14138188>
13. Ермолаева Ю.В. Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 104–116. doi: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8 EDN: PGTILB

14. Landenberger N. A., Lipsey M. W. The positive effects of cognitive-behavioral programs for offenders: A metaanalysis of factors associated with effective treatment // *Journal of Experimental Criminology*. 2005. № 1. P. 451–476. doi: 10.1007/s11292-005-3541-7
15. Carmi N., Kimhi S. Further Than the Eye Can See: Psychological Distance and Perception of Environmental Threats // *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*. 2015. Vol. 21 (8). P. 2239–2257. <https://doi.org/10.1080/10807039.2015.1046419>
16. Acharya A., Blackwell M., Sen M. Explaining Preferences from Behavior: A Cognitive Dissonance Approach // *The Journal of Politics*. 2018. № 80 (2). P. 400–411. doi:10.1086/694541. S2CID 21449853.
17. Fointiat V. “I know what I have to do, but.” When hypocrisy leads to behavioural change // *Soc. Behav. Personal.* 2004. № 32. P. 741–746. doi: 10.2224/sbp.2004.32.8.741
18. Harmon-Jones E., Peterson H., Vaughn K. The dissonance-inducing effects of an inconsistency between experienced empathy and knowledge of past failures to help: support for the action-based model of dissonance // *Basic Appl. Soc. Psychol.* 2003. № 25. P. 69–78. doi: 10.1207/S15324834BASP2501_5
19. Abrahamse W., Matthies E. Informational strategies to promote pro-environmental behaviour: Changing knowledge, awareness, and attitudes // *Environmental psychology: An introduction*, 2nd Edn. / eds L. Steg, J.I.M. de Groot. New York, NY : Wiley, 2013. P. 261–272. doi: 10.1002/9781119241072.ch26
20. Griskevicius V., Delton A.W., Robertson T.E., Tybur J.M. Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // *Journal of personality and social psychology*. 2011. № 100 (2). P. 241–54. doi: 10.1037/a0021082
21. Hoffman E., McCabe K. A., Smith V. L. Behavioral foundations of reciprocity: experimental economics and evolutionary psychology // *Economical Inequality*. 1998. № 36. P. 335–352. doi: 10.1111/j.1465-7295.1998.tb01719.x
22. Bouman T., Steg L., Kiers H. A. Measuring values in environmental research: a test of an environmental portrait value questionnaire // *Front. Psychol.* 2018. Vol. 9. P. 564. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00564
23. Clayton S., Manning C. *Psychology and Climate Change Human Perceptions, Impacts, and Responses*. Academic Press, 2018.
24. Мельникова О.Ю., Герасимова Н.О. Оценка экологических установок специалистов экономической сферы // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 3 (39). С. 151–156.
25. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 71. P. 364–374. doi: 10.1037/0022-3514.71.2.364
26. Суфларский А.П. Анализ практик внедрения ESG-принципов крупными российскими компаниями // *Хроноэкономика*. 2021. № 1 (39). С. 61–66.
27. Holmgren M., Kabanshi A., Marsh J. E., Sörqvist P. When A + B < A: cognitive bias in experts' judgment of environmental impact // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P 823. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00823
28. Catlin J.R., Wang Y. Recycling gone bad: When the option to recycle increases resource consumption // *Journal of Consumer Psychology*. 2012. № 23. P. 122–127. doi: 10.1016/j.jcps.2012.04.001
29. Вайцеккер Э., Харгроуэ К., Смит М. Фактор пять. Формула устойчивого роста. Доклад Римскому клубу. Аст-Пресс, 2013.
30. Swim J.K., Geiger N. From alarmed to dismissive of climate change: a single item assessment of individual differences in concern and issue involvement // *Environmental Communication*. 2017. № 11. P. 568–586. doi: 10.1080/17524032.2017.1308409
31. MacKinnon M., Davis A. Arnocky S. Optimistic Environmental Messaging Increases State Optimism and in vivo Pro-environmental Behavior // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Vol. 13. P. 856063. doi: 10.3389/fpsyg.2022.856063
32. McAdam D. Social movement theory and the prospects for climate change activism in the United States // *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2017. № 20. P. 189–208. doi: 10.1146/annurev-polisci-052615-025801
33. Leiserowitz A. Climate change risk perception and policy preferences: the role of affect, imagery, and values // *Climate Change*. 2006. № 77. P. 45–72. doi: 10.1007/s10584-006-9059-9
34. Stankuniene G., Streimikiene D., Kyriakopoulos G. L. Systematic Literature Review on Behavioral Barriers of Climate Change Mitigation in Households // *Sustainability*. 2020. № 12 (18). <https://doi.org/10.3390/su12187369>

35. Mazar N., Zhong C.-B. Do green products make us better people? // Psychol. Sci. 2010. № 21. P. 494–498. doi: 10.1177/0956797610363538
36. Павлова Е.Б., Терентьева Е.В. Экологические онлайн-петиции как форма современной протестной практики // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 399–401. doi: 10.24412/1991-5497-2021-691-399-401 EDN: FFBCZH
37. Rees J.H., Klug S., Bamberg S. Guilty conscience: motivating pro-environmental behavior by inducing negative moral emotions // Climate Change. 2015. № 130. P. 439–452. doi: 10.1007/s10584-014-1278-x
38. Linder N., Lindahl T., Borgström S. Using behavioral insights to promote food waste recycling in urban households—evidence from a longitudinal field experiment // Front. Psychol. 2018. Vol. 9. P. 352. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00352
39. Winterstein J. Nudging and Boosting towards Sustainable Food Choices – A Systematic Literature Review of Cognitively Oriented Measures / ed. K. Ogunyemi, V. Burgal. Products for Conscious Consumers, Emerald Publishing Limited, Bingley, 2022. P. 113–132. <https://doi.org/10.1108/978-1-80262-837-120221007>
40. Bosone L., Chevrier M., Zenasni F. Consistent or inconsistent? The effects of inducing cognitive dissonance vs. cognitive consonance on the intention to engage in pro-environmental behaviors // Front Psychol. 2022. Aug 24. Vol. 13. P. 902703. doi: 10.3389/fpsyg.2022.902703

References

1. Kahneman, D. & Tversky, A. (2016) Suzhdeniya v usloviyakh neopredelennosti: evristicheskie metody i oshibki [Judgments under uncertainty: heuristic methods and errors]. In: Kahneman, D. *Dumay medlenno... reshay bystro* [Think slowly ... decide quickly]. Translated from English. Moscow: AST. pp. 276–289.
2. Griskevicius, V., Delton, A.W., Robertson, T.E. & Tybur J.M. (2011) Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing. *Journal of Personality and Social Psychology*. 100(2). pp. 241–54. DOI: 10.1037/a0021082
3. McAdam, D. (2017) Social movement theory and the prospects for climate change activism in the United States. *Annual Review of Political Science*. 20. pp. 189–208. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052615-025801
4. Gifford, R., Chen, A. & Lacroix, K. (2019) Developing and validating the Dragons of Inaction Psychological Barriers (DIPB) scale. *Journal of Environmental Psychology*. 63. pp. 9–18. DOI: 10.1016/j.jenvp.2019.03.001
5. MacKinnon, M., Davis, A. & Arnocky, S. (2022) Optimistic Environmental Messaging Increases State Optimism and in vivo Pro-environmental Behavior. *Frontiers in Psychology*. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.856063
6. Won Kim., LimEun-Joo C. & Jong-Min, W. (2009) The Effect of Cognitive Behavior Therapy-Based Psychotherapy Applied in a Forest Environment on Physiological Changes and Remission of Major Depressive Disorder. *Psychiatry Investigation*. 6(4). pp. 245–54. DOI: 10.4306/pi.2009.6.4.245
7. Stangor, C., Lynch, L., Duan, C. & Glas, B. (1992) Categorization of individuals on the basis of multiple social features. *Journal of the Personal and Social Psychology*. 62. pp. 207–218. DOI: 10.1037/0022-3514.62.2.207
8. Abrams, D., Viki, G. T. Masser B. & Böhner, G. (2003) Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 84(1). pp. 111–125. DOI: 10.1037/0022-3514.84.1.111
9. Maruna, S. & Mann, R. E. (2006) A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions. *Legal and Criminological Psychology*. 11. pp. 155–177. DOI: 10.1348/135532506X114608
10. Kormos, C. & Gifford, R. (2014) The validity of self-report measures of proenvironmental behavior: A meta-analytic review. *Journal of Environmental Psychology*. 40. pp. 359–371. DOI: 10.1016/j.jenvp.2014.09.003
11. Huddart, E. Harvey, K. & Naomi, K.T. (2013) Are we counting what counts? A closer look at environmental concern, pro-environmental behaviour, and carbon footprint. *Local Environment*. 20(2). pp. 220–236. DOI: 10.1080/13549839.2013.837039
12. Hofman, B., de Vries, G. & van de Kaa, G. (2022) Keeping Things as They Are: How Status Quo Biases and Traditions along with a Lack of Information Transparency in the Building Industry Slow Down the Adoption of Innovative Sustainable Technologies. *Sustainability*. 14(13). DOI: 10.3390/su14138188
13. Ermolaeva, Yu.V. (2021) Transformatsiya sotsial'no-ekologicheskikh praktik v mentalitete grazhdan Rossii [Transformation of social and environmental practices in the mentality of Russian

citizens]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 7(1). pp. 104–116. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8 EDN: PGTLB

14. Landenberger, N.A. & Lipsey, M.W. (2005) The positive effects of cognitive-behavioral programs for offenders: A metaanalysis of factors associated with effective treatment. *Journal of Experimental Criminology*. 1. pp. 451–476. DOI: 10.1007/s11292-005-3541-7

15. Carmi, N. & Kimhi, S. (2015) Further Than the Eye Can See: Psychological Distance and Perception of Environmental Threats. *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*. 21(8). pp. 2239–2257. DOI: <https://doi.org/10.1080/10807039.2015.1046419>

16. Acharya, A., Blackwell, M. & Sen, M. (2018) Explaining Preferences from Behavior: A Cognitive Dissonance Approach. *The Journal of Politics*. 80(2). pp. 400–411. DOI: 10.1086/694541. S2CID 21449853

17. Fointiat, V. (2004) “I know what I have to do, but”. When hypocrisy leads to behavioural change. *Social Behavior and Personality*. 32. pp. 741–746. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.8.741

18. Harmon-Jones, E., Peterson, H. & Vaughn, K. (2003) The dissonance-inducing effects of an inconsistency between experienced empathy and knowledge of past failures to help: support for the action-based model of dissonance. *Basic and Applied Social Psychology*. 25. pp. 69–78. DOI: 10.1207/S15324834BASP2501_5

19. Abrahamse, W. & Matthies, E. (2013) Informational strategies to promote pro-environmental behaviour: Changing knowledge, awareness, and attitudes. In: Steg, L. & de Groot, J.I.M. (eds) *Environmental Psychology: An Introduction*. New York: Wiley. pp. 261–272. DOI: 10.1002/781119241072.ch26

20. Griskevicius, V., Delton, A.W., Robertson, T.E. & Tybur, J.M. (2011) Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing. *Journal of Personality and Social Psychology*. 100(2). pp. 241–54. DOI: 10.1037/a0021082

21. Hoffman, E., McCabe, K.A. & Smith, V.L. (1998) Behavioral foundations of reciprocity: experimental economics and evolutionary psychology. *Economical Inequality*. 36. pp. 335–352. DOI: 10.1111/j.1465-7295.1998.tb01719.x

22. Bouman, T., Steg, L. & Kiers, H. A. (2018) Measuring values in environmental research: a test of an environmental portrait value questionnaire. *Frontiers in Psychology*. 9(564). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00564

23. Clayton, S. & Manning, C. (2018) *Psychology and Climate Change Human Perceptions, Impacts, and Responses*. Academic Press.

24. Melnikova, O.Yu. & Gerasimova, N.O. (2020) Otsenka ekologicheskikh ustanovok spetsialistov ekonomicheskoy sfery [Evaluation of environmental attitudes of specialists in the economic sphere] *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 3(39). pp. 151–156.

25. Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996) Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*. 71. pp. 364–374. DOI: 10.1037/0022-3514.71.2.364

26. Suflarskiy, A.P. (2021) Analiz praktik vnedreniya ESG-printsipov krupnymi rossiyskimi kompaniyami [Analysis of ESG-principles implementation practices by large Russian companies] *Khronoekonomika*. 1(39). pp. 61–66.

27. Holmgren, M., Kabanshi, A., Marsh, J.E. & Sörqvist, P. (2018) When A + B < A: cognitive bias in experts' judgment of environmental impact. *Frontiers in Psychology*. 9(823). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00823

28. Catlin, J.R. & Wang, Y. (2012) Recycling gone bad: When the option to recycle increases resource consumption. *Journal of Consumer Psychology*. 23. pp. 122–127. DOI: 10.1016/j.jcps.2012.04.001

29. Weizsäcker, E., Hargrove, K. & Smith, M. (2013) *Faktor pyat'. Formula ustoychivogo rosta. Doklad Rimskomu klubu* [Factor Five. Formula for Sustainable Growth. Report to the Club of Rome]. Ast-Press.

30. Swim, J.K. & Geiger, N. (2017) From alarmed to dismissive of climate change: a single item assessment of individual differences in concern and issue involvement. *Environmental Communication*. 11. pp. 568–586. DOI: 10.1080/17524032.2017.1308409

31. Mc Kinnon, M., Davis, A. & Arnocky, S. (2022) Optimistic Environmental Messaging Increases State Optimism and in vivo Pro-environmental Behavior. *Frontiers in Psychology*. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.856063

32. McAdam, D. (2017) Social movement theory and the prospects for climate change activism in the United States. *Annual Review of Political Sciences*. 20. pp. 189–208. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052615-025801

33. Leiserowitz, A. (2006) Climate change risk perception and policy preferences: the role of affect, imagery, and values. *Climate Change*. 77. pp. 45–72. DOI: 10.1007/s10584-006-9059-9
34. Stankuniene, G., Streimikiene, D. & Kyriakopoulos G. L. (2020) Systematic Literature Review on Behavioral Barriers of Climate Change Mitigation in Households. *Sustainability*. 12(18). DOI: 10.3390/su12187369
35. Mazar, N. & Zhong, C.-B. (2010) Do green products make us better people? *Psychological Science*. 21. pp. 494–498. DOI: 10.1177/0956797610363538
36. Pavlova, E.B. & Terentyeva, E.V. (2021) Ekologicheskiye onlayn-petitsii kak forma sovremennoy protestnoy praktiki [Ecological online petitions as a form of modern protest practice]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(91). pp. 399–401. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-399-401 EDN: FFBZCH
37. Rees, J.H., Klug, S. & Bamberg, S. (2015) Guilty conscience: motivating pro-environmental behavior by inducing negative moral emotions. *Climate Change*. 130. pp. 439–452. DOI: 10.1007/s10584-014-1278-x
38. Linder, N., Lindahl, T. & Borgström, S. (2018) Using behavioral insights to promote food waste recycling in urban households—evidence from a longitudinal field experiment. *Frontiers in Psychology*. 9(352). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00352
39. Winterstein, J. (2022) Nudging and Boosting towards Sustainable Food Choices – A Systematic Literature Review of Cognitively Oriented Measures". In: Ogunyemi, K. & Bursal, V. (eds) *Products for Conscious Consumers*. Emerald Publishing Limited, Bingley. pp. 113–132. DOI: 10.1108/978-1-80262-837-120221007
40. Bosone, L., Chevrier, M. & Zenasni, F. (2022) Consistent or inconsistent? The effects of inducing cognitive dissonance vs. cognitive consonance on the intention to engage in pro-environmental behaviors. *Frontiers in Psychology*. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.902703

Сведения об авторе:

Ермолаева Ю.В. – научный сотрудник без ученой степени, Сектор теоретических исследований социальных трансформаций Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ermolaeva Yu.V. – researcher, Department of Theoretical Investigations of Social Transformations, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). mistelfrayard@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 316.454.7

doi: 10.17223/1998863X/82/15

ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2022–2024 гг.

Владислав Сергеевич Калинин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
vladislav6988@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена результатам анкетного опроса молодежи, который был проведен в начале 2024 г. Исследование является повторным, мониторинговым. Предыдущий (первый) анкетный опрос на эту тему проведен автором в июле–сентябре 2022 г. На базе результатов исследования проводится анализ динамики структуры социальной активности современной молодежи, углубленное изучение и уточнение ее особенностей.

Ключевые слова: молодежь, социологическое исследование, анкетирование, социальная активность молодежи, современное общество

Для цитирования: Калинин В.С. Динамика структуры социальной активности российской молодежи в 2022–2024 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 173–182. doi: 10.17223/1998863X/82/15

Original article

DYNAMICS OF THE STRUCTURE OF RUSSIAN YOUTH'S SOCIAL ACTIVITY IN 2022–2024

Vladislav S. Kalinich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vladislav6988@mail.ru

Abstract. The article analyzes the dynamics of the structure of social activity of Russian youth on the basis of empirical sociological research data. Empirical data were collected as part of the first questionnaire survey in July–September 2022 and as part of the second one in December 2023 – April 2024. The article presents a part of the research results: self-assessment of respondents on important social indicators, consideration of the dynamics of the structure and characteristics of respondents' social activity, their involvement in public life. In this questionnaire, the author highlights the peculiarities of youth involvement in volunteering by finding out the popularity of the areas of volunteering in which respondents are included. As a result of the analysis of the block of issues under consideration, it can be argued that the structure of social activity of Russian youth turned out to be stable. The level of social activity shows a uniform positive trend, while at the same time there is a slight decrease in political activity. Volunteering remains the most popular type of social activity, while it is likely that young people are “focusing” on specific types of activities, and involvement in sports is also growing. The most popular type of volunteering is event volunteering, assistance in organizing events. Self-improvement remains the main motive of youth's social activity. The study of the dynamics of the structure of social activity using empirical methods makes it possible to analyze the reaction of this socio-demographic group to various external and internal social, economic and political processes. Such studies make it possible to analyze the effectiveness of public policy not only in the field of youth work and education, but also in many others, and to adjust measures, programs and activities taking into account the requests and needs of the younger generation.

Keywords: youth, sociological research, survey, social activity of youth, modern society

For citation: Kalinich, V.S. (2024) Dynamics of the structure of russian youth's social activity in 2022–2024. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 173–182. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/15

Эмпирические исследования молодежи в сложных геополитических условиях занимают важное место в российском научном дискурсе, особенно в последнее десятилетие [1–6]. Следует отметить, что регулярное социологическое исследование молодежи, изучение тенденций развития и траекторий социальной активности молодого поколения, мониторинг восприятия молодежной политики в России являются не просто актуальными и важными, а приобретают характер обязательного элемента обновления научного социологического знания о молодежи и особенностях ее генезиса. На этом основании подобные социологические исследования имеют научное, политическое и общественное значение для современного российского социума.

Сбор эмпирических данных в рамках первого анкетного опроса проведен июле–сентябре 2022 г., в рамках повторного – в декабре 2023 – апреле 2024 г. Статья посвящена части результатов исследования: самооценке респондентов по важным социальным показателям, рассмотрению динамики структуры и особенностей социальной активности респондентов, их вовлеченности в общественную жизнь. В данном анкетном опросе автором изучаются особенности вовлеченности молодежи в добровольческую деятельность путем выяснения популярности направлений волонтерства, в которые включаются респонденты. Это связано с тем, что добровольчество – самый популярный вид социальной активности современной молодежи [7. С. 27], поэтому представляется важным определить ключевые направления волонтерства, которые привлекают молодых людей. В некоторых вопросах расширены и уточнены варианты ответов на основании результатов и опыта предыдущего исследования. Вопрос о материальном положении семей респондентов вынесен из абсолютной системы оценки дохода на члена семьи [7. С. 20] в шкалу субъективных оценок потребительского статуса семей в связи с широкой репрезентативностью регионов и федеральных округов проживания семей респондентов.

При повторном опросе для получения более точной информации из вариантов ответа на вопрос о самооценке социальной активности был исключен вариант «затрудняюсь ответить». Это было сделано с целью наблюдения, куда отнесет себя значительная (более 5%) часть респондентов, не определившихся в этом вопросе во время первого исследования.

Доля тех, кто определенно считает себя активным человеком, незначительно снизилась (с 16,7 до 15,2%). Однако резко, на 12,7%, выросло количество респондентов, склоняющихся считать себя социально активными (с 24,9 до 37,6%). Потенциал не определившейся в первом опросе доли респондентов очевидно тяготеет к социальной активности, и этот результат усилился естественным процессом увеличения доли социально активных молодых людей. Доля тех, кто склонен не считать себя социально активным, снизилась на 2,4%, с 40,2 до 37,8%, доля не считающих себя активными снизилась на 3,6% (с 13 до 9,4%). В целом количество тех, кто считает или склонен себя считать социально активным человеком, выросло на 11,2%, с 41,6 до 52,8%. Количество неактивных или склонных считать себя таковыми снизилось на 6%, с 53,2 до 47,2%. 5,2%, затруднявшихся ответить в первом исследовании, пол-

ностью перераспределились в потенциально активную часть респондентов, что можно увидеть на визуализации результатов (рис. 1).

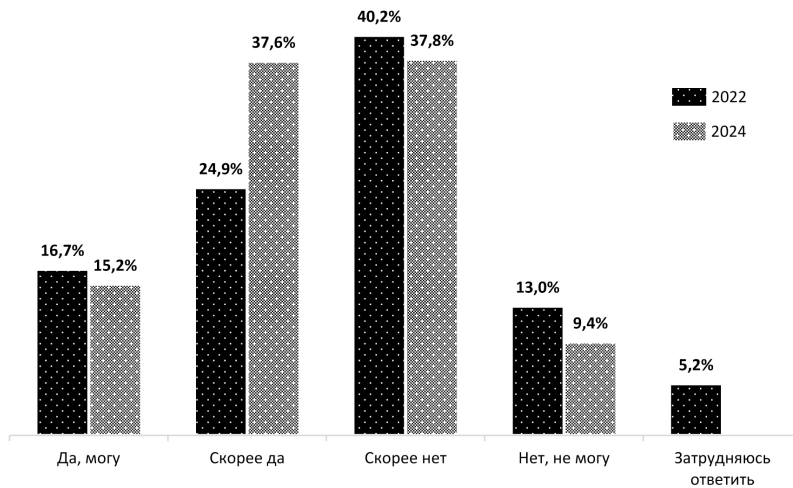

Рис. 1. Динамика оценки молодежью собственной социальной активности

На этом фоне достаточно противоречиво выглядит ситуация с участием в общественной и политической жизни страны: 22% респондентов заявили свое участие в политической и общественной жизни, в 2022 г. таковых было 22,8%, имеет место незначительное снижение. Количество респондентов, не участвующих сейчас, но планирующих участвовать (т.е. потенциальных), снизилось с 33,4 до 32%. Логично незначительно выросла доля пассивных (не участвующих и не планирующих участвовать) респондентов – с 43,8 до 46% (рис. 2).

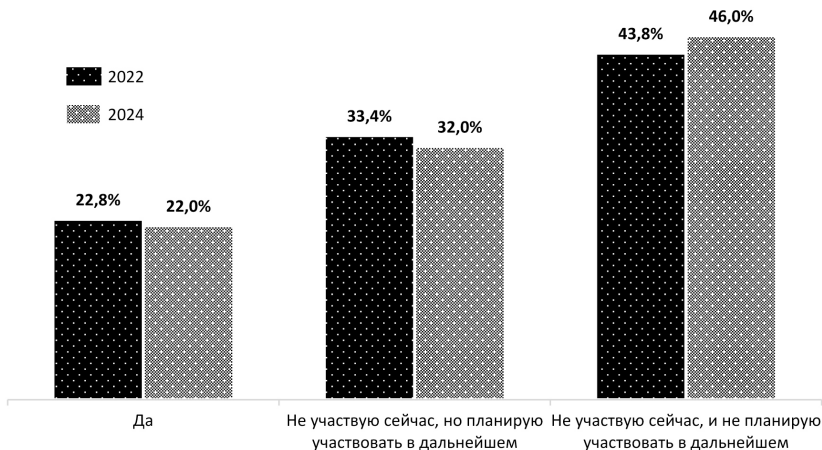

Рис. 2. Динамика уровня участия молодежи в общественной и политической жизни района, региона, страны

Молодежь в разные времена является объектом политических манипуляций, и рост ее вовлеченности может свидетельствовать о подготовке к событиям по дестабилизации социальной и политической обстановки в государстве [8. С. 193]. Неоднозначная на первый взгляд тенденция может объясняться стабилизацией политической ситуации в стране, отсутствием обострения внут-

риполитической борьбы на фоне внешнего давления, которое привело к консолидации общества и снижению внутренних противоречий.

Классификация видов общественной активности респондентов, предложенная в рамках повторного опроса, была дополнена и уточнена важным типом гражданской активности – выдвижением и организацией сбора петиций, а также взаимодействием с органами местного самоуправления. Практика сбора подписей под гражданскими инициативами и петициями получила достаточно широкое распространение на виртуальных площадках в сети Интернет. Данную практику отличают простота и доступность реализации, по сути, инициатору необходим только доступ в интернет и коммуникационное устройство для работы. Подобная доступность делает данную практику популярной среди молодых людей и становится одним из активных инструментов реализации гражданских инициатив, в первую очередь местных. Схожим образом может происходить взаимодействие с органами местного самоуправления: обсуждение муниципальных проблем и инициатив между гражданами и властью, реализация общественных и иных проектов. Самой популярной формой активности современной молодежи ожидаемо остается участие в выборах и реализация активного избирательного права. В 2022 г. об этом заявили 68,2%, в 2024 г. количество выросло до 71,9%. Рост на 3,7% может быть обусловлен тем, что опрос проводился в период перед и после выборов Президента Российской Федерации, которые состоялись в середине марта 2024 г. Событие активно освещалось в публичном поле, вероятно, оказало влияние на молодежную аудиторию. Количество респондентов, заявивших о непосредственном участии в работе органов местного самоуправления, практически не изменилось, данный вид деятельности оказался популярнее всего на 0,6% (с 6,2% в 2022 г. до 6,8% в 2024 г.). Отсутствие снижения и даже минимальный рост могут свидетельствовать о стабильности участия молодежи в работе органов местного самоуправления. Организацией сбора петиций и взаимодействием с органами местного самоуправления занимаются 3,8% респондентов. Это незначительное количество опрошенных, но, учитывая специфику подобной активности (инициация общественного обсуждения, участие в инициативных группах), подобный активизм, как правило, не является массовым. Значительный рост показало членство в политических партиях и объединениях: с 4,8% в 2022 г. до 7,1% в 2024 г. (на 2,3%, практически 50%-й относительный рост за столь короткий период), что может являться трендом и связано с ростом социальной активности молодежи и институционализацией ее политического потенциала (на фоне незначительного снижения участия в политической и общественной жизни в целом), а также появлением новых партий и объединений, которые отражают интересы респондентов. В то же время следует отметить снижение участия в политических и гражданских акциях на 3,5% (с 14,6 до 11,1%, почти на четверть). Данная тенденция может быть связана как со снижением уличной политической активности в целом, так и с постепенной трансформацией социальной активности из некогда популярной формы уличных акций в форму гражданских петиций и инициатив на местах. В этом же ключе следует отметить снижение активного интереса к политике на 7,2% (с 46,7 до 39,5%), что, очевидно, связано со снижением количества внутривнутриполитических противоречий и конфликтов, вектором на консолидацию общества в условиях геополитического противостояния внешней агрессии.

сии недружественных государств. Другой причиной может быть снижение количества политических провокаций, инициируемых представителями несистемной оппозиции, что тоже приводит к снижению количества политических конфликтов и успокоению всей политической обстановки в стране (рис. 3).

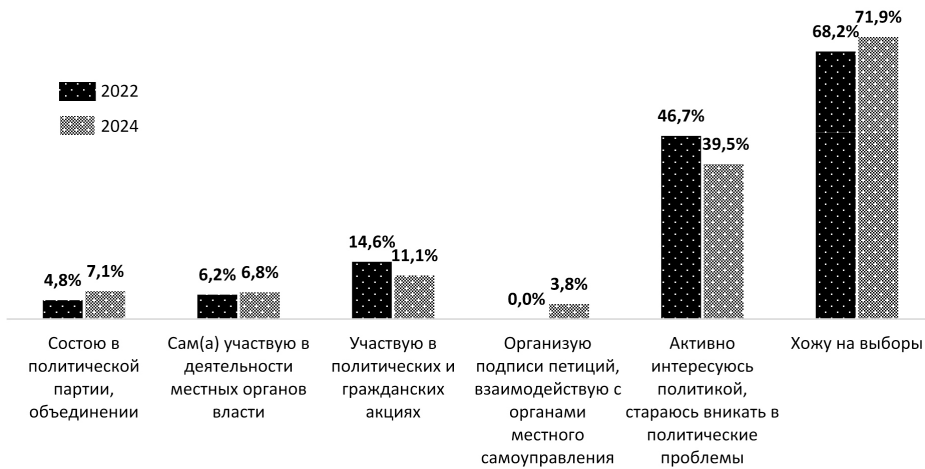

Рис. 3. Динамика основных видов участия молодежи в общественной и политической жизни района, региона, страны

Наряду со снижением интереса к политике и политическим событиям наблюдается значительное увеличение (на 8,6%) участия молодых людей в деятельности общественных организаций: с 17,9% в 2022 г. до 26,5% в 2024 г. Это соответствует общей тенденции роста социальной активности. Следует отметить, что количество потенциальных участников снизилось очень незначительно (с 22,5 до 21,9%), а доля пассивной молодежи, которая не планирует участвовать, снизилась сразу на 8% (с 59,6 до 51,6%) и приблизилась к важной отметке в 50%. Вероятно, число активных участников общественных организаций пополнилось за счет потенциальных и даже за счет тех, кто участвовать не планировал. Эти респонденты изменили свое отношение к подобному активизму и стали потенциальными или даже действующими участниками организаций (рис. 4).

Новая тенденция выявлена среди популярных типов общественных активностей, в которых участвуют респонденты. Практически по всем видам организаций, а это некоммерческие организации, молодежное самоуправление, профсоюз, молодежные средства массовой информации, творческие объединения и кружки, военно-патриотические организации, добровольческая деятельность, наблюдается незначительное снижение участия. Данная тенденция, вероятно, свидетельствует о «фокусировке» активности молодежи – если ранее было выявлено, что многие студенты совмещали несколько активностей в разных видах общественной работы, то новые данные свидетельствуют о сосредоточении на конкретных, приоритетных видах деятельности. Единственным исключением являются спортивные общественные организации – они продолжают привлекать большее количество молодых людей. Это не противоречит общей тенденции, спорт чаще всего является параллельным видом общественной активности с более «социальными» видами: добровольчеством, военно-патриотическими организациями и пр. (рис. 5).

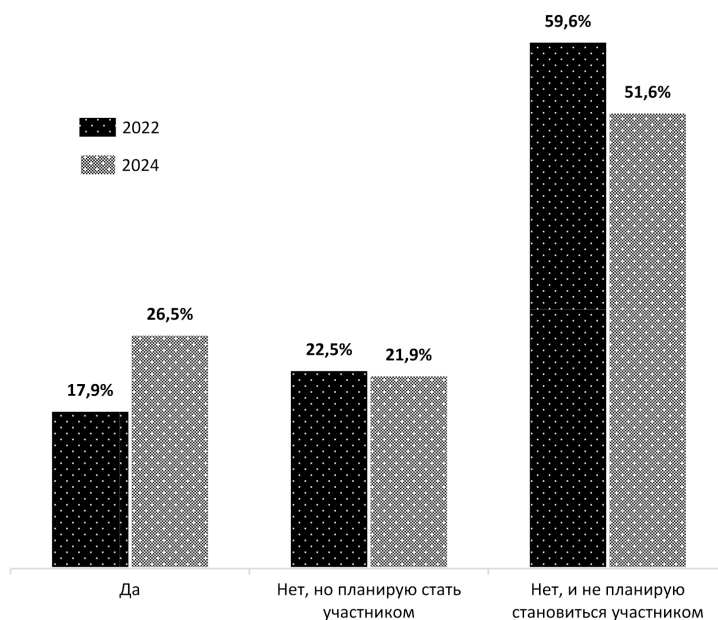

Рис. 4. Динамика уровня и потенциала участия молодежи в общественных организациях

Рис. 5. Динамика видов участия молодежи в общественных организациях

Как уже упоминалось ранее, в ходе первого исследования было выявлено, что самым популярным видом социальной активности является добровольчество [7. С. 27]. Почти половина опрошенных в той или иной мере вовлечена в эту деятельность. В мониторинговом исследовании уточняется популярность тех или иных видов добровольческой активности. Самым популярным видом активности стало событийное волонтерство (36,6%). Практически равным по популярности является донорство (34,3%). Следующим

по популярности является достаточно современный тип добровольчества – медиаволонтерство – помощь в организации и ведении работы на медиаресурсах (24,6%). На равных позициях далее оказались эковолонтерство и зоозащита (по 23,1%). Следующим по популярности является социальное волонтерство (20,9%). Менее популярным оказалось добровольчество, направленное на популяризацию здорового образа жизни и профилактику заболеваний (14,9%). За ним по популярности следует добровольчество в поддержании общественного порядка и помощь в чрезвычайных ситуациях (13,4%). Равное количество респондентов задействовано в военно-патриотическом добровольчестве и в поиске пропавших людей (по 11,2%). Поисковой деятельностью погибших в Великой Отечественной войне занимаются 7,5% опрошенных. И прочими видами добровольчества занимаются 2,2% респондентов (рис. 6).

Рис. 6. Распределение участия молодежи по популярным типам добровольчества

Следует отметить, что большинство опрошенных совмещают участие в работе нескольких организаций или занимаются несколькими видами добровольчества одновременно. Этот вывод позволяют сделать полученные результаты исследования.

По-прежнему главным мотивом социальной активности молодежи является самосовершенствование (55,2% в 2022 г., 54,2% в 2024 г.). Вторым по популярности мотивом является стремление улучшить мир, деятельность во имя общего блага (46,2% в 2022 г., 44,9% в 2024 г.). Стремление завести новые знакомства и друзей остается третьим по популярности мотивом членства в различных организациях (35,1% в 2022 г., 40,7% в 2024 г.). Следует отметить, что данный мотив приближается по популярности к альтруистическому мотиву, что может являться показателем возрастающей потребности в поиске непосредственных, «невиртуальных» социальных контактов. Четвертым и стремительно набравшим популярность мотивом социальной активно-

сти стало стремление обрести новые связи, которые впоследствии помогут в карьере (21,9% в 2022 г., 31,8% в 2024 г.). Популярность данного мотива показала самый ощутимый рост, почти на 10% в абсолютном выражении и почти 50% в относительном. Данный мотив является одной из прагматичных ориентаций, поэтому рост его популярности не противоречит общей тенденции ориентации на собственное благополучие. Мотив в виде чувства патриотизма сохранил количество выбора респондентов (17,4% в 2022 г., 17,3% выбравших в 2024 г.) и стал 5-м по популярности, в 2022 г. был 6-м (рис. 7).

Рис. 7. Динамика основных мотивов социальной активности молодежи

Патриотизм как мотив оказался устойчивым мотивом социальной активности молодежи. Карьерные устремления как мотив потеряли незначительное количество выбора (с 18,8% в 2022 г. до 16,8% в 2024 г.) и одну позицию по популярности (с 5-го на 6-е место). Вступили в организацию, потому что мечтали быть именно ее членом, 13,1% молодых людей. Данный мотив показал значительный рост как в выборе (в 2022 г. – всего 4,9%), так и в общем рейтинге – с 9-го места в 2022 г. на 7-е в 2024 г., что может свидетельствовать о возрастающей роли организаций как институтов социализации молодежи. Наличие друзей, родственников в организации как мотив потеряло свою позицию в структуре (с 7-го в 2022 г. на 8-е в 2024 г.), практически удвоив количество выборов (с 6,9% в 2022 г. до 12,6% в 2024 г.). Такая противоречивая динамика объясняется пропорциональным перераспределением выборов респондентов и позволяет делать вывод о возрастающей роли социальных связей в вовлечении молодежи в социальную активность. Социальная

активность в меркантильных целях как мотив добавила количество выборов респондентов (с 5,2% в 2022 г. до 8,9% в 2024 г.), но потеряла одну позицию в рейтинге по той же причине (перераспределение выборов респондентов), с 8-й в 2022 г. на 9-ю позицию в 2024 г. Совет родителей, родственников, друзей как мотив улучшил свою позицию как в процентах выбора (с 2,1% в 2022 г. до 4,7% в 2024 г.), так и в рейтинге (с 11-й на 10-ю позицию).

Подводя итог анализа блока рассматриваемых вопросов, можно утверждать, что структура социальной активности российской молодежи оказалась устойчивой. Уровень социальной активности показывает равномерную положительную динамику, в то же время наблюдается незначительное снижение политической активности. Самым популярным видом социальной активности остается добровольчество, при этом, вероятно, идет «сосредоточение» молодежи на конкретных видах деятельности, также растет вовлеченность в спорт. Самым популярным типом добровольчества являются событийное волонтерство, помощь в организации мероприятий. Главным мотивом социальной активности молодежи остается самосовершенствование.

Изучение при помощи эмпирических методов динамики структуры социальной активности позволяет проанализировать реакцию этой социально-демографической группы на различные внешние и внутренние социальные, экономические и политические процессы. Подобные исследования также позволяют анализировать эффективность государственной политики, причем не только в сфере работы с молодежью и образования, но и во многих других, корректировать меры, программы и мероприятия с учетом запросов и потребностей молодого поколения. Приращение научного знания о генезисе современной молодежи позволит решать многие насущные задачи, которые касаются нашего государства и общества.

Список источников

1. Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2018.
2. Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации, социальном неравенстве и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации: аналитический отчет по результатам социологического исследования. М. : МАКС Пресс, 2021.
3. Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В. Социальный портрет современного российского студента. По результатам исследования на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. М. : ФГБУН ИСПИ РАН, 2018.
4. Смирнов В.А., Скрябина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации в условиях «больших» вызовов // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 110–125.
5. Смирнов В.А. Молодежная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 9–20.
6. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250.
7. Калинин В.С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29.
8. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.

References

1. Osipova, N.G., Elishev, S.O. & Pronchev, G.B. (2018) *Dinamika predstavleniy rossiyskoy studencheskoy molodezhi o sotsial'no-politicheskikh protsessakh, institutakh sotsializatsii i sub"ektakh osushchestvleniya molodezhnoy politiki v period s 2013 po 2017 g* [Dynamics of the Presentation of Russian Student Youth on Social and Political Processes, Socialization Institutes and Youth Policy Development Departments in the Period from 2013 to 2017]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
2. Osipova, N.G., Elishev, S.O. & Pronchev, G.B. (2021) *Predstavleniya studencheskoy molodezhi moskovskikh vuzov o protsessakh, institutakh sotsializatsii, sotsial'nom neravenstve i sub"ektakh osushchestvleniya molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii: Analiticheskiy otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya* [Ideas of student youth of Moscow universities about studies, socialization institutes, social security and the subsection on the development of youth policy in the Russian Federation: An analytical report on the results of a social study]. Moscow: MAKSS Press.
3. Osipova, N.G., Sinyakov, A.V., Elishev, S.O., Kanevskiy, P.S. & Trofimov, S.V. (2018) *Sotsial'nyy portret sovremennogo rossiyskogo studenta. Po rezul'tatam issledovaniya na sotsiologicheskoy fakul'tete MGU imeni M.V. Lomonosova* [A social portrait of a modern Russian student. Based on the results of a study at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University]. Moscow: RAS.
4. Smirnov, V.A., Skryabina, O.B. & Bessonova, T.I. (2022) Nekotorye disfunktsii protsessa sotsializatsii v usloviyakh "bol'shikh" vyzovov [Some dysfunctions of the process of socialization of Russian youth in the context of "big" challenges]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 28(1). pp. 110–125.
5. Smirnov, V.A. (2023) Molodezhnaya politika i vospitatel'naya deyatel'nost' v rossiyskikh universitetakh: etapy razvitiya i klyuchevye protivorechiya [Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 32(5). pp. 9–20.
6. Smirnov, V.A. (2024) Social well-being of Russian youth in the conditions of the special military operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 241–250. (In Russian).
7. Kalinich, V.S. (2023) Tsennostnye orientatsii i predstavleniya molodezhi o patriotizme i patrioticheskom vospitanii v sovremennoy Rossii [Value orientations and ideas of youth about patriotism and patriotic education in modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 19–29.
8. Elishev, S.O. (2019) *Sotsial'noe manipulirovanie molodezh'yu* [Social Manipulation of Youth]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.

Сведения об авторе:

Калинич В.С. – ассистент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vladislav6988@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kalinich V.S. – teaching assistant, Department of Modern Sociology, Sociological Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vladislav6988@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 27.07.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/1998863X/82/16

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Валерьевна Сухушина¹, Екатерина Сергеевна Мариненко²,
Виктория Петровна Вялова³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *elsukhush@inbox.ru*

² *marinenko_e.k_2000@mail.ru*

³ *viktorivlv@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена динамике представления инвалидности в научном дискурсе. В качестве методологической рамки исследования была взята концепция моделей инвалидности. Практической базой исследования выступили 129 научных статей, отобранных в системе Elibrary, традиционный анализ которых подкреплялся анализом с помощью платформы PolyAnalyst. В исследовании показана динамика тем, отражающая переход от медицинской к социальной модели инвалидности.

Ключевые слова: инвалидность, модели инвалидности, человек с инвалидностью

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-28-01488.
<https://rscf.ru/project/23-28-01488/>

Для цитирования: Сухушина Е.В., Мариненко Е.С., Вялова В.П. Особенности представления инвалидности в научном дискурсе: опыт практического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 183–198. doi: 10.17223/1998863X/82/16

Original article

FEATURES OF DISABILITY REPRESENTATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE: PRACTICAL RESEARCH EXPERIENCE

Elena V. Sukhushina¹, Ekaterina S. Marinenko², Victoria P. Vyalova³

^{1, 2, 3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *elsukhush@inbox.ru*

² *marinenko_e.k_2000@mail.ru*

³ *viktorivlv@mail.ru*

Abstract. The research problem raised in the article is the question: what are the dynamics of the presentation of disability in scientific discourse? The methodological framework of the study is the concept of disability models, including traditional, charitable, medical, social, and technical models (E.R. Yarskaya-Smirnova, N.V. Bolshakov). Medical, social and technical models are highlighted as relevant for modernity (21st century). The practical basis of the research was 129 scientific articles selected in the Elibrary system, the traditional reading of which was supported by analysis using the PolyAnalyst platform. To track the

dynamics, the analyzed texts were divided into time periods – 2000–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020 and 2021–March 2023. The analysis showed that the dynamics is expressed in a decrease in the popularity of the discourse of the medical model of disability and the appeal to the social model. In our opinion, the most significant sign of transition is the actualization of the agency of a person with a disability – s/he begins to be considered not as a recipient, but as a source of social changes related to the structure of his/her life. Other significant signs of the actualization of the social model are: (1) attention to a person's personal experience of disability, when the focus of attention is not a systemic, institutional view from the outside, but a person's direct unique experience; (2) the specification of the disability phenomenon – the focus is not on the phenomenon of disability as a whole, but on its individual type; (3) the expansion of the list of areas considered as a field for the inclusion of people with disabilities. Moreover, the study of each area consistently reflects the path from the characteristics of the medical model to the social one.

Keywords: disability, models of disability, person with disability

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01488, <https://rscf.ru/project/23-28-01488>

For citation: Sukhushina, E.V., Marinenko, E.S. & Vyalova, V.P. (2024) Features of disability representation in scientific discourse: practical research experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 183–198. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/16

Постановка проблемы

За последние пять лет тема корректного представления в публичном пространстве групп с идентичностью, связанной с опытом депривации, стала очень популярной. Тема актуализируется и в контексте обсуждения распределения власти, и в контексте использования в повседневной практике языка. Одним из направлений в рамках данной темы является исследование представления инвалидности. Обращаясь к нему, авторы задались вопросом – какова динамика представления инвалидности в научном дискурсе?

Идейной основой изучения данного вопроса является концепция политкорректности, понимаемой как языковая практика, ориентированная на недискриминационное представление различных, в том числе уязвимых, социальных групп. Она исходит из гипотезы относительности языка Сепира–Уорфа, постулирующей влияние структуры языка и используемых языковых практик на восприятие и мышление.

Актуальность данной гипотезы в современности подтверждается активной борьбой различных политических сил в языковом поле: возникает феномен языковой политики – спонтанное или сознательное и целенаправленное влияние общества и государства на язык [1]. Социокультурный контекст эпохи начинает определять, какие выражения являются корректными при описании какого-либо явления, а какие нет, поскольку представляют данное явление вразрез с ее ключевыми ценностями. Языковая политика осуществляется как через популяризацию выражений в повседневной языковой практике, так и через закрепление некоторых норм в праве. Примером может выступить так называемый «Закон Розы», принятый в США в 2010 г. и заменивший выражение «умственная отсталость» на «умственные нарушения» для распространения инклюзивности в речи.

Специфика научного дискурса как такового состоит в необходимости использовать научные понятия, которые в силу требований научности не

должны зависеть от социокультурного контекста. Не исключением, как представляется, являются социальные науки, хотя их объект исследования подвижен в том смысле, что новые социокультурные контексты могут открывать новые характеристики изучаемого объекта, и потому он требует переосмысления и, возможно, уточнения наименования и определения, и это, на наш взгляд, не противоречит классическому требованию М. Вебера «свободы от ценностных суждений».

Однако в рамках данной статьи поднимается вопрос не о специфике наименования людей с инвалидностью, а о динамике исследовательских вопросов, тем и контекстов, в которых обсуждается феномен инвалидности в научном дискурсе. Как представляется, данная динамика отразит изменения, связанные с восприятием объекта.

Тема инвалидности в научном дискурсе может подниматься через обсуждение разных проблем и тем, развитие интереса к которым и специфика их рассмотрения, на наш взгляд, отражают динамику представления инвалидности.

Методология и методика исследования

В качестве методологической рамки исследования была взята концепция моделей инвалидности. Формально любая модель как теоретико-логический конструкт включает какое-то количество элементов и связи между ними. Содержательно их наполнение отражает «социальные представления, различные способы объяснения или идеологию, благодаря которым появляются новые практики, убеждения или нормы в рамках исследуемой проблематики» [2. С. 11].

Разные социально-исторические периоды продуцируют специфические форматы восприятия инвалидности, выражающиеся в отношении к инвалидам, определении их возможностей и инструментах обращения с ними. Можно сказать, что конструирование определенной концепции инвалидности зависит от принятой в обществе политической идеологии и культурных ценностей как условно здоровых, так и людей с инвалидностью [3. С. 8].

В рамках данной работы мы будем опираться на типологию, представленную в статье «Модели понимания инвалидности» (Е.Р. Ярская-Смирнова, Н.В. Большаков) [2]. Данная типология, на наш взгляд, соответствует цели исследования (выявить особенности представления инвалидности в научном дискурсе), поскольку в качестве главных классифицирующих признаков использует «статус инвалида» и «взаимодействие с обществом», что отражает особенности положения людей с инвалидностью, особенности их восприятия окружающими и актуальные практики взаимодействия с ними.

Традиционная модель видит причину инвалидности в различных сверхъестественных причинах или грехах самого человека и его семьи. При этом такой человек (с инвалидностью) получает в обществе статус «чужой» и «иной». Со своими проблемами, включая и те, что связаны с физическими или ментальными отклонениями, человек справляется самостоятельно или вместе с другими людьми с инвалидностью – инвалиды исключаются из общества условно здоровых людей. Согласно **благотворительной модели**, причины появления отклонений не важны. В ней человек с инвалидностью воспринимается как объект для доброй воли со стороны благотворителя: он

становится зависимым от спорадических пожертвований и не может рассчитывать на систематическую помощь.

В рамках медицинской модели развиваются подходы, схожие с традиционной концепцией в отношении инвалидности. Они отражают систему взглядов на инвалидность как на стойкие нарушения функций организма и ограниченное функционирование, как на невозможность преодолевать барьеры окружающей среды [4. С. 98]. Иными словами, она основывается на понимании нетипичности и непохожести людей с инвалидностью на людей условно здоровых. Эти «недостатки» делают невозможной или сильно ограничивают социальную, культурную, экономическую и иную жизнь человека с инвалидностью в обществе [5]. Когда государство следует медицинской модели, происходит принудительное отделение людей с инвалидностью от условно здоровых людей, культивируется сегрегация в повседневной жизни людей с помощью возведения персональных помещений и проведения отдельных мероприятий для инвалидов – все это препятствует интеграции личности в общество [2. С. 15]. Теоретическим обоснованием данного подхода могут выступить взгляды Т. Парсонса, а именно рассмотрение болезни как девиантного конструкта [6. С. 10–11]. Люди, имеющие инвалидность, изначально принимают роль больного, тем самым отличаются от условно здоровых членов общества. Инвалидность рассматривается как что-то плохое, проблемное, как то, что требует решения. При этом, согласно медицинской модели, сам человек, имеющий статус инвалида, не в состоянии это сделать, ответственность за оказание помощи и лечение несут уполномоченные лица (медицинские или социальные работники), а собственные внутренние ресурсы инвалидов и факторы окружающей среды не учитываются. Если «вылечить» нельзя – происходит помещение в специализированные учреждения, тем самым пропадает возможность интеграции в общество и включения самого человека в свою жизнедеятельность [2. С. 15].

Социальная модель предполагает понимание инвалидности не как свойства человека (дисфункциональные нарушения), а как функции взаимодействия человека с окружающей средой [7. С. 70–71]. Данная модель поднимает вопрос разнообразия людей и их образа жизни, для которых трудности возникают вследствие ограничений со стороны общества, которое не предусматривает участие людей с инвалидностью в социальной жизни и не создает необходимых условий для этого соответственно.

Социальный конструктивизм как один из подходов к пониманию инвалидности в рамках социальной модели предполагает, что проблематизация инвалидности существует в «сознании условно здоровых людей как предубеждение и проявление негативных социальных установок и практик» [4. С. 99]. Такое поведение людей без инвалидности является следствием стереотипов об инвалидности, сложившихся на протяжении долгих лет существования традиционной и медицинской моделей.

Таким образом, социальная модель разделяет то, что представляет собой инвалидность, и то, как она воспринимается в обществе. Функциональное нарушение можно определить как «отсутствие части или всей конечности или наличие дефекта конечности, органа или механизма тела» и инвалидность как «невыгодное положение или ограничение активности, вызванное современной социальной организацией, которая не принимает во внимание

или мало учитывает людей с физическими недостатками и, таким образом, исключает их из участия в основной социальной деятельности» [8].

Социальная модель видит проблему инвалидности в дискриминирующем обществе, где условия окружающей среды создаются для большинства людей, а не меньшинства: так, люди с инвалидностью сталкиваются с социальными, культурными, политическими, экономическими барьерами, мешающими им полноценно участвовать в общественной жизни и приносить свой вклад в нее.

Решение данной проблемы описано в концепции человеческого разнообразия, которая предполагает, что инвалидность можно рассматривать не как аномалию, а как индивидуальную особенность, свидетельство человеческого разнообразия [3. С. 19]. В рамках данной модели инвалидность признается как нормальное в контексте разнообразия состояние человека.

В настоящее время модель человеческого разнообразия подчеркивает разрыв между имеющимися особенностями человека и возможностью социальных институтов принять их в расчет [2. С. 18]. Когда экономические, социальные, культурные и политические институты создадут необходимые доступные условия для всех людей, в том числе для людей с инвалидностью, тогда последние смогут активизировать свой потенциал, не видя перед собой барьеров, и люди с инвалидностью не будут выглядеть меньшинством на фоне других личностей. В рамках данной модели работает концепция универсального дизайна, которая, с одной стороны, ставит перед собой задачу преобразовать окружающую среду и сделать ее максимально пригодной для всех граждан, а с другой стороны, пересмотреть устоявшиеся социальные институты с их практиками и правилами [2. С. 18].

Таким образом, социальная модель в отличие от медицинской понимает инвалидность как конструкт, сформировавшийся исторически и поддерживаемый обществом, которое подчеркивает отличительные признаки человека с инвалидностью при помощи созданных этим же обществом стереотипов, барьеров и неприспособленной среды.

Важным направлением развития социальной модели инвалидности является распространение инклюзивной культуры, предполагающей активное включение человека с инвалидностью в общественные процессы и взаимодействие с другими людьми в различных сферах. Она подкрепляется **социокультурным подходом**, рассматривающим человека с инвалидностью как самостоятельного субъекта, агента социальных изменений. «Ничего о нас без нас» – лозунг различных общественных движений за права людей с инвалидностью. Это высказывание-концепция демонстрирует призыв к принятию активной роли людей с инвалидностью в формировании условий своей жизни [9]. Социокультурный подход делает акцент на активности людей с инвалидностью в снятии существующих социальных барьеров и формировании комфортной для них среды. Люди с различными нарушениями должны расширять свой ролевой потенциал: иначе говоря, они должны восприниматься как активные действующие субъекты, которые являются полноправными членами социума, имеющими в том числе и обязательства перед обществом, а также способными самостоятельно формировать собственную жизнь и решать свои проблемы [3. С. 23–24]. Элементом социокультурного подхода является **ресурсно-потенциальный** (З.П. Замараева), акцентирующий внимание на

возможности различных форм совместных социальных активностей людей с инвалидностью не только успешно преодолевать имеющиеся барьеры, но и развивать у них новые навыки. Совместная деятельность, направленная на решение общих проблем, активизирует внутренние ресурсы личности (сильные стороны), которые помогают выступить равноправным членом общества, стать экспертом в некоторых вопросах инвалидности или иметь конкурентные преимущества на рынке труда в определенных областях [10].

Отдельно необходимо отметить, что в настоящее время возникают новые подходы к пониманию инвалидности. К таковым можно отнести **техническую модель** (упоминается Е.Р. Ярской-Смирновой, И.В. Калашниковой и А.А. Тринадцатко), и концепцию **экстрабилити** (О.Б. Колпашиков) [2, 11, 12]. Первая предполагает активное использование новейших технологий в виде технических устройств (бионические протезы, кохлеарные импланты¹ и т.д.), с которыми человек с инвалидностью достигнет способностей наравне с условно здоровым человеком или даже тех возможностей, которые превосходят возможности обычного человека [2. С. 19]. Вторая концепция акцентирует внимание на том, что у человека с инвалидностью в процессе столкновения с физическими препятствиями, успешной адаптации и социализации могут сформироваться дополнительные, скрытые до этого момента, невосребованные в жизни условно здорового человека навыки [12. С. 34–35].

Как представляется, для актуального исторического периода (XXI в.) характерны две концепции – **медицинская** и **социальная**. Поэтому в анализе будет последовательно представлена динамика тем, представляющих обе модели инвалидности. В качестве индикаторов присутствия медицинской модели в текстах будут темы, отражающие влияние, агентность системы (государства и специальных учреждений) и пассивность, объектность человека с инвалидностью. Признаками, верифицирующими социальную модель инвалидности, выступят темы, демонстрирующие роль общественных институтов и деятельности самих людей с инвалидностью в их жизнеустройстве, а также темы, подчеркивающие уникальность и значимость их опыта.

С определенной условностью к ключевым словам медицинской модели можно отнести «госпиталь», «пространственная изоляция», «спецшкола», «государственный сектор», «психиатрическая больница», «государственный орган», «интернат» / «дом-интернат», «недееспособность», «вмешательство», «инаковость», «отчуждение», «стигматизация», «стыд», «изоляция», «неспособность», «зависимость» и др., к ключевым словам социальной модели инвалидности – «инклюзия», «идентичность», «независимость», «сексуальность», «общественность», «барьеры», «толерантность» и «этика» и др.

Необходимо сделать еще два значимых замечания: во-первых, авторы подчеркивают некоторую условность разделения на данные группы – одни те же слова можно использовать в разных контекстах, а потому важно не столько используемое слово, сколько контекст его употребления. А во-вторых, необходимо отметить, что доминирование признаков какой-либо модели в текстах того или иного периода скорее всего отражает не столько установки исследователей, сколько актуальное состояние изучаемого проблемного поля.

¹ Кохлеарный имплант – это прибор, с помощью которого люди с ограничениями слуха могут слышать окружающие звуки и речь.

Практической базой исследования выступили научные статьи, отобранные в системе Elibrary по следующим критериям: (1) наличие в статье ключевых слов, отражающих тему инвалидности¹; (2) наличие полного текста статьи на русском языке в открытом доступе; (3) индексируемость в WoS и / или Scopus.

Всего с начала 2000 г. до марта 2023 г. было отобрано 333 статьи, в том числе 129 – в журналах обществоведческого профиля, 165 – медико-психологического, 18 – технологического профиля и 21 статья, удовлетворяющая критериям, была опубликована в междисциплинарных журналах. Далее – в соответствии с целями исследования будет представлен анализ статей только журналов обществоведческого профиля как наиболее соответствующих целям исследования.

Затем был осуществлен анализ отобранных текстов: традиционное прочтение текстов подкреплялось анализом с помощью платформы PolyAnalyst (частота встречаемости слов, их поддержка и сила связи между ними), что позволило выделить ключевые темы и аспекты их рассмотрения с опорой на количественные показатели. Для отслеживания динамики анализируемые тексты были поделены на временные периоды – 2000–2005; 2006–2010; 2011–2015; 2016–2020 гг. и 2021 г. – март 2023 г.

В рамках каждой из представленных моделей (медицинской и социальной) на основе анализа частотности ключевых слов, их поддержки и взаимосвязей были выделены основные темы, отражающие представления инвалидности².

Результаты исследования

Анализ указанного периода демонстрирует рост интереса к данной теме, что выразилось в:

- росте количества статей – от 8 статей в период 2000–2005 гг. до 50 статей в период с 2016–2020 гг. (25 статей в укороченный период с 2021 г. по март 2023 г.);
- росте количества авторов³, пишущих на данную тему, – от 12 авторов в первый период до 48 авторов в период с 2016–2020 гг. (51 автор в последний, укороченный период исследования);
- росте перечня наименований журналов, публикующих на данную тему, – от 1 журнала в первый анализируемый период до 13 журналов в период

¹ В качестве ключевых слов были выделены: инвалид, инвалидность, ограниченные возможности здоровья, глухой, глухонемой, слепой, слабовидящий, слабослышащий, незрячий, аутист, аутизм, умственное развитие, умственно отсталый, инклюзия, РАС (расстройства аутистического спектра), нейроотличия, опорник, синдром Дауна, ВОС, ВОИ, ВОГ, особенный ребенок, инклюзивный, альтернативные возможности, альтернативные возможности, дизабилити, маломобильный, ампутация, протез, реабилитация, ассистивный, эксклюзия, абилитация, интеграция.

² **Частота** – это показатель количества повторов ключевого слова в выбранной категории (в соответствии с информацией в руководстве пользователей Polyanalyst).

Поддержка – это показатель общего количества записей (в данном случае статей), в которых встречается ключевое слово (в соответствии с информацией в руководстве пользователей Polyanalyst).

Сила связи – 1 – это показатель степени достоверности обнаруженной связи между терминами; 2 – показатель вероятности того, что слова между собой связаны (в соответствии с информацией в руководстве пользователей Polyanalyst). Измеряется в интервале от 0 до 1, где чем ближе к 1, тем сильнее и достовернее связь.

³ Каждый из авторов считался один раз, независимо от количества статей, опубликованных им в исследуемом периоде.

2016–2020 гг. и 5 журналов в укороченный период – с 2021 г. по март 2023 г. Необходимо отметить и расширение научных профилей журналов, попавших в исследование, что также говорит о росте исследовательского интереса к теме.

Соответственно увеличению количества статей на данную тему росло и количество ключевых слов, выделяемых системой (от 65 до 130 ключевых слов), и количество связей между ними (от 675 до 1000+ с мин. поддержкой, равной 2), что говорит о расширении перечня поднимаемых вопросов и аспектов к их обсуждению.

Период 2000–2005 гг.

В период с 2000 по 2005 г. было выпущено 8 статей, соответствующих критериям отбора, все они были выпущены одним журналом, 6 из них в рамках одного тематического номера. Это говорит скорее о непопулярности данной тематики в широком общественно-научном дискурсе в данный период времени.

Небольшое количество статей не позволяет выделить большое количество тенденций, однако можно сказать, что общественно-научный взгляд в данном периоде был сосредоточен на представлении ограничений институциональных системных подходов к решению проблем инвалидности. Инвалидность рассматривается как проблемное поле, являющееся объектом деятельности государственных органов, с которым последние не справляются в необходимой мере – существующие на государственном уровне системные практики рассматриваются как недостаточные.

Отдельным фокусом интересов выступают дети с инвалидностью – изучаются особенности их жизнеустройства в государственных учреждениях и в семье (в контексте отношений со службами социального обслуживания). Также внимание уделяется вопросам доступности высшего образования для инвалидов и их адаптации в образовательном пространстве, обсуждение этих вопросов осуществляется в указанном выше дискурсе.

Доминирование данных тем указывает на обсуждение негативных сторон медицинской модели инвалидности. Только одна статья, на наш взгляд, описывает элементы социальной модели инвалидности («Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности», автор Л. Доминелли) [13]. В ней актуализируется специфика гендерного опыта инвалидности, но и в ее содержании подчеркивается опыт противостояния людей с инвалидностью сложившимся институциональным практикам.

Период 2006–2010 гг.

В период 2006–2010 гг. выпущено 14 статей в 5 разных журналах, в качестве авторов выступают 24 человека¹. Привлекает внимание тот факт, что к теме инвалидности, помимо журнала, посвященного непосредственно вопросам социальной политики, обращаются журналы исторического, юридического и экономического профиля, что указывает на тематическое расширение проблемного поля.

В отобранных работах указанного периода описание проблемного поля свидетельствует о проявлении признаков социальной модели представления инвалидности наряду с доминирующей медицинской моделью.

¹ В анализе участвовало 13 статей, 1 статья не вошла в количественный анализ по причине ее автоматической перекодировки при скачивании и нечитаемости программой.

Наиболее популярная тема в статьях выделенного периода – это вопросы интеграции людей с инвалидностью в общественные процессы, на это указывает популярность таких слов, как «инклюзия», «интеграция», «социум», «изоляция», «барьер». В фокусе внимания исследователей оказывается система высшего образования: изучаются установки сверстников, возможности ДПО, экономические аргументы, перспективы, возможности и особенности инклюзивного образования – этому вопросу посвящено 7 статей из 9.

Анализ специфики рассмотрения указывает как на характеристики медицинской, так и социальной моделей восприятия инвалидности.

Акцентируется роль общества во включении людей с инвалидностью в общественную жизнь: об этом свидетельствует высокая сила связи между понятиями «интеграция», «инклюзия» и «социум» (0,89), что говорит об актуализации принципов социальной модели. При этом отношения людей с инвалидностью с широкой общественностью описываются как негативно, так и позитивно (в меньшей степени). О негативном характере взаимоотношений свидетельствует взаимосвязь терминов «взаимоотношение» – «увечье» – «унижение» – «оскорбление» – «формализация», о позитивном – «взаимоотношение» – «интеграция» – «проектирование» – «независимость». Последними описывается скорее желаемое, а не фактическое состояние общественных отношений.

Отдельно необходимо отметить, что происходит уточнение инвалидности – проявляется интерес к конкретным типам ограничений, например, инвалидности по зрению или умственным нарушениям. При этом тематика конкретных заболеваний обсуждается в дискурсе медицинской модели – через связь с деятельностью «государственного сектора», которая оценивается как формальная, недостаточная и часто имеющая негативные последствия. Например, термин «насилие» связывается не непосредственно с «инвалидностью», а с определенной формой организации жизни инвалидов – «спецшколой», которая помимо этого имеет связь со словами «ущербность», «унижение», «неуверенность».

Обращает на себя внимание появление интереса к переживанию инвалидности самими людьми с инвалидностью – об этом свидетельствует популярность термина «идентичность». Об интересе к повседневному опыту самих людей с инвалидностью свидетельствуют работы, отражающие результаты качественных практических исследований людей с инвалидностью и поднимаемые темы, например, проблема удовлетворения сексуальных потребностей людей с инвалидностью (статья «Воспоминания инвалидов о сексуальном насилии: факты и умолчания», автор Д. Завиржек) [14]. Последнее, на наш взгляд, является еще одним важным признаком поворота к социальной модели восприятия инвалидности.

Период 2011–2015 гг.

В период 2011–2015 гг. было выпущено 32 статьи в 6 журналах (профили: история, культурология, социальные науки). В качестве авторов выступают 45 человек.

Вопросы интеграции инвалидов, инклюзии и препятствующих этому барьеров по-прежнему остаются в центре внимания – на это указывает высокая частотность данных терминов в статьях обозначенного периода, например,

«инклюзия» – это третий по популярности термин после терминов «инвалид» и «инвалидность».

Как и в предыдущем периоде, акцент делается на инклюзии детей в целом и в контексте исследования потенциала образовательной среды в частности. Обращает на себя внимание сильная связь понятия «ребенок-инвалид» со словосочетанием «государственные органы» (сила связи 1), что говорит о том, исследуемые в работах вопросы, связанные с жизнедеятельностью детей-инвалидов, рассматриваются в оптике ответственности государства.

Вторая сильная связь понятия «ребенок-инвалид» обнаруживается с понятием «стыд»: анализ содержания говорит о чувстве стыда, переживаемого родителями детей с инвалидностью за их инаковость, а не о «стыде социальных институтов» за невозможность решить проблемы, связанные с интеграцией и жизнеустройством детей-инвалидов, что подтверждается и другими связанными понятиями – **«конфликт»**, **«сегрегация»**, **«осуждение»**.

Актуализируется роль общественности, ее роль двояка: с одной стороны, она, как и государство, на двух ранее проанализированных этапах рассматривается как источник барьеров инклюзии – термин «барьер» используется не только в связке с терминами, обозначающими государственные органы и специальные социальные институты, но и при описании общественных отношений и повседневной жизни. С другой стороны, авторы чаще, чем раньше, говорят о потенциале и практиках влияния общественности на ситуацию включения людей с инвалидностью в социальную жизнь. Общественность начинает восприниматься как потенциальный и реальный агент изменений их жизни. Отдельные понятия указывают на реальные механизмы влияния, например, актуализируется понятие «правозащитник» (сила связи терминов «правозащитник» – «общественность» составляет 0,9).

Продолжается рост интереса к переживанию инвалидности, которое раскрывается в разных контекстах: как в широком контексте, на что, например, указывает популярность термина «идентичность», так и в аспекте гендерного переживания – на это указывает популярность таких понятий, как «маскулинность» и «сексуальность».

Инвалидность продолжает специфицироваться – по-прежнему традиционно довольно много говорится об инвалидности вообще, однако помимо уже зафиксированного интереса к такому ограничению, как глухота, проявляется интерес к феномену аутизма, который пока не выступает отдельным объектом исследования, но уже используется в качестве иллюстрации изучаемых вопросов (статья «Активизм родителей в Казахстане: защита прав на образование детей с аутизмом фондом «Ашик Алем», авторы М. Маркова, Д. Султаналиева) [15].

Другим исследовательским полем, открывающимся через этические вопросы, является проблематика технологического совершенствования инвалидов, его условий и последствий, новая этика тела (статья «Технологии совершенствования человека: перспективы и вызовы», автор О. Саритас) [16]. Как представляется, актуализация данного поля является проблематизацией технической модели инвалидности.

В целом, на наш взгляд, отобранные работы 2011–2015 гг. демонстрируют поворот исследовательского фокуса с медицинской на социальную модель инвалидности.

Период 2016–2020 гг.

В период 2016–2020 гг. было выпущено 50 статей в 13 журналах. Пул журналов, интересующихся данной тематикой, по сравнению с предыдущим периодом увеличился в два раза. Количество авторов составило 48 человек.

В публикациях этого периода часто звучат темы инклюзии, толерантности и препятствующих им барьеров. Отчасти таким результатам мы обязаны росту количества статей: чем их больше, тем менее заметными на общем фоне становятся фокусы отдельных исследовательских интересов.

Если погружаться в фокус интересов, то необходимо отметить следующие популярные направления: во-первых, по-прежнему в фокусе внимания образовательный процесс – разным аспектам инклюзивного образования посвящено 20 статей из 50. Авторы обращаются как к теме высшего и школьного образования, так и среднего профессионального. Преимущественно речь идет о готовности общественности в лице учителей, однокурсников, одноклассников и даже родителей принимать особенности учеников с инвалидностью и сотрудничать с ними. Поднимаются вопросы толерантности разных целевых групп – речь идет о позиции учителей и учеников или студентов. Преимущественно в агентной позиции находятся соучастники процесса, которые могут быть барьером интеграции для инвалида, а не сами люди с инвалидностью. Одна из самых сильных связей – это связь между терминами «интеграция» и «студент-инвалид» (0,81).

В некоторых статьях рассматриваются и потенциал самого человека с инвалидностью, его возможности и роль во влиянии на ситуацию включения в общественные процессы (например, статья «Агентная позиция людей с инвалидностью в городском пространстве», авторы Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская) [17].

Отдельно стоит отметить, что преобладают статьи об общих принципах инклюзивного образования, но есть и те, которые посвящены особенностям включения лиц с конкретной нозологией (слабослышащие и глухие), что говорит о продолжающемся в исследовательском поле уточнении феномена инвалидности.

О спецификации инвалидности в исследовательском поле свидетельствует появление в нем умственной отсталости как одной из форм инвалидности (статья «Проблема интеграции людей с особенностями интеллектуального развития в социум: социально-философский анализ», автор А.В. Голдовская) [18].

Другая тема, получившая популярность, – это вопросы доступности городского пространства, что является реакцией как на назревшую проблему, так и на программу «Доступная среда на 2011–2015».

Появляются темы, связанные с занятостью и трудоустройством инвалидов, – это свидетельствует о расширении понимания возможностей людей с инвалидностью. В них преимущественно говорится о наличии барьеров к выполнению трудовой деятельности людей с инвалидностью. Отчасти к этой же исследовательской области можно отнести статьи, посвященные анализу особенностей деятельности медико-социальной экспертизы – в данном случае деятельность анализируемых организаций рассматривается как деятельность формальных социальных институтов, которую человек с инвалидностью должен преодолеть как препятствие.

Отдельно бы хотелось отметить, что появляются статьи исторического характера, посвященные специфике положения инвалидов и помощи им в разные исторические периоды – подобная рефлексия над имеющимся опытом может говорить о росте интереса к теме (например, статьи «Инвалиды двух войн: увечные русские воины в эмиграции (1917–1920-е годы)», автор С.С. Ипполитов, «„Гастролерство“ инвалидов как социальная проблема 1920-х годов: поиски решения (на материалах Сибири)», автор А.С. Ковалев) [19, 20].

Возвращаясь к задаче анализа представленности медицинской и социальной моделей инвалидности, можно сказать, что происходит усиление последней. Главный признак данного процесса, на наш взгляд, состоит в акцентировании внимания на потенциальной и реальной агентности человека с инвалидностью, описание его не как пассивного объекта стороннего воздействия, а как активного участника действий, направленных на интеграцию в социальные процессы.

Период 2021 г. – март 2023 г.

В период с 2021 г. по март 2023 г. было выпущено 25 статей в 5 журналах. Количество авторов – 51 человек.

В контексте исследования инвалидности фокус внимания по-прежнему держится на такой целевой аудитории, как дети. Сила связи между понятиями «инвалид» и «ребенок-инвалид» составляет 0,85. И по-прежнему большое внимание привлекает феномен образования – вновь рассматриваются системные возможности и универсальные принципы инклюзивного образования.

В двух статьях поднимается тема спорта инвалидов – в одном случае обосновывается тезис, согласно которому спорт является способом реконструкции жизненного мира инвалида, в другом – анализируется правовое регулирование адаптивной физической культуры детей-инвалидов.

Расширяется тема повседневности инвалидности – тема доступности (доступной среды) начинает рассматриваться не только с позиции системных изменений, а с позиции агентных практик инвалидов.

На актуализацию интереса к переживанию повседневности инвалидности указывает и актуализация взгляда на инвалидность «изнутри», что выражается в интересе к инклюзивным мастерским, культурным традициям как способам интеграции и этнографическим приемам исследований (примером подобного приема является онлайн-наблюдение за онлайн-сообществами, описанное в статье «Обзор онлайн-этнографических исследований сообществ людей с инвалидностью», автор Л.А. Бархатова [21]) и подтверждается взаимосвязью таких слов, как «индивид» и «жизненное пространство».

Обращает на себя внимание появление такой темы, как моральная эксклюзия. Она рассматривается в контексте практического исследования, выявляющего применимость моральных принципов к разным социальным группам, в том числе и к инвалидам (статья «Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности», авторы Ж.В. Пузанова, А.Г. Тертышникова) [22]. Начинается дискуссия о способах говорения про инвалидность – поднимается тема «этики концептов» (статья «Биоэтика и этика концептов вокруг движения за права инвалидов», авторы А.В. Антипов, С.Ю. Шевченко) [23]. Помещение исследований инвалидности в фокус социально-философского анализа, на наш взгляд, говорит о выходе темы с периферийных позиций в сфере социальных исследований.

Также стоит отметить, что как ответ на пандемию поднимается тема ковида: она затрагивается в двух статьях – в них говорится о доступности социальной поддержки маломобильных групп граждан, в том числе и инвалидов, и про особенности восприятия ими пандемии и ее влияния на их повседневность.

Выводы

От первого к последнему исследуемому периоду происходит снижение популярности дискурса медицинской модели инвалидности и актуализация модели социальной: в первые два периода в обществоведческом дискурсе имеют ярко выраженные характеристики медицинской модели, третий выделенный период демонстрирует признаки обеих моделей, в четвертом и пятом выделенных периодах превалирует социальная модель, хотя признаки медицинской также присутствуют.

Наиболее значимым, на наш взгляд, признаком перехода является актуализация агентности человека с инвалидностью – он начинает рассматриваться не как реципиент, а как источник социальных изменений, связанных с устройством его жизни. На первых этапах ответственность за жизнеустройство человека с инвалидностью лежит на государстве (в лице конкретных или безликих государственных органов), далее ответственностью наделяется общественность, которая также выступает и источником, и барьером инклюзии, и только на предпоследнем исследуемом этапе сам человек с инвалидностью становится фигурой, обладающей потенциалом влияния на социальную интеграцию.

Другим важным признаком перехода является обращение внимания на переживания инвалидности человеком, когда в фокусе исследования оказывается не институциональный подход к инвалидности, выражающий взгляд системы, что составляет основу медицинской модели, а непосредственный уникальный опыт, его переживание самим человеком.

Еще одним признаком перехода к социальной модели является спецификация феномена инвалидности – в центре внимания оказывается не феномен инвалидности в целом, а отдельный ее тип: чаще в качестве объекта исследований выступают инвалиды со слуховыми ограничениями, реже, но встречается обращение к исследованию аутизма, умственной неполноценности и др.

Также расширяется перечень сфер, рассматриваемых как поле для инклюзии людей с инвалидностью: от наиболее популярной сферы образования к исследованию сфер трудовой занятости, досуга и спорта как зон интеграции. Причем исследование каждой сферы с некоторой долей условности, на наш взгляд, последовательно отражает путь от характеристик медицинской модели к социальной.

Список источников

1. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Политическая корректность и языковая норма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2007. № 1 (4). С. 26–29.
2. Ярская-Смирнова Е.Р., Большаков Н.В. Модели понимания инвалидности // Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители современного искусства «Гараж» / под ред. М. Сарычева. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2018. С. 11–21.
3. Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 1 (2). С. 7–28.

4. Григорьева М.И. Исследование проблемы инвалидности в социологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 97–112.
5. Wasserman D., Asch A., Blustein J., Putnam D. Disability: Definitions, Models, Experience // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/Archives/win2018/entries/disability> (accessed: 25.11.2023).
6. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. 832 с.
7. Петросян В.А. Инвалидность: традиционный и современный взгляды // Труд и социальные отношения. 2011. № 1. С. 69–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16753825&ysclid=lpia2qhis769235180> (дата обращения: 15.11.2023).
8. Oliver M. The new politics of disablement / M. Oliver, C. Barnes. London: Palgrave Macmillan, 2023. 70 p.
9. Инвалидность и дискриминация // Компас: пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/disability-and-disablism> (дата обращения: 20.11.2023).
10. Замаева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в работе с людьми пожилого возраста и инвалидами // Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. Л.И. Савинова. Саранск : Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39550606> (дата обращения: 21.11.2023).
11. Калашиникова И.В., Тринадцатко А.А. Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник ТОГУ. Социология. 2017. № 3 (46). С. 277–288.
12. Колпациков О.Б. Экстрабилити людей с инвалидностью в инклюзивном социальном проектировании // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 12 декабря 2018 года). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 31–42.
13. Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 1. С. 29–52.
14. Завиржек Д. Воспоминания инвалидов о сексуальном насилии: факты и умолчания // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 3. С. 349–380.
15. Маркова М., Султаналиева Д. Активизм родителей в Казахстане: защита прав на образование детей с аутизмом фондом «Ашик Алем» // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 4. С. 483–500.
16. Саритас О. Технологии и совершенствования человека: перспективы и вызовы // Форсайт. 2013. Т. 7, № 1. С. 6–13.
17. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Агентная позиция людей с инвалидностью в городском пространстве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 223–234.
18. Голдовская А.В. Проблема интеграции людей с особенностями интеллектуального развития в социум: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 78–88.
19. Ипполитов С.С. Инвалиды двух войн: увечные русские воины в эмиграции (1917–1920-е годы) // Новый исторический вестник. 2020. № 1 (63). С. 45–59.
20. Ковалев А.С. «Гастролерство» инвалидов как социальная проблема 1920-х годов: поиски решения (на материалах Сибири) // Научный диалог. 2019. № 5. С. 317–334.
21. Бархатова Л.А. Обзор онлайн-этнографических исследований сообществ людей с инвалидностью // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 4. С. 715–726.
22. Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 963–971.
23. Антипов А.В., Шевченко С.Ю. Биоэтика и этика концептов вокруг движения за права инвалидов // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 4. С. 685–696.

References

1. Minyar-Belorucheva, A.P. & Pokrovskaya, M.E. (2007) Politicheskaya korrektnost' i yazykovaya norma [Political correctness and language norms]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika*. 1(4). pp. 26–29.

2. Iarskaia-Smirnova, E.R. & Bolshakov, N.V. (2018) Modeli ponimaniya invalidnosti [Models of Understanding Disability]. In: Sarychev, M. (ed.) *Muзей oshchushcheniy: slabovidyashchie i nezryachie posetiteli sovremennogo iskusstva "Garazh"* [Museum of Sensations: Visually Impaired and Blind Visitors to "Garazh" Contemporary Art Museum]. Moscow: Muзей sovremennogo iskusstva "Garazh." pp. 11–21.
3. Tarasenko, E.A. (2004) Sotsial'naya politika v oblasti invalidnosti: krosskul'turnyy analiz i poisk optimal'noy konseptsii dlya Rossii [Social policy in the field of disability: cross-cultural analysis and search for an optimal concept for Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 1(2). pp. 7–28.
4. Grigorieva, M.I. (2021) Issledovanie problemy invalidnosti v sotsiologii [Research on Disability is Sociology]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2. pp. 97–112.
5. Wasserman, D., Asch, A., Blustein, J. & Putnam, D. (2016) Disability: Definitions, Models, Experience. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. (Online) Available from: <https://plato.stanford.edu/Archives/win2018/entries/disability> (Accessed: 25th November 2023).
6. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Translated from English. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
7. Petrosyan, V.A. (2011) Invalidnost': traditsionnyy i sovremennyy vzglyady [Disability: Traditional and Modern Views]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 1. pp. 69–74. (Online) Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16753825&ysclid=lpia2qhis769235180> (Accessed: 15th November 2023).
8. Oliver, M. (2023) *The New Politics of Disablement*. London: Palgrave Macmillan.
9. Coe.int. (n.d.) *Invalidnost' i diskriminatsiya* [Disability and Discrimination]. [Online] Available from: <https://www.coe.int/ru/web/compass/disability-and-disablism> (data obrashcheniya: 20.11.2023).
10. Zamaraeva, Z.P. (2019) Resursno-potentsial'nyy podkhod v rabote s lyud'mi pozhilogo vozrasta i invalidami [A resource-potential approach in working with the elderly and the disabled people]. In: Savinov, L.I. (ed.) *Sotsial'nyy potentsial pozhiykh lyudey: usloviya, opyt, problemy effektivnogo primeneniya* [Social Potential of Elderly People: Conditions, Experience, Problems of Effective Application]. Saransk: Afanasiev Vyacheslav Sergeevich. (Online) Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39550606> (Accessed: 21st November 2023).
11. Kalashnikova, I.V. & Trinadtsatko, A.A. (2017) Evolyutsiya sotsial'nykh modeley invalidnosti [The evolution of disability social models]. *Vestnik TOGU Sotsiologiya*. 3(46). pp. 277–288.
12. Kolpashchikov, O.B. (2019) Ekstrabiliti lyudey s invalidnost'yu v inklyuzivnom sotsial'nom proektirovanii [Extrability of people with disabilities in inclusive social design]. *Ekstrabiliti kak fenomen inklyuzivnoy kul'tury* [Extrability as a Phenomenon of Inclusive Culture]. Proc. of the conference. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 31–42.
13. Dominelli, L. (2004) Genderno neytral'no? Zhenskiy opyt invalidnosti [Gender neutral? Female Experience of Disability]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 2(1). pp. 29–52.
14. Zavirzhik, D. (2009) Vospominaniya invalidov o seksual'nom nasilii: fakty i umolchaniya [Pictures and Silences: Memories of Sexual Abuse of Disabled People]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 7(3). pp. 349–380.
15. Markova, M. & Sultanalieva, D. (2013) Aktivizm roditel'ey v Kazakhstane: zashchita prav na obrazovanie detey s autizmom fondom "Ashik Alem" [Parental activism in Kazakhstan: The promotion of autistic children's educational rights by the Ashik Alem Foundation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 11(4). pp. 483–500.
16. Saritas, O. (2013) Tekhnologii i sovershenstvovaniya cheloveka: Perspektivy i vyzovy [Human Enhancement Technologies: Future Outlook and Challenges]. *Foresight*. 7(1). pp. 6–13.
17. Iarskaia-Smirnova, E.R. & Yarskaya, V.N. (2020) The Agency of People with Disabilities in Urban Space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 223–234. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/20
18. Goldovskaya, A.V. (2020) The Problem of Integrating People with Intellectual Developmental Needs into Society: A Socio-Philosophical Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 78–88. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/9
19. Ippolitov, S.S. (2020) The Invalids of Two Wars: Disabled Russian Veterans in Emigration (1917 – 1920s). *Novyy istoricheskiiy vestnik*. 1(63). pp. 45–59.

20. Kovalev, A.S. (2019) "Gastrolerstvo" invalidov kak sotsial'naya problema 1920-kh godov: poiski resheniya (na materialakh Sibiri) ["Touring" of Disabled People as Social Problem of 1920s: Search for Solutions (on Materials of Siberia)]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 317–334.

21. Barkhatova, L.A. (2021) Obzor onlaynetnograficheskikh issledovaniy soobshchestv lyudey s invalidnost'yu [The Overview of Online Ethnographic Research on Communities of People with Disabilities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 19(4). pp. 715–726.

22. Puzanova, Zh.V. & Tertyshnikova, A.G. (2022) Moral'naya eksklyuziya v kontekste sotsial'noy zhelatel'nosti [Family attitudes of university students in terms of extremism risks]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya*. 22(4). pp. 963–971.

23. Antipov, A. & Shevchenko, S. (2022) Bioetika i etika kontseptov vokrug dvizheniya za prava invalidov [Bioethics and Conceptual Ethics in the Disability Rights Movement]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 20(4). pp. 685–696.

Сведения об авторах:

Сухушина Е.В. – декан философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elsukhush@inbox.ru

Мариненко Е.С. – старший лаборант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: marinenko_e.k_2000@mail.ru

Вялова В.П. – старший лаборант кафедры социальной работы философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: viktorivlv@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sukhushina E.V. – dean of the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elsukhush@inbox.ru

Marinenko E.S. – senior laboratory assistant, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marinenko_e.k_2000@mail.ru

Vyalova V.P. – senior laboratory assistant, Department of Social Work, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: viktorivlv@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024;

одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 20.09.2024;

approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/1998863X/82/17

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Артем Георгиевич Данков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
artem.dankov.83@mail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации положения русского языка в образовательном пространстве постсоветской Центральной Азии в контексте оценки возможностей для расширения экспорта российского образования.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Центральная Азия, родной язык, образовательное пространство, статус русского языка

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008

Для цитирования: Данков А.Г. Русский язык в образовательном пространстве Центральной Азии: возможности для экспорта российского образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 199–210. doi: 10.17223/1998863X/82/17

POLITICAL SCIENCE

Original article

RUSSIAN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL SPACE OF CENTRAL ASIA: OPPORTUNITIES FOR EXPORTING RUSSIAN EDUCATION

Artem G. Dankov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
artem.dankov.83@mail.ru

Abstract. At the time of the collapse of the Soviet Union, the Russian language played an important role in the socio-economic and political life of Kazakhstan and the Central Asian republics. Although on the wave of democratization in Kazakhstan and the Central Asian republics in the late 1980s laws on language were adopted that secured the state status of the “titular languages”, Russian remained the main language of office work, the language of industry, health care, education, science and technology. During the almost 30 years since the collapse of the USSR, the position of the Russian language has changed. The general

trend is obvious – priority is given to the development of the “titular languages”, and much less attention is paid to Russian. The Russian language is gradually being pushed out of the sphere of everyday communication, official office work, secondary and higher education, and is experiencing pressure not only from the “titular languages”, but also from English, Turkish, and, more recently, Chinese. Over the past 15 years, the situation has begun to change for the better. Despite serious demographic changes, a reduction in the opportunities for Russian-language education and a gradual ousting from the sphere of state power, the Russian language has retained its position. The Russian language is still widely spoken in the regions bordering Russia, in capitals and large cities, in old and new industrial centers, in developing centers of the tourist industry. However, there are numerous obstacles to the development of the Russian language in Central Asia. Firstly, the demand for Russian-language education is growing faster than the necessary infrastructure is being created. As a result, Russian-language schools and classes are overcrowded, there is a shortage of qualified teachers, educational and teaching materials, and computer equipment. Secondly, the status of the Russian language varies greatly from country to country. The situation is worst in Turkmenistan. The transfer of documents to the Turkmen language, the liquidation of the Russian-language education system and mass labor migration to Turkey have reduced demand and limited opportunities for the development of the Russian language. The best situation with the Russian language is in Kazakhstan, where it has the status of an official language, and Russian is widely used in secondary and higher education. Despite serious problems in the first years after the collapse of the USSR, over the last decade it has been able to significantly regain its lost positions, primarily as a language of quality education, business communication, and interethnic communication.

Keywords: post-Soviet space, Central Asia, native language, educational space, status of Russian language

Acknowledgements: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Dankov, A.G. (2024) Russian language in the educational space of Central Asia: opportunities for exporting russian education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 199–210. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/17

В последние годы существования Советского Союза русский язык занимал значительное место в общественно-экономической и политической жизни Центральной Азии. Согласно данным переписи населения 1989 г., свыше 52% жителей региона свободно владели русским языком [1]. В период с мая по октябрь 1989 г. во всех советских республиках региона были приняты законы о языке, которые закрепляли государственный статус языков титульных народов, однако за русским языком был официально закреплён статус языка межнационального общения [2–6]. При этом русский язык фактически продолжал оставаться основным инструментом делопроизводства в государственных структурах, партийных и правоохранительных органах. Он также являлся языком промышленности, здравоохранения, образования, науки и техники. Широкое распространение русский язык получил среди управленческого персонала, инженерно-технических специалистов, а также рабочих в промышленности и на транспорте. За более чем три десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, ситуация с русским языком в Центральной Азии претерпела серьёзные изменения. В новых государствах региона власти проводят различную языковую политику, обусловленную множеством факторов: политическими приоритетами, социально-экономическими условиями и демографическими процессами. Тем не менее общая тенденция очевидна – приоритетное развитие получают языки коренного населения, в то время как

русскому уделяется значительно меньше внимания. Русский язык постепенно утрачивает позиции в сфере повседневного общения, официального документооборота, среднего и высшего образования, испытывая давление не только со стороны языков коренного населения, но и со стороны английского, турецкого и китайского языков.

Данная статья посвящена анализу изменений в статусе русского языка в политическом и образовательном пространстве Центральной Азии в постсоветский период, а также определению перспектив сохранения русского языка в регионе с точки зрения расширения экспорта российского образования.

Проблемы русского языка на постсоветском пространстве изучаются в разных контекстах – с точки зрения политологии, социологии и лингвистики. Крупным специалистом, который большое внимание в своих исследованиях уделяет изучению проблем распространения русского языка и экспорта российского высшего образования на постсоветском пространстве, является старший научный сотрудник Центра социологии науки и образования Института социологии РАН А.Л. Арефьев. Он более четверти века работал в Центре социологических исследований Министерства науки и высшего образования России и имел доступ к огромному массиву статистической информации, что позволило ему за последние годы опубликовать несколько серьезных исследований [7–11]. Сходная тематика освещалась в работах Д.Э. Летнякова [12], Т.В. Кудояровой [13], Р.С. Жаркынбаевой, О.А. Волковой и др. [14].

Для понимания контекста трансформации статуса русского языка в постсоветской Центральной Азии необходимо подчеркнуть несколько важных тезисов. Во-первых, распространение русского языка в Центральной Азии в советский период не было повсеместным и характеризовалось значительными региональными различиями. Согласно данным переписи 1989 г., лишь в Казахской и Киргизской ССР доля населения, свободно владеющего русским языком, превысила 50% (83 и 56% соответственно) [1]. В остальных республиках региона этот показатель был существенно ниже, составляя около трети населения.

Уровень владения русским языком среди некоторых народов Центральной Азии оставался крайне невысоким. Так, в 1989 г. лишь 24% узбеков, 28% туркмен и таджиков, а также 20% каракалпаков свободно владели русским языком [1]. В сельской местности уровень знания русского языка был гораздо ниже, и многие местные жители не могли свободно им пользоваться. Леонид Потапов – в 1987–1990 гг. председатель Марыйского облисполкома Туркменской ССР – так описывал ситуацию с русским языком: «Хотя официально в республике два государственных языка: русский и туркменский, так и в Конституции (Туркменской ССР. – А.Д.) записано. Но делопроизводство все велось только на русском. Все служащие райисполкомов в совершенстве владели русским, вели документацию правильно. Но поступала-то она в сельсоветы, где большинство председателей говорили на родном языке и русского не знали. Я и задумался: как же они решения вышестоящих органов исполняют... Решил проверить, приехал в один из сельсоветов, прошу показать мои постановления. Председатель показал: лежат аккуратной стопочкой, их никто и не читал, потому что языка-то не знают» [15]. Факторы, обусловившие низкий уровень владения русским языком, до сих пор остаются актуальными. К ним относятся: нехватка квалифицированных преподавателей, недостаточное оснащение учебных заведений, а также снижение качества

образовательного процесса, связанное с привлечением школьников к сельскохозяйственным работам, таким как сбор хлопка, в осенние месяцы [16].

Фактически в советское время сформировались два языковых пространства – с одной стороны, мультикультурные индустриальные городские сообщества, где основным языком общения был русский, а с другой – традиционные сельские общины, где говорили на языках автохтонного населения.

Во-вторых, анализ положения русского языка в Центральной Азии целесообразно проводить сквозь призму взаимосвязанных процессов: демографических сдвигов, языковой политики и развития образовательной системы.

Демографические сдвиги. Ключевая тенденция последних трех десятилетий – снижение доли населения, для которого русский язык является родным. Согласно данным переписи 1989 г., 24% жителей региона относили русский к родным языкам [1]. В этот период основную группу носителей русского языка в Центральной Азии составляли преимущественно этнические русские и другие народы европейского происхождения (украинцы, белорусы, немцы, евреи и др.). К ним также относилась значительная часть корейцев, татар, азербайджанцев, армян и представителей других меньшинств. Доля коренного населения региона, для которого русский язык был родным, была относительно невелика.

За последние десятилетия этнический состав региона претерпел существенные изменения, обусловленные масштабной эмиграцией населения европейского происхождения и высокой рождаемостью среди коренных народов. Данные процессы привели к значительному сокращению числа носителей русского языка. По приблизительным оценкам на начало 2024 г., в Центральной Азии проживает около 4,3 млн этнических русских, из которых примерно 3 млн – в Казахстане. К ним можно добавить носителей русского языка из числа украинцев, белорусов, поляков, немцев, корейцев, татар и других этнических групп. Точные данные по всем странам региона отсутствуют, однако, по предварительным подсчетам, около 5,7 млн человек (около 7%) жителей Центральной Азии считают русский язык родным [17–19].

Определение количества жителей региона, владеющих русским языком как вторым, представляет собой сложную задачу. Отсутствие актуальных статистических данных по всем странам не позволяет получить однозначный ответ. В Узбекистане с момента распада СССР не проводились переписи населения, а в Туркменистане данные последних переписей (1995 и 2012 гг.) не были опубликованы. На основе косвенных данных, исследователи в период 2009–2012 гг. оценивали долю владеющих русским языком в Узбекистане в 41%, а в Туркменистане – в 17% [4. С. 10]. В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане проводились более свежие переписи, результаты которых могут служить ориентиром для анализа. Так, по данным переписи населения 2021 г., в Казахстане русским языком владеют 83% населения [17. С. 476], по переписи 2022 г. в Кыргызстане – 48% населения [18. С. 120], а по переписи 2020 г. в Таджикистане – 30% населения [19. Т. III. С. 136].

Анализ данных о владении русским языком в Центральной Азии демонстрирует неоднозначную картину. С одной стороны, сравнение с данными переписи 1989 г. указывает на снижение доли русскоязычного населения. Однако учитывая рост численности населения в государствах Центральной Азии, общее количество людей, использующих русский язык, может быть выше, чем в конце советского периода.

В условиях отсутствия регулярных переписей населения важную роль в изучении уровня и практики использования русского языка играют социологические исследования. С начала 2000-х гг. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и его партнеры проводят регулярные опросы, включающие вопросы о владении русским языком и его применении в повседневной жизни. Наиболее актуальные данные, доступные на данный момент, получены в ходе межстранового исследования 2022 г., посвященного коммуникативным практикам жителей Северной Евразии и их отношению к русскому языку. Результаты этого исследования, опубликованные в 2023 г., позволяют получить представление о текущей ситуации (табл. 1).

Таблица 1. Уровень владения русским языком в странах Центральной Азии. Распределение ответов на вопросы «Скажите, насколько свободно Вы лично владеете русским языком?» и «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь дома?», % от общего числа опрошенных [20. С. 20–24]

Страна	Свободно говорю, пишу и читаю на русском языке	Свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками	Использую для общения в семье, дома
Казахстан	66	16	34
Кыргызстан	42	11	12
Таджикистан	29	14	2
Узбекистан	13	7	1

Распространенность русского языка в Казахстане имеет ряд объективных предпосылок: развитое, в значительной степени ориентированное на европейские ценности общество; значительная доля национальных меньшинств, в особенности этнических русских; наивысший уровень урбанизации в Центральной Азии; обширная сеть образовательных учреждений, использующих русский язык; тесные связи с Россией, а также углубление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

В противоположность этому низкий уровень владения русским языком в Туркменистане – по оценкам, это 10% населения – обусловлен практически полным сокращением в начале 2000-х гг. числа образовательных учреждений, функционирующих на русском языке, на уровне среднего и высшего образования. Данная тенденция привела к значительному уменьшению числа носителей русского языка среди молодого поколения. Кроме этого, до недавнего времени Турция являлась основным направлением трудовой миграции из Туркменистана, что обуславливалось безвизовым режимом, действовавшим до 2022 г. Близость языков (турецкого и туркменского) способствовала адаптации мигрантов в турецком обществе.

Несмотря на различия в подходах к языковой политике, в большинстве стран Центральной Азии наблюдалось постепенное сокращение использования русского языка в государственных структурах и делопроизводстве после обретения независимости. В законодательстве всех стран региона закреплён статус государственных языков, при этом русский язык сохраняет официальный статус лишь в Казахстане и Кыргызстане [21, 22], где он используется наряду с государственным в сферах экономики, управления и технологий. В других странах (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан) наблюдается постепенный переход на государственный язык в сфере делопроизводства, что привело к сокращению использования русского языка в официальных документах [23–26].

Демографические изменения, происходящие в Центральной Азии, способствуют снижению использования русского языка в семейном и бытовом общении. Государственная политика в сфере языков также оказывает влияние на его применение в государственном управлении. Законодательство стран региона гарантирует право на использование родного языка, однако на практике наблюдается интересная тенденция. В условиях снижения доли населения европейского происхождения русский язык становится все более востребованным среди представителей национальных меньшинств (уйгуров, корейцев и др.). Это объясняется тем, что знание русского языка способствует повышению социального статуса, открывает возможности для трудовой миграции и ведения бизнеса. По аналогичной причине русский язык популярен среди детей из смешанных семей, где родители стремятся дать им образование на русском языке, чтобы избежать проблем, связанных с их происхождением. В контексте эволюции языковой ситуации в Центральной Азии интересна аналогия с Малайзией. После обретения независимости, несмотря на небольшое число европейцев, именно представители местных меньшинств – китайцы и индусы – стали ключевыми носителями и защитниками английского языка в сфере бизнеса и межнационального общения (подробнее см.: [27. Р. 23; 28. Р. 109; 29. Р. 41]). В Центральной Азии, после распада СССР, наблюдается схожая тенденция, хотя и с некоторыми отличиями. В начале периода независимости русский язык был преимущественно языком этнических русских и других «европейцев». Однако впоследствии роль носителей и пропагандистов русского языка перешла к представителям этнических меньшинств, для которых он стал инструментом социального и профессионального продвижения.

Трансформация системы образования. В первые годы после распада Советского Союза русскоязычная система образования в Центральной Азии столкнулась с серьезными трудностями. Массовый отъезд русскоязычного населения, сокращение числа преподавателей, недостаточное финансирование, дефицит учебных материалов, а также приоритет развития государственных языков – все это привело к сокращению количества школ и учебных заведений с русским языком обучения. В результате число учащихся, получающих образование на русском языке, значительно снизилось. Наиболее показательным примером данной тенденции стал Туркменистан, где русскоязычная образовательная система практически полностью прекратила свое существование в начале 2000-х гг.

Динамика распространения русского языка в Центральной Азии претерпела существенные изменения на рубеже XXI в. Наблюдается возросший интерес к русскому языку среди подрастающего поколения (табл. 2). Число учащихся в школах и классах с русским языком обучения увеличивается, появляются разнообразные курсы русского языка. В Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане наблюдается тенденция к возвращению к русскоязычному образованию в школах, которые ранее были переведены на смешанную или исключительно национальную программу. Родители все чаще предпочитают отдавать своих детей в классы с русским языком обучения, что по статистике привело к увеличению числа учащихся в русскоязычных школах по сравнению с данными 15-летней давности.

Таблица 2. Численность школьников в Казахстане и Узбекистане, обучающихся на русском языке, тыс. человек, на начало учебного года [8. С. 101; 30, 31]

Страна	1990/91	2000/01	2005/06	2010/11	2013/14	2019/20	2023/24
Казахстан	2 027	1 442	1 116	843	809	1 049	1 170
Узбекистан	636	321	270	372	399	612	666

Первые десятилетия после распада СССР были непростым периодом для распространения русского языка в государствах Центральной Азии. Доля населения, владеющего русским языком, сократилась с 52% в 1989 г. до 40%, по предварительным оценкам на 2024 г. Еще более существенное снижение зафиксировано в отношении доли носителей русского языка – с 24 до 7%. Сократилось число школ с русским языком обучения, а качество преподавания русского языка снизилось. Использование русского языка в семейном и бытовом общении также уменьшилось [20. С. 27–28, 31–32].

Однако за последние 15 лет ситуация стала постепенно улучшаться. Несмотря на значительные изменения в демографии, уменьшение возможностей для получения образования на русском языке и его все более заметное сокращение в государственной сфере, русский язык не просто сохранился, но и укрепил свои позиции. Сегодня количество людей, говорящих на русском в Центральной Азии, превышает данные 30-летней давности. Например, в 1989 г. русским владели 26 млн человек, а по последним оценкам на 2024 г. это число достигнет 32 млн, причем 80% из них используют русский как второй язык. Этот язык по-прежнему широко распространен в пограничных с Россией регионах, столицах, крупных городах, а также в традиционных и новых промышленных центрах и туристических зонах. Распространение русского языка не ограничивается представителями европейского происхождения, он также востребован среди коренного населения, особенно среди элиты и образованной части общества.

Влияние русского языка на региональное развитие Центральной Азии в XXI в. характеризуется неоднозначной динамикой. Среди ключевых факторов, способствующих его актуальности, можно выделить:

- Доступ к качественному образованию. Традиционно наиболее престижные учебные заведения в регионе предлагают образовательные программы на русском языке. Несмотря на сокращение числа русскоязычных вузов в некоторых странах, наблюдается рост числа студентов из Центральной Азии, обучающихся в российских и белорусских университетах. Это указывает на сохранение привлекательности русского языка как инструмента получения качественного образования.

- Функция языка межнационального общения. Русский язык сохраняет свою роль как средство коммуникации между различными этническими группами как внутри стран Центральной Азии, так и на международном уровне. Например, проведение региональных саммитов и межгосударственных встреч на русском языке свидетельствует о его важности в региональной политике.

- Миграционные потоки. Рост трудовой миграции в Россию делает знание русского языка существенным фактором успешной интеграции и карьерного роста для многих мигрантов.

- Экономические связи и интеграционные процессы. Расширение экономических связей с Россией и интеграционные процессы в рамках Евразийско-

го экономического союза стимулируют спрос на русский язык как инструмент делового общения и ведения бизнеса.

В то же время развитие русского языка в Центральной Азии сталкивается с рядом трудностей.

- Недостаточная инфраструктура. Рост спроса на русскоязычное образование опережает развитие соответствующей инфраструктуры. Это приводит к перегруженности школ и классов, дефициту квалифицированных преподавателей, учебных материалов и современного оборудования.

- Различия в статусе языка. Положение русского языка в разных странах региона различно. Наиболее сложная ситуация сложилась в Туркменистане, где перевод делопроизводства на туркменский язык, сокращение русскоязычного образования и миграция в Турцию привели к снижению спроса на русский язык. В среднесрочной перспективе русский язык, вероятно, займет место одного из иностранных языков в Туркменистане наряду с турецким и английским. В Казахстане русский язык имеет статус официального языка, что способствует его широкому распространению в образовании и общественной жизни. Растет число людей, использующих русско-казахское двуязычие в повседневной жизни.

Социально-политические преобразования в Центральной Азии после распада СССР оказали существенное влияние на статус русского языка. Несмотря на сложности в первые годы, в последние десятилетия он смог восстановить свои позиции, особенно в сфере образования, бизнеса и межнационального общения. Русский язык остается важным инструментом коммуникации и интеграции в регионе, но его дальнейшее развитие зависит от решения существующих проблем и создания благоприятных условий для его функционирования.

Список источников

1. *Всесоюзная перепись населения 1989 г.* Распределение населения СССР по национальностям и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демографический еженедельник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php (дата обращения: 08.10.2024).
2. Закон Туркменской Советской Социалистической Республики «О языке» от 24 мая 1990 г. № 202-XII // Право и СМИ Центральной Азии. URL: <https://medialaw.asia/node/259> (дата обращения: 28.10.2024).
3. Закон Республики Таджикистан «О языке» от 22 июля 1989 года № 150 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 28.10.2024).
4. Закон Казахской Советской Социалистической Республики «О языках в Казахской ССР» от 22 сентября 1989 года // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765&pos=3;-104#pos=3;-104 (дата обращения: 28.10.2024).
5. Закон Киргизской Советской Социалистической Республики «О государственном языке Киргизской ССР» от 23 сентября 1989 года № 2220-XI // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30235295&show_di=1&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 28.10.2024).
6. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке Республики Узбекистан» от 21 октября 1989 года № 3561-XI // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/108915> (дата обращения: 28.10.2024).
7. Арефьев А.Л. Русскоязычное образование в бывших национальных республиках СССР в последние 30 лет // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 3. С. 266–274.
8. Арефьев А.Л., Камышева С.Ю. Русский язык в республике Узбекистан: страницы истории и современность // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 2. С. 98–104.

9. *Арефьев А.Л.* Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Слово.ру: Балтийский акцент. 2015. № 4. С. 7–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-mire-proshloe-nastoyashee-budushee> (дата обращения: 08.10.2024).
10. *Арефьев А.Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения: 08.10.2024).
11. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.
12. *Летняков Д.Э.* Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. 2015. № 4 (79). С. 100–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetскоy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 08.10.2024).
13. *Кудоярова Т.В.* Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2010. № 3. С. 70–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-srede-turkmenistana> (дата обращения: 08.10.2024).
14. *Жаркынбаева Р.С., Волкова О.А.* Русский язык в нормативно-правовом и социокультурном пространстве современных государств Центральной Азии // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-normativno-pravovom-i-sotsiokulturnom-prostranstve-sovremennyh-gosudarstv-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 08.10.2024).
15. «Власть – это служение...» Интервью Л. Потапова, газета «Завтра» 12 июля 2005 г. / URL: <http://zavtra.ru/blogs/2005-07-1341> (дата обращения: 08.10.2024).
16. *Рачков А.И., Сергеева Т.А.* Дневник второго секретаря ЦК Компартии Туркменистана. Книга 1. (1981–1982г.г.) // Интернет-сайт Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2018/12/30/1950> (дата обращения: 08.10.2024).
17. *Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан.* // Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / Бюро национальной статистики. Астана, 2023.
18. *Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года.* Население Кыргызстана. Бишкек, 2023.
19. *Перепись населения и жилищного фонда 2020. Т. III: Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан.* Душанбе, 2021.
20. *Коммуникационные практики жителей стран Северной Евразии и их отношение к русскому языку. Результаты выборочных репрезентативных общенациональных опросов взрослого (18 лет и старше) населения государств – участников СНГ, Абхазии и Южной Осетии (август–ноябрь 2022 года)* // Международная некоммерческая ассоциация исследовательских агентств «Евразийский монитор». URL: <https://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/t/gffzlsnrpxne/file/miEySOEm.pdf?preview=1> (дата обращения: 08.10.2024).
21. *Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151-І* // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 08.10.2024).
22. *Конституционный закон «О государственном языке Кыргызской Республики» от 17 июля 2023 года № 140* // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru> (дата обращения: 08.10.2024).
23. *Закон о государственном языке Республики Таджикистан от 5 октября 2009 года № 553* // Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан. URL: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/1_%E2%84%9613_state-language-RT_ru.pdf (дата обращения: 08.10.2024).
24. *Закон Туркменской Советской Социалистической Республики «О языке» от 24 мая 1990 года № 202-ХІІ* // База данных Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10680 (дата обращения: 08.10.2024).
25. *Постановление Халк Маслахаты Туркменистана от 29 декабря 1999 года КХМ-20 «О навечном утверждении туркменского языка и туркменского национального алфавита в деятельности органов государственного управления, во всех сферах жизни независимого Туркменистана»* // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337913 (дата обращения: 08.10.2024).
26. *Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» от 21 декабря 1995 г., № 167-І* // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/121433> (дата обращения: 08.10.2024).

27. Coluzzi P. Language planning for Malay in Malaysia: A case of failure or success? // *International Journal of the Sociology of Language*. 2017. Vol. 244. P. 17–38. URL: <https://dx.doi.org/10.1515/ijsl-2016-0055> (дата обращения: 08.10.2024).
28. Rashid, R. A., Abdul Rahman, S. B., & Yunus, K. Reforms in the policy of English language teaching in Malaysia // *Policy Futures in Education*. 2017. Vol. 15(1). P. 100–112;
29. Rahman, M. M., & Singh, M. K. M. English and Malay language policy and planning in Malaysia // *Training, Language and Culture*. 2021. Vol. 5, № 4. P. 36–46.
30. Информация об общей численности учащихся на всех языках обучения в общеобразовательных школах в 2023–2024 учебном году // Министерство дошкольного и школьного образования Республики Узбекистан. URL: <https://uzedu.uz/uploads/downloads/RINAoIx-CiGKejDQLZRu9vbJnUEpjWkU.pdf> (дата обращения: 08.10.2024).
31. Соотношение количества учащихся казахских и русских классов. Данные Министерства просвещения Республики Казахстан // Сетевое издание QMonitor. URL: <https://qmonitor.kz/society/1774> (дата обращения: 08.10.2024).

References

1. The Soviet Union. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Rasppedelenie naseleniya SSSR po natsional'nosti i yazyku, naseleniya soyuznykh respublik po naibolee mnogochislennym natsional'nostyam i yazyku* [All-Union Population Census of 1989. Distribution of the USSR Population by Nationality and Language, Population of the Union Republics by the Most Numerous Nationalities and Language]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php (Accessed: 8th October 2024).
2. The Turkmen Soviet Socialist Republic. (1990) *Zakon Turkmenskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki "O yazyke" ot 24 maya 1990 g. № 202-XII* [Law of the Turkmen Soviet Socialist Republic "On Language" dated May 24, 1990 No. 202-XII]. [Online] Available from: <https://media-law.asia/node/259> (Accessed: 28th October 2024).
3. The Republic of Tajikistan. (1989) *Zakon Respubliki Tadzhikistan "O yazyke" ot 22 iyulya 1989 goda № 150* [Law No. 150 of the Republic of Tajikistan "On Language" of July 22, 1989]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905&pos=5;-106#pos=5;-106 (Accessed: 28th October 2024).
4. The Kazakh Soviet Socialist Republic. (1989) *Zakon Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki "O yazykakh v Kazakhskoy SSR" ot 22 sentyabrya 1989 goda* [Law of the Kazakh Soviet Socialist Republic "On Languages in the Kazakh SSR" of September 22, 1989]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765&pos=3;-104#pos=3;-104 (Accessed: 28th October 2024).
5. The Kirghiz Soviet Socialist Republic. (1989) *Zakon Kirgizskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki "O gosudarstvennom yazyke Kirgizskoy SSR" ot 23 sentyabrya 1989 goda № 2220-XI* [Law No. 2220-XI of the Kirghiz Soviet Socialist Republic "On the State Language of the Kirghiz SSR" dated September 23, 1989]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30235295&show_di=1&pos=6;-106#pos=6;-106 (Accessed: 28th October 2024).
6. The Republic of Uzbekistan. (1989) *Zakon Respubliki Uzbekistan "O gosudarstvennom yazyke Respubliki Uzbekistan" ot 21 oktyabrya 1989 goda № 3561-XI* [Law No. 3561-XI of the Republic of Uzbekistan "On the State Language of the Republic of Uzbekistan" dated October 21, 1989]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/108915> (Accessed: 28th October 2024).
7. Arefiev, A.L. (2023) Russkoyazychnoe obrazovanie v byvshikh natsional'nykh respublikakh SSSR v poslednie 30 let [Russian-language education in the former national republics of the USSR in the last 30 years]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 93(3). pp. 266–274.
8. Arefiev, A.L. & Kamysheva, S.Yu. (2023) Russkiy yazyk v respublike Uzbekistan: stranitsy istorii i sovremennost' [Russian language in the Republic of Uzbekistan: Pages of history and modernity]. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2. pp. 98–104.
9. Arefiev, A.L. (2015) Russkiy yazyk v mire: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Russian language in the world: past, present, future]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*. 4. pp. 7–21. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-mire-proshloe-nastoyashee-budushee> (Accessed: 8th October 2024).
10. Arefiev, A.L. (2013) Szhimayushcheesya russkoyazychie [The Shrinking Russian Language]. *Demoskop Weekly*. 571–572. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (Accessed: 8th October 2024).
11. Arefiev, A.L. (2012) *Russkiy yazyk na rubezhe XX–XXI vekov* [The Russian language at the turn of the 21st century]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.

12. Letnyakov, D.E. (2015) Rol' russkogo yazyka v postsovetsoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*. 4(79). pp. 100–115. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetsoy-tsentralnoy-azii> (Accessed: 8th October 2024).
13. Kudoyarova, T.V. (2010) Russkiy yazyk v sovremennoy obrazovatel'noy srede Turkmenistana [The Russian language in the modern educational environment of Turkmenistan]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 3. pp. 70–74. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-obrazovatel'noy-srede-turkmenistana> (Accessed: 8th October 2024).
14. Zharkynbaeva, R.S. & Volkova, O.A. (2017) Russkiy yazyk v normativno-pravovom i sotsiokul'turnom prostranstve sovremennykh gosudarstv Tsentral'noy Azii [The Russian language in the normative-legal and socio-cultural space of modern Central Asian states]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 24(273). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-normativno-pravovom-i-sotsiokul'turnom-prostranstve-sovremennykh-gosudarstv-tsentralnoy-azii> (Accessed: 8th October 2024).
15. Potapov, L. (2005) “Vlast' – eto sluzhenie...” Interv'yu L. Potapova [“Power is service...” Interview with L. Potapov]. *Zavtra*. 12th July. [Online] Available from: <http://zavtra.ru/blogs/2005-07-1341> (Accessed: 8th October 2024).
16. Rachkov, A.I. & Sergeeva, T.A. (2018) *Dnevnik vtorogo sekretarya TsK Kompartii Turkmenistana. Kniga 1. (1981–1982 g.g.)* [Diary of the Second Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Turkmenistan. Book 1. (1981–1982)]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2018/12/30/1950> (Accessed: 8th October 2024).
17. The Republic of Kazakhstan. (2023) *Natsional'nyy sostav, veroispovedanie i vladenie yazykami v Respublike Kazakhstane*. [Ethnic composition, religion, and language proficiency in the Republic of Kazakhstan]. Results of the 2021 National Population Census in the Republic of Kazakhstan Astana: Bureau of National Statistics.
18. The Kyrgyz Republic. (2023) *Perepis' naseleniya i zhilishchnogo fonda Kyrgyzskoy Respubliki 2022 goda. Naselenie Kyrgyzstana* [Population and Housing Census of the Kyrgyz Republic 2022. Population of Kyrgyzstan]. Bishkek: [s.n.].
19. The Republic of Tajikistan. (2021) *Perepis' naseleniya i zhilishchnogo fonda 2020* [Population and Housing Census 2020]. Vol. 3. Dushanbe: [s.n.].
20. International non-profit association of research agencies “Eurasian Monitor.” (2022) *Kommunikatsionnye praktiki zhitel'ev stran Severnoy Evrazii i ikh otnoshenie k russkomu yazyku. Rezul'taty vyborochnykh reprezentativnykh obshchenatsional'nykh oprosov vzroslogo (18 let i starshe) naseleniya gosudarstv – uchastnikov SNG, Abkhazii i Yuzhnoy Osetii (avgust – noyabr' 2022 goda)* [Communication Practices of Residents of Northern Eurasian Countries and Their Attitude to the Russian Language. Results of selective representative nationwide surveys of the adult (18 years and older) population of the CIS member states, Abkhazia and South Ossetia (August – November 2022)]. [Online] Available from: <https://eurasianmonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/miEySOEm.pdf?preview=1> (Accessed: 8th October 2024).
21. The Republic of Kazakhstan. (1997) *Zakon “O yazykakh v Respublike Kazakhstan” ot 11 iyulya 1997 goda № 151-I* [Law No. 151-I “On Languages in the Republic of Kazakhstan” dated July 11, 1997]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&pos=5;-108#pos=5;-108 (Accessed: 8th October 2024).
22. The Kyrgyz Republic. (2023) *Konstitutsionnyy zakon “O gosudarstvennom yazyke Kyrgyzskoy Respubliki” ot 17 iyulya 2023 goda № 140* [Constitutional Law No. 140 “On the State Language of the Kyrgyz Republic” dated July 17, 2023]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru> (Accessed: 8th October 2024).
23. The Republic of Tajikistan. (2009) *Zakon o gosudarstvennom yazyke Respubliki Tadjikistan ot 5 oktyabrya 2009 goda № 553* [Law No. 553 on the State Language of the Republic of Tajikistan dated October 5, 2009]. [Online] Available from: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/l_%E2%84%9613_state-language-RT_ru.pdf (Accessed: 8th October 2024).
24. The Turkmen Soviet Socialist Republic. (1990) *Zakon Turkmenskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki “O yazyke” ot 24 maya 1990 goda № 202-XII* [Law No. 202-XII of the Turkmen Soviet Socialist Republic “On Language” dated May 24, 1990]. [Online] Available from: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=10680 (Accessed: 8th October 2024).
25. The Republic of Turkmenistan. (1999) *Postanovlenie Khalk Maslakhaty Turkmenistana ot 29 dekabrya 1999 goda KKhM-20 “O navechnom utverzhdenii turkmenskogo yazyka i turkmenskogo natsional'nogo alfavita v deyatel'nosti organov gosudarstvennogo upravleniya, vo vsex sferakh zhizni nezavisimogo Turkmenistana”* [Resolution KHM-20 of the Halk Maslakhaty of Turkmenistan dated December 29, 1999, “On the eternal affirmation of the Turkmen language and the Turkmen national

alphabet in the activities of government bodies, in all spheres of life of independent Turkmenistan”]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337913 (Accessed: 8th October 2024).

26. The Republic of Uzbekistan. (1995) *Zakon Respubliki Uzbekistan “O gosudarstvennom yazyke” ot 21 dekabrya 1995 g., № 167-I* [Law No. 167-I of the Republic of Uzbekistan “On the State Language” dated December 21, 1995]. [Online] Available from: <https://lex.uz/acts/121433> (Accessed: 8th October 2024).

27. Coluzzi, P. (2017) Language planning for Malay in Malaysia: A case of failure or success? *International Journal of the Sociology of Language*. 244. pp. 17–38. DOI: 10.1515/ijsl-2016-0055

28. Rashid, R.A., Abdul Rahman, S.B. & Yunus, K. (2017) Reforms in the policy of English language teaching in Malaysia. *Policy Futures in Education*. 15(1). pp. 100–112;

29. Rahman, M.M. & Singh, M.K.M. (2021) English and Malay language policy and planning in Malaysia. *Training, Language and Culture*. 5(4). pp. 36–46.

30. Ministry of Preschool and School Education of the Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Informatsiya ob obshchey chislennosti uchashchikhsya na vsekh yazykakh obucheniya v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh v 2023–2024 uchebnom godu* [Information on the total number of students in all languages of instruction in general education schools in the 2023–2024 academic year]. [Online] Available from: <https://uzedu.uz/uploads/downloads/RINAolx-CiGKejDQLZRU9vbJnUEpjWkU.pdf> (Accessed: 8th October 2024).

31. The Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Sootnoshenie kolichestva uchashchikhsya kazakhskikh i russkikh klassov* [Ratio of students in Kazakh and Russian classes]. [Online] Available from: <https://qmonitor.kz/society/1774> (Accessed: 8th October 2024).

Сведения об авторе:

Данков А.Г. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Information about the author:

Dankov A.G. — Cand. Sci. (History), senior research fellow, Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;

одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 11.10.2024;

approved after reviewing 27.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/82/18

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Ирина Владимировна Зеленева¹, Анастасия Алексеевна Ледовская²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ i.zeleneva@spbu.ru

² anastasialed12@mail.ru

Аннотация. В статье выделяются геополитические риски и факторы, препятствующие долгосрочному стратегическому взаимодействию Великобритании с Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР) и закреплению в нем. В 2021 г. Великобритания официально объявила об индо-тихоокеанском «крене» (tilt), признавая постепенное смещение стратегического и экономического центра сил в ИТР и то, насколько важно для будущего процветания страны активно включиться в него. Однако существует ряд внутренних и внешних факторов, которые могут помешать Великобритании достичь всех заявленных целей в ИТР.

Ключевые слова: Великобритания, Индо-Тихоокеанский регион, США, Китай, Индия, региональная безопасность

Для цитирования: Зеленева И.В., Ледовская А.А. Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: геополитические риски и факторы дестабилизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 211–221. doi: 10.17223/1998863X/82/18

Original article

THE UK'S INDO-PACIFIC STRATEGY: GEOPOLITICAL RISKS AND DESTABILIZING FACTORS

Irina V. Zeleneva¹, Anastasia A. Ledovskaya²

^{1,2} St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ i.zeleneva@spbu.ru

² anastasialed12@mail.ru

Abstract. The article aims to identify the factors that shape the UK foreign policy strategy in the Indo-Pacific region (IPR). The chronological framework of the article covers the period from 2021, when the UK officially announced the Indo-Pacific policy, to July 2024, the end of the former Prime Minister Rishi Sunak's tenure. The study was conducted within the framework of the neorealist theory of international relations, based on the principles of reliability and objectivity. The interests of global and regional players in the IPR that influence the UK foreign policy were reviewed using the systematic analysis method. The situational analysis method, as a tool for current forecasting, proved to be useful in identifying internal and external factors that cause problems in the UK's long-term interaction with the IPR and its consolidation in it. After the referendum on leaving the European Union in 2016, the UK government set quite ambitious goals, including those in the IPR. The UK aimed to become a participant in the regional trade, as well as influence

regional security. In 2021, the UK formally announced an Indo-Pacific tilt in its foreign policy, recognizing the gradual shift of the strategic and economic center of power to the Indo-Pacific region, and the importance of actively engaging in it for the country's future prosperity. However, while developing this policy, the British government failed to take into account a number of factors, and, therefore, despite a number of signed agreements, there is no significant progress in this area, and the possibility of the projects' full realization is questionable. Among the internal factors, the most important are the problem of continuity of the foreign policy course, the economic crisis, and the gap between the set goals and the real capabilities of the country. Among the external factors, the authors note the influence of the American-Chinese rivalry and the difficulties in building relations with the former colonies. The UK undoubtedly has a chance to strengthen and even expand its presence in the region in accordance with its interests. However, in the near future, given the existing internal and external factors, the Indo-Pacific tilt will be extremely unstable.

Keywords: UK, Indo-Pacific region, USA, China, India, regional security

For citation: Zeleneva, I.V. & Ledovskaya, A.A. (2024) The UK's Indo-Pacific strategy: geopolitical risks and destabilizing factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 211–221. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/18

После проведения референдума о выходе страны из Европейского союза (ЕС) в 2016 г. правительство Великобритании поставило перед собой достаточно амбициозные цели, в том числе и в ИТР, где страна стремится включиться в региональную торговлю и расстановку сил, оказывая влияние на региональную безопасность. Однако вопрос успешного включения в столь динамично развивающийся регион со множеством внутренних особенностей и проблем вызывает много опасений. Статья посвящена выявлению причин и факторов внешнеполитической стратегии Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2021 г., когда Великобритания официально объявила об индо-тихоокеанской политике, по июль 2024 г., момента окончания срока полномочий бывшего премьер-министра Р. Сунака. Исследование было проведено в рамках неореалистической теории международных отношений, основано на принципах достоверности и объективности. Системный метод был использован при анализе интересов глобальных и региональных игроков в ИТР, влияющих на формирование внешней политики Великобритании. Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования оказался полезен при выделении внутренних и внешних факторов, которые вызывают проблемы в долгосрочном взаимодействии Великобритании с ИТР и закреплению в нем.

Проблематике изучения концепции «Глобальная Британия» и в особенности ее индо-тихоокеанского направления посвящены работы российских исследователей: А.А. Алешина [1], Д.В. Галушко [2], К.А. Годованюк [3], А.А. Громыко [4], Т.В. Епифановой [5], О.В. Лебедевой [6], А.О. Мамедовой [7], Г.Ю. Никопорец-Такигава [8], О.В. Приходько [9], В.В. Сутырина [10], Е.В. Хахалкиной [11]. В данных работах исследуется влияние американского и европейского факторов на внешнюю политику Великобритании, а также деятельность страны в военной сфере. Изучению индо-тихоокеанского направления политики Великобритании и роли американо-китайского фактора в ИТР посвящены работы зарубежных исследователей: Патрика Винтур [12], Томаса де Гарет Геддеса [13]. Несмотря на наличие российских и зару-

бежных работ, исследующих проблему индо-тихоокеанского направления политики Великобритании, не была сделана попытка провести комплексный анализ факторов, влияющих на отдельные направления британской политики в регионе.

Концепция «Глобальная Британия»

На фоне проведения референдума в 2016 г. и его итогов официальными лицами Великобритании почти сразу же был введен в политический дискурс термин «Глобальная Британия», подчеркнув идеологическую, экономическую и дипломатическую составляющую обновленного внешнеполитического курса и определив новые приоритетные направления сотрудничества в регионах за пределами Европы.

Центральным элементом и ответом на состоявшийся выход из ЕС стала публикация в марте 2021 г. правительственного документа «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: Комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики» (далее – Комплексный обзор) [14]. В документе определялась главная цель «Глобальной Британии» – необходимость выстраивания и укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества для достижения глобальных целей государства и восстановления международной роли страны. В нем и в опубликованной следом оборонной доктрине «Оборона в век конкуренции» (2021 г.) выделяются следующие направления: «особые отношения» с США, альянс «Пять глаз»¹, АСЕАН, страны Содружества, Япония, Индия, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Так вместе с другими масштабными целями «Глобальная Британия» обозначила и новое индо-тихоокеанское направление.

В качестве одного из двух приоритетных регионов, ИТР закрепляется в документе «Обновленный комплексный обзор 2023. Отвечая на вызовы более конкурентного и изменчивого мира» (далее – Обновленный обзор) [15]. В документе повторяются обозначенные ранее приоритетные направления сотрудничества с добавлением трехстороннего оборонного альянса AUKUS² и программы GCAP³.

Политика Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе

Политику Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе мы будем рассматривать в пределах пространств Индийского и Тихого океанов, останавливаясь подробнее на ключевых акторах региона. Правительственные документы Великобритании «Комплексный обзор 2021 года» [14] и «Обновленный обзор 2023 года» [15], выделяют области безопасности, торговли и политического сотрудничества как ключевые в индо-тихоокеанском направлении.

Политика Великобритании в области безопасности в регионе связана с присоединением к региональным державам в отстаивании принципов «сво-

¹ Пять глаз – это разведывательный альянс, созданный 5 марта 1946 г. Он включает в себя Великобританию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию.

² AUKUS – это трехсторонний стратегический оборонный альянс между Австралией, Великобританией и США, основанный 15 сентября 2021 г.

³ GCAP (глобальная программа боевой авиации) – это международный проект Великобритании, Италии и Японии с целью производства истребителей шестого поколения. Был создан 9 декабря 2022 г.

бодного и открытого ИТР». С этой целью для обеспечения безопасности в регионе был отправлен Королевский военно-морской флот в спорные районы для базирования и патрулирования, а также участия в совместных учениях в регионе. Началом «полноценного поворота» Великобритании в сторону ИТР считается первое за почти четыре десятилетия продолжительное развертывание 21-й авианосной ударной группы в июле 2021 г. в Индийском и Тихом океанах [16].

В области торговли британское правительство делает акцент на заключении соглашений о свободной торговле и включении в морские торговые пути. С 2016 г. такие соглашения были подписаны с Южной Кореей, Вьетнамом, Сингапуром, Австралией, Новой Зеландией и Малайзией, включая соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве с Японией. Главным моментом, являющимся ярким примером достижения экономических целей, стало подписание Великобританией в июле 2023 г. соглашения о присоединении к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (СРТРП) [17].

Политическое сотрудничество во многом осуществляется через **региональные механизмы многостороннего сотрудничества и создания новых альянсов**. Так, Великобритания стала партнером по диалогу АСЕАН (2021) и подала заявку на членство (2023), присоединилась к «Партнерству в синем Тихом океане» (2022 г.) и проекту «Сеть голубых точек» (2023 г.), подписала AUKUS и GCAP. Еще одним направлением является **укрепление стратегических двусторонних отношений со странами ИТР, прежде всего это страны Quad¹ и страны Юго-Восточной Азии – Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Сингапур**.

Однако несмотря на такой прогресс в индо-тихоокеанской политике, полномасштабное участие и закрепление Великобритании в региональной расстановке сил остается под вопросом в связи с несколькими факторами.

Внутренние факторы

В первую очередь, серьезной угрозой для дальнейшего развития индо-тихоокеанской политики является сложившаяся внутривнутриполитическая ситуация в Великобритании. Снижение популярности Консервативной партии в результате политических и экономических проблем в стране и рост рейтингов Лейбористской партии, сторонников европейского вектора политики, привели к победе последних на премьерских выборах в июле 2024 г. По нашему мнению, такие изменения в правительстве Великобритании, вероятно, приведут либо к сокращению выделяемых на ИТР ресурсов и, следовательно, уменьшению активности в нем, либо к полному сворачиванию индо-тихоокеанского «крена». Важным фактором, который отрицательно сказывается на проведении индо-тихоокеанской политики, является проблема преемственности внешнеполитического курса и изменения в распределении ресурсов в зависимости от смены внешнеполитических приоритетов. К тому же число жителей, недовольных как внутренней, так и внешней политикой руководящей партии, по данным исследовательской компании Ipsos, составляет 84% согласно опросу за апрель 2024 г. [18]. Такие внутренние проблемы мо-

¹ Quad – четырехсторонний диалог по безопасности, основанный в 2007 г. между Австралией, Индией, США и Японией.

гут помешать правительству полностью сосредоточиться на внешнеполитическом векторе и имеющихся там трудностях.

При серьезных экономических проблемах, увеличении внутреннего государственного долга до 98,3% годового ВВП Великобритании в размере 2,69 трлн фунтов стерлингов и росте инфляции [19], возникают сомнения относительно способности Великобритании финансировать все оборонные, промышленные и инфраструктурные цели и проекты, такие как AUKUS и GСАР, а также выполнять обязательства по двусторонним соглашениям. Несмотря на то, что было объявлено об увеличении расходов на оборону на 5 млрд фунтов стерлингов с 2023 по 2025 г. и о стремлении перейти к расходованию 2,5% ВВП на оборону, этих обязательств все равно недостаточно для полной реализации оборонных целей Великобритании, в том числе и в ИТР [20]. Также можно выделить фактор, связанный с распределением военных и финансовых ресурсов между двумя приоритетными регионами, Евро-Атлантикой и ИТР, указанных в Обновленном обзоре. Как увеличение ресурсов, так и перераспределение текущих в сторону ИТР может поставить под угрозу уже существующие финансовые обязательства в Евро-Атлантике, в первую очередь в НАТО.

Более того, отмечается разрыв между объявленными целями и реальными внутренними и внешнеполитическими возможностями страны и ее положением в регионе. К тому же эти цели в меньшей степени учитывают реальные угрозы в ИТР, а также слабо соотносятся с планами союзников и партнеров.

Согласно данным Комитета Палаты общин, доля военного присутствия, включая количество постоянных пунктов базирования, материально-технического и финансового обеспечения Великобритании в ИТР, продолжает оставаться ограниченной, слабоактивной и малоэффективной, особенно по сравнению с союзниками (например, у Великобритании 5 постоянных военных баз, у Франции – 12, у США – 9) [21].

Внешние факторы

Среди внешних факторов, прежде всего, стоит отметить, что несмотря на снижение уровня экспорта и импорта по сравнению с 2019 г. [22], Великобритания и ЕС все еще поддерживают и даже стараются наладить торговые отношения. Так, страны Европы входят в десятку крупнейших торговых партнеров Великобритании [23].

Другим важным фактором является явный приоритет сферы обороны и безопасности в деятельности Великобритании в ИТР, что вызывает обеспокоенность по поводу влияния на региональную стабильность и может помешать расширению британского сотрудничества в регионе. Так, объявление о подписании AUKUS вызвало негативную реакцию со стороны стран Юго-Восточной Азии, которые опасаются, что данный альянс окажет дестабилизирующее влияние на регион из-за явной антикитайской направленности, а также приведет к росту региональной гонки вооружений, особенно в области ядерного оружия [24].

Существует также проблема возрождения старых отношений, на которые пытается делать ставку британское правительство. Это связано сразу с несколькими факторами: колониальное прошлое, большое количество стран с авторитарными традициями управления, скептически относящихся к гром-

ким демократическим лозунгам и поползновениям Великобритании вмешиваться в их внутренние дела, и внешняя конкуренция со стороны Франции и Германии, которые имеют более тесное экономическое и оборонное сотрудничество с ключевыми партнерами Великобритании в регионе [21].

Отдельные трудности возникают при попытках выстраивания более глубоких отношений с Индией. Прежде всего, при прежнем правительстве Р. Сунака особого прогресса в двусторонних отношениях не наблюдалось, поскольку сохранялись разногласия по ключевым вопросам торговли и миграции индийских рабочих. Выстраиваемая политика в отношении Индии во многом не учитывает тот факт, что страна теперь имеет более весомую роль в региональной политике и имеет глобальные амбиции. Долгие годы сотрудничество Великобритании и Индии характеризовалось как непоследовательное, ненадежное и не приносящее взаимную выгоду. Сохраняется проблема институционализированности и слабой межправительственной координации [25]. Опубликованная Дорожная карта будущих отношений Индии и Великобритании на период до 2030 г. [26], включающая в себя достаточно масштабные и обширные цели, также может оказаться в итоге невыполненной из-за неспособности Великобритании выделять значительные ресурсы для успешной реализации поставленных планов.

Фактор американско-китайского соперничества

Обновленный обзор 2023 г. делает большой акцент на британо-американских «особых отношениях» и укреплении политической синергии особенно в ИТР во многих областях. Эти отношения, прежде всего в вопросах безопасности, хоть и являются одной из главных точек опоры для британской политики в ИТР, однако последствия такого тесного сотрудничества могут негативно сказываться на укреплении собственных позиций Великобритании в регионе.

С момента проведения референдума в 2016 г. «особые отношения» начали стремительно ухудшаться. США не поддержали выход Великобритании из ЕС, Великобритания же, в свою очередь, начала реже поддерживать действия США в международных делах, были случаи дипломатических разногласий, что только подпитывало общую напряженность. Прохладными стали и отношения между главами государств двух стран, особенно сильно это проявилось между президентом Д. Трампом и премьер-министром Т. Мэй. Последующим премьер-министрам Великобритании также не удалось наладить контакт с президентом Дж. Байденом.

Однако в результате продолжающего акцента на весомости британо-американского сотрудничества возникают опасения из-за уровня влияния индо-тихоокеанской стратегии США на собственную политику Великобритании в ИТР и последствий этого влияния при налаживании двусторонних отношений со странами региона.

Отдельной причиной разногласий между двумя странами является вопрос подписания соглашения о свободной торговле, экономические выгоды от которого ставятся под сомнение [3. С 5]. Большой всплеск недовольства с американской стороны возник в результате намерения Великобритании сотрудничать с китайской компанией Huawei. В результате после череды резких заявлений и даже угроз в адрес двустороннего разведывательного сотрудничества Великобритания начала пересматривать и сокращать

сотрудничество с Китаем в области критической инфраструктуры [27], соглашаясь с позицией США, несмотря на предостережения с китайской стороны о финансовых потерях и снижении торгово-инвестиционного сотрудничества. Совместные американо-британские учения в поддержку свободы судоходства в Южно-Китайском море тоже вызвали негативную реакцию со стороны Китая [7. С. 55]. Британское правительство также неоднократно выступало с заявлениями, критикующими власти Китая и Гонконга за нарушения прав и свобод в бывшей британской колонии, что продолжает расцениваться Китаем как вмешательство во внутренние дела страны.

В результате полной солидаризации с американской стратегией и несмотря на объявленную «золотую эру» в британо-китайских отношениях, официальные правительственные документы и лица Великобритании начали определять Китай как «системный вызов» для безопасности, процветания и ценностей Великобритании. Однако в обоих документах отмечается необходимость сотрудничества при решении транснациональных проблем и продолжении торговых и инвестиционных отношений. Эта позиция совпала с мнениями некоторых исследователей, которые считали, что экономическое удаление от Китая в результате сближения с американским подходом будет опасным для успешной реализации «Глобальной Британии» [12]. К тому же Китай продолжает оставаться крупным торговым партнером Великобритании. При этом у британского правительства нет отдельной четкой стратегии в отношении Китая, однако количество ресурсов, которые выделяются в этом направлении, достаточно большое по сравнению с другими [28]. Китайский исследователь Ли Гуаньцзе так охарактеризовал эволюцию британо-китайских отношений – от «холодной политики и горячего бизнеса» к «холодной политике и холодному бизнесу» [13].

Особую обеспокоенность вызывают рост сотрудничества Великобритании с Вьетнамом, Индией и Японией как скептически настроенных к Китаю, участие в антикитайских альянсах с США, а также дестабилизирующая деятельность Великобритании в Южно-Китайском море. Однако такое сотрудничество необходимо для достижения британских целей в ИТР. Отсюда вытекают риски, связанные с британским присутствием в ИТР и необходимостью балансировать и выстраивать двусторонние отношения с другими региональными партнерами и союзниками с учетом американо-китайского противостояния для достижения собственных целей, при этом сохраняя торговое и инвестиционное сотрудничество с Китаем.

Новый подход в отношении Китая – «защищать, согласовывать и вовлекать», который был изложен в Обновленном обзоре, в выступлениях Дж. Клеверли и Д. Кэмерона, оказывается на практике довольно расплывчатым и только подчеркивает двойственность проводимой британском правительством политики. Правительство Великобритании, с одной стороны, говорит о важности Китая, значение которого нельзя игнорировать в мировых делах, а с другой стороны, называет его «вызовом» и поддерживает антикитайскую политику США в регионе.

Заключение

Таким образом, британское правительство при выстраивании своей политики недостаточно учло ряд факторов, поэтому, несмотря на ряд заклю-

ченных соглашений, существенного прогресса по данному направлению не наблюдается, а полная реализуемость заключенных проектов и поставленных задач ставится под сомнение. Среди внутренних факторов-угроз самыми серьезными являются внутривнутриполитический кризис и проблема преемственности внешнеполитического курса; экономический кризис; дефицит финансирования обороны и вопрос распределения ресурсов по большому количеству обязательств; незначительный и малоэффективный уровень военного присутствия. Отсутствие отдельной целостной и хорошо проработанной стратегии в ИТР с определением последовательных приоритетов, соотношением поставленных целей и реальных ресурсов и возможностей страны, а также с учетом роста геополитической конкуренции в регионе и интересов ключевых акторов также становится фактором, отрицательно влияющим на достижения поставленных целей в регионе. Среди внешних факторов можно выделить: влияние американо-китайского соперничества, акцент на оборонной составляющей внешней политики и трудности в выстраивании отношений со странами, бывшими колониями Великобритании.

При этом у Великобритании, несомненно, есть шанс укрепить и даже расширить свое присутствие в регионе с положительным влиянием как для собственного развития страны, так и для развития региона. Однако в краткосрочной и среднесрочной перспективе, с учетом существующих внутренних проблем и внешних рисков и угроз, индо-тихоокеанский крен окажется крайне неустойчивым.

Список источников

1. Алешин А.А. Великобритания в многосторонних военно-политических структурах // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 35–48.
2. Галушко Д.В. Великобритания и Брекзит: некоторые последствия «возврата контроля» // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 4. С. 137–147.
3. Годованюк К.А. Старт торговых переговоров США и Великобритании. М. : Институт Европы РАН, 2020. № 28. С. 1–6.
4. Громыко А.А. Великобритания: новая политическая ситуация // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 56–60.
5. Епифанова Т.В., Воробьев С.В. Великобритания – «Глобальная Британия»: эволюция политики в отношении России (2010–2021 гг.) // Обозреватель. 2022. № 1 (384). С. 48–57.
6. Лебедева О.В., Шаталов А.С. Многосторонняя гуманитарная помощь как инструмент внешней политики Британии // Современная Европа. 2024. № 4. С. 45–57.
7. Мамедова А.О. Фактор США в отношениях Британии и Китая // Современная Европа. 2021. № 4. С. 47–57.
8. Никитопорец-Такигава Г.Ю. Британо-японское стратегическое партнерство в области обороны и безопасности // Современная Европа. 2023. № 7. С. 165–175.
9. Приходько О.В. США – Великобритания: «особые отношения» и современные вызовы // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 2.
10. Сутырин В.В. Политика Британии в сфере гуманитарного влияния: современное состояние и тенденции развития // Современная Европа. 2024. № 3. С. 29–43.
11. Хахалкина Е.В. «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению // Современная Европа. 2021. № 1. С. 21–32.
12. Wintour P. Why Britain is tilting to the Indo-Pacific region // The Guardian, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2021/mar/15/why-britain-is-tilting-to-the-indo-pacific-region> (accessed: 07.04.2024).
13. Geddes T. UK-China relations: From cautious optimism to disillusioned pessimism // The Mercator Institute for China Studies, 2022. URL: <https://mercics.org/en/mercics-briefs/uk-china-relations-eu-china-economic-dialogue-tech-competition> (accessed: 07.04.2024).

14. *Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy* // HM Government, 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed: 27.10.2023).
15. *Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world* // HM Government, 2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed: 27.10.2023).
16. *Carrier Strike Group deployment to visit 40 countries* // Royal Navy, 2021. URL: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/news/2021/april/26/210426-csg21-deployment> (accessed: 22.03.2024).
17. *The UK and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP)* // GOV.UK, 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp> (accessed: 22.03.2024).
18. *Rishi Sunak's satisfaction falls to equal worst ever Ipsos rating for a Conservative or Labour leader* // Ipsos, 2024. URL: <https://www.ipsos.com/en-uk/rishi-sunaks-satisfaction-falls-equal-worst-ever-ipsos-rating-conservative-or-labour-leader> (accessed: 21.04.2024).
19. *Williams H.* UK annual government borrowing higher than forecast in blow to Chancellor // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/business/uk-annual-government-borrowing-higher-than-forecast-in-blow-to-chancellor-b2533043.html> (accessed: 21.04.2024).
20. *One Year On: How Has the Integrated Review Refresh Held Up?* // The British Foreign Policy Group. URL: <https://bfpgrp.co.uk/2024/03/one-year-on-how-has-the-integrated-review-refresh-held-up/> (accessed: 07.04.2024).
21. *UK Defence and the Indo-Pacific* // Defence Committee, 2023. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmdfence/183/report.html> (accessed: 13.11.2023).
22. *Statistics on UK-EU trade* // UK Parliament, 2023. URL: <https://commons-library.parliament.uk/research-briefings/cbp-7851/> (accessed: 12.05.2024).
23. *Trade and investment core statistics book* // GOV.UK, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/trade-and-investment-core-statistics-book/trade-and-investment-core-statistics-book> (accessed: 09.05.2024).
24. *The state of Southeast Asia: 2022 survey report* // ASEAN Studies Centre, 2022. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (accessed: 10.05.2024).
25. *Building Bridges: Reawakening UK-India ties* // House of Commons Foreign Affairs Committee, 2019. URL: https://static.investindia.gov.in/s3fs-public/2019-11/Building%20Bridges_India%20UK.pdf (accessed: 22.03.2024).
26. *2030 Roadmap for India-UK future relations* // GOV.UK, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/2030-roadmap-for-india-uk-future-relations> (accessed: 22.03.2024).
27. *Ambrose J.* China's nuclear power firm could be blocked from UK projects // The Guardian, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/26/chinas-nuclear-power-firm-could-be-blocked-from-uk-projects> (accessed: 22.03.2024).
28. *Aspinall E.* One Year On: How Has the Integrated Review Refresh Held Up? // The British Foreign Policy Group, 2024. URL: <https://bfpgrp.co.uk/2024/03/one-year-on-how-has-the-integrated-review-refresh-held-up/> (accessed: 07.04.2024).

References

1. Aleshin, A.A. (2023) Velikobritaniya v mnogostoronnikh voenno-politicheskikh strukturakh [Great Britain in multilateral military-political structures]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 3. pp. 35–48.
2. Galushko, D.V. (2023) Velikobritaniya i Brekzit: nekotorye posledstviya "vozvrata kontrolya" [Great Britain and Brexit: Some consequences of the "return of control"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 17(4). pp. 137–147.
3. Godovanyuk, K.A. (2020) Start torgovykh peregovorov SShA i Velikobritanii [Start of trade negotiations between the USA and Great Britain]. *Analiticheskaya zapiska*. 28(211). pp. 1–6.
4. Gromyko, A.A. (2016) Velikobritaniya: novaya politicheskaya situatsiya [Great Britain: new political situation]. *Sovremennaya Evropa*. 2(68). pp. 56–60.

5. Epifanova, T.V. & Vorobiev, S.V. (2022) Velikobritaniya – “Global'naya Britaniya”: evolyutsiya politiki v otnoshenii Rossii (2010–2021 gg.) [Great Britain – “Global Britain”: The Evolution of Policy Towards Russia (2010–2021)]. *Obozrevatel'*. 1(384). pp. 48–57.
6. Lebedeva, O.V. & Shatalov, A.S. (2024) Mnogostoronnyaya gumanitarnaya pomoshch' kak instrument vneshney politiki Britanii [Multilateral Humanitarian Aid as an Instrument of British Foreign Policy]. *Sovremennaya Evropa*. 4. pp. 45–57.
7. Mamedova, A.O. (2021) Faktor SShA v otnosheniyakh Britanii i Kitaya [The US Factor in Britain-China Relations]. *Sovremennaya Evropa*. 4. pp. 47–57.
8. Nikiporets-Takigava, G.Yu. (2023) Britano-yaponskoe strategicheskoe partnerstvo v oblasti oborony i bezopasnosti [British-Japanese Strategic Partnership in Defense and Security]. *Sovremennaya Evropa*. 7. pp. 165–175.
9. Prikhodko, O.V. (2021) SShA – Velikobritaniya: “osobyie otnosheniya” i sovremennyye vyzovy [The United States – Great Britain: “special relations” and modern challenges]. *Rossiia i Amerika v XXI veke*. 8(2). DOI: 10.18254/S207054760015893-9
10. Sutyryn, V.V. (2024) Politika Britanii v sfere gumanitarnogo vliyaniya: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya [British policy in the sphere of humanitarian influence: current state and development trends]. *Sovremennaya Evropa*. 3. pp. 29–43.
11. Khakhalkina, E.V. (2021) “Global'naya Britaniya”: ot idei k voploshcheniyu [“Global Britain”: from idea to implementation]. *Sovremennaya Evropa*. 1. pp. 21–32.
12. Wintour, P. (2021) Why Britain is tilting to the Indo-Pacific region. *The Guardian*. 15th March. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2021/mar/15/why-britain-is-tilting-to-the-indo-pacific-region> (Accessed: 7th April 2024).
13. Geddes, T. (2022) *UK-China relations: From cautious optimism to disillusioned pessimism*. The Mercator Institute for China Studies. [Online] Available from: <https://merics.org/en/merics-briefs/uk-china-relations-eu-china-economic-dialogue-tech-competition> (Accessed: 7th April 2024).
14. The UK. (2021) *Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (Accessed: 27th October 2023).
15. The UK. (2023) *Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (Accessed: 27th October 2023).
16. Royal Navy. (2021) Carrier Strike Group deployment to visit 40 countries. 26th April. [Online] Available from: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/news/2021/april/26/210426-csg21-deployment> (Accessed: 22nd March 2024).
17. The UK. (2023) *The UK and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP)*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp> (Accessed: 22nd March 2024).
18. Ipsos. (2024) *Rishi Sunak's satisfaction falls to equal worst ever Ipsos rating for a Conservative or Labour leader*. [Online] Available from: <https://www.ipsos.com/en-uk/rishi-sunaks-satisfaction-falls-equal-worst-ever-ipsos-rating-conservative-or-labour-leader> (Accessed: 21st April 2024).
19. Williams, H. (2024) UK annual government borrowing higher than forecast in blow to Chancellor. *The Independent*. 23rd April. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/business/uk-annual-government-borrowing-higher-than-forecast-in-blow-to-chancellor-b2533043.html> (Accessed: 21st April 2024).
20. The UK. (2024) *One Year On: How Has the Integrated Review Refresh Held Up?* [Online] Available from: <https://bfpg.co.uk/2024/03/one-year-on-how-has-the-integrated-review-refresh-held-up/> (Accessed: 7th April 2024).
21. The UK, Defence Committee. (2023) *UK Defence and the Indo-Pacific*. [Online] Available from: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmdfence/183/report.html> (Accessed: 13th November 2023).
22. UK Parliament. (2023) *Statistics on UK-EU trade*. [Online] Available from: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7851/> (Accessed: 12th May 2024).
23. The UK. (2024) *Trade and investment core statistics book*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/statistics/trade-and-investment-core-statistics-book/trade-and-investment-core-statistics-book> (Accessed: 9th May 2024).

24. ASEAN Studies Centre. (2022) *The state of Southeast Asia: 2022 survey report*. [Online] Available from: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (Accessed: 10th May 2024).

25. House of Commons Foreign Affairs Committee. (2019) *Building Bridges: Reawakening UK-India ties*. [Online] Available from: https://static.investindia.gov.in/s3fs-public/2019-11/Building%20Bridges_India%20UK.pdf (Accessed: 22nd March 2024).

26. The UK. (2021) *2030 Roadmap for India-UK future relations*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/2030-roadmap-for-india-uk-future-relations> (Accessed: 22nd March 2024).

27. Ambrose, J. (2021) China's nuclear power firm could be blocked from UK projects. *The Guardian*. 26th July. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/26/chinas-nuclear-power-firm-could-be-blocked-from-uk-projects> (Accessed: 22nd March 2024).

28. Aspinall, E. (2024) *One Year On: How Has the Integrated Review Refresh Held Up?* The British Foreign Policy Group, 2024. [Online] Available from: <https://bfpgrp.co.uk/2024/03/one-year-on-how-has-the-integrated-review-refresh-held-up/> (Accessed: 7th April 2024).

Сведения об авторах:

Зеленева И.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: i.zeleneva@spbu.ru

Ледовская А.А. – магистрант программы «Мировая политика» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anastasialed12@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zeleneva I.V. – Dr. Sci. (History), professor of the Department of World Politics at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i.zeleneva@spbu.ru

Ledovskaya A.A. – master's student of the program "World Politics" at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: anastasialed12@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024;

одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 16.05.2024;

approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Original article

УДК 327.3

doi: 10.17223/1998863X/82/19

AESTHETICIZATION OF POLITICS: THE PUZZLING STRUCTURE OF THE VISUAL CULTURE OF CONTEMPORARY ENVIRONMENTAL MOVEMENT

Gleb V. Kotsur

*St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg,
Russian Federation, glebk17@gmail.com*

Abstract. The global environmental movement has become an increasingly important factor of contemporary international relations. Many scholars tend to focus on the ethical dimension of the global environmental project, but the aesthetic component is no less important in the struggle for people's minds. The article focuses on the visual culture of the global green project as a central element of its aesthetics. The linear logic of political struggle in this area implies the aestheticization of Self and the deaestheticization of the Other, that is, representation in terms of positive or negative categories of aesthetics – beautiful/ugly, sublime/basic, etc. However, this study shows that this binary opposition has little in common with the real logic of environmental visual culture. Using the tools of formal aesthetics, I analyze 200 images from the official websites of the EU's main environmental project – the European Green Deal, as well as of the United Nations Environment Programme. My research demonstrates that in this case we are witnessing such a puzzling phenomenon as the aestheticization of the Other, in other words, the attribution of attractive features to the phenomena of climate change and pollution. Why do supporters of green ideology aestheticize something they fight against? I argue that this paradox can be explained by referring to the dichotomy of the politicization of aesthetics/aestheticization of politics, introduced by Walter Benjamin back in the 1930s. The linear logic lies inside the framework of the politicization of aesthetics – the instrumental use of aesthetic means to achieve political goals. Such logic describes the overwhelming majority of cases of interaction between these two spheres, but sometimes we can see the opposite phenomenon of the aestheticization of politics, when aesthetics determines the forms of the political. Environmental visual culture is built on total aestheticization; therefore, a kind of inertia takes place, which presupposes the attribution of attractive features to objects that are textually delegitimized in the green discourse. It is total aestheticization that constitutes the core of environmental visual culture, largely providing its popularity in the world today.

Keywords: environment, visibility, aestheticization of politics, politicization of aesthetics, representation

For citation: Kotsur, G.V. (2024) Aestheticization of politics: The puzzling structure of the visual culture of contemporary environmental movement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 222–232. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/19

Научная статья

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ: ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Глеб Владиславович Коцур

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
glebk17@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена визуальной культуре современного экологического движения. Важной особенностью последней является парадокс эстетизации Другого, когда сторонники «зеленой» идеологии наделяют привлекательными чертами то, против чего борются, – изменение климата и загрязнение планеты. Автор утверждает, что данный феномен объясняется эстетизацией политики, которая и обуславливает подобную инерцию тотальной эстетизации объектов репрезентации.

Ключевые слова: экология, визуальность, эстетизация политики, политизация эстетики, репрезентация

Для цитирования: Kotsur G.V. Aestheticization of politics: The puzzling structure of the visual culture of contemporary environmental movement // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 222–232. doi: 10.17223/1998863X/82/19

The global environmental movement has become an increasingly important factor of international relations in recent decades. Although European culture (and not only European one) has a long tradition of idealizing and aestheticizing nature, environmental ideas have long been the domain of philosophers and scientists [1]. Relatively recently, in the last 50 years, green ideology has entered the mainstream of UN activities and public policy worldwide [2]. An important part of this success was provided by the visual culture of the global environmental project.

This dimension of politics and international relations is studied within the so-called visual turn in IR [3]. The vast majority of the research of this kind is devoted to something what Walter Benjamin called the “politicization of aesthetics” – the instrumental use of aesthetic tools to reach political aims [4]. In relation to the environmental dimension, this means the aestheticization of Self (nature and its defenders) and the deaestheticization of the Other (climate change, pollution, and opponents of green ideology). However, my empirical research shows that this is not the case, and we are witnessing a paradoxical phenomenon of the aestheticization of the Other in environmental visual culture.

This article aims to unpack the logic of such a process, to explain why aforementioned paradox takes place, and to begin its conceptualization. The empirical evidence of this study are visual representations from the official websites of the European Green Deal and the United Nations Environment Programme.

Theoretical and methodological framework

The contemporary environmental project arose on fertile ground, since European culture contains a long tradition of idealization/aestheticization of nature. Ancient Greeks considered art as “mimesis” – imitation of nature [5], while Burke

[6] and Kant [7] illustrated the main aesthetic categories through references to mountains, meadows and storms. A huge contribution to this process was made by Jean-Jacques Rousseau with his opposition between the noble savage, living a natural life in harmony with the environment, and the artificial vicious city and civilization [8]. Fiction also did a lot to aestheticize the nature [9], and, of course, landscape painting, accustoming the audience to perceive nature through the prism of beauty [10].

This tradition has become a fruitful background for the contemporary environmental project, which has flourished in recent decades. The numerous studies were devoted to it, including in Political Science. Scholars investigate the historical roots of green ideology [11], its structure [12], the specifics of its reception and implementation in the Global South [13], and much more. In such studies, they often reveal the significance of the ethical side for the green project because saving the planet is obviously a moral problem within the political field [14]. However, the aesthetic component is no less important, that is why a particular discipline of environmental aesthetics is rapidly developing now [15].

In 2018 Roland Bleiker announced the “visual turn” in IR theory [3]. But the topic of environment attracts little attention by scholars of this kind; one can mention a narrowly specialized article by Manzo on the representation of climate change in cartoons [16] or a study by Benner and Rothe on visual politics of climate engineering [17]. The overwhelming majority of cases here are devoted to the phenomenon of the politicization of aesthetics in Benjamin’s terms, when actors use aesthetics to achieve their political goals [4]. This suggests a general logic of the aestheticization of Self and the deaestheticization of the Other; that is, endowing the representation of nature and its defenders with attractive features; and, in contrast, depicting climate change in terms of negative aesthetic categories – through the ugly, disgusting, basic, or comic. However, the empirical analysis shows that we are facing a paradox of the aestheticization of the Other when climate change and pollution are attractively represented within environmental visual culture. Below I will demonstrate how such a phenomenon can be explained through the second part of Benjamin’s formula, which scholars tend to neglect, through the aestheticization of politics.

My analysis will focus on the European Green Deal as the main environmental project of the EU – one of the headliners in this field. In order to avoid the Western gaze and address the global level, this case is supplemented with materials from UNEP, which is the largest environmental program under the auspices of the UN. More specifically, I turn to news from the official websites of these two projects, taking 100 photographs from each source in the sample, setting September 1, 2024, as a chronological threshold. The applied tool for image analysis is composition theory with the focus on the categories of “contrast”, “emphasis”, “predominant”, etc., since methods from formal aesthetics are conventional tools for environmental aesthetics [15].

Visual environmental culture

As stated above, the linear logic of political struggle assumes that actors use aesthetic tools in the public sphere to achieve their political goals. Moreover, researchers of multimodality underline the following: a message successfully influences an audience today largely due to the synchronicity in different areas,

that is, when a text is supplemented by an image, sound, etc. [18] Taking this point for granted, the visual culture of environmental project should include the aestheticization of nature and the deaestheticization of climate change and pollution; in other words, the content of Figure 1 should be a kind of a common thing for this visual culture.

Fig. 1. Finley D. Pollution [19]

The most common form of deaestheticization is through the ugly; in the case of pollution, it is reasonable to expect an appeal to the subcategory of the disgusting, and we see this in the photo. The foreground and most of the composition are occupied by garbage and decaying waste products. The dump is not equipped and is located simply in a field; there is not even a hint of waste recycling. The garbage truck carries more waste, creating a threatening prospect of the dump growing: even the sky is gloomy in the image. The entire ominous composition of the photo is aimed at provoking the emotion of disgust, and pollution is represented as something that needs to be fought against.

But this picture was not taken from the visual sources of environmental organizations; for them, this type of image is rather the exception than the rule. My empirical analysis shows that in the case of the European Green Deal, only 5 out of 100 photos lie within the framework of the deaestheticization of the Other, while 16, on the contrary, aestheticize pollution [20]. In the case of UNEP, the ratio is as follows: 4 contain deaestheticization and 18 aestheticization [21]. Moreover, the particular numbers are not so important for my study; they can differ significantly in other sources. We should understand why this paradoxical phenomenon takes place at all and why it is so substantial for the environmental visual culture although it is difficult to explain this logically.

What does the aestheticization of the Other look like? Let us take a piece of news from the European Union website on emissions from burning aircraft fuel into the atmosphere.

Fig. 2. Directorate-General for Climate Action. Consultation on monitoring, reporting & verification of aviation non-CO2 impact on the climate [22]

This image (Figure 2) is minimalistic, the contrails are the only object against the sky. Nothing in the composition of the photo is intended to provoke disgust of the audience. Firstly, in European and many other cultures there is a long tradition of symbolic idealization of the blue sky [23]; and here we see this one, in contrast with the previous photo. It is noteworthy that in the 200 considered images there are few representations of “bad” weather. Secondly, the contrails as such are not culturally associated with anything negative in the mass consciousness. The image is even aestheticized due to the composition: the traces of the planes form a geometrically correct grid, contributing to the photogenic nature of the image.

The official UNEP website provides similar empirical evidence. The article about the need to reduce emissions from industry is illustrated by a panoramic image of a plant (Figure 3). First of all, one can note once again the geometric composition during the representation of the different blocks of the plant, which creates a clear tempo-rhythm of the image. Next, the main aesthetic effect is achieved through light: it is no coincidence that the photographer chose a night view with its lights, which ensures attractiveness due to the spectacular contrast of yellow and black. Even the night sky is captured with a beautiful pink hue.

Fig. 3. NurPhoto via AFP. New body aims to limit pollution’s deadly toll [24]

Another photo is also taken from the UNEP website, this one is located above the piece of news about negotiations on reducing plastic waste (Figure 4). In the minimalist image, the outstretched hands stand out as a clear emphasis of the composition. The rest of the frame is blurred, leaving us with no choice but to focus on the hands that contain shredded plastic. The main compositional feature of the photo is the “breaking of the fourth wall”, when the person stretches out her hands towards the viewer. Looking at this representation of plastic, we can hardly understand why it is so harmful for nature, inside such a composition it is more reminiscent of precious metals like diamonds.

Fig. 4. Photo: UNEP. Critical negotiations on plastic pollution begin in Ottawa, Canada [25]

All this does not mean that the deaestheticization of the Other is absent within environmental visual culture. For instance, one of the photos devoted to the EU Green Deal (Figure 5) contains an image of a pipe against the background of green nature and of smoke that fills the frame [26]. This fits into the classic description of deaestheticization through the distortion of natural form in the terms of, probably, the main theorist of the ugly, Karl Friedrich Rosenkranz [27. P. 101–111]. Next, the article on the floods in San Salvador is accompanied by an image (Figure 6) of destroyed cars, where we also see a violation of form, order (things are not in their places), the dirt in the center of the frame provokes unpleasant sensation.

Fig. 5. Directorate-General for Climate Action. Commission sets out how to sustainably capture, store and use carbon to reach climate neutrality by 2050 [26]

Fig. 6. Photo: Reuters. Sponge City: How San Salvador is using nature to fight floods [28]

However, such photos constitute an absolute minority out of the total number. And, in general, the very existence of them should not be the object of analysis, this is a clear and easily explained phenomenon. But what is the source of the aestheticization of the Other? Of course, different communities create and maintain their own local norms, and, perhaps, images of contrails are associated with something disgusting a priori within the green camp. Nevertheless, official websites exist not (only) to inform a narrow layer of supporters, but to work in the public field, to interact with a mass audience. Why convince people of the harmfulness of plastic, comparing it to diamonds?

Aestheticization of politics, not politicization of aesthetics

Different explanations are possible. Let us note that we are not asking “for what purpose” they do that. There is no single subject of environmental visual aesthetics with consistent intentionality, rather we see certain norms, ideas and practices among the participants of this social field. Therefore, it is much more reasonable to ask the question – “why” does this phenomenon take place? It can be explained through professional standards: photographers and media workers share common standards of image beauty and want to increase website traffic. This is a valid, but superficial and only partial interpretation. Contemporary photographers know how to work with the category of the ugly, and such images are as attractive as beautiful ones, but just in a different way.

The explanation through Benjamin’s classic dichotomy seems justified here. The linear interpretation of the struggle in the sphere of political aesthetics goes through the logic of the politicization of aesthetics – the instrumental use of aesthetic tools by political actors to achieve their goals [4]. However, few people pay attention to the second part of the formula (aestheticization of politics) because it was vaguely described by Benjamin, and there are not so many cases when the aesthetic determines the political [29. P. 5]. But they do exist and this is what we see now. Environmental visual culture is so about total aestheticization that such logic cannot be contained within the framework of aestheticization of Self vs

deaestheticization of the Other, spilling-over from one to another, since identity is constituted through the Other and there is no way of how they can be fully separated. An inertia of aestheticization arises, which extends not only to Self, but also to the Other, no matter how rational it is within logic of political struggle. Portraying and perceiving things through the beautiful is the default option of environmental visual culture, and actors in this social field apparently have to make an effort to transgress this mode.

Conclusion

The visual component is important for the success of global environmental project because it helps to win the battle for people's minds. In this area, we could expect a linear binary opposition "aestheticization of the Self vs deaestheticization of the Other" – of climate change and pollution. However, the case of the European Green Deal and UNEP shows that we see a puzzling phenomenon of the aestheticization of the Other. This thing can be explained through Benjamin's term "aestheticization of politics", when aesthetics imposes its logic on political relations, provoking the inertia of total aestheticization in relation to the Other.

It seems to be fruitful for the future research to expand the empirical evidence: to what extent these processes are universal for different environmental actors around the world? Interviews with professionals in this area and with the audience can be useful here. One should keep in mind the following important take: visual representation as such is impossible beyond aesthetics; accordingly, the unavoidable question is not "to aestheticize or not", but *through which* aesthetic categories this will be carried out. How the participants in this social field make this choice is extremely intriguing since the role of aesthetics will only increase in the future world dominated by mass media and representation.

References

1. Haas, P.M. (1990) Obtaining international environmental protection through epistemic consensus. *Millennium*. 19(3). pp. 347–363.
2. Imber, M.F. & Vogler, J. (eds) (1995) *The Environment and the United Nations*. London: Routledge.
3. Bleiker, R. (ed.) (2018) *Visual Global Politics*. Abingdon: Routledge.
4. Benjamin, W. (1969) *The work of art in the age of mechanical reproduction*. Massachusetts Institute of Technology. [Online] Available from: <https://web.mit.edu/allanmc/www/benjamin.pdf> (Accessed: 25th September 2024).
5. Melberg, A. (1995) *Theories of Mimesis*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Cochrane, T. (2012) The emotional experience of the sublime. *Canadian Journal of Philosophy*. 42(2). pp. 125–148.
7. Rueger, A. (2007) Kant and the aesthetics of nature. *The British Journal of Aesthetics*. 47(2). pp. 138–155.
8. Combee, J. & Plax, M. (1973) Rousseau's noble savage and European self-consciousness. *Modern Age*. 17(2). pp. 173–182.
9. Gatta, J. (2004) *Making Nature Sacred: Literature, Religion, And Environment in America from the Puritans to the Present*. Oxford: Oxford University Press.
10. Halkes, P. (2006) *Aspiring to the Landscape: On Painting and the Subject of Nature*. Toronto: University of Toronto Press.
11. Pepper, D. (1996) *Modern Environmentalism: An Introduction*. New York: Routledge.
12. Freedon, M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press.
13. Guha, R. & Alier, J.M. (1997) *Varieties of Environmentalism: Essays North and South*. London: Routledge.

14. Rolston, H. (1989) *Environmental Ethics: Duties to and Values in The Natural World*. Philadelphia: Temple University Press.
15. Carlson, A. (2010) Contemporary environmental aesthetics and the requirements of environmentalism. *Environmental Values*. 19(3). pp. 289–314.
16. Manzo, K. (2018) Climate. In: Bleiker, R. (ed.) *Visual Global Politics*. Abingdon: Routledge. pp. 55–61.
17. Benner, A. K. & Rothe, D. (2024) World in the making: On the global visual politics of climate engineering. *Review of International Studies*. 50(1). pp. 79–106.
18. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (1996) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Abingdon: Routledge.
19. Finley, D. (2024) *Pollution*. *National Geographic*. [Online] Available from: <https://education.nationalgeographic.org/resource/pollution/> (Accessed: 25th September 2024).
20. The European Union. (2024) *News*. [Online] Available from: https://climate.ec.europa.eu/news-your-voice/news_en (Accessed: 25th September 2024).
21. The United Nations Environment Programme. (2024) *Resources: stories*. [Online] Available from: https://www.unep.org/resources/filter/page=0/sort_by=publication_date/sort_order=desc/type=article/story_type=55 (Accessed: 25th September 2024).
22. The European Union, Directorate-General for Climate Action. (2023) *Consultation on monitoring, reporting & verification of aviation non-CO2 impact on the climate*. [Online] Available from: https://climate.ec.europa.eu/news-your-voice/news/consultation-monitoring-reporting-verification-aviation-non-co2-impact-climate-2023-10-25_en (Accessed: 25th September 2024).
23. Lillyman, W.J. (1969) The blue sky: a recurrent symbol. *Comparative Literature*. 21(2). pp. 116–124.
24. The United Nations Environment Programme. (2024) *New body aims to limit pollution's deadly toll*. [Online] Available from: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/new-body-aims-limit-pollutions-deadly-toll> (Accessed: 25th September 2024).
25. The United Nations Environment Programme. (2024) *Critical negotiations on plastic pollution begin in Ottawa, Canada*. [Online] Available from: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/critical-negotiations-plastic-pollution-begin-ottawa-canada> (Accessed: 25th September 2024).
26. The European Union, Directorate-General for Climate Action. (2024) *Commission sets out how to sustainably capture, store and use carbon to reach climate neutrality by 2050*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_585 (Accessed: 25th September 2024).
27. Rosenkranz, K. (2015) *Aesthetics of Ugliness*. New York: Bloomsbury.
28. The United Nations Environment Programme. (2024) *Sponge City: How San Salvador is using nature to fight floods*. [Online] Available from: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/sponge-city-how-san-salvador-using-nature-fight-floods> (Accessed: 25th September 2024).
29. Kotsur, G.V. (2023) Problema estetizatsii politiki na primere kontseptsii mnogopolynarnogo mira [The concept of a multipolar world as the aestheticization of politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 21(3). pp. 31–49.

Список источников

1. Haas P.M. Obtaining international environmental protection through epistemic consensus // *Millennium*. 1990. Vol. 19, № 3. P. 347–363.
2. *The Environment and the United Nations* / eds. M.F.Imber, J. Vogler. London : Routledge, 1995.
3. *Visual Global Politics* / eds. R. Bleiker. Abingdon : Routledge, 2018.
4. Benjamin W. The work of art in the age of mechanical reproduction. Massachusetts Institute of Technology. 1969. URL: <https://web.mit.edu/allanmc/www/benjamin.pdf> (accessed: 25.09.2024).
5. Melberg A. Theories of Mimesis. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
6. Cochrane T. The emotional experience of the sublime // *Canadian Journal of Philosophy*. 2012 Vol. 42, № 2. P. 125–148.
7. Rueger A. Kant and the aesthetics of nature // *The British Journal of Aesthetics*. 2007. Vol. 47, № 2. P. 138–155.
8. Combee J., Plax M. Rousseau's noble savage and European self-consciousness // *Modern Age*. 1973. Vol. 17, № 2. P. 173–182.

9. *Gatta J.* Making Nature Sacred: Literature, Religion, And Environment in America from the Puritans to the Present. Oxford : Oxford University Press, 2004.
10. *Halkes P.* Aspiring to the Landscape: On Painting and the Subject of Nature. Toronto : University of Toronto Press, 2006.
11. *Pepper D.* Modern Environmentalism: An Introduction. New York : Routledge, 1996.
12. *Freedman M.* Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Clarendon Press, 1996.
13. *Guha R., Aliev J.M.* Varieties of Environmentalism: Essays North and South. London : Routledge, 1997.
14. *Rolston H.* Environmental Ethics: Duties to and Values in The Natural World. Philadelphia : Temple University Press, 1989.
15. *Carlson A.* Contemporary environmental aesthetics and the requirements of environmentalism // *Environmental Values*. 2010. Vol. 19, № 3. P. 289–314.
16. *Manzo K.* Climate // *Visual Global Politics* / eds. R. Bleiker. Abingdon : Routledge, 2018. P. 55–61.
17. *Benner A.K., Rothe D.* World in the making: On the global visual politics of climate engineering. *Review of International Studies*. 2024. Vol. 50, № 1. P. 79–106.
18. *Kress G., Van Leeuwen T.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. Abingdon : Routledge, 1996.
19. *Finley D.* Pollution. *National Geographic*. 2024. URL: <https://education.nationalgeographic.org/resource/pollution/> (accessed: 25.09.2024).
20. *The European Union.* News. 2024. URL: https://climate.ec.europa.eu/news-your-voice/news_en (accessed: 25.09.2024).
21. *The United Nations Environment Programme.* Resources: stories. 2024. URL: https://www.unep.org/resources/filter/page=0/sort_by=publication_date/sort_order=desc/type=article/story_type=55 (accessed: 25.09.2024).
22. *Directorate-General for Climate Action.* Consultation on monitoring, reporting & verification of aviation non-CO2 impact on the climate. The European Union. 2023. URL: https://climate.ec.europa.eu/news-your-voice/news/consultation-monitoring-reporting-verification-aviation-non-co2-impact-climate-2023-10-25_en (accessed: 25.09.2024).
23. *Lillyman W.J.* The blue sky: a recurrent symbol // *Comparative Literature*. 1969. Vol. 21, № 2. P. 116–124.
24. *The United Nations Environment Programme.* New body aims to limit pollution's deadly toll. 2024. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/new-body-aims-limit-pollutions-deadly-toll> (accessed: 25.09.2024).
25. *The United Nations Environment Programme.* Critical negotiations on plastic pollution begin in Ottawa, Canada. 2024. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/critical-negotiations-plastic-pollution-begin-ottawa-canada> (accessed: 25.09.2024).
26. *Directorate-General for Climate Action.* Commission sets out how to sustainably capture, store and use carbon to reach climate neutrality by 2050. The European Union. 2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_585 (accessed: 25.09.2024).
27. *Rosenkranz K.* Aesthetics of Ugliness. New York : Bloomsbury, 2015.
28. *The United Nations Environment Programme.* Sponge City: How San Salvador is using nature to fight floods. 2024. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/sponge-city-how-san-salvador-using-nature-fight-floods> (accessed: 25.09.2024).
29. *Котур Г.В.* Проблема эстетизации политики на примере концепции многополярного мира // *Международные процессы*. 2023. № 3 (74). С. 1–19.

Information about the author:

Kotsur G.V. – Cand. Sci. (Political Science), teaching assistant at the Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); associate professor, Department of Political Science and International Affairs, Saint Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: glebk17@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Коцур Г.В. — кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); доцент Департамента политологии и международных отношений, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: glebk17@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 02.11.2024;
approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 13.12.2024
Статья поступила в редакцию 02.11.2024;
одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 13.12.2024*

Научная статья

УДК: 32

doi: 10.17223/1998863X/82/20

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНДУСТРИЯ 4.0: ИНТЕРНЕТ-БАЛКАНИЗАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ ГРАНИЦЫ

Алиса Романовна Шишкина¹, Егор Денисович Файн²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *ashishkina@hse.ru*

² *efayn@hse.ru*

Аннотация. Данная статья направлена на изучение процессов фрагментации интернета в различных регионах мира с точки зрения политических тенденций и национальной безопасности. На примерах авторы прослеживают тенденции так называемой балканизации киберпространства. В статье рассматриваются несколько моделей фрагментации интернета. Авторы приходят к выводу, что балканизация будет продолжаться до тех пор, пока угрозы безопасности не будут устранены.

Ключевые слова: балканизация интернета, фрагментация, национальная безопасность, цифровые границы

Благодарность: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Для цитирования: Шишкина А.Р., Файн Е.Д. Национальная безопасность и Индустрия 4.0: интернет-балканизация и цифровые границы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 233–244. doi: 10.17223/1998863X/82/20

Original article

NATIONAL SECURITY AND INDUSTRY 4.0: INTERNET BALKANIZATION AND DIGITAL BORDERS

Alisa R. Shishkina¹, Egor D. Fain²

^{1,2} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *ashishkina@hse.ru*

² *efayn@hse.ru*

Abstract. This article is aimed at observing the processes of Internet fragmentation throughout different regions of the world in terms of global political trends and national security. In order to do this, we highlight the trends of the so-called Balkanization of cyberspace, its prerequisites, peculiarities, challenges, and specifics for the most vivid cases. Currently, the world is experiencing the growth of numerous promising new technologies – the process which is named The Fourth Industrial Revolution by Klaus Schwab. However, these new technologies need the Internet to be successful and useful. The Internet, on the other hand, is quickly changing and dissolving into different national fragments. This

process is sometimes called internet balkanization. While initially, at the beginning of the 1990s, the Internet was seen as a tool of future globalization and virtually unlimited communication and entertainment, nowadays it is regulated by the governments across the world. In order to demonstrate this tendency the cases of the USA, the EU, China, and Russia are observed. The US is the country that profits the most from the globalized Internet since the US has a larger control over the Web and many IT-companies. However, due to alleged digital interference in the elections in 2016, the US started building new cybersecurity and aims to fight foreign influences. China is an example of the Internet which was isolated from the beginning. The Great Chinese Firewall blocks a large amount of foreign websites and services. Due to this, the Chinese Internet has a specific structure and design. At the same time, China develops the Digital Silk Road – its own digital infrastructure in foreign countries. The EU has regulated its data traffic since the 1990s. However, for a long time data exchange with the US was unsupervised. However, after Snowden's revelations in 2013, the position of European politicians significantly changed, and they took measures against US companies. Russia combines approaches of the EU and China. While the Russian Internet in the 1990s was almost unregulated, in the 21st century it became regulated and has laws on data localization. To conclude, it is evident that while the Internet possesses potential threats, governments will regulate it and limit it, thus drawing "digital borders".

Keywords: internet balkanization, fragmentation, national security, digital borders

Acknowledgments: the study is supported by St. Petersburg State University. Project No. 116471555.

For citation: Shishkina, A.R. & Fain E.D. (2024) National security and Industry 4.0: Internet balkanization and digital borders. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 233–244. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/20

Национальная безопасность и фрагментация интернета

Концепция Четвертой промышленной революции стала популярной благодаря Клаусу Швабу [1. Р. 12], основателю и президенту Всемирного экономического форума (ВЭФ). Многие исследователи используют ее в качестве рабочей концепции, в тех или иных формах она была включена в национальные стратегии и признана правительствами различных стран. Мы можем предположить, что само рождение этого термина отражает фундаментальный характер современного технологического развития, который потенциально ведет к большим изменениям в обществах по всему миру, и различные политические структуры предпринимают усилия по регулированию влияния технологий на общество.

Четвертая промышленная революция определяется совокупностью множества различных технологий, которые можно сгруппировать по четырем основным областям: киберфизические системы, интернет вещей, облачные вычисления и когнитивные вычисления [2. Р. 78238]. При этом ни одна из этих областей немыслима без интернета. Интернет и его роль в обществе широко обсуждались на Всемирном экономическом форуме наряду с вопросами Индустрии 4.0. Проблеме фрагментации интернета в различных ее формах посвящен документ «Фрагментация интернета: Обзор» («Internet Fragmentation: An Overview»), специально подготовленный к ВЭФ 2016 [3]. Феномен балканизации или фрагментации интернет-пространства начал обсуждаться в научной литературе еще в конце 1990-х гг. и впоследствии получил более широкое освещение [4–6]. Фрагментация интернета может быть технической, коммерческой и правительственной и, по сути, означает

раскол интернета на слабосвязанные «островки связи» [7]. Существует значительное число исследований, посвященных техническим особенностям современных процессов, связанных с интернетом, и отдельным странам. В данной статье предпринята попытка представить сравнительную перспективу исследований названной проблематики в глобальном контексте общемировых трендов.

Процесс фрагментации интернета, также иногда называемый «балканизацией», продолжается, и его правительственная фрагментация идет быстрее, чем другие процессы. В нашей статье мы понимаем «балканизацию» как тренд на разделение Всемирной сети на отдельные национальные интернет-сети с точки зрения их политического и законодательного регулирования [8. Р. 80]. Разделение интернета происходит в результате того, что государства следуют своим национальным интересам для того, чтобы обеспечить военнополитическую и экономическую безопасность государства, его политическую и культурную самобытность [9. С. 2381]. Защита этих интересов в контексте интернета обычно понимается как защита данных граждан и информации от постороннего вмешательства [10. Р. 103].

Управление киберпространством связано с понятием суверенитета государств и их отношениями с заинтересованными сторонами, что сделало эту тему предметом серьезных дискуссий и споров [11. Р. 2]. Динамичные изменения, вызванные проблемами кибербезопасности, привели к тому, что глобальную сеть Интернета разрывают на различные отдельные «интернет-сети» [12. Р. 56]. Если в начале своего существования интернет воспринимался как пространство без границ, то в последние годы появляется все больше свидетельств того, что ему грозит «балканизация», раскол на национализированные фрагменты [13. Р. 20].

Сегментации интернета способствуют вполне технические причины и условия. С момента своего появления интернет создал положительные внешние эффекты сети, широкий доступ и бесперебойную связь благодаря сочетанию технологий маршрутизации и широкой совместимости сетей [14. Р. 2–3]. Этот период характеризовался значительным интересом провайдеров к сотрудничеству. Однако по мере роста спроса на интернет-услуги перегруженность квазигосударственных узлов межсетевого взаимодействия и коммерциализация этой сферы заставили крупных интернет-провайдеров и пользователей искать более надежные квазичастные межсетевые соединения. Сагава отмечает, что общинная модель, которая преобладала в предыдущие периоды и актуальность которой была продиктована экономическими и глобальными проблемами безопасности того времени, неизбежно уступает место дифференцированным и менее взаимосвязанным сетям из-за распространения рыночных цен [15].

В начале 1990-х гг. интернет рассматривался как своего рода универсальный инструмент, который объединил бы людей по всему миру, однако в 2000-е гг. энтузиазм в отношении подобных идей стал постепенно угасать [16. Р. 698]. Эти сомнения были выражены в появлении концепции «платформенного капитализма» [17. Р. 50], что рассматривалось как еще одно препятствие на пути создания Всемирной сети. Так как несколько компаний контролируют веб-платформы, используемые всеми остальными пользователями интернета, это влияет на их качество. Другая концепция «капитализм наблю-

дения» подразумевает, что компании относятся к данным пользователей как к товару, который они используют для создания более эффективной рекламы [18]. Это приводит не только к появлению более эффективных рекламных кампаний, но и к нарушению принципов конфиденциальности. Названные проблемы приводят к тому, что правительства разных стран видят угрозу в развитии интернета в том числе из-за нарушения конфиденциальности, увеличения зависимости от крупных корпораций и опасности дезинформации. По этой причине Всемирная паутина становится все менее «всемирной» и все более национальной. В начале XXI в. наблюдается четкая тенденция к «локализации данных» и принятии законов, которые требуют, чтобы данные хранились и обрабатывались в пределах географических границ страны их происхождения [19].

Целью данной статьи является изучение процессов фрагментации интернета с точки зрения глобальных политических тенденций и национальной безопасности. В статье будут проанализированы модели, сформировавшиеся в ЕС, Китае, России и США. Кроме того, в статье анализируются потенциальные выгоды, которые получают страны при регулировании национального интернет-пространства. Теоретической основой исследования является структурно-функциональный подход. Основные методы исследования включают изучение конкретных кейсов, анализ нормативно-правовых актов, материалов СМИ, а также данных международных организаций.

США

Обсуждение процессов фрагментации интернета невозможно без изучения того, насколько глобальным интернет был исторически. Такие авторы, как Н. Меррилл, считают фрагментацию или балканизацию интернета проблемой только с американской точки зрения [20]. США имеют значительный контроль над инфраструктурой интернета и почти полный контроль над доменами интернета и центрами сертификации, что позволяет американскому правительству при необходимости отключать отдельные его части. Есть также пример ICANN, неправительственной организации, регулирующей выдачу доменных имен. Хотя формально ICANN независима от каких-либо правительств, Китай и Россия обвиняют ее в том, что она является инструментом американского контроля [21].

Обеспокоенность по поводу иностранного влияния в интернете в США возникла в 2000-х гг. После событий 11 сентября и принятия акта «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001 г. (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) [22] интернет стал одной из сфер постоянного наблюдения. Разоблачения Сноудена стали источником массовой обеспокоенности в других странах, однако переломным моментом для США, возможно, стал скандал вокруг президентских выборов 2016 г. В 2016 г. новостные агентства и журналисты-расследователи заявили, что победа Дональда Трампа отчасти стала результатом вредоносных алгоритмов «Фейсбук» (социальная сеть запрещена в России), которые распространяли дезинформацию и теории заговора среди уязвимой части американского электората [23. Р. 72].

Пожалуй, один из самых громких скандалов, связанных с таргетированной рекламой в социальных сетях, – это раскрытие компании Cambridge Analytica. Cambridge Analytica смогла собрать данные о более чем 50 млн профилей «Фейсбук», чтобы показывать более релевантную таргетированную рекламу [24]. Дело Cambridge Analytica стало настолько известным, что привело к даче показаний Марком Цукербергом в Конгрессе США. В своих показаниях Цукерберг признал тот факт, что Cambridge Analytica имела доступ к большому объему данных и с 2015 г. работала рекламодателем [25].

События 2016–2017 гг. привели к принятию в сентябре 2018 г. Национальной стратегии кибербезопасности США (National Cyber Strategy). Это была первая стратегия кибербезопасности США за 15 лет, что показывает, насколько заметно изменилось отношение к интернету. В документе критикуются подходы к регулированию виртуальной среды в некоторых странах, а те или иные правительства обвиняются в том, что они извлекают выгоду в условиях открытого интернета, одновременно ограничивая доступ к нему людей [26. Р. 2]. В документе также утверждается, что такие страны, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, являются источниками кибератак против США. Киберстратегия также способствует борьбе с киберпреступностью, защите цифровой экономики и безопасности интернета в целом. В 2023 г. была принята новая Стратегия кибербезопасности. Стратегия призывает к развитию «цифровой экосистемы, основанной на общих ценностях» [27. Р. 34].

Китай

Китайский интернет начал свою историю в ранних 1990-х гг., и с самого начала он стал целью для существенного регулирования со стороны китайских властей. «Великий Китайский файрвол» – известное на Западе неформальное общее название системы блокировок и регулирования китайского интернета. Появление «файрвола» – это следствие работы проекта «Золотой щит», запущенного в 1996 г. и имплементированного в начале 2000-х гг. [28. Р. 111].

Китайский интернет – это пример национального интернета, который уже достаточно изолирован от Глобальной сети и фактически существует независимо. Все провайдеры в Китае принадлежат государству, и доступ в интернет регулируется полностью [29. Р. 2]. Примерами иностранных ресурсов, которые невозможно открыть через китайского провайдера, являются американские социальные сети, сайты с японскими доменными именами и многие другие. Значительное присутствие государства в сегменте интернета и отсутствие доступа ко множеству иностранных ресурсов повлияло на китайский интернет таким образом, что его структура и дизайн заметно отличаются от моделей интернет-пространства в других странах. В то время как в большинстве стран рынок был поделен между несколькими крупными платформами, в Китае оставалось большое количество популярных сайтов, которые использовались для блогинга, общения и распространения контента [30. Р. 329]. Большинство людей в Китае пользуются китайскими сайтами и онлайн-сервисами, в связи с чем там сформировалось отдельное интернет-сообщество. Важно отметить, что иностранные IT-компании в Китае обязаны локализовывать все данные о китайских пользователях на территории страны.

Как и США, Китай стремится построить свою собственную международную цифровую экосистему, известную как «Цифровой шелковый путь» –

термин, который возник в 2015 г. и который является составляющей инициативы Пояс и Путь, долгосрочного проекта по развитию экономических связей и глобализации с Китайской Народной Республикой в качестве главного игрока. Пояс и Путь включает в себя физическую и цифровую инфраструктуру, которая должна соединить различные страны. «Цифровой шелковый путь» – это обобщающий термин для всей китайской цифровой инфраструктуры, которая расширяется в другие страны. Таким образом, и американский, и китайский взгляды на будущее интернета сейчас активно распространяются по миру.

Европейский союз

В 1995 г. ЕС принял Директиву о защите данных, официально известную как Directive 95/46/ЕС [31], которая была направлена на защиту данных европейских граждан. Директива устанавливала, что страны, которые обмениваются данными с Евросоюзом, должны иметь адекватный уровень защиты данных. Что касается обмена данных с США, из-за большого объема данного обмена он не был подчинен тем же принципам безопасности [32]. В 2000 г. Европейская комиссия постановила, что американские компании имеют право передавать данные из ЕС в США без ограничений [33. Р. 286]. Это исключение стало известно как решение о Безопасной гавани (Safe Harbour Privacy Principles) и действовало до 2015 г.

Одной из ключевых причин для прекращения работы решения о Безопасной гавани стали разоблачения Эдварда Сноудена. В 2013 г. Европейский комиссар по вопросам юстиции, фундаментальным правам и гражданству Вивиана Рединг заявила, что решение было потенциальной легальной лазейкой для передачи данных и что Безопасная гавань не является безопасной [34]. Ян-Филипп Альбрехт, член Европейского парламента и Группы Европейского парламента по цифровой повестке, рекомендовал прекратить действие решения Безопасной гавани [35]. Однако главной и формальной причиной прекращения действия Безопасной гавани стало судебное разбирательство, инициированное австрийским юристом и активистом Максимилианом Шремсом в Ирландском высшем суде. Шремс обвинил «Фейсбук» в обработке и передаче конфиденциальных данных европейских граждан в США (в Агентство национальной безопасности) через свое ирландское юридическое лицо. В результате дела 6 октября 2015 г. Суд Европейского союза постановил, что решение Безопасной гавани более недействительно [36].

В 2013 г. европейские законодатели приступили к разработке Общего регламента по защите данных (General Data Protection Regulation) [37] – нового закона о конфиденциальности данных и регулировании потоков данных взамен устаревшей Директивы о защите данных. 14 апреля 2016 г. Регламент был принят и вступил в силу в 2018 г. Закон гарантирует интернет-пользователям различные права, такие как право на забвение (стирание персональных данных), право возражать против обработки персональных данных, право не быть объектом профилирования и многие другие [38]. Закон можно рассматривать как протекционистский закон против добычи и использования персональных данных американскими компаниями.

Подводя итог, можно сказать, что европейский подход к регулированию сферы интернета изначально характеризовался открытостью и обеспокоенностью относительно конфиденциальности данных и прав европейских граждан в

отношении сбора информации. По мере того как шло время и европейские политики все больше беспокоились о неограниченном доступе к данным со стороны американских компаний, появлялось все больше и больше ограничений.

Россия

Долгое время русский язык был вторым по распространенности во Всемирной паутине по количеству использующих его сайтов [39]. В российском интернете также появилось множество совершенно оригинальных проектов, которые открыто конкурировали с такими глобальными конгломератами, как «Google» и «Фейсбук», и выжили в нынешнюю эпоху фрагментации [40. Р. 328].

Истоки российского интернета уходят корнями в конец существования Советского Союза. К концу 1980-х гг. и перестройки появились первые опыты по соединению компьютеров СССР и США. Впервые доступ был создан в 1990 г. во Всероссийском научно-исследовательском институте автоматизированных прикладных систем (ВНИИПАС) при финансировании и поддержке компании «San Francisco Moscow Teleport», основанной Джозелом Шацем и финансируемой Джорджем Соросом [41]. 1990-е и 2000-е гг. в России ознаменовались чрезвычайно бурным развитием интернета, появлением множества провайдеров и компаний.

Как и в США, и в ЕС, в XXI в. российские власти обратили свое внимание на регулирование интернета. Как и в предыдущих случаях, забота о национальной безопасности и локализация данных стали основными факторами медленного, но неуклонного отделения российского интернета от Всемирной паутины. Закон о локализации данных (официально известный как Федеральный закон № 242-ФЗ от 21 июля 2014 г.) [42] гласит, что все данные российских граждан должны храниться на территории России. Одним из первых результатов действия закона стало то, что несколько сайтов были запрещены на территории России, самым известным случаем, пожалуй, стал международный сайт по поиску работы LinkedIn. Идея подобного законодательного акта схожа с европейскими инициативами по хранению и локализации данных.

По аналогии с китайской моделью российское правительство одобрило Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“») [43, 44], которые обязали всех провайдеров на территории России использовать специально одобренное оборудование. Он также делает Роскомнадзор главным контролером интернет-пространства с возможностью блокировать доступ к определенным сайтам из России [45. Р. 202].

Заключение

Объем данных, пересекающих государственные границы, постоянно растет. Как правило, этот процесс приводит к появлению ранее не существовавших цифровых границ в интернете и, как следствие, к формированию нового деглобализованного информационного пространства. По мере роста рисков, связанных как с экономической, так и с политической сферой, перед государствами встает непростая задача устранения негативных информационных экстерналий. В этом контексте выкристаллизовываются определенные примеры интернет-суверенитета, о которых можно говорить как в географическом, так и в политико-экономическом смысле.

В рамках исследования удалось проследить тенденции фрагментации интернета в нескольких странах. В работе было показано, что крупные страны по-разному преследуют свои национальные интересы. Долгое время США были главными выгодоприобретателями глобализованного интернета, однако вследствие внутренних политических потрясений подход к интернету был изменен в пользу кибербезопасности. Несмотря на строгое регулирование трафика данных в ЕС, там долгое время сохранялась политика открытого обмена данными с США. После разоблачений Сноудена отношение европейских регуляторов к свободному трафику данных поменялось. Китайский интернет является примером изначально сильно отделенной от остального мира сети. Наконец, в России в какой-то степени объединились западные и китайские подходы: если в начале существования российского интернета он фактически не регулировался, то в настоящий момент он активно превращается в защищенный от внешнего влияния.

Случаи, проанализированные в данной статье, – не единственные иллюстрации балканизации интернета. Иран проводит собственную политику блокировки сайтов и даже иногда отключает весь доступ в Сеть. Бразильское правительство постоянно оказывает давление на компанию X (бывший Twitter – запрещенная в России социальная сеть) и Илона Маска, утверждая, что социальная сеть дестабилизирует бразильскую политику [46]. Наиболее ярким примером того, как далеко может зайти балканизация, является северокорейский интранет Kwangmyeong [47. Р. 114]: полностью отдельная сеть, интранет, который никогда не был подключен к Всемирной сети. Фрагментация интернета – это уже не теория, а реальность, и ее масштабы быстро растут.

Список источников

1. Schwab K. The fourth industrial revolution. Crown Currency, 2017. 192 p.
2. Xu H., Yu W., Griffith D., Gollme N. A survey on industrial Internet of Things: A cyber-physical systems perspective // Ieee access. 2018. Vol. 6. P. 78238–78259.
3. Drake W.J., Vinton C.G., Kleinwächter W. Internet fragmentation: An overview. World Economic Forum, 2016. 77 p.
4. Kent C.A., Mogul J.C. Fragmentation considered harmful // ACM SIGCOMM Computer Communication Review. 1995. Vol. 25, № 1. P. 75–87.
5. Goldsmith J., Wu T. Who controls the Internet? Illusions of a borderless world // Strategic Direction. 2007. Vol. 23, № 11.
6. Lewis J.A. Sovereignty and the evolution of internet ideology. Center for strategic & international studies (CSIS), 2020.
7. Van Alstyne M., Brynjolfsson E. Global village or cyber-balkans? Modeling and measuring the integration of electronic communities // Management science. 2005. Vol. 51, № 6. P. 851–868. doi: 10.1287/mnsc.1050.0363
8. Veliu L. Balkanization // The Palgrave Encyclopedia of Peace and Conflict Studies. Cham : Springer International Publishing, 2022. P. 80–90.
9. Леуценко Ю.Г. Национальные интересы в контексте обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальной интеграции: эволюционно-теоретический аспект // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 4. С. 2375–2390.
10. Yannakogeorgos P. A. Internet governance and national security // Strategic Studies Quarterly. 2012. Vol. 6, № 3. P. 102–125.
11. Cattaruzza A., Danet D., Taillat S., Laudrain A. Sovereignty in cyberspace: Balkanization or democratization // 2016 International Conference on Cyber Conflict (CyCon US). IEEE, 2016. P. 1–9.
12. Hill J.F. A Balkanized Internet?: The uncertain future of global Internet standards // Georgetown Journal of International Affairs. 2012. P. 49–58.
13. Munn L. Porous Territories: The Internet Beyond Borderless Versus Balkanized // Glocalism: Journal of Culture. Politics and Innovation. 2020. Vol. 1. doi: 10.12893/gjpci.2020.1.3

14. *Frieden R.* Without public peer: the potential regulatory and universal service consequences of Internet Balkanization // *Va. JL and Tech.* 1998. Vol. 3. P. 1. doi: 10.2139/ssrn.102927
15. *Sagawa P.I.* The balkanization of the Internet // *The McKinsey Quarterly.* 1997. № 1. P. 126.
16. *Hwang H.S., Stewart C.* Lessons from dot-com boom and bust // *Encyclopedia of e-commerce, e-government, and mobile commerce.* IGI Global, 2006. P. 698–702.
17. *Srnicek N.* Platform capitalism. John Wiley and Sons, 2017. 120 p.
18. *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Public Affairs, 2019. 704 p.
19. *Taylor R.D.* “Data localization”: The Internet in the balance // *Telecommunications Policy.* 2020. Vol. 44, № 8. P. 102003.
20. *Merrill N.* From Fragmentation to Liberation // arXiv preprint arXiv:2110.04648. 2021.
21. *Selyukh A.* ICANN Chief: Russia, China will not hijack Internet oversight // *Reuters.* April 3, 2014. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSBREA311SE/> (accessed: 10 April 2024).
22. *Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA PATRIOT ACT) act of 2001.* Public Law. 2001. P. 107–156.
23. *Persily N.* The 2016 US Election: Can democracy survive the internet? // *Journal of democracy.* 2017. Vol. 28, № 2. P. 63–76.
24. *Cadwalladr C., Graham-Harrison E.* Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach // *The Guardian.* March 17, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (accessed: 10 May 2024).
25. *Watson C.* The key moments from Mark Zuckerberg's testimony to Congress // *The Guardian.* April 11, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/11/mark-zuckerbergs-testimony-to-congress-the-key-moments> (accessed: 20 June 2024).
26. *The White House.* National Cybersecurity Strategy. 2018. 29 p.
27. *The White House.* National Cybersecurity Strategy. 2023. 35 p.
28. *Chandel S., Jingji Z., Yunnan Y., Jingyao S., Zhipeng Z.* The golden shield project of china: A decade later – an in-depth study of the great firewall // *International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC).* IEEE, 2019. P. 111–119.
29. *Herold D.K.* Escaping the world: A Chinese perspective on virtual worlds // *Journal For Virtual Worlds Research.* 2012. Vol. 5, № 2. P. 1–16.
30. *King G., Pan J., Roberts M.E.* How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American Political Science Review.* 2013. Vol. 107, № 2. P. 326–343. doi: 10.1017/S0003055413000014
31. *European Parliament and Council.* Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. 1995.
32. *Farrell H.* Constructing the international foundations of e-commerce – The EU-US Safe Harbor Arrangement // *International Organization.* 2003. Vol. 57, № 2. P. 277–306. doi: 10.1017/S0020818303572022
33. *Regulation (EU) 2016/679* of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). 2016.
34. *O'Donoghue C.* U.S.-EU Safe Harbor Under Fire. // *Technology Law Dispatch.* August 22, 2013. URL: <https://www.technologylawdispatch.com/2013/08/global-data-transfers/useu-safe-harbor-under-fire/> (accessed: 3 May 2024).
35. *Polnetsky J., Wolf C.* The US-EU Safe Harbor. An Analysis of Framework's Effectiveness in Protecting Personal Privacy // *Future of Privacy Forum.* 2013. URL: <https://fpf.org/wp-content/uploads/2013/12/FPF-Safe-Harbor-Report1.pdf> (accessed: 7 June 2024).
36. *Chen J.* When the Safe Harbour Is Not Safe: What Next for the EU (Case C-362/14, Schrems) // *SCRIPTed.* 2015. Vol. 12. P. 167.
37. *Sanders A.K.* The GDPR one year later: Protecting privacy or preventing access to information // *Tul. L. Rev.* 2018. № 93. P. 1229.
38. *Burgess M.* What is GDPR? The summary guide to GDPR compliance in the UK // *Wired.* January 21, 2019. URL: <https://www.wired.co.uk/article/what-is-gdpr-uk-eu-legislation-compliance-summary-fines-2018> (accessed: 27 May 2024).
39. *Petrosyan A.* Common languages used for web content 2024, by share of websites // *Statista.* February 29, 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (accessed: 1 May 2024).

40. Kontareva A., Kenney M. National markets in a world of global platform giants: The persistence of Russian domestic competitors // *Policy and Internet*. 2023. Vol. 15, № 3. P. 327–350. doi: 10.1002/poi3.341
41. Barton J. Videochatting With Communists // *The Atlantic*. November 3, 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/11/videochatting-with-communists/382221/> (accessed: 15 June 2024).
42. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях».
43. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 № 90-ФЗ.
44. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ.
45. Stepanov S.A., Ivanova E.A. The Problem of the “Sovereign Internet” in Russia // *RUDN Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 10, № 2. P. 195–209. doi: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209.
46. *The Economist*. Elon Musk is feuding with Brazil’s powerful Supreme Court // *The Economist*. April 14, 2024. URL: <https://www.economist.com/the-americas/2024/04/14/elon-musk-is-feuding-with-brazils-powerful-supreme-court> (accessed: 4 May 2024).
47. Warf B. The Hermit Kingdom in cyberspace: unveiling the North Korean internet. *Information, Communication and Society*. 2015. Vol. 18, № 1. P. 109–120. doi: 10.1080/1369118X.2014.940363

References

1. Schwab, K. (2017) *The fourth industrial revolution*. Crown Currency.
2. Xu, H., Yu, W., Griffith, D. & Gollmie, N. (2018) A survey on industrial Internet of Things: A cyber-physical systems perspective. *Ieee access*. 6. pp. 78238–78259.
3. Drake, W.J., Vinton, C.G. & Kleinwächter, W. (2016) *Internet fragmentation: An overview*. World Economic Forum.
4. Kent, C.A. & Mogul, J.C. (1995) Fragmentation considered harmful. *ACM SIGCOMM Computer Communication Review*. 25(1). pp. 75–87.
5. Goldsmith, J. & Wu, T. (2007) Who controls the Internet? Illusions of a borderless world. *Strategic Direction*. 23(11).
6. Lewis, J.A. (2020) *Sovereignty and the Evolution of Internet Ideology*. Center for Strategic & International Studies (CSIS).
7. Van Alstyne, M. & Brynjolfsson, E. (2005) Global village or cyber-balkans? Modeling and measuring the integration of electronic communities. *Management Science*. 51(6). pp. 851–868. DOI: 10.1287/mnsc.1050.0363
8. Velu, L. (2022) Balkanization. In: Richmond, O.P. & Visoka, G. (eds) *The Palgrave Encyclopedia of Peace and Conflict Studies*. Cham: Springer International Publishing. pp. 80–90.
9. Leshchenko, Yu.G. (2020) Natsional'nye interesy v kontekste obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva v usloviyakh global'noy integratsii: evolyutsionno-teoreticheskiy aspekt [National interests in the context of ensuring the economic security of the state during global integration: A evolutionary and theoretical aspect]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 10(4). pp. 2375–2390.
10. Yannakogeorgos, P.A. (2012) Internet governance and national security. *Strategic Studies Quarterly*. 6(3). pp. 102–125.
11. Cattaruzza, A., Danet, D., Taillat, S. & Laudrain, A. (2016) Sovereignty in cyberspace: Balkanization or democratization. *2016 International Conference on Cyber Conflict (CyCon US)*. pp. 1–9.
12. Hill, J.F. (2012) A Balkanized Internet?: The uncertain future of global Internet standards. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2012. pp. 49–58.
13. Munn, L. (2020) Porous Territories: The Internet Beyond Borderless Versus Balkanized. *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*. 1. DOI: 10.12893/gjcp.2020.1.3
14. Frieden, R. (1998) Without public peer: the potential regulatory and universal service consequences of Internet Balkanization. *Virginia Journal of Law and Technology*. 3. p. 1. DOI: 10.2139/ssrn.102927
15. Sagawa, P.I. (1997) The balkanization of the Internet. *The McKinsey Quarterly*. 1. pp. 126.

16. Hwang, H.S. & Stewart, C. (2006) Lessons from dot-com boom and bust. In: Mehdi Khosrow-Pour, D.B.A. (ed.) *Encyclopedia of e-commerce, e-government, and mobile commerce*. IGI Global. pp. 698–702.
17. Srnicek, N. (2017) *Platform Capitalism*. John Wiley and Sons.
18. Zuboff, S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs.
19. Taylor, R.D. (2020) “Data localization”: The Internet in the balance. *Telecommunications Policy*. 44(8). pp. 102003.
20. Merrill, N. (2021) *From Fragmentation to Liberation*. arXiv preprint arXiv:2110.04648.
21. Selyukh, A. (2014) ICANN Chief: Russia, China will not hijack Internet oversight. *Reuters*. 3rd April. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/idUSBREA311SE/> (Accessed: 10th April 2024).
22. USA. (2001) *Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA PATRIOT ACT) act of 2001*. Public Law. pp. 107–156.
23. Persily, N. (2017) The 2016 US Election: Can democracy survive the internet? *Journal of Democracy*. 28(2). pp. 63–76.
24. Cadwalladr, C. & Graham-Harrison, E. (2018) Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach. *The Guardian*. 17th March. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (Accessed: 10th May 2024).
25. Watson, C. (2018) The key moments from Mark Zuckerberg's testimony to Congress. *The Guardian*. 11th April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/11/mark-zuckerbergs-testimony-to-congress-the-key-moments> (Accessed: 20th June 2024).
26. USA. (2018) *The White House. National Cybersecurity Strategy*.
27. USA. (2023) *The White House. National Cybersecurity Strategy*.
28. Chandel, S., Jingji, Z., Yunnan, Y., Jingyao, S. & Zhipeng, Z. (2019) The golden shield project of China: A decade later – an in-depth study of the great firewall. *2019 International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC)*. pp. 111–119.
29. Herold, D.K. (2012) Escaping the world: A Chinese perspective on virtual worlds. *Journal For Virtual Worlds Research*. 5(2). pp. 1–16.
30. King, G., Pan, J. & Roberts, M.E. (2013) How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American Political Science Review*. 107(2). pp. 326–343. DOI: 10.1017/S0003055413000014
31. European Parliament and Council. (1995) *Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data*.
32. Farrell, H. (2003) Constructing the international foundations of e-commerce – The EU-US Safe Harbor Arrangement. *International Organization*. 57(2). pp. 277–306. DOI: 10.1017/S0020818303572022
33. EU. (2016) *Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation)*.
34. O'Donoghue, C. (2013) U.S.-EU Safe Harbor Under Fire. *Technology Law Dispatch*. 22nd August. [Online] Available from: <https://www.technologylawdispatch.com/2013/08/global-data-transfers/useu-safe-harbor-under-fire/> (Accessed: 3rd May 2024).
35. Polnetsky, J. & Wolf, C. (2013) *The US-EU Safe Harbor. An Analysis of Framework's Effectiveness in Protecting Personal Privacy*. Future of Privacy Forum. [Online] Available from: <https://fpf.org/wp-content/uploads/2013/12/FPF-Safe-Harbor-Report1.pdf> (Accessed: 7th June 2024).
36. Chen, J. (2015) When the Safe Harbour Is Not Safe: What Next for the EU (Case C-362/14, Schrems). *SCRIPTed*. 12. p. 167.
37. Sanders, A.K. (2018) The GDPR one year later: Protecting privacy or preventing access to information. *Tulane Law Review*. 93. p. 1229.
38. Burgess, M. (2019) What is GDPR? The summary guide to GDPR compliance in the UK. *Wired*. 21st January. [Online] Available from: <https://www.wired.co.uk/article/what-is-gdpr-uk-eu-legislation-compliance-summary-fines-2018> (Accessed: 27th May 2024).
39. Petrosyan, A. (2024) Common languages used for web content 2024, by share of websites. *Statista*. 29th February. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (Accessed: 1st May 2024).

40. Kontareva, A. & Kenney, M. (2023) National markets in a world of global platform giants: The persistence of Russian domestic competitors. *Policy and Internet*. 15(3). pp. 327–350. DOI: 10.1002/poi3.341.
41. Barton, J. (2014) Videochatting With Communists. *The Atlantic*. 3rd November. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/11/videochatting-with-communists/382221/> (Accessed: 15th June 2024).
42. Russian Federation. (2014) *Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 242-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti utochneniya poryadka obrabotki personal'nykh dannykh v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh"* [Federal Law No. 242-FZ of July 21, 2014, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Clarifying the Procedure for Processing Personal Data in Information and Telecommunication Networks].
43. Russian Federation. (2019) *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon 'O svyazi' " i Federal'nyy zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" ot 01.05.2019 № 90-FZ* [Federal Law No. 90-FZ "On Amendments to Federal Law On Communications and the Federal Law On Information, Information Technologies and the Protection of Information dated May 1, 2019].
44. Russian Federation. (2006) *Federal'nyy zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" ot 27.07.2006 № 149-FZ* [Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" dated July 27, 2006].
45. Stepanov, S.A. & Ivanova, E.A. (20223) The Problem of the "Sovereign Internet" in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 10(2). pp. 195–209. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209
46. *The Economist*. (2024) Elon Musk is feuding with Brazil's powerful Supreme Court. 14th April. [Online] Available from: <https://www.economist.com/the-americas/2024/04/14/elon-musk-is-feuding-with-brazils-powerful-supreme-court> (Accessed: 4th May 2024).
47. Warf, B. (2015) The Hermit Kingdom in cyberspace: Unveiling the North Korean internet. *Information, Communication and Society*. 18(1). pp. 109–120. DOI: 10.1080/1369118X.2014.940363

Сведения об авторах:

Шишкина А.Р. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ashishkina@hse.ru

Файн Е.Д. – студент аспирантуры по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: efayn@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shishkina A.R. – Cand. Sci. (Political Science), senior researcher at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); leading research fellow at the Centre for Stability and Risk Analysis, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ashishkina@hse.ru

Fain E.D. – postgraduate student in Political Science at National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); junior research fellow at the Centre for Stability and Risk Analysis, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: efayn@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 14.08.2024;
approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Город: между миграцией и оседлостью

Научная статья
УДК 316.334.56
doi: 10.17223/1998863X/82/21

ГОРОД МЕЖДУ МИГРАЦИЕЙ И ОСЕДЛОСТЬЮ: ДИСЦИПЛИНА, ДЕМОКРАТИЯ И ДИСКУРС ЗАПРЕТОВ

Илья Теодорович Касавин

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
itkasavin@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится проблема соотношения миграции и оседлости в современном городе. Проводится концептуальный анализ статуса миграции как эмпирического обобщения и метафоры, реконструируются исторические кризисы европейского города в XV–XIX вв. Применительно к современному городу ставится вопрос, в какой мере рыночная демократия способствует транспортной мобильности, насколько информационный феодализм совместим с благополучием городских жителей, а плата за дорожные заторы решает задачу разгрузки городских магистралей. Выдвигается гипотеза о том, что знание, информация, экспертный и гуманистический дискурс представляют средства для достижения оседло-миграционного баланса в городской транспортной среде.

Ключевые слова: миграция, оседлость, кризисы европейского города, транспортная мобильность, информационный феодализм

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Для цитирования: Касавин И.Т. Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 245–256. doi: 10.17223/1998863X/82/21

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

The city: between migration and sedentism

Original article

THE CITY BETWEEN MIGRATION AND SETTLED EXISTENCE: DISCIPLINE, DEMOCRACY AND THE DISCOURSE OF PROHIBITIONS

Ilya T. Kasavin

*Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
itkasavin@gmail.com*

Abstract. The article raises the problem of the relationship between migration and settled existence in the modern city. A conceptual analysis of the status of migration as an empirical generalization and metaphor is carried out. The author reconstructs the historical crises of the European city in the 15th–19th centuries, when the city changed its status from a territory of settled existence to the status of a migration hub. The city of the future is the subject of numerous philosophical and literary utopias and dystopias. Ancient Greeks firmly connected human nature with their polis, urban existence. However, philosophy initially problematizes this nature through the opposition of sedentarism and migration, developing a dualistic ontology of being and non-being, essence and phenomenon, is and ought, knowledge and opinion. This ontology presupposes high cognitive tension, as well as reflexive and practical-spiritual efforts to build bridges between its poles. Migration is a constant fluctuation between the poles of expanding horizons and striving for goals, between the tyranny of circumstances and the chaos of decisions, precaution and proactivity, between freedom and obligations. It manifests itself in the form of the inevitable ambivalence of the “fenced”, i.e., regulated urban existence. For Zygmunt Bauman, who was generally rather pessimistic about the nature of our century, this is a characteristic feature of modernity. With regard to the modern city, the question is raised to what extent market democracy contributes to transport mobility, to what extent information feudalism is compatible with the well-being of city dwellers, and the traffic congestion price solves the problem of unloading urban highways. The hypothesis is put forward that knowledge, information, expert and humanistic discourse provide the means to achieve a settlement–migration balance in the urban transport environment.

Keywords: migration, settlement, crises of European city, transport mobility, information feudalism

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Kasavin, I.T. (2024) The city between migration and settled existence: discipline, democracy and the discourse of prohibitions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 245–256. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/21

В моих предшествующих работах был поставлен вопрос о миграции, с одной стороны, как философском понятии, выражающем существенные чер-

ты природы человека, и с другой стороны, как понятия междисциплинарном, обязанном исторической географии, культурной антропологии, истории. Выяснилось, что понятие миграции сопрягает две фундаментальные философские категории – субъекта и пространства – и особым образом проблематизирует место человека в мире. Вместе с тем общественная (в том числе и международная) ситуация претерпела за прошедшие тридцать лет заметные изменения. И если ранее понятие миграции резонировало с открытием России внешнему миру и ростом космополитических настроений, то сегодня со словом «мигрант» связываются (в нашей стране и за рубежом) негативные последствия глобализации. Одновременно культурная миграция как поиск национальной философской традиции уступает место конструированию традиции на собственном основании. Идеи прогресса и креативности начинают проигрывать в конкуренции идеям консервативного типа. К столетию Октябрьской революции из ее названия исчезает эпитет «Великая», и эволюционный сценарий общественного развития становится безальтернативным. Смелые открытия, изменяющие научную картину мира, уходят в тень коммерческих инноваций технонауки. Все это – предвестники заката эпохи и приближения цивилизационного перелома, в котором понятие миграции обретает новую актуальность, в том числе в эпистемологическом измерении.

Современная эпистемология характеризуется не столько молодостью своих авторов, сколько вниманием к актуальным проблемам современности, выходящим за пределы философии: политическим, экономическим, культурным. Она использует свой внутренний теоретический потенциал, среди прочего, и для междисциплинарного взаимодействия с другими социальными науками. Именно так в 80-е гг. XX в. стало формироваться направление исследований «science and technology studies», заимствуя теоретические и методологические идеи из эпистемологии и применяя их в социологии и экономике знания, в политической философии науки и техники, в психологии научного творчества и научных коллективов.

Одной из таких дисциплин выступает и урбанистика. Это междисциплинарная область знания, в которой возникает проблема взаимодействия между дисциплинами, нахождения языка общения и формирования общей картины исследуемой реальности. Решение данной проблемы может быть найдено в сфере прикладных исследований эпистемологов и философов науки. Вырабатывая общие понятия и обозначения, а также давая философскую интерпретацию специально-научным терминам, эпистемология и философия науки предлагают свои категоризации, в то время как теоретическая урбанистика не успевает обобщать и интерпретировать динамично растущий эмпирический материал. В частности, это относится к осмыслению городской динамики в аспекте ее интеллектуальной и научной составляющей, позволяющей говорить о городе как тексте, дискурсе или контексте. Эта метафорика выполняет функцию теоретической концептуализации, транслируя в урбанистику лингвистические теории и термины, а также используя эпистемический арсенал философии языка. Сходный пример представляет аналогия городской динамики и миграции. Здесь можно использовать потенциал миграционной эпистемологии, в которой место пространственного перемещения занимает специфическая трактовка познавательного процесса. Это позволяет отойти от традиционной трактовки города как элемента оседлой онтологии

(С.М. Соловьёв, Х.Л. Борхес) в отличие от поля как символа онтологии миграционной. На смену этой концепции приходит представление о современном городе как аутентичном воплощении динамического развития, в котором наука и техника выступают механизмом порождения культуры и цивилизации. Город, едва ли представимый сегодня без университетов, театров, выставочных залов, научно-исследовательских институтов и высокотехнологического производства, уподобляется креативному дискурсу, порождающему интеллектуально и культурно нагруженные артефакты (умные дома, дома-музеи, архитектурные реконструкции, информационные сети, логистические цепочки, финансовые транзакции). Параллельно город вбирает в себя окружающие культурные потоки в виде высококвалифицированных кадров и демонстрирует рост своего интеллектуального капитала.

Вместе с тем город продолжает табуировать неконтролируемую миграцию, вводя нормативные ограничения на пространственное перемещение (городской трафик) и канализируя культурный контекст календарем праздников и архитектурным генпланом.

Все это обнаруживает неожиданные пересечения между урбанистикой и эпистемологией, где для последней открывается новое поле практического применения.

Концептуальный статус миграции

Философией и конкретными науками предложено и разработано множество концепций, моделей и даже теорий развития применительно к природе, обществу, культуре и сознанию. Космологические, физические, биологические, исторические и психологические подходы широко известны и вводят в оборот ряд понятий, обладающих определенными объяснительными возможностями. «Большой взрыв», «точка бифуркации», «эволюция», «система», «цикличность», «прогресс», «адаптация», «кризис» – из их числа. Философия науки, в свою очередь, смоделировала процесс развития научного знания, используя такие понятия, как «кумулятивизм», «смена парадигм», «пролиферация». В значительно меньшей степени известны и отрефлексированы концепции, в которых модель развития построена на понятии миграции. Его претензии на универсальность заслуживают особого осмысления.

Миграция обнаруживает себя в качестве научно-эмпирического обобщения (демография, социология труда, административное право, экономика расселения и туризма, социальная и историческая география, этология, теория международных отношений). Это понятие говорит о пространственном перемещении индивидов и групп, отвечающем определенным критериям.

Одновременно в ряде наук (генетика, геофизика, геохимия, программирование, культурология) используется нечто вроде миграционной метафоры, а философы говорят о «миграционном архетипе». В данном случае мы имеем дело с квазисубъектом: перемещаются гены, хромосомы, ионы, частицы, пласты, программы, идеи, концепции, при этом понятие пространства также иной раз претерпевает определенное метафорическое расширение.

Миграция и оседлость издавна рассматривались как фундаментальные культурные архетипы, имеющие и определенную внутреннюю структуру. С. Соловьёв выделяет в исторической географии древней Руси два кластера – Русь как лес и Русь как поле (степь) [1]. Это не собственно исторические, а,

скорее, философско-метафорические концептуализации, по-разному интерпретируемые и критикуемые марксистской и евразийской философией истории [2]. Борьба леса и степи создает мегаисторию, геоисторическую панораму, в терминах Ф. Броделя. Лес – это территория оседлости: там есть место для убежища, материал для жилища, дичь и дикие травы для питания. Лес, его фауна и флора – предмет для окультуривания в условиях относительной безопасности. Там создаются культурные артефакты: религиозные культы и богатства как условия коммуникации и обмена, возникают поселения, остроги и скиты. Поле, напротив, открыто для нападения, и в нем невозможна никакая деятельность, кроме набега. Богатыри – жители поля, они скачут по полю, «полякуют», меряются силушкой, забирают военные трофеи, залетают на опушку леса и грабят ее, в промежутках поступая на службу князю. Они превращают всякое производство материальных благ в рискованную деятельность, практикуя конфискационный обмен. Оседлый житель в поле появляется значительно позднее, когда ему удастся накопить достаточно ресурсов для постройки надежной городской стены.

Европейская история отличается от русской тем, что рыцари – не только кочевые богатыри-батыры, которые странствуют и воюют. Рыцари еще и строят замки – прототипы всех будущих оседлых образований, создавая светскую культуру как альтернативу монастырской и образец для университетского кампуса.

Х.Л. Борхес застаёт человеческую историю как раз в этот момент, когда уже произошло очередное разделение труда и исходный оседлый архетип поделится на две части – город и село. «Образ мужчины на коне дышит скрытым огнем. Приходит и уходит Бич Божий Аттила, приходят и уходят Чингисхан и Тимур, всадник рушит и воздвигает бескрайние царства, но все это только сон. Его дела призрачны, как он сам. Пахарь дает жизнь слову „культура“, город – слову „цивилизация“, а всадник пролетает минутной грозой» [3. С. 48].

Три кризиса европейского города

Вероятно, вплоть до XV в. средневековый европейский город рассматривался как воплощение оседлого бытия, но на этом же рубеже начинается его первый глобальный кризис, состоящий в том, что он балансирует на грани потери своей идентичности и превращения в пространство миграции. В немалой степени кризис был спровоцирован османским захватом Константинополя (1453 г.), последнего напоминания о Римской империи. На территории современной Турции, Балканском полуострове, в Северной Африке, а также частично на Ближнем Востоке расположилась империя турок-османов, откуда началась активная миграция христиан. Изгнание арабов и высылка евреев из Испании в конце XV в. явились звеньями той же цепи. Будучи центром притяжения всех мигрирующих субъектов (ремесленников, врачей, монахов, воинов, моряков, торговцев и пр.), средневековый европейский город оказался в фокусе экономической инфляции, междоусобных войн, экологической катастрофы и эпидемий чумы и холеры. Еще недавно бурлившие жизнью Лондон и Париж пустели, жители бежали в деревню, население Европы драматически убывало. Три века город находился на грани выживания и лишь в

XVII в. вернул себе статус привилегированного места жительства. Это был первый кризис европейского города.

Второй кризис европейского города приходится на время, описанное Чарльзом Диккенсом, – эпоху научно-технической революции XIX в. Город захлестывает волна фабричных рабочих, с трудом зарабатывающих на хлеб и существующих на грани выживания. Город становится, по К. Марксу, не только фабрикой вещей, но и фабрикой людей; как миграционный хаб, он распределяет человеческие потоки, переделывает и перемалывает большие массы сельских жителей, превращая их в пролетариат. Статус города вновь претерпевает радикальное изменение, утрачивая черты стабильно-оседлого бытия.

Третий кризис относится уже к современному городу, в котором идет нескончаемая «война с пространством» и правит «жидкий мир» (З. Бауман). Город как территория оседлости исчерпывает сам себя. Постиндустриальное, посткапиталистическое, информационное общество [4, 5] превращается в общество знания [6]. В этом обществе коммуникационно-информационные потоки многократно облегчаются, не остается уголков, не затронутых «Всемирной паутиной», и знание в определенном смысле становится силой не только слова, но и дела. Эта сила проявляется в свободе: в полисе знания культивируется свобода слова, вероисповедания, собраний, передвижения, самовыражения.

Что представляет собой эта впечатляющая и даже оптимистическая картина – констатацию факта или утопическое преувеличение? Сегодня на этот теоретический вопрос пытаются ответить на практике. Илон Маск, например, категорически выступил против удаленной занятости своих сотрудников, обязав всех работать в офисе под угрозой увольнения. Он решил придать рабочему месту статус оседлого существования. При этом он фактически обрек сотрудников на ежедневную многочасовую миграцию из дома на работу и обратно.

А вот другой пример. До 60% российских предпринимателей сегодня, в условиях дефицита рабочей силы соглашаются на удаленный и как бы миграционный режим для сотрудников, обеспечивая им при этом домашнюю оседлость. Так, успешная фирма возводит вокруг себя городские стены и ограничивает миграцию, а экономические трудности открывают миграционные каналы на вход и выход. Сегодня в обществе знания, провозгласившем свой приход в девяностые годы XX в., назревает новый кризис, в котором оседлость возвращает себе ведущий статус, а миграция вновь оказывается девиацией, требующей ограничения.

Knowledge democracy и транспортная мобильность

Почти сразу выясняется, что общество знания не служит свободе человека, а, напротив, может быть охарактеризовано как закрепощение знания, как «информационный феодализм» [7]. Монополия транснациональных бизнес-гигантов на знание и информацию вынуждает ставить вопрос о реальной возможности «knowledge democracy», т.е. равного доступа к производству, потреблению и распределению знания в обществе, поскольку всего этого явно не хватает. Интернет, казалось бы, дает ответ на этот вопрос, демонстрируя могущество своих сетей, но их свобода и демократия оказываются иллюзией. IT-компании, экосистемы и сети вырабатывают (под влиянием традиций и институтов гражданского общества) свои нормы поведения поль-

зователей и одновременно должны следовать юридическим нормам национальных государств, способных наложить запрет на их использование на своей информационной территории (примеры Alibaba, Baidu, Telegram легко дополнить).

Оказывается, что статус знания все еще не обеспечивает ему свободы, а, напротив, демонстрирует зависимость от социальной динамики. Последняя же повсеместно реализует себя через многочисленные запреты и их преодоление, через канализацию миграционного архетипа, преодоление которого утверждает город как территорию оседлости. Какой цели подчинена транспортная инфраструктура города, если отказаться от утопического предположения, что она служит демократическим ценностям – равноправию, благополучию и свободе передвижения граждан?

Примеры из городского планирования

Ответ на последний вопрос можно поискать в известном примере с прокладкой тротуаров и дорожек в городских дворах. Известно, что жителям предлагается один из трех вариантов: ходьба по заранее проложенным дорожкам, прокладывание дорожек по местам стихийно протоптанных тропинок и хождение вне дорожек. Вот история из советского прошлого: в либеральных кругах (в основном, в компаниях ученых-физиков) любили рассказывать легенду, как И.В. Курчатов спланировал расположение газонов на территории руководимого им института. В первый год он разрешил ходить всем и везде, а во второй, когда все нужные дорожки были уже протоптаны сотрудниками, распорядился их заасфальтировать. Эта история многим нравилась и воспринималась как притча, демонстрировавшая принципиальную возможность сочетания индивидуальных и общественных интересов в условиях социализма. Более того, похоже, что Курчатов не был первопроходцем в этой методике. Говорят, что еще в 1929–1932 гг. она использовалась при реконструкции пешеходной зоны у Большого проспекта Васильевского острова. Зимой с помощью аэрофотосъемки фиксировались протоптанные пешеходами по снегу дорожки. Летом же по наиболее удобным для людей направлениям были проложены аллеи, а в местах пересечений устроили площадки для отдыха. Остается только гадать, слышал ли об этом знаменитый физик.

Еще более актуальным является вопрос об эффективности, удобстве, безопасности и доступности городского транспорта, без которого ни о какой динамике городской жизни говорить не приходится. Если город – существенный фрагмент современного «жидкого мира», то почему он не может избавиться от пресловутых пробок и дефицита парковок? Почему на дорогах многих мегаполисов развернулась не столько «война с пространством», сколько кровавая бойня с участием и водителей, и пешеходов? Не пора ли в таком случае резко ограничить миграционные претензии жителей, желающих свободно и быстро добираться из одного конца города в другой? Так, в литературе активно обсуждается тема «справедливого города» (just city) и, в частности, «транспортной несправедливости» (urban transport injustice) [8].

Современные транспортные системы отличаются несправедливостью, поскольку они, как правило, отдают приоритет моторизованному транспорту. При этом всем ясно, что значительную экологическую и социальную нагруз-

ку несут более устойчивые виды транспорта, другие участники дорожного движения и общество в целом. Негативные эффекты роста транспортного потока затронут в основном бедные слои населения: «отсутствие эффективной системы взимания платы за перегруженность дорог... почти наверняка принесет пользу относительно богатым за счет бедных» [9]. Примечательно, что причины ситуации коренятся, по мнению ряда авторов, почти исключительно в сфере сознания. Вот их неполный перечень: односторонний публичный и политический дискурс по поводу преимуществ индивидуального моторизованного транспорта; дефицит политической воли или общественной поддержки; необходимость общественного компромисса; «эффект колеи» (path dependency) в поиске подходящих решений. Само собой, они дополняются высокой стоимостью новой инфраструктуры. Отсюда, вероятно, следует возможность приблизиться к справедливым решениям с помощью активизации общественного и научного обсуждения данных вопросов.

Для концептуализации «несправедливости в городском транспорте» Гесслингом обсуждаются три очевидных аспекта несправедливости: риски дорожного движения и экологической нагрузки на город; распределение пространства; оценка времени в пути. Утверждается, что общественное и политическое признание несправедливости в области городского транспорта является весомым аргументом в пользу изменений в городском планировании, развитии транспортной инфраструктуры и управлении дорожным движением. В частности, возникает вопрос, кто должен платить за транспортные заторы (congestion pricing).

Что такое плата за перегрузку дорог? Ценообразование с учетом данной перегруженности – это способ использования потенциала рынка для сокращения потерь, связанных с пробками на дорогах. Плата за перегруженность работает путем переноса некоторых поездок по шоссе в час пик на другие виды транспорта или на непиковые периоды, как скоро большинство водителей в час пик на типичной городской автомагистрали не являются пассажирами. Удаляя часть (от 5%) транспортных средств с перегруженной дороги, ценообразование дает системе работать гораздо более эффективно, позволяя большему количеству автомобилей перемещаться по тому же физическому пространству. Подобные переменные платежи успешно используются в других отраслях – например, в авиабилетах, стоимости парковок и тарифах на электроэнергию. Экономисты сходятся во мнении, что плата за пробки представляет собой единственный наиболее жизнеспособный и устойчивый подход к сокращению транспортных заторов. Он ассоциируется с рыночной демократией, которую обосновывает, в частности, Дж. Томази. Опираясь на идеи Ф. Хайека и Дж. Ролза, он предлагает рыночно-демократическую концепцию социальной справедливости, которую именует free market fairness. Согласно этой концепции, «справедливость на свободном рынке с ее двойной приверженностью экономическим свободам и справедливому распределению товаров и возможностей превосходит в моральном отношении все иные представления о либеральной справедливости» [10. Р. 6].

Однако на самом деле заторы на автомагистралях вызваны, на мой взгляд, более банальным, или техническим, обстоятельством, а именно, отсутствием механизма эффективного управления пропускной способностью дорог. По некоторым оценкам, резервы экономии трафика путем эффектив-

ного управления достигают 30%. Имеется в виду создание цифровой сети, распределяющей транспортные потоки с помощью реверсного движения, интерактивных светофоров и дорожных знаков. Несмотря на это, при поиске решения проблемы заторов большинство людей сразу задумываются о добавлении новой полосы на перегруженную трассу. Затраты на строительство дополнительных полос движения в городских районах составляют в среднем 10 млн долл. за милю в США. Как правило, финансирование этого строительства происходит за счет акцизов на бензин. В целом средства, полученные от акцизов на дополнительной полосе движения в часы пик, составляют всего 60 000 долл. в год. Этой суммы совершенно недостаточно для ее строительства. Выгодная цена, которую платят автомобилисты за использование новых дорожных мощностей, побуждает сильнее эксплуатировать расширенную автомагистраль. И напротив, введение платы за перегруженность дорог на автомагистралях препятствует их чрезмерной эксплуатации в часы пик, мотивируя людей пользоваться другими видами транспорта, кооперироваться для совместных поездок (ridesharing) или путешествовать в другое время суток.

Публичные оценки данной транспортной стратегии разнятся. Водители, не знакомые с этой концепцией, изначально настроены критически. При этом опросы показывают, что более опытные водители поддерживают ее, поскольку она гарантирует определенную длительность поездки, что очень ценно, если им нужно быть где-то вовремя. Сторонники общественного транспорта и райдшеринга ценят способность взимания платы за перегруженность дорог генерировать как финансирование, так и стимулы для большей привлекательности альтернатив. К сожалению, мало обсуждается возможность более эффективного регулирования движения, а здесь как раз продвинутые версии искусственного интеллекта могли способствовать решению задачи.

Вместе с тем представляется, что сегодня справедливые решения в данной области, в принципе, маловероятны. Ведь регулированию подлежат все виды моторизованного транспорта, и в особенности те, от которых зависит загруженность и безопасность дорог. Грузовики с дизельными двигателями – наиболее вредный в этом отношении транспорт. Если не начать его переводить на газ и электричество, не ограничивать по времени суток и направлениям движения, то результат всех усилий окажется незначительным. Однако бизнес всеми силами противится таким мерам. Справедливость может быть достигнута лишь путем интенсификации дискурса и экспертизы в данной области в целях формирования нового консенсуса по поводу транспортной инфраструктуры. Выйти из дискурса запретов («отмены») в направлении дискурса техносциального баланса – вот средство достижения консенсуса. Участники дорожного движения, объединенные в собственный социальный институт, могут добиваться того, чтобы миграционная инфраструктура стала одним из главных заказчиков и потребителей инновационных технологий в перемещении пассажиров и грузов. Так было в эпоху великих географических открытий, когда океанский корабль объединил в себе самые передовые знания, технологии и субъектов, мотивированных к их разработке и использованию.

Казалось бы, введение в городскую практику аренды электросамокатов способно внести вклад в борьбу с пробками и недостатками общественного

транспорта. Однако оно, мотивированное исключительно получением сверхприбыли, лишь подлило масла в огонь controversy индивидуальных и общественных интересов, которая уже давно актуальна применительно к опасным последствиям использования велосипедов в городском трафике. Будучи инициирован авариями с электросамокатами [11], дискурс о правилах и девиациях в городском трафике показал остроту противоречий между бизнесом и городским порядком. Есть основания ожидать, что баланс эффективного бизнеса, с одной стороны, и благополучия и безопасности граждан – с другой, будет обеспечен высоким уровнем развития демократии, т.е. общественных институтов, способных эффективно влиять на такие решения на основе гуманистических ценностей. Другая сторона консенсуса в городском планировании – баланс между ценностями миграции и оседлости, к которому можно приблизиться путем стратегии районирования. И здесь вновь встает вопрос об общественных институтах, но уже муниципального уровня, способных влиять на политику в этом вопросе в интересах граждан и достигать того, что можно назвать оседло-миграционным балансом в городской транспортной среде.

В свою очередь, данные коллизии и controversy представляют собой сигнал о неоднозначной природе гуманизма. Со времен М. Фуко стало ясно, что гуманизм – не жесткая доктрина. Он как понятие включает постоянный пересмотр своего смысла. Это не возвеличивание человека и его разума, но критическое вопрошание о природе человека. Пусть природа далека от совершенства, но вектор ее сохранения – это постоянное движение вверх, выход за свои пределы. Пределы урбанистики как теории – это философская антропология, общее учение о человеке.

Итоги

Город будущего – предмет многочисленных философских и литературных утопий и антиутопий. Древние греки прочно связали природу человека с его полисным, городским существованием. Однако философия изначально проблематизирует эту природу через оппозицию оседлости и миграции, разрабатывая дуалистическую онтологию бытия и небытия, сущности и явления, наличного и должного, знания и мнения. Эта онтология предполагает высокую когнитивную напряженность, а также рефлексивные и практически-духовные усилия по наведению мостов между ее полюсами.

Миграция есть постоянная флуктуация между полюсами расширения горизонта и стремления к цели, между тиранией обстоятельств и хаосом решений, предосторожностью и проактивностью, между свободой и обязательствами. Она проявляет себя в форме неизбежной амбивалентности «огороженного», т.е. регламентированного городского бытия.

Для Зигмунта Баумана, в целом довольно пессимистично относившегося к природе нашего века [12. Р. 29], характерной чертой современности является именно постепенное крушение недавней иллюзии о том, что «есть конец пути, по которому мы идем, [...] состояние совершенства, которое будет достигнуто завтра, [...] какое-то хорошее общество», короче говоря, «совершенный порядок» [13. Р. 7]. Он добавляет, что наше существование является современным «в той мере, в какой оно осуществляется и поддерживается *дизайном, манипуляцией, инженерией*». Бауман подчеркивает, и я с ним согла-

сен, что это «субстанция современной политики, современного интеллекта, современная попытка искоренить амбивалентность» [13. Р. 7]. Это придает обществу знания неотъемлемый атрибут *хрупкости* (fragility) [6]. Усилия по преодолению двусмысленности, иррациональности, путаницы и амбивалентности пока не очень успешны и часто сопровождаются крупными интеллектуальными и политическими конфликтами. Амбивалентность неизбежна [13. Р. 2]. Современный дискурс о пределах роста резко отличается от этих иллюзий о безграничном «улучшении» статус-кво. Сегодня, в эпоху антропоцена, дискурс о направлении социального действия сосредоточен на перспективах добровольного конца техногенной цивилизации.

Список источников

1. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М. : АСТ, 2019. 528 с.
2. Волков Ю.К. Концепция «борьбы леса и степи» С.М. Соловьёва: «за» и «против» // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 3. С. 123–134.
3. Борхес Х.Л. Сочинения : в 3 т. Рига : Поларис, 1994. Т. 1. 559 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 2004. 783 с.
5. Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society. 2nd edition. London : Routledge, 1992. 434 p.
6. Stehr N. Understanding Society and Knowledge. Northampton, Mass. : Elgaronline, 2023. 410 p.
7. Drahos P., Braithwaite J. Information Feudalism. Who Owns the Knowledge Economy? London : Earthscan, 2017. 253 p.
8. Gössling St. Urban transport injustice // Journal of Transport Geography. June 2016. Vol. 54. P. 1–9.
9. Gwilliam K.M. Cities on the Move // A World Bank Urban Transport Strategy Review. 2002. URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:130955587>
10. Tomasi J. Market democracy, in: John Tomasi. Free market fairness. Princetown, NJ : Princeton University Press. XXVII+, 2012. 348 p.
11. Васильева Н. Что нужно знать о поездках на электросамокатах в 2024 году. 14.05.2024. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11002651> <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11002651>
12. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. М. : Питер, 2008. 238 с.
13. Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993. 304 p.

References

1. Soloviev, S.M. (2019) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Moscow: AST.
2. Volkov, Yu.K. (2021) Kontseptsiya “bor’by lesa i stepi” S.M. Solov’eva: “za” i “protiv” [The concept of the “struggle of the forest and the steppe”: “For” and “against”]. *Solov’evskie issledovaniya*. 3. pp. 123–134.
3. Borges, H.L. (1994) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Translated from Spanish. Riga: Polaris.
4. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial’noe obshchestvo: opyt sotsial’nogo* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English. Moscow: Academia.
5. Drucker, P.F. (1992) *The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society*. 2nd ed. London: Routledge.
6. Stehr, N. (2023) *Understanding Society and Knowledge*. Northampton, Mass.: Elgaronline.
7. Drahos, P. & Braithwaite, J. (2017) *Information Feudalism. Who Owns the Knowledge Economy?* London: Earthscan.
8. Gössling, St. (2016) Urban transport injustice. *Journal of Transport Geography*. 54. pp. 1–9.
9. Gwilliam, K.M. (2002) Cities on the Move. In: *A World Bank Urban Transport Strategy Review*. [Online] Available from: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:130955587>

10. Tomasi, J. (2012) *Free Market Fairness*. Princetown, NJ: Princeton University Press.

11. Vasilieva, N. (2024) *Chto nuzhno znat' o poezdках na elektrosamokatakh v 2024 godu* [What do you need to know about electric scooter trips in 2024]. [Online] Available from: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11002651><https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11002651>

12. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Transl. from English by S.A. Komarov. Moscow: Piter.

13. Bauman, Z. (1993) *Modernity and Ambivalence*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Сведения об авторе:

Касавин И. Т. – доктор философских наук, профессор; член-корреспондент РАН, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета; президент Русского общества истории и философии науки, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия); заведующий кафедрой философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: itkasavin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kasavin I.T. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, expert of the Project Office of Humanitarian Analytics, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); president of Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation); head of the Department for Social Epistemology of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); head of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University (Nizhniy Novgorod, Russian Federation). E-mail: itkasavin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024*

*The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья
УДК 316.334.56
doi: 10.17223/1998863X/82/22

МИГРАЦИЯ: ОТ ПРЯМОГО К КОСВЕННОМУ КОСМОПОЛИТИЗМУ

Алина Олеговна Костина

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Институт философии РАН, Москва, Россия
alianinwndrln@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются варианты концептуализации миграции, изменение тенденций теоретического анализа явления. Обозначается взаимозависимость экономических и правовых механизмов регулирования потоков трудовой миграции в городах платформенного капитализма. Проводится различие между миграцией, нómáдизмом и внутригородскими перемещениями как явлениями разного концептуального порядка. Демонстрируются фундаментальные проблемы методологии городских исследований и необходимость построения пространственной герменевтики.

Ключевые слова: урбанизм, миграция, городское пространство, субъектность, нómáдизм

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

Для цитирования: Костина А.О. Миграция: от прямого к косвенному космополитизму // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 257–264. doi: 10.17223/1998863X/82/22

Original article

MIGRATION: FROM DIRECT TO INDIRECT COSMOPOLITANISM

Alina O. Kostina

*Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
alianinwndrln@gmail.com*

Abstract. In this article, the understanding of the epistemic and conceptual status of migration is traced through definitions, descriptions and analysis presented in academic discourse. Before talking about migration as an important integrative part of urban reality, we should familiarize ourselves with the nature of the interpretation of the concept in the Stanford Encyclopedia of Philosophy. One of the possible reasons for the blurring of the use of the concept of migration is related to the tendency to blur borders; as a consequence, the description fixes the very fact of movement without specifying on which side the state or conventional, symbiotic border is crossed. Let us turn to a critical examination of indirect cosmopolitanism and the judicial theory of migration. Indirect cosmopolitanism is built on the idea that wealthy liberal democracies should have the right to restrict migrants' access to the country. The judicial theory of migration emphasizes the priority of the legal duties of citizens to their compatriots, or rather those within their territory. Thus, both proponents of indirect cosmopolitanism and legal migration theory become apologists for the idea of closed

state borders. Another factor influencing the description of the migration phenomenon is the formation of urban platform economies. The dynamics of economic development of cities and countries can be traced by the the weakening or hardening of requirements for migrants in the legal field. Overwhelmingly in capitalist systems, it often coincides with economic cycles and crises. The shift in the legal field's consideration of migration reflects the corresponding economic state of society. In a scheme where the economic causes of migration prevail, the interests of the territory and the people migrating to it are linked to the need for labour. Apart from the practical consideration of migration issues, there is a serious methodological contradiction. By sequentially narrating the system of crises, we are likely to place events in a predetermined historical logic that is largely paternalistic; we limit our research potential to familiar causal algorithms. Cities and events taking place in them are interpreted from the perspective of their own, but not the actual reconstructed history. At the same time, it is possible that it is topological analysis – often realized through revealing the connections of cities as complex systems – that will help us better understand synchronous dynamic processes, one of which is undoubtedly migration.

Keywords: urbanism, migration, urban space, subjectivity, nomadism

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Kostina, A.O. (2024) Migration: from direct to indirect cosmopolitanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 257–264. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/22

Концептуализация миграции – несколько формальных подходов

Понимание эпистемического и концептуального статуса миграции можно отследить по определениям, описаниям и анализу, представленному в академическом дискурсе. Прежде чем говорить о миграции как важной интегративной части урбанистической реальности, ознакомимся с зафиксированными в словарях и философских словарных статьях определениями.

Кембриджский словарь в качестве первого значения слова «миграция» указывает «процесс сезонного перемещения животных (и птиц)». Второе, пригодное для обсуждения в рамках социальной реальности: «процесс перемещения человека или людей в новое место или страну, обычно с целью жизни и поиска работы на временной или постоянной основе». Еще одно основное определение в той же статье связано с технологической миграцией – переходом пользователей одних компьютеров и систем ПО на другие. Это указывает на приоритет экономической и технологической проблематизации явления.

Обыденное языковое употребление понятия «миграция» заменило собой до этого очень чувствительно разделяемые «иммиграция» и «эмиграция» в обсуждениях, касающихся именно общественного явления. Одна из возможных причин этому – тенденция размытия границ – привела к амбивалентности употребления термина: фиксируется сам факт перемещения без уточнения того, с какой стороны пересекается государственная или условная, символическая граница.

В Стенфордской энциклопедии философии¹ опубликована статья по иммиграции. Она впервые появилась в 2010 г. и была значительно переработана в издании 2024 г. Существующая в рамках образования возможность

¹ Immigration // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/immigration/>

сравнить первую и наиболее свежую версию показывает, как менялись акценты в эпистемологии явления. Эти трансформации привели к смещению акцентов с теорий космополитизма в сторону теории морально-правовой легитимации. Не приводится истории понятия миграции или примеров самих перемещений. Дается описание, лишенное как географии, так и хронологии. Данная статья становится примером работы с четко обозначенной перспективной общественной повестки относительно проблемы миграции и указанием эпистемических, а следом за ними и социально-политических, морально-этических и правовых позиций.

Начинается рассмотрение феномена с немедленной постановки вопроса «за» и «против» закрытых границ. Среди ключевых аспектов, в рамках которых разрешается заявленная проблема *pro et contra* в самой новой версии, становятся: сохранение культуры, поддержание устойчивой экономики, распределение социальных благ государства, политическое функционирование, обеспечение безопасности, политическое самоопределение, демократия, правовые вопросы, реализм (как концептуальный подход к проблемам миграции). Необходимо заметить, что в изначальной версии отсутствовал пункт правовых вопросов («Jurisdiction»), но был пункт «косвенный космополитизм»¹ («Indirect cosmopolitism»). Именно в данном изменении отражен ключевой момент смены оптики восприятия, эпистемических и концептуальных установок в рассмотрении понятия миграции. Косвенный космополитизм строится на идее того, что богатые либеральные демократии должны обладать правом на ограничение доступа мигрантов в страну. Логика данного права основывается на утверждении, что именно в этом случае у заявленных государств будет больше возможностей и желания формировать международные институты, способные улучшить положение граждан в беднейших странах [1]. Другими словами, необходимо работать над улучшением мирового геополитического контекста, который должен оставаться внешним при активной практике закрытых границ.

В новом разделе «Правовые вопросы» обновленной версии статьи осуществляется анализ того же аргумента закрытых границ с изменением поля, терминологии и аргументации рассматриваемой проблемы. Правовая теория иммиграции (*jurisdictional theory of immigration*) подчеркивает приоритет правовых обязанностей граждан перед соотечественниками, точнее, «теми, кто находится в пределах их территории» [2]. По видимости, территория здесь указана из перспективы признаков суверенного государства и таким образом становится суверенной, т.е. недоступной для посягательства со стороны иностранцев. Ключевым фактором, поддерживающим данную позицию, является право на отказ граждан нести политическую и моральную ответственность, на которую они изначально не соглашались [3]. Более того, в рамках правовой теории иммиграции не поддерживается идея переезда в другую страну из аргументации поиска более счастливой жизни, если в стране происхождения соблюдению прав данного человека ничего не угрожает.

Таким образом, и сторонники косвенного космополитизма, и правовой теории иммиграции становятся апологетами идеи закрытых государственных границ. Однако они задают отличные друг от друга рамки рассмотрения про-

¹ Immigration // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2010/entries/immigration/>

блемы: в первом случае право на недопуск мигрантов дополняется компенсаторным механизмом международных институций, призванных установить верховенство права в остальных суверенных государствах. Согласно второй концепции, не существует никакого правового мира или мира вообще, кроме того, в котором граждане отдельной страны уже в полной мере наделены политическими обязанностями и могут отказаться от несения новых, связанных с вновь прибывающими в их страну людьми.

Данный пример свидетельствует об изменении концептуального и геополитического контекста рассматриваемого феномена миграции. Второй подход, основанный на обозначении формально-правовых границ, при своей относительной жесткости предельно ясен и не подразумевает под собой, в отличие от идей косвенного космополитизма, трудно реализуемой программы «освобождения» мира от миграции, больше напоминающей колониально-экспансионистский подход.

Мигранты в городе: экономическо-правовая дилемма

При анализе проблемы миграции можно спуститься с уровня суверенных государств до рассмотрения отдельных городов, также обладающих собственной муниципальной властью и правовой базой, культурным и социальным фоном.

Динамику экономического развития городов и стран можно отследить по ослаблению или ожесточению требований к мигрантам в правовом поле. В капиталистических системах она часто совпадает с экономическими циклами и кризисами. Смещенное в правовое поле рассмотрение проблем миграции, как правило, отражает соответствующее экономическое состояние общества. В схеме, где преобладают экономические причины миграций, интересы территории и мигрирующих на нее людей, как правило, связаны с потребностью в рабочей силе, что является косвенным свидетельством экономического роста. При этом подразумевается наличие определенной иерархии труда и его оплаты: граждане страны занимают в ней более высокие позиции, обладая определенным уровнем образования и навыков, соответствующим потребностям рынка. Это справедливо и для мигрантов. Приоритет вопросов экономического развития городов, запрос на трудовой ресурс связаны с ослаблением формально-правовых требований к ним. Обратная ситуация экономического спада может влиять на рынок труда и обращаться кризисом определенных секторов экономики. Зачастую они прибыльные и сверхприбыльные, но сопряжены с рисками банкротства. Среди них финансовый сектор, строительство и креативные индустрии. Кризисные явления чреваты изменением спроса на определенные виды труда и повышением конкуренции на рынке. Экономический рост подпитывается процветающими индустриями, которые, в свою очередь, способствуют развитию сервисного сектора. Последний находится в прямой зависимости от трудовых ресурсов – мигрантов. Этот тезис может служить если не опровержением, то дополнением к утверждению И.Т. Касавина о том, что город табуирует неконтролируемую миграцию. Необходимо сделать оговорку, что это происходит только в определенные фазы экономических циклов, и универсализировать этот тезис проблематично, потому что именно изначальный запрос тех же самых городов допускает миграцию в неконтролируемой форме.

При этом апелляция к правовой системе по проблемам миграции, как правило, осуществляется со стороны властей разного уровня при наличии возрастающего количества случаев нарушения мигрантами закона. Последнее приводит к росту нагрузки на институты охраны общественного порядка. Это сказывается на качестве осуществляемой органами охраны работы, приводит к оттоку кадров, необходимости дополнительного финансирования, следствием чего становится необходимость изменения приоритетов фискальной политики и налогообложения. Не только нарушение законов мигрантами может стать основанием ужесточения миграционной политики: из обозначенного выше можно сделать вывод, что запрос (как политический, так и экономический) на протекционистский путь в развитии экономики может стать решающим ограничивающим миграцию фактором.

Важными агентами, апеллирующими к приоритетности своих прав, становятся сами граждане. Однако для них именно вопрос безопасности и неприкосновенности является ключевым в агитациях за ужесточение миграционной политики. При этом можно говорить об определенном эпистемическом смещении при рассмотрении данной проблемы. Приоритет политических факторов в противостоянии «наплыву» мигрантов для самих граждан зачастую скрывает экономическую реальность их собственной жизни. Она заключена в том, что крупные города сегодня синонимичны сервисной экономике, где агрегаторами услуг являются цифровые платформы, а их исполнителями – по преимуществу мигранты. Для рыночной модели экономики характерно, что высокий спрос при дефиците предложения приводит к повышению стоимости услуг. Однако это звено – исполнители – часто исчезают из схемы ценообразования в обывательском сознании, превращая в главного «врага» и виновника повышения цен на услуги монополистический платформенный капитализм.

Миграция и номадизм, внутригородские перемещения – одно и то же?

И.Т. Касавин обозначает довольно широкий контекст того, что в соответствии с его концепцией попадает под понятие миграции. Так, миграция и оседлость рассматриваются как фундаментальные культурные архетипы. Возникает вопрос о том, приравниваются ли миграция к номадизму, другими словами, кочевничеству? Если рассматривать эти два понятия в рамках противопоставления «лес – степь», то приравнивать их проблематично. Номадизм основан на принципе постоянного перемещения и в отличие от миграции не сопряжен с поиском территории новой оседлости и постоянного места проживания. Номады по определению находятся в постоянной динамике перемещения, в соответствии с которой устроен их быт всего «временного». Для описания их жизни не применимы понятия ассимиляции, натурализации и соответствия культурным и правовым кодам мест оседлости. В контексте современных исследований раскрытие проблем номадизма и миграции осуществляется принципиально по-разному. Самый популярный вид номадизма – цифровой – связан с перемещением специалистов ИТ-сферы в регионы, где возможно получение максимальных экономических выгод для их работодателей. Особенность такого номадизма заключается в том, что первыми в новые, как правило, мало благополучные в экономическом отношении регионы

«заходят» не сами специалисты, а крупные IT-компании. Они покупают или арендуют на длительный срок офисные площади, образуют технологические кластеры. Как правило, страны, где они образуются, прежде всего заинтересованы в потенциальных иностранных инвестициях и готовы ради них пренебречь правами своих граждан (особенно чувствительно это в странах бывшего социального блока, где не всегда точно прояснены факты приватизации недвижимых объектов). Специалисты не только не пытаются ассимилироваться среди местных жителей, но и нередко действуют в соответствии с колонизаторским этосом. При этом миграция – иная по своим механизмам и рассматривается как возможность ассимиляции в новом месте, показывает сложности воплощения и поддержания баланса культур и идентичностей, в которых люди были рождены и вынуждены пребывать. Более того, при массовой миграции всегда потенциально возможна борьба аутентичных культурных кодов мигрантов и местных жителей, перерастающая в социальное противостояние и конфликты.

В вопросах транспортной справедливости, также рассматриваемых И.Т. Касавиным, миграция, вероятно, приравнена к любому виду городского перемещения. Возможно, здесь миграционная метафора уместна по отношению ко всем участникам городского движения: прежде всего в том отношении, что практически никто не может ассимилировать и интернализировать в себе важность принципа эффективности – одного из важнейших культурных кодов горожанина, которым жертвуют в пользу очень условного комфорта (например, не использовать общественный транспорт в час пик, предпочитая пробки в комфорте личного автомобиля).

Возникает двойная методологическая проблема как определения границ понятия и феномена миграции, а также использования ее в качестве инструмента для объяснения свойств и событий городской реальности. Как разделить рутинные городские практики жителей и их миграцию внутри города?

Методологический кризис урбанизма: города без пространства

Утверждение об особом сопряжении в понятии миграции пространства и субъекта, выдвинутое И.Т. Касавиным, обладает чрезвычайной важностью для рассмотрения проблемы урбанистики. Действительно, урбанистический анализ не может быть отделен от категории пространства. Хотя это представляется само собой разумеющимся, на протяжении долгого времени городские исследования были ее лишены. Пространство не обладало никакой объяснительной силой в контексте социального анализа до середины XX в., когда А. Лефевр заговорил о производстве городского пространства [4, 5]. Последующий анализ трех кризисов европейского города, однако, выглядит как уход от заданной методологии исследования – преодоление методологического кризиса в изучении городов связывается с отходом от историзма в дисциплине.

В социальной теории одним из главных являлся и до сих пор не теряет актуальности исторический подход. К сожалению, нередко история городов описывается как иллюстрация концепций социальных исследований самого разного толка. Поэтому города зачастую говорят не на языке урбанистики – в их сложной пространственной динамичной организации, а через статичные, зафиксированные понятия социальной теории, лишаящие пространственное

по своей сути повествование всякого движения. История городов имеет большую связь с интеллектуальной историей человечества и мысли, нежели с самими городами. Город упраздняется при каждой констатации собственных свойств – «буржуазный», «рабочий», «жидкий», «постиндустриальный». Фиксация понятий, приписывание атрибутов лишают его как онтологической, так и эпистемической вариативности. Как утверждает Э. Сойя, один из ключевых теоретиков человеческой географии, невозможно отрицать, что критические социальные историки писали лучшие географии прошлого, однако время и история всегда представляют только разнообразные вместилища для этих географий. Историческая эпистемология продолжает превалировать над критическим сознанием современной социальной теории [6].

При этом пространство обладает собственной интерпретативной важностью. В связи с этим актуализируется вызов необходимости в рамках одного исследования прибегать как к географической, так и исторической проблематизации миграции. По замечанию Дж. Беджера, «пространство, а не время, скрывает от нас последствия» [7. Р. 40]. В городских исследованиях необходимо найти место пространственной герменевтике, сделать сам нарратив о городах пространственным. Топология, а не темпоральность поможет открыть новые исследовательские горизонты в урбанистике. Последовательно рассказывая о системе кризисов, мы, вероятно, помещаем события в предзаданную историческую логику, во многом патерналистскую, мы ограничиваем свой исследовательский потенциал привычными каузальными алгоритмами. Города и происходящие в них события интерпретируются из перспективы собственной, но не собственно реконструированной историей. При этом не исключено, что именно топологический анализ, зачастую реализуемый через раскрытие связей городов как сложных систем, поможет лучше понять синхронные динамичные процессы, одним из которых, несомненно, является миграция.

В соответствии с представлениями человеческой географии, «внутренняя субординация пространства времени, затемняющая географические интерпретации изменчивости социального мира и вмешательство в каждый уровень теоретического дискурса – от самых абстрактных онтологических концептов существования до детальных объяснений эмпирических событий» [6. Р. 15], – это то, что, в первую очередь, не позволяет развиваться урбанистике.

Список источников

1. Christiano T. Immigration, Political Community and Cosmopolitanism // San Diego Law Review. 2008. Vol. 45. P. 933–961.
2. Kates M., Pevnick R. Immigration, Jurisdiction and History // Philosophy & Public Affairs. 2014. Vol. 42. P. 179–194.
3. Blake M. Immigration // A Companion to Applied Ethics / eds. R. Frey, C. Wellman. Malden, MA : Blackwell Publishing, 2003. P. 224–237.
4. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991. 464 p.
5. Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota, 2003. 224 p.
6. Soja E. Postmodern Geographies. The reassertion of space in critical social theory. London ; New York : Verso, 1989. 266 p.
7. Berger J. The Look of things. New York : the Vikings Press, 1974. 251 p.

References

1. Christiano, T. (2008) Immigration, Political Community and Cosmopolitanism. *San Diego Law Review*. 45. pp. 933–961.

2. Kates, M. & Pevnick, R. (2014) Immigration, Jurisdiction and History. *Philosophy & Public Affairs*. 42. pp. 179–194.
3. Blake, M. (2003) Immigration. In: Frey, R. & Wellman, C. (eds) *A Companion to Applied Ethics*. Malden, MA: Blackwell Publishing. pp. 224–237.
4. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
5. Lefebvre, H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota.
6. Soja, E. (1989) *Postmodern Geographies. The reassertion of space in critical social theory*. London; New York: Verso.
7. Berger, J. (1974) *The Look of Things*. New York: Vikings Press.

Сведения об авторе:

Костина А.О. – кандидат философских наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета; научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: alianinwndrln@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kostina A.O. – Cand. Sci. (Philosophy), expert of the Project Office of Humanitarian Analytics of Moscow City University (Moscow, Russian Federation); researcher at the Social Epistemology Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alianinwndrln@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 316.334.56

doi: 10.17223/1998863X/82/23

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В ДИСКУРСЕ МИГРАЦИИ И ОСЕДЛОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОСЕДСТВА)

Владимир Денисович Кузьмин¹, Юлия Владиславовна Козлова²

^{1, 2} *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

¹ *nothingtohave88@gmail.com*

² *Iris08@yandex.ru*

Аннотация. В статье-реплике на работу И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов» исследуются новые городские сообщества как форма взаимообусловленности социальной стабильности и географической мобильности. Раскрыт интеллектуально-коммуникативный потенциал соседства как новой городской общности. Соседство рассматривается авторами как стабильная, институализированная миграционная форма, (пере)направляющая городские потоки (людей, информацию, ресурсы).

Ключевые слова: миграция, дискурс, город будущего, субъект, коммуникация

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

Для цитирования: Кузьмин В.Д., Козлова Ю.В. Городские сообщества в дискурсе миграции и оседлости (на примере соседства) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 265–273. doi: 10.17223/1998863X/82/23

Original article

URBAN COMMUNITIES IN MIGRATION DISCOURSE (A CASE OF THE NEIGHBORHOOD)

Vladimir D. Kuzmin¹, Yulia V. Kozlova²

^{1, 2} *Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia*

¹ *nothingtohave88@gmail.com*

² *Iris08@yandex.ru*

Abstract. The article is a reply to Ilya Kasavin's work "The City Between Migration and Settled Existence: Discipline, Democracy and the Discourse of Prohibitions". New urban communities are studied as a form of interdependence of social stability and geographical mobility (using the example of an urban neighborhood). In the context of a new understanding of the problem of "culture and civilization" in relation to urban discourse, the intellectual and communicative potential of the neighborhood as a new urban community, in which subcultures and generations are represented, is revealed, the migration potential of student youth in the neighborhood community is shown. Kasavin addresses the timeless problem of the dynamic balance of migration and settled existence in the world, emphasizing that they have long been considered as fundamental cultural archetypes with a certain

internal structure. A modern city represents a complex system of information, cultural, resource, and communication flows, amenable only to research of a synergetic type, where a neighborhood community can act as a point of fluctuation, able to stabilize the human flow, and then redistribute migration activity in a balanced way. In the process of migration, a person acts not only as a subject in space, but also as an object, simultaneously acting as both a carrier and a cause of migration, which informs the problem of urban migration not of a dual, but of a threefold nature. Considering migration in a broad sense, the authors study it on the example of neighborhood interaction, in order to identify the relationship of the city as a social and cultural text, its inhabitant as a subject of migration and a carrier of culture. A stable, functional and concrete attitude towards oneself and one's place in the urban space is realized by a citizen in many ways as a sense of belonging to the neighborhood community, willingness to exchange information, maintain contacts, and solve common issues. In this case, social stability is conditioned by the presence of interconnections and relationships at the place of residence. Migration of information, ideas about goals, standards within the neighborhood community, the possibility of transition from one role and status to others determine the external stability of such a community and its integration into the urban system. The unstable, abstract and indefinite self-awareness of a citizen in the city is also lived as a weak or absent identification with the neighborhood community, formal belonging to it, minimal or absent communications. Thus, one will have a high willingness to change their place of residence, city or region. Dissatisfaction with one's economic, professional, family status, or the uncertainty of this status, makes a citizen more mobile and ready to move in the physical and social space of the city. Each urban formation has a unique request for neighborhood interaction and self-organization. Currently, the forms of neighborhood interaction are developing along the path of technologization, on the one hand, and the revival of traditions in a new context, on the other. Of particular interest to us is Kasavin's forecast on promising forms of urban neighborhoods as an institutionalized solution to the contradiction between regulation and free self-expression in urban communities.

Keywords: migration, discourse, city of the future, subject, communication

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Kuzmin, V.D. & Kozlova, Yu.V. (2024) Urban communities in migration discourse (a case of the neighborhood). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 265–273. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/23

Введение

В работе «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов» И.Т. Касавин обращается к вневременной проблеме динамического баланса миграции и оседлости в мире, подчеркивая, что «миграция и оседлость издавна рассматривались как фундаментальные культурные архетипы, имеющие и определенную внутреннюю структуру».

По нашему же мнению, применительно к городской среде уместно говорить о системном балансе административно-информационных, культурных и ресурсных потоков, и, таким образом, о перемещениях в пространстве непосредственно жителей города – носителей культурных архетипов, а не самих архетипов в чистом виде.

И.Т. Касавин говорит, что «понятие миграции сопрягает две фундаментальные философские категории – субъекта и пространства – и особым образом проблематизирует место человека в мире». Мы же, со своей стороны, хотели бы отметить, что человек в процессе миграции выступает не только как субъект в пространстве, но и как объект, будучи одновременно и актором, и причиной миграции, что сообщает проблеме не двойственный, а трой-

ственный характер. Поэтому, рассматривая миграцию в широком смысле, считаем необходимым изучить процесс соседского взаимодействия в пределах города и выявить взаимосвязи этого тройственного характера *философских категорий – носителя культуры-объекта, мигранта-переселенца – субъекта, и города – социального и культурного текста* в трехмерном пространстве, где происходит осуществление выделенных объектно-субъектных взаимоотношений. В этом основное отличие нашего подхода от точки зрения Т.И. Касавина, который провозглашает лишь вышеназванный дуализм сопряжения философский понятий, определяя город как как текст, дискурс или контекст.

Формирование городских соседских сообществ и развитие соседских коммуникаций, с одной стороны, – форма оседлого, стабильного, интегрированного в социальную повседневность существования. С другой же стороны, формирование соседских сообществ в условиях города и их взаимодействие с административными, общественными структурами базируется на общности представлений о целях и способах их достижения внутри соседского сообщества [1. С. 120].

С древних времен чувство общности и взаимопомощи было необходимым условием для выживания. Наша позиция по этому вопросу сходится с позицией И.Т. Касавина, который подчеркивает, что «миграция и оседлость издавна рассматривались как фундаментальные культурные архетипы, имеющие и определенную внутреннюю структуру». На этой основе мы считаем возможным рассматривать и соседство как новую миграционную форму городского сообщества, которая: 1) стабилизирует взаимодействия на основе территориального единства; 2) отвечает запросу общества на регламентацию поведения; 3) допускает активное участие или формальную принадлежность, смену внутри сообщества личностей, домохозяйств, поколений с сохранением своей структуры.

Наши рассуждения основаны на том, что *современный город представляет собой слишком сложную систему информационных, культурных, ресурсных, коммуникативных потоков, где одной из точек флуктуации может выступить соседское сообщество, способное стабилизировать человеческий поток, а затем сбалансированно перераспределить миграционную активность*. Кроме того, соседство является естественной миграционной формой, «унаследованной» от сельской общины. В определенном смысле усиление роли соседских взаимодействий, соседской близости можно рассматривать как подобие «обратной миграции» из города в деревню, не предусматривающей, однако, реальной географической мобильности.

Если рассматривать город как систему информационных, культурных, ресурсных, коммуникативных потоков, аккумулирующей, перенаправляющей эти потоки, то соседское пространство первоначально стабилизирует человеческий поток, а затем перенаправляет миграционную активность жителя в следующих направлениях:

- формальную административную структуру (с администратором в лице старшего по дому или подъезду, председателя товарищества собственников жилья и т.д.);
- ситуативные группы (для решения повторяющихся или неплановых задач);
- структуру домохозяйств.

Модель миграции в городском соседском сообществе

До определенного момента миграционные процессы изучались эмпирически, количественно, в ракурсе социально-экономических систем знания. В таком контексте городское соседское сообщество представляет собой *социально стабильную форму*, в которой личностная и межличностная динамика направлена на перемещение информации, установок, интересов, идей, планов как по вертикали – от администрации к каждому участнику, так и по горизонтали – от одного участника к другому. Историческая форма взаимодействия «общность – домохозяйство – личность» с сохранением границ каждого субъекта на каждом этапе приобретает новое содержание. В условиях индивидуальной или малоэтажной застройки соседями будут жители двора, улицы, квартала. В условиях многоэтажной застройки соседями будут жители одного подъезда или дома.

«Миграционный архетип», преодоление которого, по мнению И.Т. Касавина, утверждает город как территорию оседлости, в нашем понимании реализуется в том, что на основе личной субъектности формируется устойчивая групповая субъектность, и соседство становится группой принадлежности, индивид получает субъективное переживание «мы», которое актуализируется в значимых ситуациях. Благодаря этой квазисубъектности становится возможным распространение (перемещение по горизонтали) актуальной информации, идеи, интерпретации, способа действия. Так, мигрирует социально значимое содержание. Индивидуальный субъект осознает переход в консолидированное «Мы-состояние» и получает эмоциональную, мотивационную поддержку от соседской группы, и этот момент фиксируется в сознании членов сообщества как значимый. Наиболее интересным, с нашей точки зрения, является переход между уровнями «личность – группа – социум». Участие в соседской самоорганизации может стать для личности важным опытом, обогащающим городскую повседневность. Антитезой соседству является тенденция атомизации, при которой первичные социальные связи существуют формально и не обеспечивают горизонтальный и вертикальный обмен.

Устойчивое, функциональное и конкретное отношение к себе и своему месту в городском пространстве реализуется у горожанина во многом как чувство принадлежности к соседскому сообществу, готовности обмениваться информацией, поддерживать связи, решать общие вопросы. В этом случае социальная стабильность обуславливается наличием взаимосвязей и взаимоотношений по месту жительства. *Внутри* соседского сообщества миграция информации, представлений о целях, нормативах, возможность перехода из одной роли и статуса в другие обуславливает *внешнюю стабильность* такого сообщества и его интегрированность в городскую систему.

Неустойчивое и неопределенное самоосознание горожанина в городе проживается в том числе и как слабая или отсутствующая идентификация с соседским сообществом, формальная принадлежность к нему, минимальные или отсутствующие коммуникации. Такой горожанин будет готов сменить место жительства, город или регион. Неудовлетворенность своим экономическим, профессиональным, семейным статусом или же неопределенность этого статуса делают горожанина более подвижным и готовым к перемещениям в физическом и социальном пространстве города. Вовлеченность в стабильное соседское сообщество при этом низкая.

Ю.В. Виниченко подчеркивает, что с началом индустриальной революции произошли значительные изменения в структуре соседских сообществ [2]. Урбанизация и массовая миграция в города привели к увеличению плотности населения и изменению характера социальных связей. Большие города стали более анонимными, а традиционные соседские отношения начали ослабевать. Люди стали меньше зависеть от своих соседей и больше полагаться на государственные службы и коммерческие предприятия. В то же время развитие пригородов привело к созданию новых типов сообществ с более низкой плотностью населения и возрождению некоторых традиционных форм взаимодействия.

«Кризис города» и инновационные формы соседства

И.Т. Касавин рассматривает три кризиса европейского города во взаимосвязи со статусом стабильности – оседлости и степени привилегированности стабильного городского образа жизни. Так, индустриальное производство, для которого требуется массовый труд и концентрация большого количества людей, занятых одним видом деятельности в одном месте, инициировало массовую миграцию деревенских жителей в город. В пределах единого пространства эти люди оказались вовлеченными в миграционные потоки внутри города, получив больше возможностей для обмена информацией и самоорганизации, право изменять экономический, образовательный, профессиональный и социальный статус. Следствием этих процессов стало изменение самого принципа устройства города. Город становится системой потоков, внутри которой возможна стабилизация форм взаимодействия, которые доказали свою эффективность.

В первые десятилетия XIX в. возникает новый тип взаимосвязи между членами соседского сообщества. Для обмена информацией, идеями, для принятия решений становятся нужны системы связи, сети, интернет-сообщества и конференции, домовые системы слежения. Поточковый интернет и гаджеты делают соседей технически, формально доступными друг для друга круглосуточно. И тем не менее перемещение становится необходимым только при наличии триггерного события (авария, поломка, введение новаций, ремонт) или наличии инициативы и доброй воли у участников обмена.

Таким образом, кризисы, сформировавшие город таким, каким мы его знаем и мыслим в настоящее время, не упразднили соседство как динамическую форму баланса «стабильности-мобильности». Напротив, в каждой городской формации присутствует уникальный запрос на соседское взаимодействие и самоорганизацию. В настоящее время формы соседского взаимодействия развиваются по пути технологизации, с одной стороны, и возрождения традиций в новом контексте – с другой.

Перспективы соседства в контексте городских новаций

В XXI в. цифровизация и развитие информационных технологий внесли новые изменения в соседские отношения. Социальные сети и мессенджеры предоставили новые платформы для общения. Виртуальные сообщества

начали дополнять, даже заменять традиционные формы взаимодействия¹. Это привело к снижению личных контактов и увеличению социальной изоляции.

И.Т. Касавин подчеркивает статус знания в современном обществе, указывая вслед за З. Бауманом, что в обществах знания неизбежна амбивалентность регламентированности и изменчивости. Дискурс города как форма социального устройства представляет собой динамичный баланс свободы и обязательств. Соседство как одна из форм городских сообществ представляет собой частный пример такого баланса.

Соседские сообщества, формальные или неформальные, играют важную регламентирующую роль в социальной структуре и качестве жизни их членов. Как отмечает, например, И.В. Ивлева, «в контексте имеющихся проблем соседское сообщество предстает как довольно сложное единство, не лишенное противоречий. Для его устойчивого развития требуется достижение консенсуса на основе согласования периодически возникающих конфликтных ситуаций» [4. С. 340]. Среди основных характеристик городских соседских сообществ отметим следующие:

1. Территориальная ограниченность.
2. Социальные связи, которые способны укрепляться через совместную деятельность.
3. Использование общих ресурсов (парки, школы, магазины и общественные центры), которые создают дополнительные возможности для взаимодействия.
4. Культурные и социальные нормы, существующие внутри сообщества, которые регулируют взаимодействие между его членами.
5. Плотность населения и его культурные особенности, которые определяют уровень анонимности и степень взаимодействия между соседями.

И.Т. Касавин обращается к вопросу, «какой цели подчинена транспортная инфраструктура города, если отказаться от утопического предположения, что она служит демократическим ценностям – равноправию, благополучию и свободе передвижения граждан?». На наш взгляд, в контексте развития соседского сообщества необходимо определить, что транспортная система в целом упорядочивает базовые социальные процессы, однако все мегаполисы сталкиваются со значительными проблемами в этой сфере. Данное обстоятельство приводит к значительному дискомфорту граждан, вследствие чего возникает большое количество конфликтов и споров. И.Т. Касавин приводит следующий аргумент: «современные транспортные системы отличаются несправедливостью, поскольку они, как правило, отдают приоритет моторизованному транспорту». Действительно, наблюдается тенденция, которая приводит к экологическим проблемам и подталкивает к созданию новой транспортной инфраструктуры. Поэтому необходимо разработать эффективный механизм регулирования транспортной нагрузки. Мы полностью поддерживаем И.Т. Касавина: введение в городскую практику аренды электро-самокатов, действительно, выгодно только финансово, а для решения проблемы транспортной логистики – бесперспективно.

Таким образом, для формирования городского благополучия необходим комплекс мер, в первую очередь, законодательных, направленных на устране-

¹ История соседских сообществ. URL: <https://alenapopova.ru/deyatelnost/vzaimopomosh/istoriya-sosedsnix-soobshhestv.html> (дата обращения: 20.08.2024).

ние действующих коллизий и развитие планомерного регулирования городского трафика. Необходимо и активное участие институтов гражданского общества в политике построения городской инфраструктуры, которое позволит учесть мнение всех слоев общества в достижении ее качественных показателей.

Перечислим некоторые взаимодействия между соседями в условиях современного города:

1. В районах с высокой плотностью застройки уровень анонимности выше в силу меньших возможностей для «случайных коммуникаций». Поэтому «наличие общих зон (парков, детских площадок, лавочек) способствует взаимодействию между соседями. Хорошо спроектированные общественные пространства стимулируют социальные контакты» [4. С. 343]. При этом в частных домах соседи имеют больше возможностей для взаимодействия, так как они зачастую встречаются на улице.

2. В районах с высоким уровнем дохода люди – более занятые в профессиональном плане, и у них меньше времени для общения с соседями, тогда как в районах с низким уровнем дохода наблюдается высокая социальная изоляция из-за экономических трудностей. Нельзя не отметить, что уровень образования также влияет на способность и желание людей взаимодействовать с соседями, а длительное проживание в одном месте способствует установлению прочных социальных связей.

3. М.В. Мельников и Е.А. Эйтенер подчеркивают, что «в районах с высоким уровнем этнического разнообразия возникают барьеры для взаимодействия из-за языковых и культурных различий» [5. С. 16]. Однако важно отметить, что при наличии усилий по интеграции это разнообразие может обогащать социальные связи.

4. Социальные сети и мессенджеры, с одной стороны, облегчают коммуникацию, но с другой – заменяют личное общение виртуальным.

5. Интроверты предпочитают сохранять анонимность, тогда как экстраверты стремятся к активному общению.

6. Политика управляющих компаний и товариществ собственников недвижимости существенно влияет на уровень взаимодействия между соседями. Организация совместных мероприятий способствует укреплению социальных связей [6. С. 105].

7. Исторические районы имеют более крепкие социальные связи, тогда как новые районы испытывают трудности в этом плане.

Социальная анонимность относится к состоянию, при котором личность человека способна оставаться незамеченной среди множества других, что влияет на взаимоотношения между соседями:

1. Личность чувствует меньшее давление со стороны общества, что приводит к индивидуалистическому поведению.

2. Уровень доверия снижается, что затрудняет создание крепких социальных связей.

3. Соседи мало взаимодействуют друг с другом, ограничиваясь формальными приветствиями и избегая более глубоких отношений.

Взаимоотношения между соседями в городском сообществе имеют следующие характеристики:

1. Частое взаимодействие способствует развитию доверия и взаимопонимания между соседями, что способно привести к созданию крепких сообществ.

2. Через взаимодействие соседи устанавливают общие нормы и правила поведения, которые способствуют гармоничному сосуществованию.

3. Активное взаимодействие помогает быстрее выявлять и решать конфликты, так как люди в большей мере склонны обсуждать проблемы и искать компромиссы.

4. Регулярные контакты и участие в общих мероприятиях способствуют развитию чувства принадлежности к сообществу, что усиливает социальные связи.

5. Хорошие взаимоотношения осознаются как важное условие безопасного сосуществования.

Все эти особенности и закономерности мотивируют нас к дополнительным вопросам И.Т. Касавину уже применительно к городу будущего, которому он уделяет особое внимание в своей статье.

Заключение

Мы предложили бы И.Т. Касавину подробнее рассмотреть вопрос о ближайшем будущем городских сообществ. Если город настоящего представляет собой систему управления потоками, то город будущего, вероятно, ждет разнообразие в простоте, минимализме, упрощении и унификации? В контексте такого развития событий, когда интерактивные технологии и электронные представительства сделают в той или иной степени город многопользовательским проектом, какую форму примут соседские сообщества?

На наш взгляд, город будущего – понятие относительное и зависит от множества факторов: расположения, этнического состава общества, количества населения и т.д. Однако учитывая быстрое развитие инноваций, можем ли мы предположить, что города будущего будут логистически единообразны и минималистичны?

Будут ли, по мнению И.Т. Касавина, эти города более функциональными или игровыми, рекреационными или интерактивными? Станут ли именно соседства новыми городскими сообществами, ведь такая возможность виделась весьма вероятной в недавнюю эпоху пандемийных ограничений?

Типовые застройки с типовой инфраструктурой и алгоритмизированной системой обеспечения (включая подсистемы коммуникаций, безопасности, сбора и анализа общественного мнения) приведут ли к формированию редуцированных соседств, в которых реальное взаимодействие по поводу прагматических вещей будет сведено к минимуму с возможностью одновременного получения информации или доступа?

Будет ли в таком формате возможны новые миграционные решения между «технологической огороженностью» и свободным самопроявлением, или же произойдет ренессанс прежних форм, например, дворового соседства? Какие возможны в данной ситуации девиантные варианты развития?

Список источников

1. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб. : РХГИ, 1998. 408 с.
2. Виниченко Ю.В. Возникновение соседских отношений и соседского права в России // Пролог: журнал о праве. 2020. С. 53–60.
3. Зиятдинова А.Р., Фахрутдинова И.А. Подходы к проектированию соседских пространств в контексте социологических теорий создания благоприятной городской среды // Из-

вестия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 4. С. 59–63.

4. Ивлева И.В. Городские соседские сообщества в процессе трансформации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Сер. 12. 2020. Вып. 3. С. 339–345.

5. Мельников М.В., Эйтенер Е.А. Отношения соседства в огражденных жилых сообществах // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 7. С. 15–19.

6. Шомина Е.С. Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 105–106.

References

1. Kasavin, I.T. (1998) *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of Non-Classical Theory of Cognition]. St. Petersburg: RKhGI.

2. Vinichenko Yu.V. (2013) *Vozniknovenie sosedskikh otnosheniy i sosedskogo prava v Rossii* [The emergence of neighborhood relations and the law of neighborhood tenements in Russia]. *Prolog: zhurnal o prave*. 1. pp. 53–60.

3. Ziyatdinova, A.R. & Fakhrutdinova, I.A. (2017) *Podkhody k proektirovaniyu sosedskikh prostranstv v kontekste sotsiologicheskikh teoriy sozdaniya blagopriyatnoy gorodskoy sredy* [Approaches to the design of neighboring spaces in the context of sociological theories of creating a favorable urban environment]. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 4. p. 59–63.

4. Ivleva, I.V. (2020) *Gorodskie sosedskie soobshchestva v protsesse transformatsii* [Urban neighborhood communities in the process of transformation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. Ser. 12*. 3. pp. 339–345.

5. Melnikov, M.V. & Eytenere, E.A. (2017) *Otnosheniya sosedstva v ograzhdennykh zhilykh soobshchestvakh* [Neighborhood relations in gated communities]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 7. pp. 214–221.

6. Shomina, E.S. (2015) *Sosedskie tsentry kak element infrastruktury sosedskogo soobshchestva* [Neighborhood centers as an element of the neighborhood community infrastructure]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 4(8). pp. 105–106.

Сведения об авторах:

Кузьмин В.Д. – эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: nothingtohave88@gmail.com

Козлова Ю.В. – кандидат психологических наук, доцент, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: Iris08@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kuzmin V.D. – expert of the Project Office of Humanitarian Analytics of Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nothingtohave88@gmail.com

Kozlova Yu.V. – Cand. Sci. (Psychology), docent, expert of the Project Office of Humanitarian Analytics of Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Iris08@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;

одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024

The article was submitted 11.10.2024;

approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 316.334.56

doi: 10.17223/1998863X/82/24

МИГРАЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ДИСКУРСЫ ДАЛЬНЕГО СТРАНСТВИЯ И ГОРОДСКОЙ ОБЫДЕННОСТИ

Ирина Александровна Савченко

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
teosmaco@rambler.ru*

Аннотация. В статье представлен отклик на работу И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов». Анализируются причины смещения исследовательского интереса И.Т. Касавина от дискурса дальних странствий к обыденным проблемам городского трафика. Анонсируя разработку новой области знания – миграционной эпистемологии, – автор, дискутируя с И.Т. Касавиным, настаивает, что дисциплина не должна быть нацелена на оправдание несправедливостей урбанизированного общества.

Ключевые слова: город, миграционная эпистемология, мигрирующий субъект, оседлость, урбанистика

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

Для цитирования: Савченко И.А. Миграционная эпистемология: дискурсы дальнего странствия и городской обыденности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 274–282. doi: 10.17223/1998863X/82/24

Original article

MIGRATION EPISTEMOLOGY: LONG-DISTANCE TRAVEL AND URBAN ROUTINE DISCOURSES

Irina A. Savchenko

*Moscow City University, Moscow, Russian Federation,
teosmaco@rambler.ru*

Abstract. A reply to Ilya Kasavin's work "The City Between Migration and Settled Existence: Discipline, Democracy and the Discourse of Prohibitions" is presented. The reasons for the shift of Kasavin's research interest from the discourse of distant travels to the everyday problems of urban traffic are analyzed. Announcing the development of a new field of knowledge – migration epistemology, the author, in her discussion with Kasavin, insists that the discipline should not be aimed at justifying the injustices of an urbanized society. Kasavin speaks about the classical antinomy of the field as a sphere of migration and the city as an area of settlement, and insists that nowadays "this concept is being replaced by the idea of a modern city as an authentic embodiment of dynamic development". The author of the article objects to Kasavin that in this case it is not modernity that places the emphasis, but the research position of the scientist. In other words, today a scientist is able to understand that the city is indeed the "embodiment of dynamic development", but this does not mean that it is a special marker of modernity, it is a marker of modern science (science of the 21st

century), which can finally subject the dichotomy of migration and settled existence to a deeper analysis than in previous, very recent periods. In her discussion with Kasavin, the author of the article gives examples that confirm that, to some extent, migration can provide stability to a greater extent, despite movement, and settled existence is more dynamic. Continuing the discussion, the author insists that migration dynamics may not be directly related to the European city, its dynamics and even its epistemic nature are probably due to some global patterns. Following the content of the article, the author asks Kasavin a question: can we talk about migration as a way of learning in relation to modern times, or is it now rather a problem from the field of “market democracy” and logistics? Kasavin’s proposal to force drivers of urban vehicles to pay for congestion is criticized. The author is quite skeptical about Kasavin’s idea to assign artificial intelligence to regulate urban traffic. The unethical nature of forcing drivers to constantly use the navigator is justified, especially taking into account the failures that it gives. It is shown that Kasavin places unreasonably high hopes on artificial intelligence, the use of which in regulating urban traffic is fraught with new unusual, unprecedented collapses. The author expresses surprise why Kasavin ignores the possibilities of new engineering solutions to normalize urban transport dynamics, but offers to raise money and a computer program of dubious quality. The author insists that a scientist, unlike an official, is not allowed to promote the inevitability of introducing true innovations. If the world is already unfair, a scientist should not justify this injustice. The author of the article points out that today we are creating a new field of knowledge: migration epistemology. We have yet to formulate its norms and grounds. The author would like this science to be future-oriented and deeply humanistic.

Keywords: city, migration epistemology, migrating subject, settlement, urbanism

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Savchenko, I.A. (2024) Migration epistemology: long-distance travel and urban routine discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 274–282. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/24

В работе И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов» представлено эпистемологическое осмысление взаимной связи миграции и урбанизации. И.Т. Касавин делает несколько неожиданных умозаключений, а также интересных предложений практического характера. Многие высказанные И.Т. Касавиным идеи имеют дискуссионный характер, что и побудило меня к рассуждениям и многочисленным вопросам.

Миграция и оседлость: эпистемологический фокус

Миграцию можно истолковать узко (как смену места жительства), а можно – широко: как любое перемещение, причем не только людей и животных, но и идей, элементарных частиц, космических тел. В этом смысле мне близок подход И.Т. Касавина, который понимает миграцию развернуто – как любое перемещение – регулярное или нерегулярное – не только в пространстве, но и во времени. В данном случае, конечно, хотелось бы просить у автора некоторого уточнения по поводу того, как именно он видит путь мигрирующего субъекта. Линейный этот путь или нелинейный? Какую роль в этом маршруте играет возвращение и обязательно ли оно? Меняется ли сама идея миграции оттого, что мигрант движется вперед без оглядки или чтобы вернуться, в конце концов, в исходную точку?

Возвратная и невозвратная миграция вкупе с оседлостью (которая всегда подразумевается и ассоциируется с точками отправления и назначения), по большому счету, выстраивают эволюционный жизненный процесс (что особенно актуально сейчас, когда «эволюционный сценарий» общественного развития, как отмечает И.Т. Касавин, становится безальтернативным). Как известно, в науке есть две концепции социальных изменений: циклическая и линейная. В преддверии ЕГЭ учителя и репетиторы допускают разницу между этими концепциями, а попытки совместить концепции приобретают механистический характер (обосновывается наличие линейных отрезков между циклами). И.Т. Касавин обосновывает миграцию как эпистемологическую категорию. И в данном случае более концептуальным объяснением диалектики линейных и циклических изменений становится дихотомия возвратной и невозвратной миграции, которая разворачивается в рамках более широкой дихотомии – миграции и оседлости.

Для того чтобы понять роль миграции как эпистемологической категории, позволю себе вспомнить Берлинский университет Гумбольдтов, о котором И.Т. Касавин несколько раз писал в своих работах. Наука знает двух замечательных братьев – Александра и Вильгельма фон Гумбольдтов. Старший брат, Вильгельм, хотя и был одно время дипломатом и даже как-то раз посетил Страну Басков, являет пример кабинетного («оседлого») ученого. Большую часть жизни он провел в Берлине, писал труды по филологии, философии, истории. Будучи министром образования Пруссии, провел образовательные реформы и создал университет. Младший брат Александр – путешественник, исследователь Азии, Америки и России, один из создателей географии как суверенной науки, долгожитель с неизменным румянцем на лице – пример ученого-мигранта.

Хотелось бы спросить И.Т. Касавина, как он относится к тому, что Берлинский университет, созданный Вильгельмом фон Гумбольдтом в 1799 г., все же назвали в честь не одного, а двух братьев – Университетом Гумбольдтов. Не есть ли это некое символическое решение дихотомии миграции и оседлости в эпистемологическом контексте? Роберт Мертон в свое время сформулировал девять амбивалентных принципов научного этоса – девять антиномий, среди которых, однако, никак не отражено противоречие миграции и оседлости в этосе науки, который по своей природе, безусловно, является городским. Не настало ли время обосновать амбивалентность миграции и оседлости применительно к этосу науки?

И.Т. Касавин говорит о классической антиномии поля как сферы миграции и города как области оседлости, и настаивает на том, что в наши дни «на смену этой концепции приходит представление о современном городе как аутентичном воплощении динамического развития». Однако позволю возразить, что в данном случае не современность расставляет акценты, а исследовательская позиция ученого. Иными словами, сегодня ученый в состоянии понять, что город действительно есть «воплощение динамичного развития», но это не означает, что это некий особый маркер современности, это – маркер современной науки (науки XXI в.), которая наконец-то позволяет подвергнуть дихотомию миграции и оседлости более глубокому анализу, нежели в предыдущие, совсем недавние периоды.

Действительно, миграция противопоставляется оседлости как неустойчивость устойчивости. Оседлость вроде бы позволяет цивилизации расти невширь (покоряя и опустошая новые земли), но вглубь: развивая ремесла и приобретая новые знания. *Хотелось бы задать И.Т. Касавину вопрос: а разве в предыдущие эпохи город не являлся «аутентичным воплощением динамического развития»? Можем ли мы (даже условно) соотносить миграцию и динамику? Ассоциируется ли миграция, в противовес оседлости, с неустойчивостью? Так ли все однозначно?*

Приведем пример. Ибн Хальдун, арабский ученый XIII в., задолго до европейцев ввел в научный оборот понятие *цивилизации*. Как и в латыни, оно происходило от слова город: мадина (араб., *город*), мадиния (араб., *цивилизация*). Ибн Хальдун дифференцировал бедуинов и хадари, идеализируя последних соответственно как кочевые (общинные, коллективистские) и городские (цивилизованные, «эстетические», человекоцентричные) общества [1. S. 198]. Но вот только бедуины странствуют до сих пор, а куда делись хадари – неизвестно. Скорее всего, хадари растворились в арабских народах, утратив идентичность: их нет более, а бедуины есть.

Другой пример. Монголия тысячи лет была кочевой страной, но она стала родиной Аттилы и Чингисхана, чем смогла существенно повлиять на историю человечества. Она сделала шаг к превращению из субъекта в объект мировой динамики в тот день, когда там немногим более ста лет назад появился первый дом, построенный по советскому образцу. Юрта оказалась более устойчива в культурно-историческом контексте, чем панельное здание.

Судя по примерам, в какой-то мере миграция может в большей степени обеспечивать устойчивость, несмотря на движение, а оседлость – более динамична. *Возможно, в данном случае уместно говорить о «разной» динамике: внутренней и внешней. Может быть, в прошедшие эпохи городу действительно была свойственна внутренняя динамика, а теперь он развивается, подобно полю?*

Евразийский и европейский город в фокусе дискурса запретов

Несложно заметить, что я привожу примеры из истории евразийского материка, а не европейского континента, в то время как И.Т. Касавин концентрирует внимание на динамике города и миграций применительно к европейскому городу. В данном ключе дискурс запретов, о котором говорит И.Т. Касавин, было бы нелишним изучить и в историческом компаративном ключе.

Европейский средневековый город был средоточием запретов. Утверждение Дж. Даймонда о том, что «Европа не знала деспотов» [2. Р. 165], выглядит странным. Помимо многочисленных инквизиторов, там были и Генрих VIII, и Изабелла Кастильская, и Людовик XI. Средневековое европейское общество было во многом миграционно табуировано. И чем деспотичнее был властитель, тем сильнее он стремился ограничить свободу передвижения своих подданных. Например, первый абсолютный монарх Франции подолгу держал своих знатных узников в специальных железных клетках, причем изобретателя такой клетки епископа Верденского Гийома де Аранкура король продержал там 14 лет. В России на фоне крепостничества как миграционного табу сформировалась дополнительная миграционная традиция: «бе-

жать за Дон», становиться вольным человеком, т.е. казаком. На этом фоне миграция становилась особой привилегией, ценностью.

В Европе, в отличие от других континентов, поощрялась религиозная традиция миграции. Паломники (странники, пилигримы, калики, юродивые, блаженные) как в Восточной, так и в Западной Европе укладывались в канон христианской традиции. На Ближнем Востоке и в Азии такой традиции не было, масса сложных ритуалов, связанных с поклонением вышестоящему лицу, также ограничивала миграцию. Однако в этих обществах сохранились, в противовес Европе, традиции номадизма.

Поэтому, дискутируя с И.Т. Касавиным, рискну предположить, что миграционная динамика, возможно, и не связана напрямую с европейским городом, ее динамика и даже эпистемическая природа, вероятно, обусловлены некими глобальными закономерностями.

О миграции восторженно и озадаченно

О миграции можно говорить с воодушевлением как о двигателе познания и в целом эволюционного развития. А можно – с озабоченностью и тревогой, поскольку она порождает проблемы с трафиком, рабочими местами и даже с законом. Принцип универсализма, некогда сформулированный Р. Мертоном применительно к этосу науки, не позволяет нам делить мигрантов на «хороших» и «плохих», однако он не запрещает ученому оценивать миграцию, выделяя ее негативные и позитивные стороны.

Именно так, «взвешенно», исследует миграцию И.Т. Касавин уже более четверти века. Тем не менее, если мы сравним его работы по вопросам миграции разных лет, то увидим определенную тенденцию. В монографии «Миграция. Креативность. Текст», изданной в конце прошлого столетия, И.Т. Касавин определил миграцию (дальние странствия, путешествия) в культурно-историческом контексте как «онтологию творческой деятельности» [3]. В 2014 г. И.Т. Касавин начинает говорить, и совершенно справедливо, что биомедицинские, информационные и транспортные технологии во всех странах составляют сегодня приоритетные исследовательские направления», причем транспортные технологии он продолжает связывать с пространством путешествия и приключения, а тех, кто это пространство осваивает эмпирически, И.Т. Касавин описывает с помощью архетипических образов «моряка», мигранта, странника [4. С. 1100]. Наконец, сегодня выходит в свет статья И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов», в которой миграция связывается с городом и урбанизацией. Здесь уже нет прежнего интеллектуального энтузиазма по поводу миграции, нет приключений и странствий, но есть озабоченность и тревога по вопросам дорожного трафика и реалий рыночного общества на фоне разного рода миграционных процессов.

Возникает вопрос: можем ли мы применительно к современности говорить о миграции как пути познания (справедливости ради надо сказать, что с докладом «Migration as a Way of Knowledge» И.Т. Касавин выступал на Всемирной конференции в Мехико в июле 2024 г.) или же теперь это, скорее, проблема из области «рыночной демократии» и логистики?

И.Т. Касавин описывает три кризиса европейского города и утверждает, что именно в период третьего кризиса, когда «город как территория оседло-

сти исчерпывает сам себя», а постиндустриальное, посткапиталистическое, информационное общество (Д. Белл, П. Дракер) превращается в общество знания (Н. Штер), именно тогда «смелые открытия, изменяющие научную картину мира, уходят в тень коммерческих инноваций технонауки». Все это И.Т. Касавин квалифицирует как «предвестников заката эпохи и приближения цивилизационного перелома, в котором понятие миграции обретает новую актуальность, в том числе в эпистемологическом измерении».

Мне же представляется, что цивилизационный перелом и трансформация роли «смелых открытий, изменяющих картину мира» произошли (или, по меньшей мере, начались) гораздо раньше, а именно в начале XX в. – после преодоления последствий описанного И.Т. Касавиным второго кризиса европейского города: «времени, описанного Чарльзом Диккенсом, – эпохи научно-технической революции XIX в. Город захлестывает волна фабричных рабочих, с трудом зарабатывающих на хлеб и существующих на грани выживания». Речь идет о том, о чем говорил Вернер Зомбарт: предприниматель перестает быть «авантюристом, морским разбойником, купцом крупного масштаба» [5. С. 108], а становится экономическим человеком, уподобляется чиновнику, курсирующему из дома на работу, из комфорта в комфорт. «А разве не встречаем мы многочисленных предпринимателей, которые кажутся нам скорее бюрократами, чем купцами или торговцами? Корректные в своей деятельности, педантичные в распорядке их работы, точно размеренные в своих решениях...» [5. С. 111].

Экономический человек начала XX в., в частности, в Германии, меняет свое отношение к науке: «крупные отрасли промышленности – именно электрическая и химическая промышленность – обязаны своей победоносностью прежде всего полной самопожертвованию заботливости о научном обосновании и проникновении в сущность производственных процессов» [5. С. 187]. Не случайно в трактате «Буржуа» В. Зомбарт приводит цитату из книги «Деньги» Эмиля Золя: «Деньги, помогая науке, осуществляют прогресс» [5. С. 611].

Таким образом, на мой взгляд, обстоятельства и время цивилизационного перелома требуют уточнения.

Миграция. Город. Контекст

Современный город (или, скорее, мегаполис) И.Т. Касавин концептуализирует как пространство эпистемологического поворота. Так уж случилось, что современная урбанистика – это наука о больших городах, транспортных потоках, множестве людей. Город описывается как средоточие учебных заведений, музеев и театров, высоких технологий и творческих идей. В городе живут интеллектуалы, офисные работники, курьеры, и все они являются водителями автомашин. Малые города и разного рода муниципальные образования изучаются кем угодно, только не склонными к философии урбанистами. Урбанистика превращается в эстетическую дисциплину. А для урбанистов проблемой становятся пробки, а вовсе не бедность, безработица или алкоголизм населения.

И.Т. Касавин тоже не избежал этого соблазна, представив город как мегаполис, а урбанистику – как науку о мегаполисах и городах будущего, где знание и технология имеют ведущее значение. *Что же такое город? Является ли городом (в полном смысле слова) территория, названная городом, но*

лишенная музеев, театров и университетов и располагающая разве что градообразующим промышленным предприятием или объектом культурного наследия, притягивающим туристов? И можем ли мы обнаружить «неожиданные пересечения между урбанистикой и эпистемологией, где для последней открывается новое поле практического применения», в небольших и низкотехнологичных городах?

И.Т. Касавин пишет о том, как планировалась система асфальтовых дорожек на территории на Васильевском острове в Ленинграде: асфальт прокладывался там, где некогда пешеходами были проложены тропинки на снегу (зимой эти дорожки были запечатлены с помощью аэрофотосъемки). Спустя десятилетия примерно таким же способом асфальтировались тропинки не территории Курчатовского института: первоначально сотрудники ходили свободно, где им вздумается, а потом протоптанные траектории асфальтировали. И.Т. Касавин пишет, что эта история многим нравилась и воспринималась как «притча, демонстрировавшая принципиальную возможность сочетания индивидуальных и общественных интересов в условиях социализма».

Хотелось бы спросить автора, есть ли в этой притче эпистемологический смысл? По какой причине люди прокладывают тропинки определенным способом, и есть ли в этой деятельности сознательная составляющая? И является ли такая история исключительно «городской»? В качестве дополнительного обоснования моих вопросов приведу пример. В северной части озера Байкал есть бухта Аяя, от которой идет тропа длиной в шесть километров на Фролиху – озеро необычайной красоты. Для туристов это озеро стало доступным сравнительно недавно: чуть более одиннадцати лет назад волонтеры проложили эту тропу на основе медвежьей тропы. Возникает другой вопрос: опыт проложения асфальтовых дорог в черте города (на Васильевском острове и на территории Курчатовского института) и в практически дикой местности (на оз. Фролиху) – это концептуально схожие явления, или в них есть концептуальное отличие?

Продолжая тему дорог, обратимся к рассуждению И.Т. Касавина о мерах нормализации дорожного трафика. В качестве одной из возможных таких мер И.Т. Касавин указывает взимание платы за перегруженность дорог. Первое, что приходит в данном случае на ум, – Московский скоростной диаметр (МСД), объединивший северо-восточную и юго-восточную хорды. Дело в том, что эта дорога, дабы не превращаться в транзитную зону, является бесплатной только для жителей Москвы и Московской области. Возникает вопрос: кто они, эти жители? Неужели дело в пресловутой московской прописке? Оказывается, нет. «Платность» этой дороги обеспечивается искусственным интеллектом, который, судя по всему, неплохо справляется со своей функцией «фильтрации постоянных жителей Москвы». Дело в том, что дорога платная только для тех, кто пребывает в пределах А-113 «ЦКАД» менее 24 часов. Иными словами, человек, имеющий машину с немосковскими номерами, но живущий и работающий в Москве постоянно, не будет платить за проезд по МСД. Другой вопрос: помогло ли это решению разгрузке дорог? Ведь если еще в 2023 г., когда дорога была бесплатной для всех, на ней отсутствовали пробки в любое время суток, но теперь она перегружена, в час пик здесь не редкость многокилометровые пробки. Не исключено, что «бесплатность» была воспринята жителями Москвы и Московской области как

некая привилегия, и они стали выбирать именно маршрут по МСД вместо возможных альтернатив.

И.Т. Касавин считает взимание платы за проезд по перегруженным дорогам приемлемой мерой, пусть и признавая, что она содержит в себе индексы несправедливости. Полагаю, что эти индексы настолько «кричащие», что лучше от такой меры отказаться. Идея, что одна и та же дорога в зависимости от загруженности может быть платной либо бесплатной, превращает водителя в подопытного кролика: какому-то исследователю, возможно, будет интересно наблюдать, как он постоянно попадает в ситуацию неопределенности. *Во-первых, этично ли принуждать водителя использовать навигатор постоянно? Во-вторых, разве навигатор не дает сбоев?*

В качестве другого инструмента облегчения дорожного трафика И.Т. Касавин предлагает использовать «умные» механизмы управления пропускной способностью дорог, которая, судя по данным И.Т. Касавина, позволят экономить до 30% трафика. *Может быть, И.Т. Касавин возлагает необоснованно завышенные надежды на искусственный интеллект?* Вот, например, 31 октября 2024 г. в Ирландии тысячи людей собрались на дублинск О'Коннелл-стрит для празднования Хеллоуина. На улицах образовался хаос: оказалось, что искусственный интеллект опубликовал в сети фейковые объявления о массовых гуляньях. *Даже если за происшествием стоят некие «злоумышленники», можем ли мы доверять полностью управление дорогами искусственному интеллекту? Не чревато ли это новыми необычными, небывалыми коллапсами?* В данном случае будет нелишним вспомнить о надежности технологий, проверенных временем. Например, осенью того же 2024 г. испанский город Альмонасид-де-ла-Куба во время наводнения спасла от разрушений плотина, построенная римлянами около 2 000 лет назад древнеримскими рабочими. Плотина, как и требуется, отвела воду от города.

Вопрос как вывод

Я привела пример с плотиной потому, что она – один из примеров человеческого инженерного гения. И.Т. Касавин уповает на умные технологии или на очередные экономические манипуляции, забывая о заветных мечтах фантастов и изобретателей (начиная с Леонардо да Винчи). Жаль, если эти мечты кажутся И.Т. Касавину нереальными. Многие возможные изобретения на данный момент не содержат в себе ничего фантастического. *Почему вместо того, чтобы инвестировать в изобретение «летающего трамвая», пересадить горожан на летающие шары или дирижабли, развивать идею летающего автомобиля, И.Т. Касавин предлагает очередной сбор денег и сомнительного качества компьютерную программу?* При внедрении таких нехитрых технологий «относительно» богатые поедут на такси, едущие по специальной полосе, а бедные спустятся под землю. Да, чиновники нередко говорят о том, что некое решение не идеально, но приемлемо. Им это позволительно, они всегда апеллируют к реалиям сегодняшнего дня. *Но позволительно ли ученому пропагандировать неизбежность внедрения истинных инноваций? Если мир и так несправедлив, является ли задачей ученого оправдывать эту несправедливость? Или, возможно, у ученого есть иные задачи?*

Сегодня на страницах этого журнала мы создаем новую область знания: миграционную эпистемологию. Нам еще предстоит сформулировать ее нормы и основания. Хотелось бы, чтобы эта наука была ориентирована на будущее и была глубоко гуманистична.

Список источников

1. Göcen G. İbn Haldun'un Toplum ve İnsan Yaklaşımının Günümüze Düşen İzdeşimleri: Tüketim Toplumu ve Narsist İnsan // *Toplum Bilimleri Dergisi*. 2013. Cilt VII. № 14. S. 175–198.
2. Diamond J.M. *Guns Germs and Steel. The Fates of Human Societies*. London : WW Norton & Company, 1999. 480 p.
3. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб. : РХГИ, 1998. 408 с.
4. Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предыстории научной лаборатории // *Вестник Российской академии наук*. 2014. Т. 84, № 12. С. 1098–1106.
5. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Собр. соч.: в 3 т. СПб. : Владимир Даль, 2005. Т. 1. 637 с.

References

1. Göcen, G. (2013) İbn Haldun'un Toplum ve İnsan Yaklaşımının Günümüze Düşen İzdeşimleri: Tüketim Toplumu ve Narsist İnsan. *Toplum Bilimleri Dergisi*. VII(14). pp. 175–198.
2. Diamond, J.M. (1999) *Guns Germs and Steel. The Fates of Human Societies*. London: WW Norton & Company.
3. Kasavin, I.T. (1998) *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of Non-Classical Theory of Cognition]. St. Petersburg: RKhGI.
4. Kasavin, I.T. (2014) Interaktivnye zony: k predystorii nauchnoy laboratorii [Interactive zones: on the prehistory of the scientific laboratory]. *Vestnik rossiyskoy akademii nauk*. 84(6). pp. 456–464.
5. Sombart, W. (2005) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

Сведения об авторе:

Савченко И.А. – доктор социологических наук, профессор, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского университета (Москва, Россия). E-mail: teosmaco@ramler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Savchenko I.A. – Dr. Sci. (Sociology), full professor, head of the Humanitarian Analytics Project Office, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: teosmaco@ramler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 316.334.56

doi: 10.17223/1998863X/82/25

МИГРАЦИЯ: ГРАНИЦЫ МЕТАФОРЫ И ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Анна Владимировна Сахарова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,

Институт философии РАН, Москва, Россия,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия, hanna.lazareva@gmail.com

Аннотация. В статье-реплике на работу И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов» рассматривается два вопроса. Первый из них связан с концептуальным статусом миграции, когнитивными, лингвистическими и культурными границами этого понятия. Второй вопрос касается амбивалентного статуса миграции в городской среде. В частности, речь идет о проблеме, связанной с возникновением ситуации эпистемической несправедливости, вызванной статусом мигранта.

Ключевые слова: миграция, оседлость, эпистемическая несправедливость, когнитивная метафора, город

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Для цитирования: Сахарова А.В. Миграция: границы метафоры и проблема эпистемической несправедливости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 283–290. doi: 10.17223/1998863X/82/25

Original article

MIGRATION: CONCEPTUAL UNCERTAINTY AND EPISTEMIC INJUSTICE

Anna V. Sakharova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation,

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,

hanna.lazareva@gmail.com

Abstract. The reply to Ilya Kasavin's article "The City Between Migration and Settled Existence: Discipline, Democracy and the Discourse of Prohibitions" examines two issues. The first one is related to the conceptual status of migration, its cognitive, linguistic and cultural aspects. The second issue concerns the ambivalent status of migration in the urban environment. In particular, it is the problem associated with the emergence of a situation of epistemic injustice caused by the status of a migrant. The answer to the first question allows us to define the concept of migration more precisely and define its boundaries with related phenomena. Migration is the process of moving from one point of settlement to another with mandatory border crossing. Migration covers only some semantic aspects of related concepts, such as displacement, which does not always involve crossing borders or having a

social context; travel, which is temporary and involves return; and nomadism, in which there is no end point of settlement. Migration as a phenomenon is not limited only to physical movement in space, but also includes deep sociocultural processes, the crossing of the boundaries of identity, and the search for a new understanding of oneself. The second question problematizes the topic of the ambivalent status of migration as a means of avoiding dangers, on the one hand, and as a risk factor, on the other. In modern urban space, archetypal migration from a once unique phenomenon becomes part of social everyday life, changing its functions and epistemological understanding. The migrant from “returning with gifts and knowledge” turns into another source of information, a lot of which creates information noise. The redundancy of information and the polyphony of voices lead to the fact that the migrant does not become a source of unique information and a new vision, but faces a particularly high degree of distrust from others. This situation is described by the concept of epistemic injustice: the migrant faces particular difficulties in integrating and recognizing him as an equal participant in the discourse. The migrant, despite the potential for cultural enrichment, often remains the “other”, whose knowledge is more often questioned, and the gift of knowledge gained during the journey may remain unrecognized.

Keywords: migration, settlement, epistemic injustice, cognitive metaphor, city

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

For citation: Sakharova, A.V. (2024) Migration: conceptual uncertainty and epistemic injustice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 283–290. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/25

Введение

В работе И.Т. Касавина «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов», ставшей стартовой для дискуссии, обсуждается концептуальный статус миграции как философского понятия, отражающего природу человека, и как междисциплинарного явления, связанного с исторической географией, культурной антропологией и историей. Миграция и оседлость рассматриваются в работе как элементы концептуальной схемы, позволяющей упорядочить и анализировать процессы, свойственные городской динамике. Через призму миграции автор анализирует три кризиса, затронувшие европейские города, вопросы транспортной мобильности в условиях современного города, а также обсуждает будущие модели городского развития, где взаимодействие между миграцией и оседлостью формирует новый облик городской среды.

В рамках дискуссии об указанной выше работе хотелось бы поставить два вопроса. Первый вопрос связан с концептуальным статусом миграции: что именно мы имеем в виду под миграцией в различных контекстах и как границы этого понятия коррелируют с границами смежных терминов. На наш взгляд, автор исходной статьи трактует миграцию достаточно широко, объединяя несколько различных, хотя и смежных с миграцией явлений, что приводит к некоторой размытости понимания как самой миграции, так и феноменов, описываемых при помощи миграционной метафоры. Это, с одной стороны, способствует расширению описательных возможностей миграционной метафоры, но, с другой стороны, снижает точность в интерпретации структуры описываемых явлений. Миграцией в исходной статье оказывается любое перемещение в физическом (или, если речь идет о метафоре, концептуальном) пространстве, невзирая на цели и социальные условия этого пере-

мещения: от «полякующих» богатырей и изгнания арабов из Испании в конце XV в. до современного городского трафика и поездок на электросамокате.

Второй вопрос связан с необходимостью больше внимания уделить амбивалентному статусу миграции и проблемам, которые она вызывает в городской среде. В исходной для дискуссии статье не рассматривается важная тема эпистемической несправедливости, вызванная восприятием мигрирующего как чужака и источника опасности.

Когнитивные основания миграционного архетипа

Начать обсуждение первой темы хотелось бы с разговора о когнитивной природе метафоры миграции и переноса ее концептуальной схемы с физического перемещения в пространстве на другие более абстрактные явления, такие как знания, идеи, физические процессы и др. Речь идет о том, что миграция может быть описана как основа для концептуальной (или когнитивной) метафоры: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (*thing*) одного вида в терминах сущности другого вида» [1. С. 27]. Истоки этого метафорического переноса понятны: люди перемещаются, переезжают с места на место с древних времен. Такой массовый и постоянный процесс не мог не отразиться в языке и не закрепиться в культуре в качестве паттерна, через оптику которого мы смотрим на другие процессы. Дж. Лакофф и М. Джонсон в уже процитированной выше работе «Метафоры, которыми мы живем» приводят множество концептуальных метафор, позволяющих интерпретировать и упорядочивать более абстрактные явления в терминах более конкретных, осязаемых и визуализируемых. Классическим примером являются метафоры пространства – универсальные компоненты нашего мышления – и производные от них. Их неосознанно использует любой человек, говорящий на том или ином языке. В указанной выше работе вводится множество типов образных схем, связанных с нашими базовыми пространственными представлениями: перемещение / путь, вместилище, центр / периферия, верх / низ и др. Эти же метафоры и концептуальные схемы используются и для разговора о городском пространстве: мы можем находиться в городе и вне его (город как вместилище), у любого города есть центр и периферия, во многих городах можно «поехать в верхнюю часть или в нижнюю» (как говорят, например, в Нижнем Новгороде), мы можем проследить исторический *путь* города или путь его преобразований. При помощи этих же физически ориентированных образных схем мы концептуализируем и более абстрактные понятия, такие как время, жизнь, социальные отношения между людьми и пр.

Одной из распространенных пространственных метафор является метафора путешествия (*journey*), которая по сфере применимости пересекается с метафорой миграции. Интересно, что метафора миграции нашла отражение не только в концептуальной системе языка: само понятие метафоры может быть интерпретировано как миграция смысла или структуры с одного явления на другое. Кажется, что миграция была бы не менее удачным паттерном как минимум в связи с первичностью процесса миграции (по необходимости) перед путешествием (для развлечения). Кроме того, именно понятие миграции придает этой метафоре дополнительные значения, отличающиеся от коннотаций, связанных с абстрактным перемещением, путешествием или кочевничеством, позволяя нам видеть в нем более широкий пласт процессов.

Миграция, путешествие и кочевничество: к определению границ

Далее хотелось бы поговорить об определении миграции и признаках, которые отделяют его от смежных понятий. Как мы уже указали выше, в стартовой для дискуссии статье дается максимально широкое представление о миграции, которая, по мысли автора, «сопрягает две фундаментальные философские категории – субъекта и пространства – и особым образом проблематизирует место человека в мире».

Базовое понятие, лежащее в основе и миграции, и путешествия, и кочевничества, – это *перемещение*. Миграция – это не просто перемещение в пространстве, а сложный процесс, включающий социальные и культурные изменения. В отличие от перемещения, которое подразумевает направленное физическое движение без обязательных последствий, миграция сопряжена с целеполаганием, а также с изменениями как пространства в начальной и конечной точке, так и самого перемещающегося. Речь идет и про адаптацию к новой среде, и про изменение привычных культурных кодов, и про интеграцию в общественные структуры. Важной чертой миграции, в отличие от перемещения, является пересечение некоторой хотя бы символической границы: вряд ли переезд в соседний дом или поход на работу на соседнюю улицу может быть назван миграцией.

В отличие от *кочевничества* миграция предполагает оседлость как в начальной, так и в конечной точке, что делает ее направленным и конечным процессом. Кочевничество, напротив, не имеет фиксированной конечной цели и не определено в сроках. Это свободное перемещение, задачи которого решаются во время движения и не требуют завершения. Миграция, с другой стороны, означает стремление обосноваться, адаптироваться к новой среде и внести свой вклад в ее развитие, что отличает ее от кочевнического уклада, связанного с непрерывным движением и отсутствием привязанности к одному месту.

Миграция отличается от *путешествия* целеполаганием и потенциальной необратимостью. Цель путешествия, как правило, в удовлетворении интереса, временном отдыхе или исследовании новых пространств, за которыми следует возвращение в начальную точку. Миграция же связана с поиском лучших условий для жизни, работы и безопасности: множество людей бегут от войн, конфликтов, ущемления их прав или просто в поиске лучшей жизни. Мигрант зачастую не рассчитывает на возвращение, по крайней мере быстрое; его перемещение сопровождается новыми обязательствами, адаптацией и вкладом в культуру и экономику принимающего сообщества. Таким образом, миграция – это процесс долгосрочного взаимодействия с новым пространством, тогда как путешествие остается эпизодическим опытом. Исключением может быть названа маятниковая миграция – регулярные поездки с места жительства на место работы или учебы. Однако это не столько исключение, сколько проблема в русскоязычной терминологии. На наш взгляд, процесс регулярного перемещения между местом проживания и местом работы или учебы вообще не может быть назван миграцией. В русском языке используется не слишком корректное название – англоязычный «commuting» звучит более точно.

Распространившееся в русском языке в последнее время понятие «релокация» находится где-то между путешествием и миграцией. Релокация подразумевает перемещение на новое место на довольно долгое и неопределенное, но все-таки конечное время. При этом, в отличие от миграции, не предполагается необходимости ассимиляции на новой «точке оседлости» и отсутствия возможности возвращения.

Подводя итог этому сравнению, можно сказать, что миграция представляет собой процесс перемещения из одной точки оседлости в другую с обязательным пересечением границы. Миграция предполагает некоторую оседлость в конечной точке миграции (в отличие от кочевничества), не предполагающую быстрого возвращения (в отличие от путешествия) и подразумевающее перспективу ассимиляции и активного взаимодействия с новой средой (в отличие от перемещения).

Архетип миграции, предполагающий возвращение с «дарами», который автор описывает в других работах [2], на наш взгляд, ближе к метафоре путешествия, чем к метафоре миграции. Если мы понимаем миграцию более прицельно и отделяем ее от смежных понятий «путешествие» и «кочевничество» в логике, которую мы привели выше, то, конечно, речь идет скорее о путешествии, из которого герой возвращается с сокровищами или знаниями. В этой логике шаман, отправляющийся за знаниями, Одиссей, возвратившийся «пространством и временем полный»¹, Орфей, спускающийся в царство мертвых за Эвридикой, Леопольд Блум, блуждающий по Дублину в поисках ответов на свои вопросы², или философ, который оказывается «сталкером между мирами, уходящим в неведомое из мира повседневности, приносящим предметы из сакрального мира» [3. С. 17] – это, конечно, путешественники, а не мигранты. Во всех этих и многих других литературных и мифологических сюжетах герой отправляется именно в путешествие, ограниченное по времени и предполагающее неременное возвращение.

Миграции и оседлость в городской среде: к вопросу об эпистемической несправедливости

Вернемся к теме миграции в городской среде. Выше мы вслед за автором исходной статьи рассматривали миграцию как архетип и социальный процесс, не делая акцент на статусе и субъектности самого мигрирующего, для которого миграция – это и путь к спасению и улучшению жизненных условий, и источник опасности, отчуждения и несправедливости. Миграция не безусловно положительна и даже не может быть названа нейтральной. Это второй вопрос, который мы хотели обсудить в рамках реплики.

Миграции в городской среде вызваны желанием субъекта изменить социальное пространство вокруг себя, сделать его более безопасным и комфортным, снизить количество рискогенных факторов. Кроме этого, миграция является основным драйвером роста городов, их экономического и производственного потенциала, расширения их возможностей³. Одновременно с этим миграция превращается в рискогенный фактор как для самого мигранта

¹ О.Э. Мандельштам. «Золотистого меда струя из бутылки стекла...» (1917 г.).

² Дж. Джойс. «Улисс» (1920 г.).

³ United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat) «CITIES AND MIGRATION». URL: <https://unhabitat.org/gccm-cities-and-migration>

(мигрирующий более уязвим и в пути, и в конечной точке оседлости), так и для городской среды. В этом заключается амбивалентность миграции: с одной стороны, она должна минимизировать риски и приносить новые возможности, а с другой – она одновременно порождает новые риски, опасности и проблемы.

На такую амбивалентность города указывает и И.Т. Касавин в исходной для дискуссии статье: «Город здесь рассматривается как пространство свободы, привлекающее миграцию ради личной и интеллектуальной самореализации. Тем не менее эта динамика сталкивается с ограничениями, которые устанавливает капитализм знаний, закрепляющий интеллектуальные ресурсы патентами и частными правами. Так, миграция способствует научному прогрессу, но также обостряет проблемы социальной неравномерности в доступе к знаниям».

Риски миграции могут быть настолько высоки, что могут вызвать у субъекта отрицание миграции как необходимой части жизни. Вспомним в этом контексте хотя бы желание множества людей работать на удаленке или Бродского с его «не выходи из комнаты, не совершай ошибку»¹. Если оставить за скобками ироничность этого текста, он может стать гимном самоизоляции и удаленного режима работы айтишников, распространившегося после ковида. Интернет дает возможность работать удаленно, получать необходимую информацию, общаться с людьми со всего мира и даже посещать концерты и выставки, не выходя из дома. Оседлость в этом случае становится приоритетной стратегией, позволяющей за счет «информационной» – цифровой миграции отказаться от необходимости преодолевать физические границы.

Функция и роль миграции в обществе меняется, одновременно меняется и ее эпистемологическое осмысление. Миграция в современности из уникального события превращается в элемент социальной повседневности. Путешествие и возвращение с «дарами» ранее было уникальным или как минимум редким событием. Сейчас ситуация изменилась, и такие путешествия мы можем совершать гораздо чаще, иногда даже не вставая с кресла. Современные реалии делают эпистемическую несправедливость более ощутимой, так как избыток информации и многообразие «знающих» людей порождают сложности в выборе источника, которому можно доверять. В условиях социального и информационного перенасыщения проблема доверия к знаниям мигрантов становится еще более острой и требует новых подходов к ее решению. Из «знающего», каким был шаман или мифологический герой, мигрант, несмотря на возможность обогащения культурного пространства, превращается в того, чьим знаниям будут доверять в последнюю очередь – и дар знания оказывается не принят.

Эта ситуация связана с явлением эпистемической несправедливости. Эпистемическая несправедливость – это концепция, детально исследованная британским философом Мирандой Фрикер, которая играет важную роль в понимании опыта миграции. В своей книге *«Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing»* [4] Фрикер выделяет два основных типа эпистемической несправедливости: свидетельскую (testimonial) и герменевтическую (hermeneutical). Обе они отражают несправедливость, которая проявляется по

¹ И.А. Бродский. «Не выходи из комнаты...» (1970 г.).

отношению к человеку как источнику знания. Мигрант, находясь в новом социальном контексте, неизбежно сталкивается с этими видами несправедливости, что ведет к проблемам, связанным с признанием релевантности его опыта и знаний.

Свидетельская эпистемическая несправедливость заключается в том, что высказывания мигранта получают недостаточный уровень доверия из-за предвзятости, основанной на его социальной принадлежности. Знания мигрантов воспринимаются как менее ценные, что часто связано с предвзятостями относительно их культурной принадлежности, языка или акцента.

Герменевтическая несправедливость связана с тем, что мигранта в связи с его культурными и речевыми особенностями просто хуже понимают. То есть мигрант может обладать знаниями и опытом, которые трудно передать или осмыслить в новом социокультурном контексте. Это превращает его в чужака, мнение которого воспринимается как «чуждое» или неполноценное. Это, в свою очередь, приводит к формированию отчуждения, где мигрант становится не только социальным, но и эпистемическим аутсайдером. Эта ситуация находит отражение и в языке, в котором слово «мигрант» и его производные зачастую содержат негативную коннотацию, подчеркивая уязвимость тех, кто пересекает границы – будь то границы города, региона, государства или научной дисциплины. Недоверие к «чужакам» и страх перед ними усиливают существующие предрассудки, что приводит к эпистемической дискриминации, при которой мигрант лишается возможности быть воспринятым как полноценный источник знания.

Выводы

Миграция представляет собой процесс перемещения из одной точки оседлости в другую с обязательным пересечением границы. Миграция охватывает только некоторые семантические аспекты смежных понятий, таких как *перемещение*, которое не всегда предполагает пересечение границ или наличие социального контекста; *путешествие*, которое подразумевает временный характер и предполагает возвращение, и *кочевничество*, при котором отсутствует конечная точка оседлости. Миграция как явление не ограничивается лишь физическим перемещением в пространстве, но и включает глубокие социокультурные процессы, пересечение границ идентичности и поиск нового понимания себя.

В современном городском пространстве миграция из когда-то уникального явления становится частью социальной повседневности, меняет свои функции и эпистемологическое осмысление. Мигрант из «вернувшегося с дарами и знаниями» превращается в еще один источник информации, множество которых создает информационный шум. Избыточность информации и полифония голосов приводят к тому, что мигрант становится не источником уникальной информации и нового видения, а сталкивается с особенно высокой степенью недоверия окружающих. Эта ситуация описывается понятием эпистемической несправедливости: мигрант сталкивается с особыми трудностями при интеграции и признании его как равноправного участника дискурса. Мигрант, несмотря на потенциал культурного обогащения, часто остается «другим», чьи знания чаще ставятся под сомнение, и дар знания, полученного во время путешествия, может остаться непринятым.

Список источников

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб. : РХГИ, 1998. 408 с.
3. Касавин И.Т. Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки. 2018. № 1. С. 8–18.
4. Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 208 p.

References

1. Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
2. Kasavin, I.T. (1998) *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of Non-Classical Theory of Cognition]. St. Petersburg: RKhGI.
3. Kasavin, I.T. (2018) *Migratsiya: mezhdistsiplinarnoe ponyatie i ego epistemologicheskie izmereniya* [Migration: an interdisciplinary concept and its epistemological dimensions]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1. pp. 8–18.
4. Fricker, M. (2009) *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Сахарова А.В. – кандидат филологических наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета; младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия); директор Парка науки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sakharova A.V. – Cand. Sci. (Philology), expert of the Project Office of Humanitarian Analytics of Moscow City University (Moscow, Russian Federation); junior researcher of the Social Epistemology Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); director of the Science Park of the Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 316.334.56

doi: 10.17223/1998863X/82/26

ГРАНИЦЫ МИГРАЦИИ. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Илья Теодорович Касавин

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
itkasavin@gmail.com*

Аннотация. Данный текст представляет собой ответ на критические замечания, любезно высказанные А.О. Костиной, В.Д. Кузьминым и Ю.В. Козловой, А.В. Сахаровой и И.А. Савченко по поводу моей статьи «Город между миграцией и оседлостью: дисциплина, демократия и дискурс запретов». Указанные замечания вызваны отчасти недостаточной разработанностью моей концепции, отчасти – альтернативными подходами к обсуждаемой проблеме или взаимонепониманием. В любом случае ответ на замечания позволяет дополнительно осмыслить обсуждаемую область знания и поразмышлять о других поворотах в решениях поставленных проблем.

Ключевые слова: город, миграционная эпистемология, мигрирующий субъект, оседлость, урбанистика

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Для цитирования: Касавин И.Т. Границы миграции. Ответ оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 291–296. doi: 10.17223/1998863X/82/26

Original article

THE BOUNDARIES OF MIGRATION. A REPLY TO THE OPPONENTS

Ilya T. Kasavin

*Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
itkasavin@gmail.com*

Abstract. This text is a reply to the criticisms kindly expressed by Alina Kostina, Vladimir Kuzmin and Yulia Kozlova, Anna Sakharova, and Irina Savchenko about my article “The City Between Migration and Settled Existence: Discipline, Democracy and the Discourse of Prohibitions”. These remarks are caused partly by the lack of development of my concept, partly by alternative approaches to the problem under discussion or mutual misunderstanding. Much of the criticism is directed at the concept and term “migration”. My opponents insist that such terms as “migration”, “journey”, “nomadism”, “movement” denote different objects of study, while in my article they are not clearly distinguished from

each other. My answer to this objection is that I understand the phenomenon of migration as a universal archetype. The concept of migration, therefore, turns out to be general enough to see parallels and analogies between seemingly completely different phenomena and to accommodate its historical and social hypostases (nomadism; journey of different types; economic, political and digital migration), as well as its elements (various forms of movement in physical and cultural space and time – reversible and non-reversible, linear and non-linear, adaptive and counter-adaptive, etc.). A separate issue is the relationship between migration and settled existence. Are they contrarian, incompatible opposites, or are they united according to the principle of complementarity? In my opinion, we are talking about different forms of migration here as well. Sometimes migration dies in sedentarism, as the author dies in the text (to use the well-known metaphor of Roland Barthes). Sometimes it dies without leaving a trace, like the “walking” Russian bogatyr by Sergey M. Solovyov or the horseman from the essays of Jorge Luis Borges, “who flies by like a minute’s thunderstorm”. The concept of migration is essentially based on “migration ontology”, which I elaborate in other works. It is proposed as a problematization of the relationship between the subject and space. Both elements of this pair obtain an independent ontological status; they are equally active and capable of influencing each other. My opponents propose the triad “object (host culture) – space – subject (migrant)” as a concretization of the dual relationship. This does not contradict my approach at all. The subject does not simply forcibly cultivate the chosen space, and space does not dominate the subject in the style of geographical determinism. Space becomes more diverse and anisotropic as a result of human activity, but it can also become depopulated, homogeneous and lifeless in general as a consequence of human intervention. Space also can nourish human activity, creativity and culture. Yet the society in which the stranger finds himself is usually unable and unwilling to understand him. However, the stranger himself is in a position of estrangement, which, at the same time, provides him with an objective view, in contrast to those who are too tightly integrated into society and do not see it from the outside. There are many cases of famous intellectuals of the 20th century like Ludwig Wittgenstein, Karl Popper, Rudolf Carnap, Bronisław Malinowski, and Zygmunt Bauman confirming that migrants often achieve resounding success in foreign lands. In any case, the reply to the comments allows us to further comprehend the area of knowledge under discussion and reflect on other turns in solving the problems posed.

Keywords: city, migration epistemology, migrating subject, sedentarism, urban studies

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Kasavin, I.T. (2024) The boundaries of migration. A reply to the opponents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 291–296. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/26

Выражение признательности за возможность вернуться к написанной статье и попытаться компенсировать ее недостатки – самое главное в моем ответе уважаемым оппонентам. Мой скромный опыт приложения общенаучного и философского понятия миграции к обсуждению конкретных прикладных проблем социальных наук обуславливает естественные риски концептуальной нестрогости, недостаточной компетентности и банальной ошибки. Хорошо уже, что дискуссия состоялась, и удался даже если не теоретический сдвиг, то небольшая интеллектуальная провокация.

Во-первых, это касается концептуального статуса миграции как теоретической единицы научного и философского дискурса. Философские понятия, как известно, претендуют не только на широту содержания, охват разнородных явлений, но и на особый смысл, выходящий порой далеко за пределы наблюдаемой реальности и даже объективной реальности вообще. Алина

Олеговна Костина в своей реплике «Миграция: на пути от прямого к косвенному космополитизму» указывает, что в моей статье не проводится четкого различия между понятиями миграции, кочевничества (номадизма) и внутригородского перемещения. Примерно такое же замечание делает Анна Владимировна Сахарова в своей реплике «Миграция: границы метафоры и проблема эпистемической несправедливости». Ирина Александровна Савченко задает в этой связи наводящие вопросы: каким представляется мне путь мигрирующего субъекта с точки зрения линейности или нелинейности? Обязательно ли миграция включает возвращение или нет?

Все это требует уточнения моей позиции: я трактую феномен миграции как универсальный архетип. Понятие миграции тем самым оказывается достаточно общим, чтобы увидеть параллели и аналогии между казалось бы совершенно разными явлениями и вместить в себя свои исторические и социальные ипостаси (кочевничество, путешествие разных видов, экономическую, политическую и цифровую миграцию), а также свои элементы (многообразные формы перемещения в физическом и культурном пространстве и времени – возвратные и невозвратные, линейные и нелинейные, адаптивные и контраадаптивные и пр.).

Отдельный вопрос – отношения миграции и оседлости. Являются ли они контрарными, несовместимыми противоположностями или, наоборот, объединяются по принципу дополнительности? На мой взгляд, и здесь идет речь о разных формах миграции. Порой миграция умирает в оседлости как автор умирает в тексте (используя известную метафору Р. Барта). Иногда же она умирает, не оставляя следов, как «полякующий» русский богатырь С.М. Соловьёва или всадник из эссе Х.Л. Борхеса, «который пролетает минутной грозой». Понятие миграции не первично в отношении классификации феномена миграции, скорее, наоборот, а, как известно, вопросы классификации почти так же трудны, как вопросы крови (по Воланду). Можно идти снизу от элементарных событий к их видам и родам, а можно размышлять холистически, начиная с высшего таксона и двигаясь вниз, к таксонам низшего уровня. Мой подход ближе ко второму, но его развертывание требует более подробного описания того, что я понимаю под «миграционной онтологией»¹. В любом случае более обстоятельная классификация или типология миграции ждет своих новых исследователей, и она сможет уточнить концептуальный статус термина «миграция».

Понятие миграции предлагается мной как проблематизация отношения субъекта и пространства. Оба элемента этой пары обладают, так сказать, независимым онтологическим статусом, они равно активны и способны влиять друг на друга. Владимир Денисович Кузьмин и Юлия Владиславовна Козлова в своей реплике «Городские сообщества в дискурсе миграции (на примере соседства)» в порядке конкретизации вместо дуального отношения предлагают триаду «объект (принимающая культура) – пространство – субъект (мигрант)». Это вовсе не противоречит моему подходу. Субъект не просто насильственно окультуривает избранное пространство, а пространство не доминирует над субъектом в стиле географического детерминизма. Пространство становится более разнообразным и анизотропным в результате че-

¹ Сошлюсь здесь на свою статью «„Человек мигрирующий“: онтология пути и местности» [1].

ловеческой деятельности, но оно же может и обезлюдеть, приобрести гомогенность и безжизненность вообще как следствие вмешательства человека. Пространство же, со своей стороны, может питать человеческую активность и креативность или культивировать безделье и разжижение мозгов. Пространство не противостоит принимающей культуре, но включает ее в себя в форме ее взаимодействия с геометрической метафизикой и исторической географией. Во многом отсюда происходит амбивалентность миграции и вытекающие из этого риски, панораму которых разворачивает А.В. Сахарова и которые вызывают к жизни феномен «табуирования миграции». Этот феномен коренится еще в первобытной эпохе, но А.В. Сахарова полагает, что в особенности он отличает современное урбанизированное общество, которое еще сильнее принижает статус мигранта и отказывает ему в эпистемической справедливости, т.е. не доверяет ему как источнику знания и даже не способно понять его адекватно.

Представляется, что М. Фрикер, на позицию которой по эпистемической несправедливости ссылается А.В. Сахарова, не читала или не поняла знаменитое эссе А. Шюца «The Stranger». Да, общество, в которое попадает чужак, обычно не способно и не желает его понять. Однако и сам чужак находится в позиции ostranenia, которая вместе с тем обеспечивает ему объективный взгляд в отличие от тех, кто слишком плотно встроены в общество и не видят его со стороны. Обе стороны отказывают друг другу в эпистемической справедливости, по крайней мере сначала. Общество от этого, по видимости, не страдает, но сужает свой возможный опыт, если возводит неприятие иных культур в традиционную ценность. А чужак страдает, но обретает объективное знание и может стать в силу этого настоящим социальным ученым. Н. Штер, выдающийся немецкий социолог, именно поэтому проявляет особый интерес к концепциям социальных ученых-эмигрантов, чья эпистемическая позиция отличается особой точкой зрения [2. Р. 4]. Кстати, судьба таких знаменитых интеллектуалов XX в., как Л. Витгенштейн, К. Поппер, Р. Карнап, Б. Малиновский, З. Бауман, подтверждает, что мигранты нередко добиваются оглушительного успеха на чужбине. Среди современных подобный результат демонстрируют Р. Харре, родившийся в Новой Зеландии и ставший знаменитым оксфордским философом; Д. Чалмерс, перебравшийся из Австралии в Нью-Йорк; тот же Н. Штер, двадцать лет делавший карьеру в Канаде и США, а потом вернувшийся в родную Германию. «Wir sind alle Ausländer. Fast überall»¹.

Понятие несправедливости переводит тему миграции в этическую и эпистемическую плоскость, на чем настаивает и И.А. Савченко, поднимая вопрос о том, настало ли время дополнить дихотомический этос науки Р. Мертона [3] амбивалентной парой «миграция – оседлость». Возможно, в этом предложении есть резон и подобную норму стоит сформулировать так: «...ученый должен практиковать научную мобильность, но в каждом научном сообществе стремился бы вести себя так, словно он там навсегда». Вместе с тем я напому формулировку первой антиномии Р. Мертона: ученый должен как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями. На мой взгляд, в этой норме виден

¹ «Мы все иностранцы. Почти везде» – гласит известная немецкая поговорка.

след миграционного архетипа, если, повторюсь, миграция умирает в оседлости как автор умирает в тексте. Мертон призывает активнее вовлекать сообщество в процесс актуального исследования, но не стремиться застолбить свое открытие. В этом смысле он делает акцент на процессе поиска, на живом дискурсе, а не на его результате, который артикулируется и завершается в публикации, в тексте.

Применимость понятия миграции в урбанистике – таков предмет третьего кластера критических замечаний к моей статье. Так, И.А. Савченко подвергает сомнению мой тезис о том, что вплоть до XIX в. город в основном символизировал тип оседлого бытия, хотя и пережил несколько кризисов, которые делали его на время настоящим миграционным хабом. Она задается вопросом «Разве в предыдущие эпохи город не являлся аутентичным воплощением динамического развития»? Можно согласиться с тем, что город развивался быстрее села, но в немалой степени это было связано его крепостным стенам, за которыми можно было легко укрыться от внешней опасности. Благодаря этому именно в городе развивались ремесла, процветала торговая и финансовая деятельность, культивировались науки и искусства. Город пришел в этом отношении на смену замкам и монастырям, которые тоже были крепостями и могли выдерживать феодальные междоусобицы. Пусть до сих пор существуют кочевые народы (бедуины, цыгане, пуштуны или чукчи), но едва ли им удалось создать конкурентные образцы мировой культуры.

Стоит ли в отношении современности говорить о миграции как пути познания или теперь это, скорее, проблема из области рыночной демократии и логистики? – так звучит еще один вопрос И.А. Савченко, адресуемый мне. Полагаю, что справедливо и то и другое, поскольку тем самым представлены два разных ракурса – философско-эпистемологический и научно-прикладной. Научное творчество представляет собой форму культурной миграции – синхронной, относящейся к наличной социальности, и диахронной, исторической. Современная наука может быть только международной – с многообразными формами научной коммуникации, научного обмена, которые предполагают космополитический стиль жизни. И даже если ученый в силу обстоятельств не способен активно передвигаться в физическом пространстве, он все равно активен в общении с коллегами по всему миру. Только эта динамика и гарантирует нахождение его на переднем крае исследований, чувствительность к новизне, апробацию его идей на достоверность и приемлемость для сообщества.

Среди прочего ряда замечаний я отмечу критику со стороны И.А. Савченко моего подхода к решению городских транспортных проблем. У меня нет однозначных рецептов ликвидации транспортных заторов, и я отнюдь не считаю, что «плата за пробки» является самой лучшей мерой (хотя эта тема активно обсуждается в зарубежной литературе, и мимо этого пройти трудно). Я действительно лелею некоторые надежды на более совершенные электронные сети, объединяющие городскую транспортную инфраструктуру, навигационные программы и реальный трафик. Без сомнений, искусственный интеллект, который может быть подключен к решению такой проблемы, сам требует контроля, но такова ситуация во всех областях нашей жизни. ИИ – это одна из передовых инноваций, которая имеет столь же универсальный характер, что и книгопечатание, электродвигатель или антибиотики. «Жид-

кий мир» 3. Баумана оказался знаменем определенной эпохи глобализации, которая сегодня претерпевает существенные ограничения. Мы никогда не будем совершенно свободны в наших миграционных устремлениях, даже если нам станут служить самые немыслимые сегодня технологии. Но лишить человека мечты о свободе никогда не удастся.

Список источников

1. Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 74–84.
2. Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge / ed. M.T. Adolf. New York : Springer, 2018. 379 p.
3. Merton R.K. The ambivalence of scientists // Essays in Memory of Imre Lakatos / eds. R.S. Cohen, P.K. Feyerabend, M. Wartofsky. Dordrecht : Reidel, 1976. P. 433–455.

References

1. Kasavin, I.T. (1997) “Chelovek migriruyushchiy”: ontologia puti i mestnosti [“Man Migrating”: The Ontology of the Path and the Locality]. *Voprosi filosofii*. 7. pp. 74–84.
2. Adolf, M.T. (ed.). (2018) *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. New York: Springer.
3. Merton, R.K. (1976) The ambivalence of scientists. In: Cohen, R.S., Feyerabend, P.K. & Wartofsky, M. (eds) *Essays in Memory of Imre Lakatos*. Dordrecht: Reidel. pp. 433–455.

Сведения об авторе:

Касавин И.Т. – доктор философских наук, профессор; член-корреспондент РАН, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета; президент Русского общества истории и философии науки, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия); заведующий кафедрой философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: itkasavin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kasavin I.T. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, expert of the Project Office of Humanitarian Analytics, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); president of Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation); head of the Department for Social Epistemology of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); head of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: itkasavin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Семиотический оптимум: как его обнаружить и применить?

Научная статья
УДК 167.7 + 37.02
doi: 10.17223/1998863X/82/27

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОПТИМУМ И ЦВЕТ: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Мария Сергеевна Горбулёва

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
black_silver@bk.ru*

Аннотация. В связи с обсуждением концепта «семиотический оптимум» высказаны суждения, касающиеся условий процесса оптимизации и универсализации знаковых систем. Сделан вывод о невозможности полного исключения контекстной зависимости при практическом применении. Это выдвигает условие постоянного анализа и адаптации в практическом применении. В статье приведены примеры, связанные с цветовым кодированием.

Ключевые слова: семиотический оптимум, цвет, розовый, голубой, зеленый

Для цитирования: Горбулёва М.С. Семиотический оптимум и цвет: контекстуальные вызовы в образовательных технологиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 297–301. doi: 10.17223/1998863X/82/27

Semiotic optimum: how to discover and apply?

Original article

SEMIOTIC OPTIMUM AND COLOR: CONTEXTUAL CHALLENGES IN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Maria S. Gorbuleva

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
black_silver@bk.ru*

Abstract. This article analyzes the concept of semiotic optimum proposed by Irina Melik-Gaikazyan. In connection with this discussion, judgments are made regarding the conditions of the optimization and universalization of sign systems. A conclusion is made about the impossibility of completely eliminating contextual dependence in practical application. This puts forward the condition of constant analysis and adaptation in practical application. The article provides examples related to color coding.

Keywords: semiotic optimum, color, green, pink, blue

For citation: Gorbuleva, M.S. (2024) Semiotic optimum and color: contextual challenges in educational technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.*

Семиотический оптимум и его концептуальное понимание

На уровне семантики концепт семиотического оптимума включает в себя множество артефактов, которые в культуре известны как народное творчество. Эти артефакты представляют собой объекты, отшлифованные временем до состояния совершенной формы. На уровне синтактики это стили, которые люди безошибочно узнают, даже не обладая специальными знаниями в искусствоведении. С точки зрения прагматики это воплощенные выводы, отличающиеся эффективностью, т.е. способные достигать разнообразных целей посредством лаконичных средств выражения [1. С. 144].

Понятие «семиотический оптимум» вызывает вопросы относительно его природы и применения. Семиотический оптимум представляет собой идеальный конструкт, производный от естественного формирования, и в пределе своем являющийся универсальным символом. Вместе с тем этот символ должен быть доступен для всех, однако в различных контекстах могут возникать трудности с его ожидаемой интерпретацией.

Примеры символов и их трактовка

Наиболее хорошо знакомы автору трактовки символа меча [2]. Один и тот же меч, в зависимости от его положения, может означать совершенно противоположные вещи. Меч, направленный вверх, символизирует силу и решительность, тогда как опущенный вниз – мир и завершение войны. Диагностика использования меча позволяет выявить маргинальные группы (на примере ролевых субкультур) [2]. Ситуативное использование меча и его символики часто свойственно для маргинальных сообществ. Чтобы точно определить, что он символизирует – мир или битву, клятву или казнь, требуются дополнительные данные: от принадлежности меча и его форме до его положения в руках и деталей фона, на котором он изображен. Таким образом, утверждая, что семиотический оптимум – это максимально экономичное конструирование объекта для достижения конкретной цели, необходимо учитывать контекст, что может уменьшить ожидаемую экономию.

Цвет и его символика

Примером может служить символика цвета. Цвет является важным аспектом в семиотике и его символическое значение не может быть абсолютным. Восприятие цветов и их ассоциации могут различаться в зависимости от культурных, социальных и личных особенностей. Языковые игры и интерпретации цвета также зависят от культурного контекста и личного опыта [3].

Зеленый цвет, например, несет в себе как положительные, так и отрицательные коннотации: плодородие и возрождение с одной стороны, гниение и распад – с другой [4. С. 187]. Белый цвет может символизировать как новую жизнь, так и траур. Белый халат врача и белая праздничная одежда вызывают совершенно разные ассоциации [5–7]. Универсальность символа под вопросом, так как прагматика зависит от контекста, и в разных условиях один и тот же символ может означать совершенно разные вещи.

История и символика цвета в педагогике

В сумме образовательных технологий цвет играет важную роль в создании благоприятной среды для обучения. Примером изменения универсального восприятия цвета служит зеленый цвет, который считается наиболее подходящим для создания оптимальных условий в образовательных и рабочих средах, а также розовый и голубой цвета, которые выступают в качестве гендерных маркеров, цветовых кодов, но при этом их символика меняется с течением времени.

В 1914 г. Гарри Шерман, хирург из Сан-Франциско, создал первую в мире операционную, окрашенную в зеленый цвет. Он заметил, что белые стены и простыни вызывают блики, мешающие различать мелкие анатомические особенности. Зеленый цвет, по его мнению, лучше контрастирует с красным и помогает сосредоточиться на работе. Это мнение разделял и архитектор Уильям Ладлоу, который критиковал «белую стерильность» больничных интерьеров и поддерживал использование успокаивающих зеленых и других природных цветов. В 1930-е гг. консультант по цвету Фабер Биррен адаптировал «зеленый шпинат» Шермана, предложив более мягкий оттенок, чтобы облегчить работу врачам и медсестрам [4. С. 193].

Зеленый цвет действительно оказывает расслабляющее воздействие на человека, что делает его подходящим для деловой и образовательной среды. Он одновременно освежает и успокаивает, находясь между холодными и теплыми цветами, что делает его физиологически оптимальным [8. С. 165–169]. Эти характеристики делают зеленый цвет идеальным для учебных помещений и профессий, требующих высокой концентрации [9. С. 318]. Школьные доски, как правило, зеленого или коричневого цвета, что также подтверждает его положительное влияние на восприятие.

Розовый цвет нашел свое место в образовательных и других социальных учреждениях. Его история также интересна. В 1979 г. Александр Шаусс провел исследование, показавшее, что ярко-розовый цвет, названный «розовым Бейкера–Миллера», снижает агрессивность заключенных. Шаусс пояснял, что когда человек пытается проявить агрессию в «розовой обстановке», ему это сделать очень непросто, потому что предполагается, что этот цвет замедлял работу сердечных мышц. Цвет обладал свойствами успокоения и энергетического истощения. Результатом данного эксперимента стало выкрашенное в этот цвет некоторое количество раздевалок на стадионах, детских комнат и даже вытрезвителей. Однако дальнейшие исследования не подтвердили этот эффект [4. С. 238–239], что подчеркивает сложность и неоднозначность восприятия цветов.

Традиционные представления о розовом как о «девчачьем» цвете тоже не так однозначны. Еще в начале XX в. розовый считался подходящим для мальчиков, тогда как голубой – для девочек. Розовый цвет – это красный с белым, по семантике и психологии более решительный и яркий. А более нежный и спокойный голубой, смесь спокойного синего и белого, считался нежным и невинным [4. С. 230]. Интересно рассматривать мужские, женские и детские портреты разных эпох и наблюдать, как изменялись традиции и мода, связанные с «женскими» и «мужскими» цветами, и соответственное цветовое кодирование.

Заключение

Таким образом, процесс оптимизации и универсализации знаковых систем, несмотря на свою естественность, требует учета контекстуальных факторов, что делает невозможным полное исключение контекстной зависимости при практическом применении. В образовательных технологиях важно понимать, что символы и цвета, несмотря на их стремление к универсальности, могут иметь различные значения в зависимости от культурных, социальных и личных факторов. Это делает семиотический оптимум динамичным и контекстно-зависимым явлением, требующим постоянного анализа и адаптации в практическом применении.

Список источников

1. Горбулева М.С., Мелик-Гайказян И.В. Визуализация специфики философского мировоззрения: обнаружение семиотического оптимума в подборе иллюстративного материала для открытой лекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1. С. 143–166. doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
2. Горбулева М., Шабанов Л. Маргинальность как симптом срыва социальной адаптации // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 109–113.
3. Суровцев В.А., Родин К.А. «Заметки о цвете» Людвиг Витгенштейна: от логики цвета – к социологии цвета // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 25–38. doi: 10.23951/2312-7899-2020-2-25-38
4. Симпсон П. Код цвета. Небесный голубой, газетный желтый, королевский фиолетовый и другие оттенки в культурной истории цвета. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 352 с.
5. Горбулева М.С. Хороший, плохой зеленый // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 1. С. 140–162. doi: 10.23951/2312-7899-2023-1-140-162
6. Пастуро М. Зеленый. История цвета. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.
7. Сен-Клер К. Тайная жизнь цвета. М. : Бомбора, 2020. 320 с.
8. Голубева М. Главное в истории цвета. Искусство, мифология и история от первобытных ритуалов до Института цвета Pantone. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. 224 с.
9. Бейти П. Анатомия цвета: об истории красок и цветовых решениях в интерьере. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 352 с.

References

1. Gorbuleva, M.S. & Melik-Haikazyan, I.V. (2024) Visualization of the specificity of the philosophical worldview: detection of semiotic optimum in the selection of illustrative material for an open lecture. *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 143–166. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
2. Gorbuleva, M.S. & Shabanov, L.V. (2008) Marginality as a symptom of failure of social adjustment. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 9. pp. 109–113. (In Russian).
3. Surovtsev, V.A. & Rodin, K.A. (2020) Wittgenstein's "Remarks on colour": From colour logic to social studies of colour. *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 25–38. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-25-38
4. Simpson, P. (2022) *Kod tsveta. Nebesnyy goluboy, gazetnyy zheltyy, korolevskiy fioletovyi i drugie ottenki v kul'turnoy istorii tsveta* [The Colour Code. Why We See Red, Feel Blue and Go Green]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
5. Gorbuleva, M.S. (2023) The good, bad green colour. *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 140–162. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2023-1-140-162
6. Pasturo, M. (2018) *Zelenyy. Istoriya tsveta* [Green. The History of the Colour]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. St Clair, K. (2020) *Taynaya zhizn' tsveta* [The Secret Live of Colour]. Translated from English. Moscow: Bombora.
8. Golubeva, M. (2023) *Glavnoe v istorii tsveta. Iskustvo, mifologiya i istoriya ot pervobytnykh ritualov do Instituta tsveta Pantone* [The main thing in the history of color. Art, mythology and history from primitive rituals to the Pantone Color Institute]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

9. Baty, P. (2020) *Anatomiya tsveta: ob istorii krasok i tsvetovykh resheniyakh v inter'ere* [Anatomy of Color: The Story of Heritage Paints & Pigments]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Сведения об авторе:

Горбулёва М.С. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории и философии науки Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: black_silver@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gorbuleva M.S. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, associate professor of the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: black_silver@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/82/28

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОПТИМУМ: НОВЫЙ КОНЦЕПТ ДЛЯ МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С ИНФОРМАЦИЕЙ

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
meliiv@tspu.edu.ru*

Аннотация. В статье предложен ракурс рассмотрения ситуаций, получающих в гуманитарных исследованиях характеристики паллиативной, гибридной и / или неоднозначной. Утверждается, что генезис подобных ситуаций в фундаментальных науках фиксирует бифуркация Хопфа и что это подобие и эта фиксация являются обойденными вниманием в гуманитарной литературе. Результат применения метода, названного автором «семиотическая диагностика», выражен в определении условий обнаружения деформаций в трансляциях и способов их преодоления.

Ключевые слова: «неоднозначные изображения», бифуркация Хопфа, семиотическая диагностика, «информационный пузырь», пределы конструирования

Для цитирования: Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: новый концепт для мысленных экспериментов с информацией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 302–315. doi: 10.17223/1998863X/82/28

Original article

SEMIOTIC OPTIMUM: A NEW CONCEPT FOR THOUGHT EXPERIMENTS WITH INFORMATION

Irina V. Melik-Gaykazyan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, meliiv@tspu.edu.ru

Abstract. This article begins with a discussion of “ambiguous images” that often illustrated the popularization of synergetic ideas at a time when these ideas of nonlinear dynamics were poorly understood outside fundamental science. Four decades ago, “ambiguous images” served to illustrate the alternativeness of trajectories after a bifurcation, i.e., they illustrated the situation of “either one or the other” (“either/or”). Later, cases with more than two possible interpretations were added to the examples of “ambiguous images”, and more lifelike collisions than “either/or” cases were added to the gallery of bifurcation portraits. The article presents such a bifurcation as a Hopf bifurcation (or a Poincaré–Andronov–Hopf in mathematics), which outwardly resembles the splitting of trajectories, but this is not so, since the “bifurcation branches” are a continuation of different scenarios, the choice between which the system has already made in its almost “forgotten” past. Fundamental sciences have a way – measurement – to recognize such cases. The possibility of measurements implies, as a consequence, the implementation of numerical experiments being an analogue of thought experiments in fundamental sciences. The humanities studies lack measurement procedures. The objective of this study is to test the potential of the original concept of a “semiotic optimum” for thought experiments in the humanities knowledge. The methodology

for solving the declared problem is based on the comparison of self-organization phases, stages of the information process and semiotic forms that are the result of each stage of the information process; that is, on the methodological procedures developed by the author and set out in the corresponding publications listed in the References of this article. In particular, according to one of the conceptual models representing the fundamental sequence of stages, the stage of information translation precedes the stage of constructing an operator for implementing information. In modern social systems, such operators are cultural symbols. Semiotic optimum precedes the creation of a symbol. In modern social systems, in which information processes play unprecedented roles, it becomes possible to observe the creation of cultural symbols in the selection of semiotic optimums and/or their transformation, which becomes an area for thought experiments. Any palliatives, such as bioethics and digitalization of education, are examples of semiotic optimums. What makes these examples relevant is the circumstances of their formation, in which the consequences of different dynamic scenarios are intertwined. The results of solving the problem are the following conclusions: (1) the semiotic optimum captures the situation in reality, which forms the phenomena of “information bubbles” rather than entails the delimitation of realities (here the categories of “actual” and “real” entities are used in the interpretation of Alfred North Whitehead); (2) recognition of such situations with the help of the concept of a “semiotic optimum” becomes the diagnostics of false paradoxes; (3) semiotic optimums, like “ambiguous images”, are the result of construction, which creates the basis for the humanities examination of the limits of construction.

Keywords: “ambiguous images”, Hopf bifurcation, semiotic diagnostics, “information bubble”, limits of construction

For citation: Melik-Gaykazyan, I.V. (2024) Semiotic optimum: a new concept for thought experiments with information. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 302–315. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/28

Введением к постановке задачи будет напоминание о том, как позиции детерминизма несколько десятилетий назад были атакованы модной тогда синергетикой. Направлением атаки было не стремление низвергнуть детерминизм, а убедить в том, что есть в динамике периоды, на которых он бессилён объяснить происходящее в настоящем и прогнозировать будущее. Авангард атакующих составляли тандемы представителей фундаментальной науки и гуманитарных исследований. Мода прошла, оставив в фундаментальном знании плодотворное направление «нелинейная динамика», а в философском дискурсе несколько выражений: «развилки», «турбулентность», «состояние хаоса» и т.п. Этими словами обозначают бифуркации или тот период в динамике, причинность на котором проявляет себя особым образом. Укоренились эти выражения по причине того, что во времена штурма классических убеждений популяризаторами постнеклассических представлений был акцентирован именно этот фазовый переход – бифуркация, а для наглядности аудиторией часто предлагали так называемые «неоднозначные изображения». Эти иллюстрации включают в себя два изображения, но зритель может попеременно распознавать либо одно, либо другое¹. Словами проще всего описать изображение под названием «Ваза Рубина». Двухцветный рисунок позволяет увидеть либо вазу цвета охры на черном фоне, либо черные тени от профилей двух людей, обращенных друг к другу и разделенных промежутком света². Подобные рисунки были подспорьем при популяризации инициатив синерге-

¹ Чаше других демонстрировали изображение под названием «Моя жена и моя теща» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Моя_жена+и_тёща), хотя были обращения к творениям Дж. Арчимбольдо и М. Эшера.

² Ваза Рубина, https://en.wikipedia.org/wiki/Rubin_vase

тики и иллюстрировали, во-первых, альтернативность траекторий после бифуркации, т.е. иллюстрировали ситуацию «либо одно, либо другое»; во-вторых, принципиальную случайность выбора траектории, поскольку узнать о результате выбора мы не можем, пока он не совершен. Минуты изъясны в релевантности такого иллюстрирования, нужно отметить, что термины синергетики вошли в дискурс рассуждений о хаосе и порядке, о случайности и закономерности, о событии и явлении. Сами же иллюстрации стали предметом исследований еще в одном междисциплинарном направлении – в когнитивистике, выяснявшем как работает само неоднозначное изображение (т.е. как работает код), как работает опыт прежних распознаваний (т.е. как работают память и рецепция) и т.д. В предметную область были добавлены рисунки, допускавшие более двух прочтений. То есть изображали более запутанную ситуацию, чем «либо-либо». Но в этих рисунках сочетались изображения не вещей, а знаков¹. Здесь допустимы возражения: ничего запутанного нет, а так всегда работает знак; ничего запутанного нет, а так всегда функционирует «синергетическая» система; ничего запутанного нет, а так всегда действует человеческая субъективность, создавая и / или воспринимая изображения. Или, если принять кодирование, рецепцию и хранение в качестве выражения информации, то возразить: ничего запутанного нет, а так всегда происходит в пределах этого феномена. Вместе с тем, во-первых, имеет смысл установить, с чем мы имеем дело – с феноменами сознания, информации, самоорганизации или знака, а если со всем сразу, то ситуация является запутанной. Во-вторых, «неоднозначные изображения» служат лишь простой иллюстрацией сложных обстоятельств. В-третьих, помимо «обычных» бифуркаций в их портретной галерее есть бифуркация Хопфа, которая лишь внешне схожа с расщеплением траекторий, но это не так, поскольку «ветви» бифуркации есть продолжение разных сценариев, выбор между которыми система уже совершила в почти «забытом» ею прошлом. В-четвертых, в современной действительности нарастает число ситуаций, напоминающих бифуркацию Хопфа. Эти ситуации можно назвать обстановкой вынужденного символизма. Причину этих условий принято видеть в функционировании информации. Внешними признаками абсурдных ситуаций (или ситуаций пата) является противостояние «фиолетового» и «круглого», разделяющее всех вовлеченных почти пополам. Если подобную ситуацию начинают обсуждать, то сначала обсуждение ведется в стиле «с одной стороны / с другой стороны» (но эти пресловутые стороны являются сторонами не одной вещи, а сторонами разных вещей), затем чаще всего фиксируют некое действие, которое квалифицируют в качестве триггера, понимаемого как причину. Ускользает одно немаловажное обстоятельство, что это действие стало триггером потому и только потому, что действительность переживает состояние, в котором малая флуктуация может стать триггером.

У фундаментальных наук есть способ – измерение – для распознавания таких случаев. Возможность измерений предполагает своим следствием проведение численных экспериментов, что есть аналог мысленных эксперимен-

¹ Букву «К» можно графически «составить» из римской цифры «I» и знака «<»; а букву «В» – из римской цифры «I» и арабской цифры «3», поэтому буквы «КВ» могут быть прочитаны в качестве выражения «I<3». Увеличивает варианты прочтения допущение того, что знаки даны в «прямом» и в «зеркальном» отображении, https://en.wikipedia.org/wiki/File:KB_ambiguous_image.png

тов в фундаментальных науках. У гуманитарных исследований процедуры измерения отсутствуют. Вместе с тем гуманитарные исследования создавали и создают свои пути для перехода «от воображения» к достаточно отчетливой «карте» [1, 2] запутанных ситуаций. Только стоит учесть, что любая карта есть итог проекции (аналог трактовки предмета исследования с какой-либо одной позиции), масштабирования и соответствия условным обозначениям. В нынешние информационные времена, когда наш маршрут прокладывают навигационные устройства, мы часто бродим путями, которые считаем своими, полагаем самостоятельно нами выбранными путями. Задача данного исследования состоит в испытании одного из подходов к экспериментированию с ситуациями вынужденного символизма.

Метод решения задачи – семиотическая диагностика – состоит из ряда процедур, разработанных автором статьи на основе установленной взаимосвязи феноменов самоорганизации, информации и преобразования знака. Процедуры и пример их применения изложены в одной из недавних публикаций [3], но сама методологическая работа по выяснению этой взаимосвязи представлена в давней монографии «Информационные процессы и реальность» [4], название которой явно указывает на свои философские основания – на известный труд А.Н. Уайтхеда «Процесс и реальность» [5].

Философская сущность того, чем является процесс и чем он отличается от, например, функций состояния (энергии или энтропии) и материи (вещества или поля), была исследована А.Н. Уайтхедом. Разбор же содержания направлений, составляющих конкретно-научную теорию информации (формализма и дефиниций, выработанных в этих направлениях) [4], непротиворечиво выстроил их предметные области по «фазам», из которых у А.Н. Уайтхеда состоят два вида процесса – событие и переход. Переход (от события к событию) соответствовал теориям информации, принадлежащим кибернетической парадигме, а вот событие – или процесс генерации информации – требовало для своего исследования «синергетической» парадигмы. Одно из этих требований «диктовала» формула Бонгарда–Харкевича для определения ценности информации. Эта формула содержала вероятности достижения цели, из чего делали вывод: информация «начинается» с биологических систем, поскольку неживое цели лишено. В пределах же «синергетической» парадигмы роль цели могли играть «странные аттракторы», что предоставляло возможность исследовать информационные процессы в системах любой природы. Эта же трактовка цели соответствовала телеологическому, по А.Н. Уайтхеду, виду процесса – событию. Другой вид процесса – переход, по А.Н. Уайтхеду, – в теориях информации соответствует этапу трансляции¹. Стоит обратить внимание на то, что событие, предшествующее переходу, и событие, которое может произойти после, отличны друг от друга [6]². Казалось бы, излишне привлекать внимание к такому очевидному обстоятельству. Но есть нюанс.

¹ На этом этапе происходящее характеризуется количеством (переданной, измененной и утраченной) информацией, определяемым по формуле Шеннона (и модификациям этой формулы).

² Это отличие фиксируют понятия «событие-в-действительности» и «событие-в-реальности», которых в текстах самого А.Н. Уайтхеда нет. Эти понятия были введены на основе разграничения категорий бытия, действительности и реальности, выдвинутых Уайтхедом: «бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область „действительных происшествий“; реальность – это вариант воспринимаемой действительности» [7. Р. 54].

Если со всей серьезностью не принять это во внимание, то будет упущена из виду необратимость процесса во времени. Следствием этого упущения станет иллюзия «круговорота информации», иллюзия «всюдности» информации, что приведет к «схлопыванию» разных ее стадий и результатов этих стадий в некий конгломерат: все станет кодом (результат события, предшествующего переходу), все станет что-то символизировать (возможные последствия другого события), все станет игрой, способной к повторению. Детальный же разбор происходящего на этом переходе в сопоставлении, во-первых, со стадиями этапа трансляции информации, и, во-вторых, с участками фазовых траекторий между бифуркациями (событиями по А.Н. Уайтхеду), позволяет увидеть, как на пути семиотической трансформации от кода до символа может возникнуть форма знака, для которой ее преобразование в символ затруднено. О причине этого затруднения будет сказано чуть ниже. Сейчас же поясним слова «позволяет увидеть», поскольку эту возможность предоставляет метод семиотической диагностики. Метод состоит в последовательном применении «оптических инструментов», позволяющих рассмотреть динамику форм знака «в свете» структуры стадий информационного процесса и через «оптику» фазовых состояний [3]. Иначе говоря, «позволяет увидеть» означает «позволяет обнаружить», в чем, собственно, и состоит назначение мысленного эксперимента. Из концепции символизма, которой была А.Н. Уайтхедом завершена его философия процесса, можно вывести еще одно назначение мысленного эксперимента. То, что в [6] было названо «событием-в-реальности», совпадает по «месту» своего совершения с тем, что А.Н. Уайтхед квалифицировал в качестве «революции в символизме» [7. Р. 61], и условием совершения этого события служит «очищение посредством концептуального анализа» [8. С. 43] всех множественных итогов трансляций. Для подобного «очищения» нужны релевантные инструменты «анализа». Заметим, не «синтеза» в стиле *мульти*модальности, а анализа в стиле *поли*фундаментальных методов. Итак, метод семиотической диагностики является следствием взаимосвязи утверждений: феномен информации есть процесс; инвариантная последовательность стадий соответствует фазам самоорганизации; отдельные стадии этого процесса есть предметные области различных теорий информации; каждая из стадий «финиширует» созданием семиотической формы, что организует «стартовое» условие для следующей стадии [3, 4, 6]. В предложенном ракурсе, раскрывающем еще одно назначение мысленного эксперимента, обнаружено затруднение для перевоплощения кода в символ, в тот символ, который, как следует из вышесказанного, является результатом «революции в символизме» и «событием-в-реальности», т.е. становится оператором социального действия. Причина затруднения вызвана тем исследуемым случаем, когда «переплетение» фазовых траекторий, соответствующих последовательности стадий трансляции, приводит к бифуркации Хопфа (или в математическом выражении – к бифуркации Андронова–Хопфа). Необходимо напомнить три обстоятельства. Во-первых, с позиций нелинейной динамики участки фазовых траекторий, называемые «ветвями» бифуркаций, являются устойчивыми состояниями, поэтому и их «переплетение» (в рассматриваемом случае) тоже обладает устойчивостью. Во-вторых, в случае бифуркации Хопфа «переплетаются» устойчивые траектории, относящиеся к *разным* сценариям динамики. Именно фиксация в фор-

мах знака такого «переплетения», или такого гибрида разных тенденций, названа автором статьи «семиотическим оптимумом». В-третьих, один из этих разных сценариев не был главенствующим, из чего следует, что бифуркация Хопфа предоставляет шанс для маргинального сценария стать «видимым», т.е. стать частью действительности. В принципе, все три обстоятельства являются спецификой бифуркации Хопфа, что, казалось бы, исключает оригинальность сопоставления этого фазового перехода с некой формой знака, делая данное сопоставление просто иным способом именования данной бифуркации. Оригинальность обеспечивает установленное «посредничество» стадий информационного процесса между динамикой знака и фазовыми переходами [3, 4, 6], т.е. применение метода, диагностирующего то, что скрыто под поверхностью наблюдаемого.

Результатом, таким образом, является фиксация генезиса гибридных ситуаций, который есть случайное «переплетение» разных тенденций динамики на этапе трансляции кода. «Семиотический оптимум», фиксирующий эту ситуацию, обладает чертами, диктуемыми самим генезисом, – это *устойчивый* гибрид случайного «скрещивания» актуальных и маргинальных¹ тенденций. При этом следует дать разъяснения, касающиеся устойчивости данного гибрида. Ясность вносят два примера. Первый из них принадлежит трансляции единого для всего живого на нашей планете генетического кода. Комбинаторных потенциалов этого кода хватает для обеспечения всего биологического разнообразия, и даже родственные таксоны обладают отличиями в таких комбинациях. Такими родственными таксонами, в частности, в надотряде копытных являются лошади и ослы, отличающиеся друг от друга количеством хромосом. Одомашнивание этих животных привело к «производству» уже не видов, а пород. Следующим этапом стало вначале случайное создание гибридов (мулов и лошаков), но из-за разного количества хромосом у их родителей (лошадей и ослов) «лошарик» у лошака может появиться лишь в сказке. Каждая особь этих гибридов, являясь генетическим тупиком, обладает большей устойчивостью к внешним воздействиям, чем их родители. Приведенный пример со всей очевидностью демонстрирует, что тот гибрид, который назван «оптимумом», устойчив в настоящем и лишен способности к самостоятельному продолжению себя в будущем. Второй пример принадлежит трансляции той части культурного кода, которой выступает костюм. Если вызвать в памяти галерею национальных костюмов или костюмов, созданных в различные культурные эпохи, то перед мысленным взором предстанет большое их разнообразие, но каждый из костюмов будет обладать гармоничностью, отточенной временем. Но «дресс-код» может стать устойчивым результатом иной «селекции». У А.С. Пушкина в его подготовительных рукописях к «Истории Петра I» есть выдержка из указа 1699 г.: «носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее – саксонское и французское, а нижнее и камзолы – немецкие... Женскому полу – немецкое)» [9. С. 63]. Этот пример демонстрирует, что ситуация вынужденного символизма, фиксируемая «семиотическим оптимумом», не всегда тупик и что чем сложнее устройство кода, тем больше шансов найти путь к преодо-

¹ Здесь под актуальной тенденцией понимается продолжение доминирующего сценария в конкретной действительности, под маргинальной тенденцией – вариант, относящийся к сценарию, который не стал действительностью, но продолжал свою скрытую жизнь.

лению барьеров. Оба примера демонстрируют гибриды, обладающие полезностью и быстрой результативностью – т.е. оптимальностью. Оптимальность достигнута в итоге такого комбинирования элементов разных множеств, которое аналогично конструированию, подчиненному конъюнктурным целям. Вместе с тем оба примера относятся к временам, когда доминирование информационных технологий отсутствовало, поэтому на них нельзя возложить ответственность за производство этих гибридов. В наши времена «промышленного» использования качеств информации возрастает значение диагностики «оптимумов» для понимания способов их преодоления, поскольку их самостоятельное движение вперед либо имеет низкую вероятность, либо требует большого количества времени. Итак, признаками «оптимумов» являются: его гибридный «анамнез»; его фабрикация для получения быстрого результата; его специфическая устойчивость, выраженная в способности к саморегуляции, но в утрате способности к самоорганизации; его активирование того, что было маргинальным. Признакам «оптимумов» отвечают многие современные паллиативы: «цифровизация образования», биоэтика, «информационные пузыри».

Обсуждение полученного результата будет проведено в сопоставлении с опубликованными в последние годы итогами исследований «цифровизации образования», «информационных пузырей» и биоэтики.

Можно вспомнить, что рубрики, посвященные образованию и / или обучению онлайн, появились в ведущих отечественных научно-педагогических журналах (например, в журнале «Высшее образование в России») более десяти лет назад. Статьи, публикуемых в этих рубриках, помимо представления результатов специальных исследований популяризировали этот формат образования, который, конечно, не был маргинальным, но в некоторой рекламе нуждался. «Пандемия COVID-19 изменила подход к организации учебного процесса во всем мире. Российские вузы также были поставлены перед необходимостью быстро перевести все обучение в онлайн-формат» [10. С. 89]. Приведенная цитата констатирует, что генезис этого формата во внезапных (и во многом случайных) обстоятельствах, потребовавших быстрого решения. Пандемия миновала, но внезапно актуализированный формат остался в практике в виде, называемом «гибридным», «смешанным», «комбинированным», который уже вошел в поле теоретизирования о новом понимании качества образования [11. С. 9], о «дискуссии как инструменте формирования рефлексии» [12. С. 106], о его «ландшафте», ставшем «самостоятельным явлением» [13. С. 143]. Примечательно, что исследователи констатируют «саморегулируемое обучение» у «студентов, обучающихся в смешанной среде» [14. С. 100]. Итак, все признаки «семиотического оптимума» присущи этому формату образования.

В связи с этим следует акцентировать два момента. Во-первых, фиксация гибридной специфики не находит релевантного продолжения в оценке самого феномена. Сами оценки сводятся к перечислению плюсов и минусов¹, к суммированию «тезисов и контртезисов» [15. С. 49], к демонстрации «миражей» и «яви» [16. С. 9]. Это схоже с рассуждением в стиле «с одной стороны, с другой стороны», но все дело в том, что эти пресловутые «стороны» принад-

¹ При подготовке этой статьи было найдено почти два десятка статей, в заголовках которых присутствовали эти «плюсы» и «минусы».

лежат *одному* объекту, а объект, ставший результатом фабрикации, таким единством своей природы не обладает, поэтому калькуляция аргументов и контраргументов не приводит к окончательной оценке. Во-вторых, отдельные алгоритмы и инструменты, применяемые в «цифровизации образования», квалифицируют в качестве генераторов (например, «генератор текста»). По всей видимости, мелькание слов «генератор» и «генерация» спровоцировало стремление ожидать от студентов способность непосредственно в ходе учебного занятия «генерировать новую информацию» [17. С. 106]. Опыт подсказывает, что допущение такой возможности обернется вменением в обязанность. Для определения такой возможности необходим учет того, что процесс генерации информации есть преодоление «точки бифуркации», итогом которого является событие, создающее (по А.Н. Уайтхеду) вариант действительности и запускающее «переход» к другому событию, которое – «событие-в-реальности» – создает новую интерпретацию действительности, т.е. создает новую реальность [6]. Сам же «переход» соответствует этапу трансляции и / или последовательности стадий коммуникации [6]. Учебный процесс сосредоточен именно на этом «переходе», поэтому здесь крайне низка вероятность для «генерации новой информации», а в случае обнаружения бифуркации Хопфа, диагностируемой «семиотическим оптимумом», эта вероятность ничтожна мала. Как следует из исследований [10–15], онлайн-формат в образовании был паллиативом, оптимальным в период кризиса. Безусловно, информационные технологии в образовании являются крупной инновацией, но применение инструментов такого качества отнюдь не гарантирует получение инновационного результата в любых обстоятельствах¹.

Обсуждаемый результат, а именно то, что «семиотический оптимум» формирует барьер в переходе к совершению «события-в-реальности», заменяя его устойчивой квазиреальностью, соответствует феномену «информационного пузыря». В специальных исследованиях этого феномена установлена его специфика: «некритичные коммуникативные отношения» [18. С. 85], «самому субъекту самостоятельно выбраться из такого „инфопузыря“ оказывается подчас гораздо труднее, чем аффилированным алгоритмам в него незаметно внедриться» [19. С. 97], «запутанными отношениями между людьми и технологиями» [20. С. 1160]. Из обзоров проблемы [18–21] следует, что сами созданные алгоритмы стали «событиями-в-действительности» и задали свои форматы трансляций принятых в них кодов. Чтобы в каналах этих трансляций не попасть в ловушку «пузыря», следует принять, что его пределы есть локус «эпистемического состязания за легитимность критики, в котором платформы одерживают верх» [21. Р. 1226]. Возможность сделать границы «пузыря» проницаемыми авторы [18–21] усматривают в тренинге навыков для участия в подобном состязании, т.е. в настрое образования, что некоторым образом устанавливает контакт между феноменами «цифровизации» обучения и общения. Концепт «семиотический оптимум» фиксирует одну из составляющих этого контакта для проведения мыс-

¹ Знакомство с психолого-педагогическими экспериментами, предшествующими созданию цифровых платформ (Zoom и Forum), позволит узнать условия, при которых достигается равное качество в онлайн- и офлайн-образовании. В частности, для достижения равного качества необходимо трехкратное увеличение преподавательского состава и двукратное увеличение учебных часов для обеспечения проведения индивидуальных консультаций.

ленных экспериментов с целью поиска эффективных решений. Примечательно, что в работах [20, 21] происходящее внутри «пузырей» предлагают рассматривать в качестве черного ящика, который есть известный прием мысленных экспериментов.

Мысленный эксперимент есть «один из востребованных методов в биоэтике» [22. С. 11], поскольку в ней изначально предполагалось совмещение очень разных дисциплин, моральных позиций и парадигм для достижения основной цели: «понять, какие риски и блага несет для человека тот или иной моральный выбор или инновация» [22. С. 11]. По этой причине ретроспективный и перспективный обзор ее «исследований представляет собой пеструю картину» [23. С. 62]. Такое «пестрое» прошлое и настоящее дает основание для предположения о применимости концепта «семиотический оптимум» к биоэтике. Основание усиливает то обстоятельство, что положено начало формированию «цифровой биоэтики» для реализации ее «принципов как регуляторов социальных практик» [24. С. 94]. Испытание биоэтики на ее принадлежность к гибриду, соответствующему «семиотическому оптимуму», заставляет учесть, что она имеет две ипостаси: «консервативная биоэтика» и «нарративная и даже литературная биоэтика» [25. С. 5]. Регуляция нарративов, циркулирующих в пространстве коммуникаций (т.е. в пространстве, организуемом трансляцией информации, где и может возникнуть саморегулируемый «тупик»), связана с тем, что биоэтика была воспринята внутри научного сообщества в качестве «совместного» дела [26]. Констатация С. Франклин [26] определяет не только содержание социальной коммуникации исследователей о рисках «новых биомедицинских технологий, а также» об «управлении наукой и технологиями» [22. С. 11]. Иначе говоря, «внимание к субъективному опыту отдельного человека и социальных групп, отраженному в публичных дискуссиях»¹ [24. С. 94], изначально присущее биоэтике, обеспечило импульс, благодаря которому она стала содержанием многих гуманитарных инициатив. Этот потенциал биоэтики был зафиксирован почти десять лет назад [27], и, в частности, работы [22–26], подтверждают расширение ее инициатив. Этот эффект приводит к выводу об ограничении для экспериментирования: оптимум может стать предметом конструирования, если в саму конструкцию заложено условие либо четко определенной временности его функционирования, либо перспективы его превращения в инструмент для достижения более отдаленных целей.

Помощь для завершения обсуждения выдвинутого концепта окажет обращение к еще одной статье, тематически примыкающей к биоэтике. В ее заголовке есть слова: «о теле и телесности в дистопии» [28]. В статье А.А. Дыдрова есть несколько моментов (содержание статьи отнюдь этими моментами не исчерпывается), на фоне которых можно высветить представляемый концепт. Первым моментом является то, что дистопия в статье обозначает и жанр антиутопии, и ее аномальное («плохое») пространство, в котором определенным образом маркированы «местоположения тела» [28. С. 16–17]. Вторым – комментарий к термину Р. Барта «*punctum* (букв. „укол“): «в сущности, не важно, кто или что запускает цепочку воздей-

¹ Если сопоставить этот вывод с уже процитированным выводом об «эпистемическом состязании за легитимность критики, в котором платформы одерживают верх» [21. Р. 1226], то причины успеха биоэтики секрет не составят.

ствий» [28. С. 18]. Третьим моментом – следующий фрагмент: «без вечного движения к „точке оптимума“ (здесь я намеренно использую аллюзию на пристовский „Опрокинутый мир“) общество обречено на демонтаж» [28. С. 25]. И, наконец, четвертым – интерпретация применения обозначения «Digital Dystopia» для характеристики настоящего времени: «В образовательной среде возникла метафора цифрового кладбища, обозначающая преимущественно затрудненную коммуникацию. При этом коммуникативное фиаско связано не с помехами канала, а с отсутствием реакции спектра участников» [28. С. 26].

Перечисление особенностей предлагаемого концепта повторит нумерацию моментов, «выхваченных» из статьи [28]. Во-первых, генезисом «семиотического оптимума» является дистопия фазового пространства, если саму дистопию понять в значении медицинского термина – анормальное расположение органов, встречаемое редко. Во-вторых, эта аномалия – бифуркация Хопфа – была обнаружена благодаря усилиям создателей «синергетической парадигмы», которые обозначали синергетику в качестве науки об уколе-воздействии¹, т.е. о воздействии, до ничтожности малом, но вызывающем при вполне конкретных обстоятельствах непропорционально мощный отклик. Применение же выводов синергетики к пониманию феномена информации [3, 4, 6] привело к возможности устанавливать последовательность (или «цепочку воздействий») стадий преобразования этого феномена и, следовательно, к возможности устанавливать «кто или что» ее «запускает». Это «не важно» во многих случаях за исключением ситуаций, в которых смешиваются информационные процессы и информационные технологии. В-третьих, предложенный концепт отличает от «точки оптимума» из романа Кристофера Приста то, что «семиотический оптимум» в некотором роде есть плод фантазии, но не плод вымысла. В-четвертых, предложенный концепт также фиксирует «помехи» каналов трансляции и обозначает «затруднение», вызванное именно той «реакцией спектра участников», которая подчинена конъюнктурной цели. Необходимо еще раз подчеркнуть, что статья А.А. Дыдрова [28] глубже и тоньше выбранных из нее фрагментов, и прекрасно организованный текст этой публикации оказал помощь в расстановке акцентов.

Заключение, следующее из представленного обсуждения, можно выразить в утверждении о том, что «семиотический оптимум» фиксирует деформации в трансляциях информации. Источником этих деформаций становится переплетение разных сценариев динамики, которое подобно бифуркации Хопфа. Обнаружению этого генезиса мешает предубеждение, существующее в гуманитарных исследованиях, в том, что обращение к синергетике есть натурфилософская редукция сложности социального и антропологического бытия. Для этого предубеждения есть множество оснований. Вместе с тем авторский метод «семиотическая диагностика», вбирая в себя способы обнаружения эффектов кодов, символики и символов, компенсирует эту редукцию. Рассмотренные формы «семиотических оптимумов» выявили, что деформации в трансляциях информации создают вмешательства цифрового кодирования, уступающего в своей сложности устройству иных кодов.

¹ Метафора об уколе-воздействии принадлежит С.П. Курдюмову.

В частности, «цифровизация образования» сводит к минимуму все семиотическое разнообразие в устройстве образовательных сред. Итак, поставленная задача – испытать концепт «семиотический оптимум» для экспериментирования с ситуациями вынужденного символизма – привела в качестве своего решения к следующим выводам:

1) семиотический оптимум фиксирует ситуацию в действительности, которая не столько влечет разграничение реальностей, сколько формирует феномены «информационных пузырей» (здесь категории «действительность» и «реальность» употреблены в трактовке А.Н. Уайтхеда);

2) распознавание таких ситуаций с помощью концепта «семиотический оптимум» становится диагностикой ложных парадоксов и полем для мысленных экспериментов;

3) семиотические оптимумы, как и «неоднозначные изображения», являются итогом конструирования, что создает основу для гуманитарной экспертизы пределов конструирования.

Список источников

1. Вархотов Т.А. О некоторых эпистемически необходимых социальных компонентах мысленного эксперимента // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. Нижний Новгород, 2021. С. 340–345.
2. Вархотов Т.А. От воображения к карте: недискурсивные основания мысленного эксперимента // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 250–259. doi: 10.17223/1998863X/62/24
3. Мелик-Гайказян И.В. Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 4 (114). doi: 10.18254/S207987840021199-7. URL: <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1>
4. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М. : Наука. Физматлит, 1998. 192 с.
5. *Whithead A.N.* Process and Reality. N.Y. The Macmillan Company, 1929.
6. Мелик-Гайказян И.В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 53–67.
7. *Whithead A.N.* Symbolism, Its meaning and Effect. N.Y. The Macmillan Company, 1927.
8. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск : Водолей. 1999. 64 с.
9. Пушкин А.С. История Петра I // Собрание сочинений: в 10 т. М. : Худож. лит., 1977. Т. VIII. С. 5–342.
10. Кристал М.М., Богданова А.В., Мягков М.Г., Александрова Ю.К. Цифровой след: оценка удовлетворенности студентов качеством образования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 89–108. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-89-108>
11. Корчак А.Э., Хавенсон Т.Е. Понятие «качество» в высшем образовании: от офлайн-к онлайн-формату // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 9–27. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27>
12. Михеев С.А. Комбинированная online-дискуссия как инструмент формирования рефлексии будущих инженеров в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 106–127. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-106-127>
13. Гриц Д.И., Брудкова А.М. Образование для взрослых. Как устроен ландшафт онлайн-магистратуры в сфере IT в России // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 6. С. 143–163. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-6-143-163>
14. Бахшиева С.М., Голуб Г.Б., Кемешова А.М., Мухтар З.Г., Кажиакарпова Ж.С. Опыт оценки компетенций в области саморегулируемого обучения в смешанной среде // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 100–123. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-100-123>

15. Резаев А.В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 4. С. 49–62. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62>
16. Игна О.Н., Червонный М.А., Улиханова Б.С. «Миражи» и «явь» визуализации в современном образовательном процессе // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 3. С. 9–36. doi: 10.23951/2312-7899-2023-3-9-36
17. Ибрагимов Г.И., Калимуллина А.А. Трансформация лекции в современной высшей школе России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 7. С. 96–112.
18. Сорина Г.В. Интеллектуальная деятельность: присвоение, отчуждение, способы хранения // Ценности и смыслы. 2020. № 4 (68). С. 85–103.
19. Дружинин А.М., Иноземцева Е.В., Гуров Ф.Н. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 96–110.
20. Bearman M., Ajjawi R. Learning to work with the black box: Pedagogy for a world with artificial intelligence // British Journal of Educational Technology. 2023. Vol. 54, № 5. P. 1160–1173.
21. Cotter K. “Shadowbanning is not a thing”: black box gaslighting and the power to independently know and credibly critique algorithms // Information, Communication & Society. 2023. Vol. 26, № 6. P. 1226–1243.
22. Гребеницкова Е.Г., Чучалин А.Г. Биоэтика в XXI веке: вызовы и перспективы // Медицинская этика. 2021. Т. 9, № 2. С. 10–15.
23. Мецержикова Т.В., Герасимова О.В., Захарова Н.Е. Парадигмы и «повороты» биоэтики: возможность диалога // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1. С. 52–81. doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-62-81
24. Брызгалова Е.В. Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус между традицией и вычислением // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 94–103.
25. Смирнов К.С. Биоэтика в нарративном ракурсе: от «науки выживания» до радикальной этики спасения (на материале рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата») // Bioethics: федеральный научно-практический журнал. 2020. № 1. С. 5–9.
26. Franklin S. Ethical research—the long and bumpy road from shirked to shared // Nature. 2019. № 574 (7780). P. 627–630.
27. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 198–203.
28. Дыдров А.А. Очерки о теле и телесности в дистопии: от медицинских операций к маргинальным объектам // Corpus Mundi. 2023. Т. 4, № 1 (11). С. 15–28.

References

1. Varkhotov, T.A. (2021) O nekotorykh epistemicheskikh neobkhodimyykh sotsial'nykh komponentakh myslennogo eksperimenta [On some epistemically necessary social components of a thought experiment]. In: Kasavin, I.T. & Feygelman, A.M. (eds) *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume* [Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, and Society]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. pp. 340–345.
2. Varkhotov, T.A. (2021) From Imagination to Map: Non-Discursive Foundations of Thought Experiment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 62. pp. 250–259. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/62/24
3. Melik-Haikazyan, I.V. (2022) Semioticheskaya diagnostika rasshchepleniya traektoriy mechyty o proshlom i mechyty o budushchem [Semiotic diagnostics of splitting trajectories of dreams about the past and dreams about the future]. *Istoriya*. 13(4). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1/>
4. Melik-Haikazyan, I.V. (1998) *Informatsionnye protsessy i real'nost'* [Information processes and reality]. Moscow: Nauka; Fizmatlit.
5. Whithead, A.N. (1929) *Process and Reality*. New York: Macmillan.
6. Melik-Haikazyan, I.V. (2009) “Occasion-in-Actuality” and “Occasion-in-Reality”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(7). pp. 53–67. (In Russian).
7. Whithead, A.N. (1927) *Symbolism, Its meaning and Effect*. New York: Macmillan.

8. Whithead A. N. (1999) *Simvolizm, ego smysl i vozdeystvie* [Symbolism, Its meaning and Effect]. Translated from English. Tomsk: Vodoley.
9. Pushkin, A.S. (1977) *Sobranie sochineniy. V 10-ti tomakh* [Collected Works. In 10 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–342.
10. Krishtal, M.M., Bogdanova, A.V., Myagkov, M.G. & Alexandrova, Yu.K. (2024) Tsifrovoy sled: otsenka udovletvorennosti studentov kachestvom obrazovaniya [Digital Footprint: Assessing Student Satisfaction with Education Quality]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(2). pp. 89–108. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-89-108
11. Korchak, A.E. & Khavenson, T.E. (2024) Ponyatie “kachestvo” v vysshem obrazovanii: ot oflayn- k onlayn-formatu [The concept “quality” in higher education: From offline to online mode]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(1). pp. 9–27. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27
12. Mikheev, S.A. (2024) Combined Online-Discussion as a Tool for Formation of Future Engineers’ Reflexion under Conditions of Education Digitalization. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(1). pp. 106–127. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-106-127
13. Grits, D.I. & Brudkova, A.M. (2024) Education for Adults. Landscape of the online IT Master’s Programs in Russia. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(6). pp. 143–163. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-143-163
14. Bakhisheva, S.M., Golub, G.B., Kemesheva, A.M., Mukhtar, Z.G. & Kazhiakparova, J.S. (2024) Experience in Assessing Competencies in Self-Regulated Learning in Blended Learning Environments. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(7). pp. 100–123. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-7-100-123
15. Rezaev, A.V., Stepanov, A.M. & Tregubova, N.D. (2024) Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 33(4). pp. 49–62. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62
16. Igna, O.N., Chervonnyy, M.A. & Ualikhanova, B.S. (2023) “Mirages” and the “Reality” of Visualization in the Contemporary Educational Process. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 9–36. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2023-3-9-36
17. Ibragimov, G.I. & Kalimullina, A.A. (2022) Transformation of lectures in modern higher education in Russia. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 31(7). pp. 96–112. (In Russian).
18. Sorina, G.V. (2020) Intellectual activity: appropriation, alienation, methods of storage. *Tsennosti i smysly*. 4(68). pp. 85–103. (In Russian).
19. Druzhinin, A.M., Inozemtseva, E.V. & Gurov, F.N. (2022) Overcoming the “information bubble”: problem definition, methodology, analytical reading. *Tsennosti i smysly*. 3(79). pp. 96–110. (In Russian). DOI: 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110
20. Bearman, M. & Ajjawi, R. (2023) Learning to work with the black box: Pedagogy for a world with artificial intelligence. *British Journal of Educational Technology*. 54(5). pp. 1160–1173.
21. Cotter, K. (2023) “Shadowbanning is not a thing”: Black box gaslighting and the power to independently know and credibly critique algorithms. *Information, Communication & Society*. 26(6). pp. 1226–1243.
22. Grebenshchikova, E.G. & Chuchalin, A.G. (2021) Bioethics in the 21st century: challenges and perspectives. *Medical Ethic*. 9(2). pp. 10–15. (In Russian).
23. Meshcheryakova, T.V., Gerasimova, O.V. & Zakharova, N.E. (2024) The paradigms and “turns” of bioethics: The potential for dialogue. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 52–81. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2024-1-62-81
24. Bryzgalina, E.V. (2023) Tsifrovaya bioetika: distsiplinarnyy status mezhdru traditsiei i vychisleniem [Digital bioethics: Disciplinary status between tradition and computation]. *Voprosy Filosofii*. 1. pp. 94–103.
25. Smirnov, K.S. (2020) Bioetika v narrativnom rakurse: ot “nauki vyzhivaniya” do radikal'noy etiki spaseniya (na materiale rasskaza R. Kiplinga “Chudo Puran Bkhagata”) [Bioethics in narrative foreshortening: from “science of survival” to the radical ethics of salvation (on the material of R. Kipling’s “The Miracle of Purun Bhagat”). *Bioethics*. 1. pp. 5–9.
26. Franklin, S. (2019) Ethical research-the long and bumpy road from shirked to shared. *Nature*. 574(7780). pp. 627–630.
27. Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2015) Zvezdnyy chas filosofii [Finest hour of philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 198–203.

28. Dydrov, A.A. (2023) Ocherki o tele i telesnosti v distopii: ot meditsinskih operatsiy k marginal'num ob'ektam [Notes on the Body and Corporeality in Dystopia: From Medical Operations to Marginal Objects]. *Corpus Mundi*. 4(1). pp. 15–28.

Сведения об авторе:

Мелик-Гайказян И.В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: meliiv@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Melik-Gaikazyan I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: meliiv@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024

Научная статья

УДК 167.7 + 37

doi: 10.17223/1998863X/82/29

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИОЭТИКА: ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ «СЕМИОТИЧЕСКОГО ОПТИМУМА» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Нина Андреевна Первушина

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
pervushina.na@tspu.edu.ru*

Аннотация. В контексте обстоятельств, в которых высказано предложение концепта «семиотический оптимум», вскрыты потенциалы педагогической биоэтики для осуществления конструктивного регулирования образовательной среды. Сделан вывод о том, что обсуждаемый концепт применим для компенсирования побочных эффектов цифровизации образования и для обнаружения эффективного варианта в организации учебной деятельности, позволяющего учесть меняющиеся цели всех субъектов образования.

Ключевые слова: педагогическая биоэтика, цифровизация образования, модели биоэтики, семиотический оптимум

Для цитирования: Первушина Н.А. Педагогическая биоэтика: область применения «семиотического оптимума» в условиях цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 316–321. doi: 10.17223/1998863X/82/29

Original article

PEDAGOGICAL BIOETHICS: THE FIELD OF APPLICATION OF THE SEMIOTIC OPTIMUM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Nina A. Pervushina

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
pervushina.na@tspu.edu.ru*

Abstract. In the context of the circumstances in which the concept of semiotic optimum was proposed, the potential of pedagogical bioethics for a constructive regulation of the educational environment is revealed. It is concluded that the discussed concept is applicable to compensate for the side effects of education digitalization and to discover an effective option in organizing educational activities that allows taking into account the changing goals of all subjects of education.

Keywords: pedagogical bioethics, digitalization of education, bioethics models, semiotic optimum

For citation: Pervushina, N.A. (2024) Pedagogical bioethics: the field of application of the semiotic optimum in the context of digitalization of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 316–321. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/29

Цель статьи¹, являющейся, в сущности, репликой к предложенным И.В. Мелик-Гайказян концепту и открываемым им потенциалам диагностики эффектов информационной действительности, состоит в интерпретации двух наблюдений в качестве значимых тезисов. Эти наблюдения, высказанные в обсуждаемой статье, заключаются: 1) в замечании о позитивной экспансии биоэтики в области, напрямую не связанные с регуляцией биомедицинских исследований; 2) в оценке последствий цифровизации образования в качестве редукции сложного разнообразия образовательных сред к одному формату. Значение этих наблюдений становится ясным в контексте обстоятельств, в которых концепт «семиотический оптимум» был предложен, что определяет специфику его применения. Формулировка концепта была дана [1] для эффективного выполнения меняющихся требований [2] к содержанию образования, т.е. для осуществления решения таких задач, у которых все возможные «ответы» обладают одинаковой полезностью и правильностью [3]. Условия возникновения таких вопросов были обнаружены на основе модели генерации информации и наглядно представлены в ее графической форме [3. С. 45]. В обстоятельства, предшествующие получению результатов [1–3], входят выводы, полученные в более ранних работах. К этим выводам относятся: «обоснование семиотической сущности образования» [4. С. 14], что позволяет подвергать измерению различия в организации образовательных сред; «диагностика моделей биоэтики» [5. С. 75]; предложение «исследовательской программы педагогической биоэтики» [6. С. 83], главным выводом из которой стал тезис биоэтика есть «семиотическая форма защиты жизненных целей индивидуальности» [6. С. 84]. В принципе, уже перечисление этих выводов демонстрирует причину, обеспечившую биоэтике постоянное расширение своего присутствия везде, где каким-либо образом проявляет себя «уязвимость» [7. С. 51] любой индивидуальности. Перенесение этой нацеленности биоэтики в практику подготовки учителей способно обеспечить социальный эффект. Наше рассуждение достаточно простое. Если в процессе подготовки будущего учителя ему обеспечить высокую вероятность понимания и предоставить возможность прочувствовать различия в устройстве коммуникации студент–преподаватель, то, во-первых, он в своей профессиональной деятельности будет владеть диапазоном техник и методик, реализуемых в очень разных моделях образования, что сделает его способным к работе в меняющихся условиях. Во-вторых, в реализации взаимоотношений ученик–учитель выпускник педагогического вуза будет способен принять меняющиеся жизненные устремления своих подопечных. Допускаем, что это рассуждение влечет напрасные ожидания, но если не начать реализацию этих инициатив, то каждое внешнее воздействие, любое кардинальное изменение условий образования будет приводить как минимум к замешательству всех субъектов образования: учеников и их законных представителей, учителей и администраторов. В принципе, испытание потенциалов педагоги-

¹ Автор является исполнителем двух проектов. Первый, получивший финансовую поддержку ТГПУ проект «Конструирование семиотического оптимума в образовательном пространстве подготовки будущих учителей» (руководитель И.В. Мелик-Гайказян), основан на концептуальных моделях процессов генерации и реализации информации. Второй проект QZOY-2024-0008 «Изучение процессов генерации и реализации цифровых инициатив образовательной направленности студентов педагогических вузов» (руководитель А.П. Глухов) выполняется в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ.

ческой биоэтики в качестве того, что получает квалификацию «семиотического оптимума» как поиска компромисса между целями субъектов образования, было проведено при обсуждении подготовки специалистов в области конвергентных технологий [8], известного проекта «Большой Университет» [9] и новаций «креативного образования» [10. С. 278]. Итак, педагогическая биоэтика в качестве семиотического оптимума может стать основой способа для упорядочивания образовательного пространства и определения границ применимости различных методик и действенным инструментом для нахождения эффективной формы реакции на изменение целей субъектов образования.

Вторым тезисом, инициируемым высказанным замечанием в обсуждаемой статье, будет фиксация вероятности негативных последствий цифровизации образования. В связи с этим необходимо отметить разницу между оценками цифровизации образования «в условиях новомедийного пространства» [11. С. 162], сделанными до пандемии [12–15] и после нее [16–20]. Если в первой группе исследований [11–15] был сделан акцент на преимуществах онлайн-обучения, то во второй группе исследований [16–20] акцент сделан уже на применимости этого формата в образовании, которое, как известно, помимо обучения вбирает еще одну компоненту – *воспитание*. Этот вывод подтверждает, что в части исследований «после», посвященных так называемым индивидуальным маршрутам [18–20], отсутствуют указания на ограничения в реализации воспитывающей функции в условиях онлайн-образования. Здесь уместен риторический вопрос, а по каким ландшафтам прокладывается этот маршрут? Вопрос является риторическим, поскольку исследовательский опыт, представленный в статье [6], делает известным ответ: имеет смысл прокладывать индивидуальный (или персональный) маршрут в образовательном пространстве, состоящем из разных ландшафтов. В статье [2] наглядно представлена та разница, которая обеспечивает своеобразие этих ландшафтов, а в статье [3] представлены различия в конфигурациях, в которых выражает себя это своеобразие. Но при цифровизации образования эти отличия в конфигурациях если не отсутствуют, то плохо различимы. Итак, цифровизация образования и потребность в существовании индивидуальных образовательных маршрутов принадлежат к разным тенденциям в теории образования и в педагогической практике, а их смешивание свидетельствует о значимости предложенного концепта «семиотический оптимум», генезис которого как раз и составляет переплетение разных тенденций.

Список источников

1. Горбулева М.С., Мелик-Гайказян И.В. Визуализация специфики философского мировоззрения: обнаружение семиотического оптимума в подборе иллюстративного материала для открытой лекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1. С. 143–166. doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
2. Горбулева М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. Конструирование семиотического оптимума в студенческом конспекте (на примере открытой лекции «Этика» в курсе «Философия») // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 2. С. 120–144. doi: 10.23951/2312-7899-2024-2-120-144
3. Байсултанова К.Ш., Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. Мысленный эксперимент для конструирования семиотического оптимума в аудитории (на примере занятия на тему «Этика» в курсе «Философия») // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 3. С. 37–57. doi: 10.23951/2312-7899-2024-3-37-57

4. Мелик-Гайказян И.В. Семиотика образования или «ключи» и «отмычки» к моделированию образовательных систем // Идеи и идеалы. 2014. № 4 (22), т. 1. С. 14–27.
5. Мелик-Гайказян И.В. Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75–82. doi: 10.17223/1998863X/45/8
6. Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А., Смышляева Л.Г. Исследовательская программа педагогической биоэтики в условиях неопределенности социальных сценариев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 83–90. doi: 10.17223/15617793/448/10
7. Мещерякова Т.В., Герасимова О.В. Трансформация содержания понятия «уязвимость» в условиях пандемии Covid-19 // Медицинская этика. 2020. Т. 8, № 2. С. 51–59.
8. Melik-Gaykazyan I.V., Melik-Gaykazyan M.V., Mescheryakova T.V., Sokolova N.S. The Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche // SHS Web of Conferences. EDP Sciences. 2016. Vol. 28. P. 01069.
9. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. Инициативы педагогической биоэтики // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 122–128. doi: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-122-128
10. Горбулёва М.С., Первушина Н.А. Биоэтическое измерение социального запроса на креативное образование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 278–282.
11. Николаева Е.М. Организация образовательного процесса в условиях новомедийного пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, № 2. С. 162–166. doi: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-162-166
12. Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 81–98. doi: 10.17323/1814-9545-2018-4-81-98
13. Claro M., Salinas A., Cabello-Hutt T., San Martín E., Preiss D.D., Valenzuela S., Jara I. Teaching in a Digital Environment (TIDE): Defining and measuring teachers' capacity to develop students' digital information and communication skills // Computers & Education. 2018. Vol. 121. P. 162–174. doi: 10.1016/j.compedu.2018.03.001
14. Hauck M., Kurek M. Digital literacies in teacher preparation // Language, education and technology. 2017. Vol. 3. P. 275–287. doi: 10.1007/978-3-319-02237-6_22
15. Iordache C., Mariën I., Baelden D. Developing digital skills and competences: A quick-scan analysis of 13 digital literacy models // Italian Journal of Sociology of Education. 2017. Vol. 9, № 1. P. 6–30. doi: 10.14658/pupj-ijse-2017-1-2
16. Зубкова О.С., Фахрутдинова А.В., Мухаметзянова Ф.Г., Терентьева И.В. Цифровизация университетского образовательного пространства как фактор успешности студентов – будущих педагогов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2. С. 99–107.
17. Rodrigues A.L. Digital technologies integration in teacher education: the active teacher training model // Journal of E-Learning and Knowledge Society. 2020. Vol. 16, № 3. P. 24–33. doi: 10.20368/1971-8829/1135273
18. Лучникова Е.В. Современное состояние изучения индивидуальных образовательных маршрутов // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 2. С. 46–52. doi: 10.24411/2712-827X-2020-10205
19. Тимошкина М.В., Айварова Н.Г. Индивидуальный образовательный маршрут по формированию гибких навыков в условиях высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3. С. 467–471. doi: 10.25683/VOLBI.2021.56.378
20. Чуприянова О.М. Модель проектирования индивидуальных образовательных маршрутов молодых педагогов в дополнительном образовании // Высшее образование сегодня. 2021. № 5. С. 36–40. doi: 10.25586/RNU.HET.21.05.P.36

References

1. Gorbuleva, M.S. & Melik-Haikazyan, I.V. (2024) Visualization of the specificity of the philosophical worldview: detection of semiotic optimum in the selection of illustrative material for an open lecture. *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 143–166. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
2. Gorbuleva, M.S., Melik-Haikazyan, I.V. & Pervushina, N.A. (2024) Construction of the semiotic optimum in students' notes (on the example of an open lecture on ethics in a philosophy course). *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 120–144. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2024-2-120-144

3. Baisultanova, K., Gorbuleva, M., Melik-Haikazyan, I. & Pervushina, N. (2024) A thought experiment for constructing a semiotic optimum in the classroom (based on the ethics lesson in the philosophy course). *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 37–57. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2024-3-37-57
4. Melik-Haikazyan, I.V. (2014). Semiotika obrazovaniya ili “klyuchi” i “otmychki” k modelirovaniyu obrazovatel'nykh sistem [Semiotics of education or “keys” and “lock picks” to the modelling of educational systems]. *Idey i ideal'nykh – Ideas and Ideals*. 1(4(22)). pp. 14–27.
5. Melik-Haikazyan, I.V. (2018) Diagnosis of bioethics models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 75–82. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/8
6. Melik-Haikazyan, I.V., Pervushina, N.A., & Smyshlyaeva, L.G. (2019). The research program of pedagogical bioethics in the conditions of uncertainty of social scenarios. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 83–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/10
7. Meshcheryakova, T.V. & Gerasimova, O.V. (2020) Transformation of the Content of Vulnerability in the Covid-19 Pandemic. *Meditinskaya Etika – Medical Ethics*. 2. pp. 51–59. (In Russian).
8. Melik-Haikazyan, I.V., Melik-Haikazyan, M.V., Meshcheryakova, T.V. & Sokolova, N.S. (2016) The Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche. *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*. 28. p. 01069.
9. Gorbuleva, M.S., Melik-Haikazyan, I.V. & Pervushina, N.A. (2020) Pedagogical Bioethics Initiatives. *Vyssh'ee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 29(6). pp. 122–128. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-122-128
10. Gorbuleva, M.S. & Pervushina, N.A. (2020) Bioethical measurement of social demand for creative education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 278–282. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/26
11. Nikolaeva, E.M. (2017) The Organization of Educational Process in the Conditions of New Media Environment. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 17(2). pp. 162–166. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-162-166
12. Janelli, M. (2018) E-learning in theory, practice, and research. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 81–98. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-81-98
13. Claro, M., Salinas, Á., Cabello-Hutt, T., San Martín, E., Preiss, D. D., Valenzuela, S. & Jara, I. (2018). Teaching in a Digital Environment (TIDE): Defining and measuring teachers' capacity to develop students' digital information and communication skills. *Computers & Education*. 121. pp. 162–174. DOI: 10.1016/j.compedu.2018.03.001
14. Hauck, M. & Kurek, M. (2017) Digital literacies in teacher preparation. *Language, Education and Technology*. 3. pp. 275–287. DOI: 10.1007/978-3-319-02237-6_22
15. Iordache, C., Mariën, I. & Baelden, D. (2017) Developing digital skills and competences: A quick-scan analysis of 13 digital literacy models. *Italian Journal of Sociology of Education*. 9(1). pp. 6–30. DOI: 10.14658/pupj-ijse-2017-1-2
16. Zubkova, O.S., Fahrutdinova, A.V., Mukhametsianova, F.G. & Terenteva, I.V. (2021) Digitalization of the university educational space of russian university as a factor of success of students – future teachers. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(58). pp. 99–107. (In Russian).
17. Rodrigues, A.L. (2020) Digital technologies integration in teacher education: the active teacher training model. *Journal of E-Learning and Knowledge Society*. 16(3). pp. 24–33. DOI: 10.20368/1971-8829/1135273
18. Luchnikova, E.V. (2020) The current state of the study of individual educational routes. *Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya*. 2. pp. 46–52. (In Russian). DOI: 10.24411/2712-827X-2020-10205
19. Timoshkina, M.V. & Ayvarova, N.G. (2021) Individual educational route for the formation of flexible skills in higher education. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo – Business. Education. Law*. 3. pp. 467–471. (In Russian). DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.378.
20. Chupriyanova, O.M. (2021) Model for designing individual educational routes for young teachers in additional education. *Vyssh'ee obrazovaniye segodnya*. 5. pp. 36–40. (In Russian). DOI: 10.25586/RNU.HET.21.05.P.36

Сведения об авторе:

Первушина Н.А. – научный сотрудник Научно-образовательного центра теории образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: pervushina.na@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pervushina N.A. – researcher, Research and Education Center Education Theories, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pervushina.na@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 13.12.2024*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2024. № 82

Редактор *В.Г. Лихачева*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 27.12.2024 г. Дата выхода в свет 15.01.2025 г.

Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 20,2; усл. печ. л. 26,2; уч.-изд. л. 27,6.

Тираж 50 экз. Заказ № 6190. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru